

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования**

**«Уральский государственный педагогический университет»
Исторический факультет**

**Великая Российская революция:
достижения и проблемы
научного познания и преподавания**

**Ежегодник. XXI всероссийские
историко-педагогические чтения
Часть II**

**Екатеринбург
2017**

УДК 372.893+371.64/(082)
ББК 4426.63-286.2С56

Редакционная коллегия

Г.А. Кругликова

кандидат исторических наук, доцент (главный редактор)

И.Л. Бахтина

кандидат исторических наук, доцент

З.И. Гузненко

кандидат исторических наук, профессор

В.Н. Земцов

доктор исторических наук, профессор

Великая Российская революция: достижения и проблемы научного познания и преподавания. Ежегодник. XXI всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВО «Урал.гос.пед.ун-т». Екатеринбург, 2017. Часть II. – 310 с.; табл., схемы.

В сборник включены материалы, представленные на XXI всероссийские историко-педагогические чтения, состоявшиеся на историческом факультете УрГПУ 21-24 марта 2017 г. Сборник содержит публикации, в которых рассматриваются актуальные теоретико-методологические аспекты изучения революций. Обозначены дискуссионные вопросы мировой истории в первой четверти XX в., образ революции в литературе, искусстве. Актуализированы наиболее важные проблемы изучения и преподавания Великой Российской революции в школе и ВУЗе. Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами истории, теории и методики обучения истории.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Great Russian Revolution: achievements and challenges in scientific knowledge and teaching. Yearbook. XXI All-Russian historical and pedagogical readings: Sat. scientific. Art. / FSBEI HE «Ural state pedagogical university. Yekaterinburg, 2017. Part II. - Table 310 p. : scheme.

The collection includes the papers presented at the XXI All-Russia Istoricopedagogical readings held at the History Department USPU 21-24 March 2017 The collection contains the publications that address current theoretical and methodological aspects of the study of revolutions. Marked debatable questions of world history in the first quarter of XX century., The image of the revolution in literature and the arts. Actualized the most important problems of studying and teaching the Great Russian Revolution at school and university. The publication is designed for scientists, university professors and school teachers and students with an interest in the history, theory and methodology of training historicized theory. Materials are published in author's edition.

ISBN978-5-7186-0652-2

© ФГБОУ ВО «Уральский государственный»
педагогический университет

СОДЕРЖАНИЕ Часть II.

Ананд Викрам Дели (Индия) РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРЕССА В КОНТЕКСТЕ ХОДА ИСТОРИИ СТРАНЫ.....	7
Востриков С.В. (Смоленск) К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ ЛИЧНОСТНО- СПЕЦИФИЧЕСКИХ «ОСОБЕННОСТЕЙ» НА УГЛУБЛЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА В ПРЕДДВЕРИИ 1917 г.....	10
Гаджиева Г.Ш. (Екатеринбург) ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МИЛЮКОВ О ПРИЧИНАХ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ.....	24
Гарифуллина Н.Л. (Златоуст) СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: «БЕЛЫЙ» ЗЛАТОУСТ.....	30
Елисафенко М.К., Замошанская Н.В. (Екатеринбург) У ИСТОКОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ.....	38
Елисафенко М.К. (Екатеринбург) ВОЙНА ВСЕОБУЧУ – НЕ ПРЕГРАДА (ВКЛАД ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА В СТАНОВЛЕНИЕ ВСЕОБУЧА В РЕГИОНЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ И В 1917 Г.).....	42
Кальсина А.А. (Пермь) ПЕРМСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ В ДНИ ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 Г.....	47
Клинова М.А. (Екатеринбург) ОБРАЗ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» 1930-Х ГГ.....	55
Константинов С.И. (Екатеринбург) О ПРИЧИНАХ РАДИКАЛИЗМА СОВЕТСКОГО И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА УРАЛА В 1917-1918 ГГ.....	65
Е.С. Косых Е.С. (Стерлитамак) РЕСТИТУЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКУЮ КОНЦЕССИОННУЮ ПОЛИТИКУ.....	72
Кохановский А.А. (Екатеринбург) ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ ЭСЕРОВ МАКСИМАЛИСТОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА.....	77
Кочкина А.А. (Нижний Тагил)	

ДИНАМИКА ОБРАЗОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ЕЕ ВОЖДЕЙ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (1920-1950-Е ГГ.).....	86
Коурова К.И. (Екатеринбург) СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ А.В. КОЛЧАКА, А.И. ДЕНИКИНА, Л.Г. КОРНИЛОВА): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР.....	93
Кругликова Г.А. (Екатеринбург) КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА КУЛЬТУРНЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ.....	99
Кручинин А.М. (Екатеринбург) ПЬЯНЫЙ ПОГРОМ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ 5–6 НОЯБРЯ 1917 Г.....	106
Кузьмин В.А. (Екатеринбург) «РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ» Л.Д. ТРОЦКОГО (1917 – 1918). Люхуздаев М.И. (Ноябрьск) ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ С БОЛЬШЕВИКАМИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ В 1918 ГОДУ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА ПРИМЕРЕ КАМЫШЛОВСКОГО И КУНГУРСКОГО УЕЗДОВ).....	110
Мартюшов Л.Н. (Екатеринбург) ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ.....	141
Мельников Н.Н., Липовцева И.А. (Екатеринбург) «ВРЕДИТЕЛИ» В УРАЛЬСКОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ: ПОИСК ПРИЧИН ВЫСОКОЙ АВАРИЙНОСТИ В СИСТЕМЕ «УРАЛЭНЕРГО» В 1930-Е ГГ.....	151
Мельников Н.Н., Сарапулова А.В. (Екатеринбург) РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ УРАЛА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНА ГОЭЛРО.....	155
Микитиук В.П. (Екатеринбург) ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1917–1919 ГГ.....	161
Мираситова Я.В. (Екатеринбург) ПОМОЩЬ ПЕРМСКОГО ЗЕМСТВА СЕЛЬСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	169

Никулин Д.О. (Новосибирск) ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ИНЫЕ НАРУШЕНИЯ ОФИЦЕРСТВА ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА. В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	177
Огоновская И.С. (Екатеринбург) РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И РЕВОЛЮЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ.....	185
Оганина Н.В. (Курган) ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ДО 1917 Г.....	195
Островкин Д.Л. (Екатеринбург) РЕВОЛЮЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	203
Попов М.В., Бахтина И.Л. (Екатеринбург) СВЕРДЛОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ – I РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ.....	212
Потрашков С.В. (Харьков, Украина) УКРАИНИЗАЦИЯ 34 АРМЕЙСКОГО КОРПУСА В 1917 Г.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ.....	223
Пряхин В.М. (Екатеринбург) ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА ПО ПОВОДУ.....	229
Рукоусев Е.Ю., Шумкин Г.Н. (Екатеринбург) ВОССТАНИЕ КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В АЛАПАЕВСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ В МАЕ 1916 Г.....	238
Сапон В.П. (Нижний Новгород) СОРМОВСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ НА СТРАЖЕ ИНТЕРЕСОВ ТРУДЯЩИХСЯ (1916– ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.).....	245
Семенов Л.В. (Дмитров) К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ПРОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ПО- ЛИТИКИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	254

Соколова Е.С. (Екатеринбург) О РОЛИ НАДКЛАССОВОЙ ТЕОРИИ Л. ШТЕЙНА В СТАНОВЛЕНИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ СОВЕТСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА.....	261
Сперанский П.А. (Екатеринбург) РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	268
Тихомиров Н.В. (Москва) ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ.....	274
Цысь О.П., Борисова В.В. (Нижневартовск) ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ НИЖНЕВАРТОВСКОГО КРАЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1920–1930-е гг.).....	279
Шумкина Т.Г. (Екатеринбург) НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА УРАЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	288

**СЕКЦИЯ 3. ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ.
ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ**

УДК 157.12

ББК 12.06

ГСНТИ 0072

Код ВАК 16.8

Викрам Ананд

Дели (Индия)

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРЕССА В КОНТЕКСТЕ
ХОДА ИСТОРИИ СТРАНЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, русская литература, модернизм, поэзия, Серебряный век.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы развития русской литературы на рубеже XIX и XX веков, отражения в творчестве русских писателей и поэтов этого периода революционных событий 1917 года.

Vikram Anand

New Delhi (India)

**RUSSIAN LITERATURE AND MEDIA IN THE CONTEXT
OF THE HISTORY OF THE COUNTRY**

KEY WORDS: Revolution, Russian literature, modernism, poetry, Silver Age.

ABSTRACT. This article discusses the development of Russian literature at the turn of the XIX and XX centuries, reflected in the works of Russian writers and poets of the period of the revolutionary events of 1917.

История России и Советского Союза XX века отмечена, кроме двух мировых войн, двумя беспрецедентными социально-экономическими и политическими преобразованиями, которые действительно потрясли весь мир. Первым стала Октябрьская революция 1917 г., вторым – «перестройка» 1991 г. (1. С.226). Ночь 25 октября 1917 года в Петрограде разделила мир на две системы: социалистическую и капиталистическую (2). По мнению критика, «Октябрьская революция 1917 года в России – вооруженное свержение Временного правительства и приход к власти партии большевиков, провозгласившей установление советской власти – начало ликвидации капитализма и перехода к социализму» (3).

Октябрьская революция перевернула общественную структуру, классовый строй и политические воззрения всего народа России. Полностью изменилась сущность Российской империи, которая заключалась в самодержавии и церкви. Октябрьская революция рассматривается в качестве одного из целого курса событий меняющегося XX века. Меняющегося, поскольку 300-летний период династии Романовых закончился с установлением нового социалистического строя.

Первый акт революции связывается с 25 октября, когда ВРК (военно-революционный комитет) – организация, сформированная из сторонников партии Ленина «РСДРП» (Российская социал-демократическая рабочая партия) – под руководством Троцкого начался захват административных и других ключевых мест Петрограда.

Обстоятельства для начала революции в 1917 г. вызваны многими причинами, но в первую очередь участием России в 1-й мировой войне. Однако этому предшествовали такие события, как Русско-японская война (1904 – 05), Кровавое воскресенье и начало Первой русской революции в 1905 году, формирование Думы в 1906 году. Если же обратиться к более глубокой истории, то следует назвать и восстание декабристов в 1825 году, и освобождение крепостных (или отмену крепостного права) в 1861 г., и покушение на Александра Второго в 1881 г.

Таким образом, «История всех до сих пор существовавших обществ была историей классовой борьбы» (4). Значит, восстание общества и формирование нового государства в 1917–м году стало результатом классовой борьбы. Классовая борьба между классом пролетариев, ведущих других малоквалифицированных работников и крестьян на борьбу против царизма и самодержавия, велась под руководством В.И. Ленина.

По поводу революционной борьбы Д.И. Писарев, русский публицист и литературный критик, писал, что отсутствие сознания в массе народа является большим недостатком и стремился к пропаганде в максимальных размерах, веря, что знания сами по себе такая сила, что человек, овладевший ими, неизбежно придет к признанию социально полезной и революционной деятельности, направленной против царизма и эксплуатации (5).

Нельзя было открыто, легально протестовать против самодержавия или выражать свой интерес к формированию нового социального строя в стране из-за строгих норм цензуры, введенных царским ре-

жимом. Поэтому в деле подготовки революционеров в России большую ответственность пришлось нести русской литературе, в сравнении с другими странами, в частности, в рамках интеллектуальных дискуссий. Роль русской литературы является неузвимой по отношению к образованию крестьян, а позже и пролетариата, как неотъемлемой части наступающих событий Революции.

Обращаясь к литературе на рубеже XIX – XX вв., как периода революционного движения и нового сдвига в мире идей, следует отметить, что «разные литературные школы являются на свет в силу исторических условий, отвечая определенным потребностям жизни, выражая собою определенный склад отношений в обществе» (6).

Изучение русской литературы позволяет выделить три разных временных периода, в которых наблюдается влияние разных идеологических дебатов:

- от 1830-х годов до отмены крепостного права – западники и славянофилы;

- от 1861 г. до покушения на царя в 1881 г. – народники и появление революционеров среди писателей и студентов;

- от 1890-х гг. до Октябрьской революции – формирование новых политических партий под влиянием марксистской идеологии, появление модернизма русской литературе.

Модернизм особенно повлиял на обновление русской поэзии. Черты модернизма присутствовали в разных литературных школах, таких как символизм, футуризм, имажинизм. После революции большинство вопросов, которые затрагивали или мотивировали интеллигенцию страны, внезапно потеряло свое значение, в результате чего начался процесс обновления литературной деятельности. С помощью сравнительного анализа разных работ разных авторов можно увидеть отношение их к революции и отношение читателей к их работам. Так, поэма А. Блока «Двенадцать» была встречена чрезвычайно бурно и сразу же получила две группы отзывов. Одни считали, что это осанна революции, а другие – что это проклятие революции символиста, который поддерживал целую эпоху дворянской культуры.

С. Есенин, один из известнейших и любимых поэтов XX века, считал, что революция вернет демократическую простату для фермеров, так как большинство населения страны жили в деревне. Об отношении В.В. Маяковского к революции можно судить по одним названиям его поэтических произведений: «Хорошо», «Левый марш», «Ода революции» и другим.

В 2017 году исполняется 100 лет со дня свершения Октябрьской революции. Поэтому пересмотр моделей прославления России будет неполным без обращения к такому важному компоненту, проложившему путь для развития идей о революции в стране, как «Русская литература». Роль литературы является неизбежной при строительстве существующего или существовавшего общества. Поэтому попытка выяснить влияние русской литературы и прессы на российское общество, её роль в формировании политической ориентации народа от восстания декабристов до падения династии Романовых представляется весьма актуальной.

Литература:

1. Сайни С. Образ русского человека на рубеже XX–XXI // Алексиевич С. Зачарованные Смертью. Антропологическая психология в XXI веке: проблемы и перспективы. М., 2013. 226.
2. http://www.aif.ru/dontknows/file/oktyabrskaya_revolyuciya_1917_goda_hronik_a_sobytiy (27-09-2016)
3. https://ria.ru/history_spravki/20101029/285488202.html (27-09-2016)
4. http://grachev62.narod.ru/me/me04_40a.htm
5. <http://evartist.narod.ru/text4/07.htm>
6. http://bookz.ru/authors/brusov-valerii/smisl-so_125/1-smisl-so_125.html

УДК 147.1

ББК 15.02

ГСНТИ 0072

Код ВАК 782.13

С.В. Востриков

Смоленск

К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ ЛИЧНОСТНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ «ОСОБЕННОСТЕЙ» НА УГЛУБЛЕНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА В ПРЕДДВЕРИИ 1917 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: деградация, самораспад, разложение, абсолютизм, десакрализация, воровство, магия, оккультизм, монархия, паралич власти, уроки истории.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению роли и места феномена «распутинщины» в процессе деградации, вырождения и самораспада режима абсолютистской монархии в России, а также рассмотрению ряда психополитических и личностно-субъективистских факторов, оказывающих влияние на развитие общенационального кризиса в последнее десятилетие

существования Империи; на основании проведенного анализа сформулированы конкретные рекомендации по модернизации системы государственного управления современной Российской Федерации.

S.V. Vostrikov

Smolensk

**«RASPUTINSHINA» AS APOGEE CRISIS ABSOLUTIST
REGIME IN RUSSIA AND THE PRELUDE TO 1917**

KEY WORDS: degradation, selfdistraction, decomposition, absolutism, desacralisation, theft, magic, occultism, monarchy, paralysis of power, the lessons of history.

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the role and place of the phenomenon of «rasputinshina» in the process of degradation, degeneration and absolutist regime selfdistraction of monarchy in Russia, as well as a number of psihopoliticheskikh and personality factors of the the development of a national crisis in the last decade of the Empire; on the basis of the conducted analysis formulated specific recommendations for modernizing the public administration of the modern Russian Federation.

Деградация и обвал абсолютистской монархии в России в начале XX века (6) стали следствием глубокого, затяжного системного общенационального кризиса, который развивался в конкретных психо-исторических и социоэкономических условиях, под воздействием широкой совокупности специфических объективных и субъективных факторов (1, 7). Одним из наиболее вредоносных и разрушительных факторов подобного рода в последнее десятилетие существования Империи стала «распутинщина», которая явила собой наиболее контрастное, доказательное и убедительное выражение внутреннего разложения, вырождения и «самопоражения» монархической «корпорации» и действующей под её прикрытием псевдоэлиты (24, 25).

Безотносительно к личностно-субъективному восприятию самого данного неординарного персонажа, а также его индивидуальных качеств, проникшего в царские чертоги (т.е. Г. Распутина, – полуграмотного проходимца, авантюриста, властолюбца, афериста, сектанта-хлыстовца, развратника, талантливое «комбинатора», похотливого прохвоста, экстрасенса, обладающего ярко выраженными паранормальными, провидческими и психогипнотическими способностями, – проходившего в секретном досье охранного отделения под псевдонимом «Тёмный». – Прим.авт.), неоспоримо его огромное и дестаби-

лизирующее влияние на политику всей правящей верхушки в последнее десятилетие существования абсолютистского режима (26). Если I – я Мировая война была мощным внешним катализатором процесса революционаризации Империи (33), то «распутинщина», по сути, выполняла функцию инкорпорированного в самое «сердце» Системы хаота-детонатора «терминатора», подрывающего фундаментальные основы российской государственности изнутри (22).

Комплексно-интегративный анализ позволяет выявить совокупные деструктивные последствия «распутинщины» (как психосоциального и политического феномена) и деятельности конкретного «фигуранта» (Г.Распутина) в 1906 – 1916 гг., разоблачить околонучные мифы, «привлекательные легенды» и квазипропагандистские «сказки», связанные с позднеимперскими трансформациями в России:

1. «Распутинщина» способствовала тотальной десакрализации монархии, нанесла мощнейший удар изнутри по трону, который, будучи скомпрометирован, начал рассыпаться буквально на глазах;
2. Находясь в эмиграции в Париже, А.И. Гучков в 1935 г. накануне своей кончины откровенно признался, что в Канун 1917 г. были «подорваны моральные принципы правящего сословия и верховной власти, так что их авторитет упал как никогда не было в истории России»;
3. Дискредитация и ослабление позиций Русской Православной Церкви (РПЦ);
4. Деформация и паралич функционирования госаппарата;
5. Легализация бездуховности, аморализма и безнравственности в элитарных кругах столичного «бомонда».
6. Формирование «закулисно/теневой (параллельной) структуры» управления Империей во главе с царицей и Г.Распутиным.
7. Разрушение нормальных основ кадровой политики в высших эшелонах власти: по экспертным оценкам полицейского департамента, не менее 11 правительственных министров, военачальников, чиновников высшего ранга являлись прямыми «ставленниками Распутина».

В течение десятилетия Кануна революции 1917 г. воздействие Г. Распутина (который компрометировал венценосных особ, снимал и назначал министров, губернаторов, высших военных чинов), на государственную политику Империи было огромным (13, 14): так, фигурант, владеющий по роду деятельности закрытой информацией и

хорошо знающий тайны российского «закулисья», «бодуара» и Гостиного двора, генерал Спиридович («Записки жандарма»), - конкретно засвидетельствовал, что **«фактически государством управляла бывшая императрица, а Распутин был канцлером Российской империи»**. Аналогичной точки зрения придерживался и барон Врангель: «Государством правила его (царя) жена, а ею правил Распутин». Самоудаление из Петрограда и самоизоляция императора-главковерха в Ставке в Могилеве (1915/16 гг.) только усугубили общее положение и способствовали еще большему разгулу распутищины.

Не уяснив сути этого гнусного и позорного психополитического явления данного периода, невозможно понять всего комплекса предпосылок краха монархии (11, 13). Так, в материалах Чрезвычайной Следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства приводятся письма к Г. Распутину императрицы А. Федоровны, а также великих княжон – Анастасии, Марии, Александры, Ольги (их аутентичность подтверждена свидетельствами самой дочери Распутина и фрейлины Вырубовой), которые содержат весьма «деликатные нюансы» и интимные подробности, характеризующие «нравы», воцарившиеся в чертогах последнего императора (17). Премьер В.Н. Кокорев лично информировал монарха (1912 г.) о 6 письмах царицы и её дочерей к Распутину. Данный факт был полностью подтвержден и министром внутренних дел генералом Макаровым. Для окружения императора и аристократии это не являлось секретом: так, П.А. Столыпин настоятельно требовал от Николая II удаления авантюриста из властных структур. Премьером лично был представлен царю специальный доклад, содержащий неопровержимые факты аморализма, распутства и мздоимства «блаженного Григория», который «посещает баню с женщинами» (коих «старец» ласкательно-уменьшительно именовал «барыньки»: к его «постоянному контингенту», - по докладам филеров охранного отделения, отмечавших, что Г. Распутин повсеместно «на бабах ездил» (на жаргоне «сыскарей»), - относились О.В. Лахтина, Х.М. Берладская, А.Н. Лаптинская, фрейлина Вырубова, а также княгиня О.В. Палей и баронесса В.И. фон Гильденбрандт). На что император резко возразил, что это не повод для нападков на Распутина, который де «...и там, - по словам царя, - проповедует им священное писание». После того как Столыпин покинул кабинет, Николай II бросил доклад в камин и сжег его. Отношения между императором и премьером от «прохладных» перешли в фазу

«замерзания»: действуя через царицу, Г. Распутин стремился всячески дискредитировать и опорочить наиболее самостоятельного и профессионального державника (причем безуспешно: при прямом попустительстве монарха премьер П.А.Столыпин вскоре был убит эсером и «двойным агентом» царской охраны Богровым) (5).

[Главная опасность для монархии заключалась в том, что самые фантастические и омерзительные слухи, касающиеся взаимоотношений царицы и Г.Распутина, вышли далеко за пределы императорских апартаментов и высоких правительственных кабинетов, и становились предметом постоянных обсуждений не только в высших кругах политического, экономического, финансового, военного, делового, журналистского, промышленного, духовного и стеблишмента столицы, но и расползались по «городам и весям» всех российских губерний, проникая в самые глубины народных масс (или «черни», как их презрительно именовал господствующий «политический класс»), где обретали совершенно гипертрофированные и невероятные интерпретации. – Прим. авт.]

Аналогичный сценарий повторился и при докладе монарху министра внутренних дел генерала Джунковского, который подготовил письменную записку о тлетворном поведении и похабном образе жизни «старца», а также обоснование разработки о том, что сам Распутин служит инициатором, инструментом и орудием в руках могущественного сообщества, которое заинтересовано в гибели России (21, 25). В докладе Джунковского отмечалось, что многие шаги «старца Григория» представляют угрозу национальной безопасности России. Николай II ознакомился с соображениями генерала, похвалил его за усердие, но идя на поводу у императрицы, через несколько дней снял Джунковского с должности министра внутренних дел (В материалах ЧСК, созданной после Февраля 1917 г., указывается, что многие свои аферы и мошеннические комбинации Г. Распутин проворачивал через своего секретаря Симановича (содержателя подпольных игорных притонов, спекулянта и скупщика бриллиантов), который подобрал, в частности, «удобного» министра юстиции Добровольского и «послушного» обер-прокурора Синода - Раева (сына бывшего петроградского митрополита Палладия; Раев до назначения возглавлял частные женские курсы и являлся «крупным специалистом» по брачным вопросам), а также «лояльного» банкира Рубинштейна, субсидировавшего «старца» за «оказание услуг».

Компрадорский капитал в конце XIX – начале XX в. постоянно усиливал позиции в экономике России и свое влияние на её политику. Посол Франции в Петрограде М. Палеолог записал в своем дневнике в 1916 г.: «Кучка еврейских финансистов и грязных спекулянтов, Рубинштейн, Манус и др., заключили с ним [Распутиным] союз и щедро его вознаграждают за содействие им. По их указаниям, он посылает записки министрам, в банки и разным влиятельным лицам» (22. С. 136). Британский посол Бьюкенен был убежден, что Рубинштейн связан с германской разведкой (Англичане, будучи одним из наиболее мотивированных «интересантов», самым пристальным образом отслеживали и анализировали развитие всех общественно-политических и социально-экономических процессов внутри России, и расстановку сил в её правящей верхушке. – Прим. авт.). Но зарубежные «акторы» не просто «мониторили» ход развития событий в Империи, - они целенаправленно подталкивали её к обрыву. «Психоталанты», экстрасенсорно-сексуальные «чары» и алчность Г. Распутина умело использовались высокопоставленными карьеристами, агентами влияния, лоббистами, коррупционерами, «теневыми структурами» в лице масонских лож (20), которые наводнили столицу России, - «Вальдгоф», «Общество 1886 года», «Невское собрание», «Северное сияние», «Астрея» и т. п. (их структура, функции, цели, состав хорошо описаны в капитальном труде Н.Н. Берберовой «Люди и ложи»: поэтому первое постфевральское правительство состояло сплошь из масонов, - за единственным исключением. – Прим. авт.), - ведущими системную целенаправленную деятельность по демонтажу русского государства (10) (дискредитация и подрыв позиций династии и правящего режима – старый и проверенный способ по развалу страны как таковой).

Именно масонство в условиях I Мировой войны (и фиктивной роли карликовых политпартий, число коих в России, - как и сегодня, - достигало почти 70) было способно поддерживать коммуникацию, обеспечивать координацию и синхронизацию действий с этнородственными «братствами» единомышленников не только в Западной Европе, но и по ту сторону Атлантического океана (не следует забывать, что свой трансграничный Интернационал существовал не только у марксистов и социал-демократов, но и у «международных теневиков». – Прим.авт.) (26).

Активная часть «легальной оппозиции» (в лице «Прогрессивного блока») успешно использовала в собственных целях все провалы,

некомпетентность и глупость верхушки: в известном докладе члена ГД В.А. Маклакова, представленном им депутатам Госдумы 27. 12. 1916 г. на конспиративной квартире председателя Московского биржевого комитета А.И. Коновалова, прямо говорилось о «мистическо-сексуальных извращениях», (принимающих характер психополитической патологии), которые пронизали все эшелоны правящей камарильи, включая высшую придворную иерархию. Кошмарные последствия «РАСПУТИНСТВА» (именно такой термин фигурировал в докладе. – Прим. авт.), по сути, привели к «катастрофической революции», радикальному перевороту в умах и душах русского народа.

Маклаков подчеркнул, что **никакие зловерные революционеры не могли бы проделать столько разрушительной работы, сколько сделала в последние месяцы и недели сама обезумевшая и впавшая в маразм верховная власть**: «Династия ставит на карту самое свое существование. Не разрушительными силами извне, а ужасною разрушительною работою изнутри она сокращает срок возможного, естественного своего существования на доброе столетие...». Динамика изменений в умонастроениях наиболее контрастно проявилась, по мнению Маклакова, в самых глубинных, коренных и многочисленных пластах национального социума (которому чужды были рассуждения псевдоинтеллигентских «образованцев»), т. е. русском крестьянстве: **«деревня решает проще: она в оценке происходящего употребляет одно ужасное слово – «ИЗМЕНА», предательство русского народа германцам. Вот где ужас грядущей революции» (17, 24).**

Соответствовало ли это реалиям? В каком состоянии пребывали органы госуправления на крутом повороте истории России?

Недееспособность и всеохватывающая дебилизация властных структур в этот период приняли тотальный характер. Факты говорят сами за себя: в течение двух лет, предшествовавших Февралю, сменилось 4 премьера, 5 военных министров, 4 министра внутренних дел, 4 министра сельского хозяйства, 4 министра юстиции («старец» имел самое непосредственное отношение к «чехарде» внутри высшей бюрократии. – Прим. авт.). Паралич власти и чехарда «замен» одной «серятины» на другую не приносили никакого эффекта. Процесс разложения правящего режима и самораспада Империи продолжался: «маразм крепчал» (3, 15). На рубеже 1916/17 г. подавляющее большинство депутатов ГД и лидеров «легальной оппозиции» стало публично критиковать «бездарных и никчемных министров».

Выступая в Госдуме Милюков прямо заявил, что политика правительства продиктована «либо глупостью, либо изменой».

В декабре 1916 г. была предпринята последняя отчаянная попытка осуществления верхушечного «дворцового переворота» (упреждающий замысел заговорщиков состоял в самоотречении Николая II и назначении «своего» Регента над хронически больным и недееспособным цесаревичем), который возглавили великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф. Юсупов, промышленники А. Коновалов, М. Терещенко, генералы М.Алексеев, А.Брусиллов, капитан Сухотин, поручик План (офицерский корпус русской армии откровенно ненавидел «старца». – Прим.авт.). В результате заговора Г. Распутин был ликвидирован (при активном участии агентуры спецслужб Великобритании, которая была крайне заинтересована в сохранении России в Антанте и её участии в войне с Германией. – Прим. авт.) (34). По сути, «распутинщина» стала концентрированным и наглядным проявлением, и высшей точкой длительного процесса психохисторического и этногенетического вырождения, одряхления и деградации не только абсолютистской монархии, но и всех тех слоев, групп, кланов и «тусовок», которые за ней стояли (15). Раствление нравственности правящего «политического класса» России достигло своего апогея (чем-то напоминает ситуацию на рубеже XX-XXI в. – Прим. авт.).

Раскол пронизал также саму императорскую фамилию и высшую церковную иерархию: так 10.09.1915 г. царица информировала Николая II о том, что «...перед Казанским собором от Синода было роздано 1000 портретов Николая Николаевича. Что это значит? Они замыслили совершенно иную игру». (В этой связи уместно напомнить, что «дело о хлыстовстве Г. Распутина» дважды рассматривалось РПЦ: в 1907/1908 гг. Тобольским епископом Антонием (Каржавиным) и в 1911/12 гг. епископом Гермогеном; архиепископ Антоний (Храповицкий) прямо указал, что Распутин хлыст и участвует в «радениях» и экстатических оргиях. Однако венценосное «заступничество» заблокировало расследование, а в 1912 г. МВД вообще запретило публиковать в открытой печати какие-либо материалы, касающиеся «старца», который немедля взялся перетряхивать состав Синода. – Прим.авт.) (23).

«Брожения умов», хаос, разочарование и морально-психологическая усталость от войны, утрата доверия по отношению к правящим кругам со стороны армии, отчуждение и глубо-

кий раскол внутри самой властвующей иерархии, по нашему мнению, стали решающим внутренним фактором, предопределившим грядущий обвал режима (25).

Системный психоисторический анализ позволяет опровергнуть расхожие мифы, легенды, штампы или политизированные «новотелы». Правда не зависит от того, нравится она кому-либо или нет: как справедливо подчеркивал О. де Бальзак: **«Существуют две истории: история официальная, которую преподают в школе, и история секретная, в которой скрыты истинные причины событий».** Факты свидетельствуют, что «распутинщина» не могла проявиться вне определенного историко-политического контекста: для её появления должны были сформироваться конкретные условия, социопсихологическая атмосфера, определенный фон, а также личностные факторы. На рубеже XIX-XX вв. (на фоне процесса «интернационализации/европеизации», «свободы передвижения» и «прозрачности границ») произошел морально-нравственный обвал: в Империи разразилась своеобразная «эротическая истерия» (в этот период в Россию из Франции, Германии, Америки хлынул поток «импортных бабочек», куртизанок, путан вкупе с разнообразной гламурной и порнографической литературой вроде изданий «Римский разврат», «Ночные мистерии», «Мужчины-проститутки», «Сады любви» и т.п.), которая развивалась на фоне расширения сети «публичных домов», «канканов», «кафешантанов», «комнат свиданий» и т.п. Это сочеталось с бумом оккультизма, магии, спиритизма, мистицизма, каббализма, гедонизма, марафетомании, герметики, астрологии, масонства (17, 24). Вероятно, можно вести речь о том, что на рубеже столетий Россию захлестнула третья волна того «мутного цунами», которая ранее накрыла совокупный Запад, ибо уже в викторианскую эпоху в Великобритании была легализована проституция; публичные дома, по сути, открыто функционировали в Австро-Венгрии, Франции, Нидерландах, Дании, Бельгии, (а также в несколько завуалированной форме и внутри самой Империи - на «продвинутых» территориях «с особым государственно-правовым статусом» - Финляндии, Польши, крупных портовых городах).

При попустительстве властей сформировалась самая «благоприятная» психопатологическая атмосфера для разношерстных «алхимиков», извращенцев и мистиков (ею умело пользовались всякого рода «медиумы», фальшивомонетки, провокаторы/конспираторы, аферисты, авантюристы, террористы вроде Евно Азефа, Бориса Са-

винкова, Мельникова, Гершуни, Чернова и т.п.). Известный франкмасон (член ордена мартинистов) и спирт «месье» Филипп (Низье – Вашоль) еще в 1901/1902 гг. (т.е. до «явления» Распутина) проник в царские чертоги, где проводил для великокняжеских особ «спиритические сеансы», опыты по «вызову духов», общению с «потусторонним миром» (32). Иностраный «маг-чародей» произвел огромный фурор среди «высшего света» (спиритические «сеансы» и «опыты» широко растиражировались в великосветских столичных салонах) и экзальтированных венценосных персон. Его учителем был Верховный магистр масонской ложи Франции Ж. Папюс, который в своих «Письмах к Седиру» (1894) отмечал: «Вместилище западного Посвящения носило на протяжении истории три имени: гностики, тамплиеры и розенкрейцеры» (2). Смыслосодержательная суть сей доктрины многомерна, полифонична и глобальна. Для специалистов по скрытым технологиям генерирования конфликтов, инспирирования первопричин I-й и II-й Мировых войн, межрелигиозных противостояний, понятны теневые и «закулисные» причины глобальных международных катаклизмов. В их основе лежит противоречие не только социоэкономического характера, но и патологическая склонность к единоличной гегемонии, непомерная алчность, шизоидное стремление к подавлению всякой свободы, к подчинению миллионов людей своей абсолютистской власти, сохранению собственного господства любой ценой, независимо от духовно-нравственного и морального состояния социума (14, 24).

Факты, как известно, упрямая вещь. Падение нравов внутри членов императорской фамилии (в широком масштабе) и высшей аристократии в начале XX в. получило невиданный размах, что выразилось во внебрачных «контактах», «перекрестных связях», «междусобойчиках», адюльтере, супружеских изменах, любовных «утехах», скандалах, разводах, сплетнях, сексуальной распущенности, «чужебесии» (по Ю. Крижаничу), банальной проституции (30). Компрадорствующий питерский «бомонд» примитивно дичал, динамично и успешно разлагаясь (причем происходило это на фоне тяжелых кровопролитных войн, которые Россия вела сначала с Японией, а затем с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: следует иметь в виду, что союзниками по «Антанте» России отводилась совершенно определенная функция – поставщика пушечного мяса): за блестящей ширмой роскошных столичных салонов, гостиных и бодуаров (где пре-

давалась оргиям и самораспаду «элиты»), скрывались обыкновенная грязь, разврат и предательство (7, 15).

Очевидно, что неадекватный последний император и его истероидная супруга были предрасположены к экзотическим «фантазмагориям» и «экстравагантностям» (26), поэтому «мистическо-религиозные чудеса» расплодившихся «странников», «прорицателей», «магов» (а также многочисленных «колдунов» и шарлатанов) из всякого рода тоталитарных сект («христоверов», «скопцов», «духоборов», «хлыстов») и теневой сетевой паутины «гармонично» проецировались на эгоцентризм, казнокрадство и мракобесиевластвующим псевдоэлит (3, 15). В этих условиях хитрый и лукавый «старец», обладающий гипнотическими способностями (реальными), вполне органично «вписался» в венценосный антураж. Деструктивно-коррупцированный сегмент «высшего света» и Г.Распутин удачно взаимодополняли друг друга. Ядовитые корни дали ядовитые всходы.

Императорская фамилия (а вместе с ней и Государство российское) со своим безнадежно больным «престолонаследником» оказались в полной зависимости от «целителя» и его необузданных психопатологических прихотей и комплексов (14,22). Исследуя подобные переломные этапы в развитии человечества, знаменитый берлинский психоаналитик профессор Отто Прокоп отмечал: «Когда на изломах истории вчерашнее незыблемое и вечное вдруг рушится, становится зыбким и ненадежным, когда резко поляризуются интересы, тогда же резко возрастает количество конфликтов, увеличивается число жертв. И самое страшное, что миллионы эмоционально, истерически настроенных людей становятся беспомощной массой, которая не знает, как приноровиться к новой ситуации. **Вот тогда и возникает опасность, что политики начнут действовать, как уголовники, а уголовники легко могут стать политиками. В этих же условиях и душевнобольные, психически неуравновешенные личности могут быть возведены толпой в ранг политиков» (18. С.31).**

«Распутинщина» раскрывает изнанку предреволюционной атмосферы (25) - атмосферы массового психоза, аморализма и политшизофрении, которая утвердилась в широких кругах «высшего света»: зловещая Смута надвигалась на Россию как турбулентная, мрачная и непредсказуемая «мгла», а её эпицентром являлся – не первый раз в нашей драматичной Истории – сам бездарный и никчемный правя-

ший слой (9,10). История свидетельствует, что гибель и Вавилона, и Рима, и крупнейших империй Нового времени (23,27) начиналась с духовного разложения и падения верхушки. Разврат, интриги, антигосударственная разрушительная деятельность последнего временщика/последнего императора стали мощным внутренним катализатором и детонатором в заключительной фазе длительного и всеохватывающего общенационального кризиса, который развивался в стране более полутора веков: постфактум, много лет спустя после исчезновения монархии в России великая княгиня Ольга Александровна сделала горестное и откровенное признание: «Нет никакого сомнения в том, что **распаду Российской Империи способствовало последнее поколение Романовых** (если абстрагироваться от мифотворчества и официозной демагогии, то строго научный анализ родословной постпетровских правителей показывает, что никакого отношения к Романовской династии они в реальности не имели: социальная мимикрия и манипулятивные технологии не могут скрыть неопровержимых фактов: так, общеизвестно, что настоящим именем последней царицы является «Алиса Гессен-Дармштадтская»; сами же методики, призванные «навести макияж» на «чужеродное лицо» и попытки сформировать псевдорусский «декор» иноземцев, которые преобладали на императорском престоле, задействовались и другими импортными монархическими «кликами» (по определению филолога и компаративиста князя Трубецкого); на деле имел место **акт подмены**: 5.01.1762 г. после смерти Елизаветы Петровны ветвь рода Романовых пресеклась и российский престол перешёл к Гольштейн-Готторпской династии, - по всем генеалогическим канонам, - именно представители этой корпорации («голштынцы-готторпы») правили в России до 1917 г. Схожая ситуация имела место быть до 1911 г. и в Китае, где власть на протяжении трех столетий узурпировало антинациональное манчжурское меньшинство.– Прим. авт.). Все эти роковые годы Романовы, которым следовало бы являть собой самых стойких и верных защитников Престола, не отвечали нормам морали и не придерживались семейных традиций...» (17). К аналогичному умозаключению приходит и Н. Бердяев: «Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. **Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России. Монархия в России сама пала, её никто не защищал, она не имела сторонников**» (4. С.190).

Учитывая крайне персонифицированный характер политики в России (6,9), для неё и в настоящее время сверхактуальной задачей является построение «дуракоустойчивой системы» властвования (специалисты хорошо знают, что в сложных технических системах существует «система защиты от дурака». – Прим.авт.), которая бы балансировала и уравнивала **«личный субъективизм» (8)**. Отечественная политическая практика убедительно доказывает, что если во главе государства стоит дальновидный, мудрый и сильный правитель, то Россия благоденствует и продвигается вперед. Если же в Кремле оказывается самозванец, «подкаблучник» или марионетка-пьяница, то это влечет самые пагубные последствия или ведет к национальной катастрофе (как это бывало в смутные времена) (10, 19). Нужно знать и понимать свое прошлое, ибо, как выражался Наполеон: «Голова без памяти – как крепость без гарнизона».

Выдающийся русский историк В.О.Ключевский, будучи современником реально происходящих процессов, с тревогой наблюдал еще в самом начале минувшего века за нарастанием «новой Смуты» и вывел две максимы, предопределяющие логику всего дальнейшего что произошло с Россией в XX в.:

- «Закономерность исторических явлений обратно пропорциональна их духовности»;
- «Хотеть быть чем-то другим, а не самим собой, значит хотеть стать ничем».

Мыслитель особо подчеркнул: «История народа, научно воспроизведенная, становится приходе-расходной его книгой, по которой подсчитываются недочеты и передержки его прошлого. Прямое дело ближайшего будущего – сократить передержки и пополнить недоимки, восстановить равновесие народных задач и средств. Здесь историческое изучение своими конечными выводами подходит вплоть к практическим потребностям текущей минуты, требующей от каждого из нас, от каждого русского человека отчетливого понимания накопленных народом средств и допущенных или вынужденных недостатков своего исторического воспитания. Нам, русским, понимать это нужнее, чем кому-либо» (16. С.31).

Россия не должна быть заложником персоналистских качеств, прихотей и склонностей того или иного фигуранта или «свиты, которая делает короля» (3, 15). Самоподстраховка, предохранение от рецидивов политической «распутинщины» напрямую связано с обес-

печением национальной безопасности Российской Федерации (8, 19): на сегодняшний день эта проблема не решена. В данном контексте важно отдавать себе отчет в том, что будущее невозможно построить без объективного и непредвзятого осмысления своего прошлого, включая и его самые неприглядные стороны.

Литература:

1. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.
2. Амбелен Р. Драмы и секреты истории. Пер. с франц. М.: Изд-во «Прогресс-Академия», 1992. 304 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Изд-во «Советский писатель», 1990. 346 с.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: 1990.
5. Бок М.П. П.А.Столыпин. Воспоминания о моем отце. М., 1992.
6. Боханов А.Н. Сумерки монархии. М., 1993.
7. Востриков С.В. Как Российская империя шла к 1917 году (к 100-летию Великой Русской революции). Смоленск: СОУБ, 2017. 140 с.
8. Востриков С.В.[и др.]. Суверенитет России и проблемы его сохранения в меняющемся мире. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2016. 318 с.
9. Востриков С.В. Властедержатели России. Смоленск: Маджента, 2007. 288 с.
10. Востриков С.В. «Смутное сознание» как проявление русского катастрофизма. Смоленск: Изд-во «Шеремет», 2004. 21 с.;
11. Григорий Распутин. Сборник исторических материалов в 4-х томах. М.: Терра, 1997. Т.1.
12. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. М., 2001.
13. Джанумова Е. Мои встречи с Г.Распутиным //Современные записки. Т.14 (1923).
14. Евреинов Н.Н. Тайна Распутина: Репринтное издание. Ленинград: Былое, 1924.
15. Карачебский Н.П. Что глаза мои видели //Февральская революция. Мемуары. М.-Л., 1925.
16. Ключевский В.О. Тетрадь с афоризмами. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 432 с.
17. Колоницкий Б.И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы первой мировой войны) //РГНА. Ф1412. Оп.16Д. 103 Л.2.
18. Кубеев М. Его пациент – история //Эхо планеты. №49(244). 1992.
19. Лужков Ю.М. Тайна Гостиного Двора. М.:ОЛМА Медиа Групп, 2006. 222 с.
20. Николаевский Б. Русские масоны в начале XX в. //Грани. 1989. №153.

21. Официальная справка о Распутине // Русское прошлое. СПб., 1996. №6.
22. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.: Пд.: ГИЗ, 1923.
23. Первая мировая война в судьбах европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М., 2014.
24. Распутин и церковь // «Глаголь». №2 (48). 2000.
25. Россия и Европа в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны / под ред. В.А. Золотарева. М., 2014.
26. Савич Н. Воспоминания // Канун 1917-го : «Распутинщина» и закат монархии // Грани. 1983. №129.
27. Селиверстов Д.М. Идеологическая война в Европе в 1914 – 1918 гг. // Studia internationalia: Материалы III международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.» 2-4 июля 2014 г. Брянск: ООО «Ладомир», 2014.
28. Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.
29. Стюарт К. Тайны дома Крю. Москва-Ленинград, 1928.
30. Тайны Царского двора и Гришка Распутин. М., 1917.
31. Тайна Дома Романовых. Вып. 1. Пг., 1917.
32. Фрид С. Спиритические сеансы у Николая II // Биржевые ведомости. №16125. Пг., 8.03.1917.
33. Хейстингс Г. Первая мировая война. Катастрофа 1914 года / Пер. с англ. М., 2014.
34. Юсупов Ф. Конец Распутина. Ленинград: СП «СМАРТ», 1991.

УДК 147.3

ББК 19.17

ГСНТИ 198.3

Код ВАК 97.67

Г.Ш. Гаджиева

Екатеринбург

**ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МИЛЮКОВ О ПРИЧИНАХ
РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Милюков, революция, концепция, причины

АННОТАЦИЯ. П.Н. Милюков - историк, видный общественный деятель России начала XX века. Активно участвовал в революции 1917 года. После революции вернулся к научной работе. Анализировал произошедшие в стране события, делал политические выводы. Его труды важны для изучения революции 1917 года в России.

G.S. Gadzhieva

Yekaterinburg

**PAVEL NIKOLAEVICH MILYUKOV ABOUT
THE CAUSES OF THE 1917 REVOLUTION IN RUSSIA**

KEY WORDS: Russia, Milyukov, revolution, the concept, the causes

ABSTRACT. P.N. Milyukov, historian, prominent public figure of Russia in the early XX century. Actively participated in the revolution of 1917. After the revolution he returned to scientific work. Analyzed occurred in the country, doing political conclusions. His writings are important to study the 1917 revolution in Russia.

История революции 1917 года в России всегда интересовала отечественных исследователей. В канун 100-летия она снова стала предметом острых дискуссий. Созданные в советский период старые схемы и концепции существенно расшатаны, а современные подходы противоречивы.

Для создания объективной истории необходимо детальное изучение источников. Одним из источников по истории революции 1917 года являются воспоминания непосредственных участников тех событий. Одной из ярких фигур того периода является Павел Николаевич Миллюков. Он соединяет в своем лице блестящего историка, крупного политика и публициста.

Работы П.Н. Миллюкова - это анализ произошедших событий, определенные политические выводы. Непосредственно истории революции 1917 года П.Н.Миллюков посвятил труды: «История второй русской революции» (1919), «Россия на переломе. Большевистский период русской революции»(1927), «Воспоминания» (1955). Для понимания происходивших событий необходимо изучить публицистику: «Год борьбы. Публицистические хроники» (1907).

Работы П.Н. Миллюкова, посвященные революции 1917 года, это не мемуары непосредственного участника событий. П.Н. Миллюков как исследователь использовал различные методы, в том числе дедуктивный, индуктивный, статистический, сравнительно-исторический и другие.

Раскрывая революцию как объективный и во многом неизбежный результат всего предшествующего развития, П.Н. Миллюков дает интересное социологическое обобщение условий, при которых возможна революция.

В «Истории второй русской революции» автор выделил ряд причин революции, которые позже получили более глубокое историческое обоснование в «России на переломе». К причинам автор относил: слабость российской государственности, преобладание в стране анархических элементов, слабость верхних социальных слоев, максимализм русской интеллигенции, сепаратистские стремления интеллигентских вождей национальных меньшинств, инстинкт самосохранения старого режима и его защитников, первая мировая война, сложное экономическое положение страны.

Милюков, анализируя причины революции, отметил, что «основная черта, проявленная нашим революционным процессом, составляющая и основную причину его печального исхода, есть слабость русской государственности и преобладание в стране безгосударственных и анархических элементов» (1. С.11-12). К таким выводам историк пришел, проанализировав процесс происхождения русского государства, а также методов и причин его дальнейшего исторического роста, прослеженного в работах «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», «Очерки по истории русской культуры».

П.Н. Милюков отмечал характерную для России запоздалость исторического процесса, берущую начало еще в доисторической эпохе и обращал внимание на закономерность изменения характера создания государственных форм в зависимости от географического положения страны, ее экономического и социального строя, что позволило ему в «России на переломе» построить определенную последовательность: характерные для всех народов процессы эволюции государственных учреждений, наблюдаемые во Франции в V-VII вв., в Германии в IX- XI вв., а в России лишь с XIV в. (4. С.29-30).

На Западе государство развивалось из примитивной стадии племенной жизни через промежуточную ступень феодальной аристократии, то есть снизу вверх. А на бескрайних равнинах России социальное расслоение внутри племен еще не успело достаточно проявиться, как уже появилась потребность в государстве. В итоге, заключал П.Н. Милюков: «За отсутствием внутренних элементов местной, национальной государственности государственные учреждения здесь просто были наложены сверху, над учреждениями племенными» (4. С.30).

Политическое развитие и процесс расширения государства постоянно опережал экономическое развитие страны, что во многом

обусловило неразвитость и примитивность системы управления. Все это привело к тому, что в течение столетий государственная власть оставалась в России иностранным пришельцем, которому следовало оказывать послушание только в меру получаемой от него пользы. Народ не хотел отождествлять себя с государством и продолжал жить независимо от него. Хроническое доминирование политического роста над экономическим создавало объективную необходимость прибегать к силе, так как власть постоянно вынуждена была вымогать от своих малосостоятельных подданных больше, чем они могли дать. «При этом тяжесть поддержки даже и существующих государственных учреждений оказывалась так велика, что население отнюдь не обнаруживало склонности менять традиционное пассивное повиновение власти, вооруженной высшими атрибутами силы, на готовность подчиняться добровольно государству, созданному при собственном участии» (4. С.32).

Особенности возникновения и развития российской государственности, фактическое отсутствие третьего сословия, позднее развитие общественной жизни создавало у государства иллюзию, что судьба страны находится полностью в его руках, породившую гипертрофированное сознание своей мощи, отсутствие мобильности государственности, хроническую неспособность вовремя моделировать новые противоречия. Изолированность государственных сановников от общества привела к тому, что российское самодержавие было не в состоянии вовремя улавливать и объективно оценивать новые настроения, охватывающие общество, поэтому реформы в России проводились всегда с отчетливым опозданием. Это и обусловило слабость русской государственности как одну из причин революции.

Вторая причина революции – «слабость верхних социальных слоев...», «полное почти отсутствие «буржуазии» в истинном смысле этого слова, ее политическое бессилие...» (7. С. 32) - также напрямую связана с концепцией исторического развития России. Отсутствие развитой феодальной верхушки, не успевшей органически выработаться в процессе исторической эволюции, позволило государству поставить общество в прямую от себя зависимость, выродившуюся на практике в закрепощение сословий.

Таким образом, дворянство в России, искусственно созданное властью для государственных нужд и сохранившее черты «служилого» класса, не являлось самостоятельной силой, с которой вынуждено

было бы считаться государство, и не могло сыграть роль серьезной оппозиции.

Городскому населению тоже была присуща аморфность: раньше, чем город стал нужен населению, он понадобился власти. Поэтому и буржуазия не могла создать оппозицию правительству. К ней в полной мере относится теория закрепощения сословий. Слабое гражданское общество обусловило и специфику общественной борьбы, а точнее, почти полное ее отсутствие.

Третья причина революции, по П.Н.Милюкову, - «идейная беспомощность и утопичность стремлений», «максимализм русской интеллигенции», проистекавший из исторически сложившейся «слабости интеллектуального сцепления между социальным верхом и низом русского общества» (4. С.34).

Появление в России интеллигенции П.Н.Милюков относил ко времени Петра I. Именно с этого периода в России появились школа и культурная среда – необходимые предпосылки формирования постоянной идеологии, позволяющие открыть историю российского общественного мнения. П.Н. Милюков насчитывал в русской истории восемь поколений интеллигенции. Характеризуя каждое, он отмечал главную особенность российской интеллигенции – оторванность ее от народа. Причины исторически сложившегося отчуждения интеллигенции и народа историк подробно исследовал еще в «Очерках по истории русской культуры».

«Последствия такого отчуждения, - писал П.Н.Милюков, - сказались в постепенном усилении абстрактного образа мыслей...В свою политику интеллигенция поэтому внесла черту, которая отличала ее до самой последней революции: интеллектуальный максимализм» (4. С.36).

Следующую причину историк видел в сепаратистских стремлениях интеллигентских вождей национальных меньшинств. Отмечая первоначальное благосклонное отношение власти к национальным культурам вновь присоединенных народов, П.Н.Милюков прослеживал и процесс постепенного изменения этой политики, произошедшей в значительной степени под влиянием националистически настроенной части русской интеллигенции. Политика подавления национальных особенностей, проводимая самодержавием, возмущала национальные чувства и вызывала сильнейшие вспышки национализма.

П.Н. Милюков считал, что перечисленные выше причины не могут быть единственным объяснением русской революции. Поэтому он

выделил дополнительные факторы, которые сделали революцию неизбежной.

Один из них – «бессознательность и темнота русской народной массы, которые собственно и сделали утопичным применение к нашей действительности даже таких идей, которые являются вполне современными» (1. С.14). Считая народные массы пассивным объектом интеллигентских утопий, историк отмечал их явную склонность к восприятию пропаганды демагогических ярких лозунгов. Признавая возможность широкого распространения общественного сознания в массе, П.Н.Милоков пришел к выводу: «путь, которым можно прийти к замене стихийного исторического процесса сознательным может быть только один: постепенная замена общественно-целесообразных поступков отдельных личностей – общественно-целесообразным поведением массы» (2. С.18).

Вторым фактором историк считал «инстинкт самосохранения старого режима и его защитников» (1.С.17). Было очевидно, что старая патриархальная монархия отходит в прошлое. «В тех современных государствах, где монархия еще сохранилась, монархическая власть давно отказалась от претензии на божественное происхождение и от права стоять выше народной воли, выраженной законными представителями народа» (3. С.9). Русская монархия пропустила все сроки для мирного превращения в парламентскую монархию. Самодержавие, считал историк, не захотело и не смогло превратиться из личной хозяйственной власти в институт государственного права. Упорное сопротивление властей переменам разделило страну на два лагеря – Россию официальную и всю остальную Россию. Опыт первой русской революции показывал, что государство не выдержит внешнего или внутреннего сопротивления и развалится, как наспех сколоченный воз от первого толчка.

Таким толчком для России стала Первая мировая война. Главную опасность историк видел во влиянии войны на народную психологию, так как война развивает у людей качества неприемлемые для нормальной жизни. Расширение сферы государственной монополии, инфляция, расцвет спекуляции, проблемы транспорта – все эти явления, вызванные войной, продемонстрировали полное бессилие власти. Это сделало революцию неизбежной.

К анализу причин русской революции П.Н.Милоков подходил преимущественно как историк: его концепция своей полнотой, научной обоснованностью и комплексным охватом проблем выгодно от-

личается от современных ему теорий. Работы П.Н.Милюкова по истории революции 1917 года тесно связаны и опираются на его исторические исследования дореволюционного периода. Историческое мировоззрение не пострадало под влиянием революционных событий. Концепция русского исторического процесса, сформулированная им в «Очерках по истории русской культуры», не является чем-то искусственным, а оказалась вполне жизнеспособной в условиях начала XX века.

Представления П.Н.Милюкова об историческом процессе явились методологическим рычагом в его осмыслении русской революции. Автор реализовал в полной мере принцип историзма.: анализируя революцию 1917 года, он не ограничился указанием причин, а проследил истоки и закономерность их формирования в глубине веков. В результате революция предстала как процесс подготовленный всей предшествующей историей страны и, следовательно, закономерный.

Источники:

1. Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Т.1. Вып.1. 867 с.
2. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб, 1896. Т.1. 237 с.
3. Милюков П.Н. Республика или монархия. Париж, 1929. 31с.
4. Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т.1. 400 с.

УДК 12.06

ББК 225.12

ГСНТИ 0076

Код ВАК 19.31

Н.Л. Гарифуллина

Златоуст

**СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
«БЕЛЫЙ» ЗЛАТОУСТ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Златоустовский завод, гражданская война, производство оружия, белочехи, верховный правитель, региональная история.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается возможность использования краеведческого материала на уроках истории при изучении событий Гражданской войны в России. Статья содержит информацию о событиях в жизни населения города Златоуст в период 1918-1919 гг. Представлена информация о кратком визите в Златоуст верховного правителя адмирала А.В. Колчак.

Материал статьи можно использовать при проведении уроков истории для старшеклассников или студентов техникумов.

N.L. Garifullina

Zlatoust

**A PAGE FROM RUSSIAN CIVIL WAR HISTORY:
«WHITE» ZLATOUST**

KEY WORDS: Zlatoust plant, Russian Civil war, arms production, The Czechoslovak legion, supreme ruler, region history.

ABSTRACT. Article presents the possibility of using regional history material during history lessons while learning about the events of Russian Civil war. Information about events in Zlatoust citizens' life between 1918 and 1919 and about short visit of supreme ruler Alexander Kolchak in town is given. The article can be used during history lessons for high school students or students of technical schools.

Южному Уралу принадлежит очень важное место в истории Гражданской войны в России. Он стал одним из тех регионов, где сопротивление большевизму было наиболее упорным и проявилось во всем многообразии форм. Здесь сформировался Восточный фронт, временами игравший ключевую роль в развитии военных событий.

Великая Октябрьская социалистическая революция принесла рабочим уральского города Златоуст митинги, свободу, лозунги, а потом тяжелейшее испытание в виде гражданской войны. В городе в указанный период проживало 52611 человек, на Златоустовском заводе работало 10373 человека (4. С.119). В 1917 г. из-за нестабильной политической обстановки в стране производительность труда резко снизилась. Большевикам в условиях гражданской войны было не до производства. В начале 1918 г., после заключения мира с Германией, производство военной продукции на Златоустовском заводе было прекращено, а численность работающих сократилась до 8 тысяч человек.

25 июня 1918 г. красные оставили Златоуст, и в него вступили подразделения Чехословацкого корпуса. Из города на станцию отправилась многочисленная депутация с оркестром и знаменами для приветствия своих освободителей – белочехов. Чествование проходило на площадке напротив паровозного депо станции Златоуст при большом стечении народа. Делегация вручила белочехам в знак благодар-

ности за освобождение города от власти комиссаров хлеб и соль (8. С.31).

На следующий день после занятия города и станции, на городской площади состоялся грандиозный митинг, созданный Временным революционным комитетом. Начальником гарнизона Златоуста был назначен бывший военный приёмщик оружейной фабрики полковник Б.В. Алексеев, а несколько позже была восстановлена Городская дума. В городе начал формироваться Златоустовский добровольческий батальон, ставший позднее 22-м Златоустовским полком горных стрелков и вошедший в состав 6-й Уральской дивизии (2. С.132). Временный революционный комитет назначил Следственную комиссию и, начиная с 26 июня, в местную тюрьму уже приводили бывших красноармейцев, членов большевистской партии и им сочувствующих. Арестованных было много: сказывалась внезапная эвакуация, да и просто пренебрежение большевистского руководства судьбой рядовых членов партии и красноармейцев. В числе арестованных большевиков оказался и машинист Г. Д. Шипицын, который 27 мая вывел штабной вагон 1-го Яна Гуса чешского полка в выемку под пули красногвардейской цепи (4. С.235).

3 июля 1918 г. вышел первый номер общественно-политической газеты «Златоустовский вестник» (4. С.138) под лозунгом «Да Здравствует Учредительное Собрание!» На первой полосе газеты было опубликовано объявление: «Доводится до сведения, что Станционный посёлок, как и город, объявляется на военном положении, а потому ношение оружия не при исполнении служебных обязанностей и без установленного разрешения не допускается. Комендант г. Златоуста Алексеев. 29 июня 1918 г.»

Несмотря на смену власти, Златоустовский завод действовал, более того, с приходом белых он мог рассчитывать на возобновление заказов. Основные усилия были направлены на выпуск продукции для нужд фронта и железнодорожного транспорта, выполнение мобилизационных заданий военного командования. Горный начальник Г.И. Бострем получил распоряжение: «Выделка снарядов и холодного оружия для Сибирского правительства крайне необходима...» До конца 1918 года оружейная фабрика поставила Белой армии 58 тысяч снарядов, 12 тысяч драгунских шашек и свыше 13 тысяч кинжалов-бебут. Одновременно выпускались шанцевый, режущий и мерительный инструменты, плуги, веялки и молотилки (6. С.84). На оружии, изготовлявшемся в годы гражданской войны с 1918 г. по 1919 г. для

армии адмирала Колчака, клейма ставились в соответствии с правилами, принятыми до 1917 года.

1919 год город встретил в качестве центра Златоустовского горного округа, находясь в ближнем тылу красно-белого фронта гражданской войны. Фронт проходил восточнее Уфы. 12 февраля 1919 года в 7 часов утра по Петроградскому времени на вокзал прибыл поезд чрезвычайной важности...» (5. С.452). Златоуст посетил адмирал А.В. Колчак. Оправившись от болезни 29 января 1919 года и войдя в курс дела, Верховный правитель адмирал Колчак 8 февраля выехал на фронт. Он посетил Златоуст, Троицк, Челябинск, Екатеринбург, Пермь. Правительственный поезд адмирала Колчака состоял из нескольких вагонов, оборудованных кухней, ванной. В вагонах размещались ресторан, сопровождавшие Колчака лица, охрана, штаб, походная канцелярия; транспортировались представительские автомобили. В таком поезде во время поездки Верховный Правитель России А.В. Колчак жил, работал, принимал руководителей военного и гражданских ведомств. Кроме собственного конвоя, охрану поезда несли 18 солдат английской и французской армий. Английской охраной командовал капитан Беренс, а французской – капитан Летелей. Верховного правителя адмирала А.В.Колчака сопровождала свита в составе 22-х чиновников, в том числе: директор канцелярии Верховного правителя генерал-майор А.А. Мартьянов, начальник походного штаба генерального штаба полковник Д.М. Супрунович, товарищ министра продовольствия Мельников, чиновник особых поручений при Верховном правителе Н.А. Самойлов, главный полевой казначей Кислицын, представитель министерства иностранных дел И.Г. Лорис-Меликов, представитель военного ведомства капитан Белов, представитель морского министерства Робуш, журналист С.А. Ауслендер и др.(3. С.102–111).

Программа визита А.В.Колчака в Златоусте не была такой длительной и обширной, как в Перми или Челябинске. Она включала в себя: прием рапорта начальника гарнизона на городском вокзале; беседу в вагоне верховного правителя с приглашенными представителями земств и городских самоуправлений; поездку в город (посещение завода, осмотр войск, беседа с военными; вечером присутствие на даваемом в его честь обеде). Верховный Правитель осмотрел производство холодного оружия и остался доволен. В разговоре с Колчаком рабочие с удивлением обнаруживали, что он основательно знает заводскую жизнь, условия производства, технику. Александр Василь-

евич отметил удовлетворительную работу завода и обещал свою поддержку «всем, кто упорным трудом облегчает тяжелую работу армии и помогает возрождению Родины» (1. С.125). А.В. Колчак сделал руководству завода личный заказ на палаши и кортики. Контролировали исполнение заказа ротмистр Князев и поручик Матвеев. В мае служащий завода М.Д. Денисов отвёз подарки в Омск, в ставку верховного правителя.

14 февраля на Златоустовском заводе и в городе были вывешены объявления о результатах визита. В них писалось: «Верховный Правитель России адмирал Колчак во время своего посещения 12-го февраля с.г. Златоустовского завода подробно ознакомился с его деятельностью... Убедившись в непрерывном росте производительности во время войны, а также в том, что во время почти полного разрушения русской промышленности, заводы округа сумели не только сохранить существовавшие раньше производства, но и установили новые, приказал мне благодарить всех тружеников заводского дела за их работу... Горный начальник БОСТРЕМ» (7. С.119). К нашему сожалению, фотосъемка во время визита не производилась.

Походный штаб адмирала А.В. Колчака базировался в Златоусте три дня. 13 февраля Колчак был в районе Аша – Балашовский завод на боевых позициях войск. 14 февраля адмирал издал в Златоусте по итогам инспекционной поездки приказ № 106, в котором говорилось: «С 10 по 14 февраля объезжал фронт Западной Армии...» (5. С.452)

Город жил по режиму военного времени. В Управление Военского Начальника постоянно представлялись списки мужчин в возрасте от 18 до 43 лет. Велась активная переписка о предоставлении отсрочек от мобилизации рабочим, занятым на исполнении оборонных заказов. Для заводских рабочих и их семей действовала карточная продуктовая система. 27 января 1919 года производилась выдача муки за наличный расчет по 10 фунтов (1 фунт = 410 гр.) на члена семьи. Норма выдачи муки в месяц равнялась 30-ти фунтам на каждого едока старше 12 лет, и 20-ти фунтам на едока младше этого возраста. Масло – по 1-му фунту на едока. Завод принимал все меры к тому, чтобы обеспечить по мере возможности рабочих и служащих и другими продуктами (картофелем, мясом, крупой). Несмотря на военное положение, рабочим предоставлялись дополнительные выходные дни на религиозные праздники, первое мая, весенние полевые работы.

В период сохранения в городе власти белых производство на Златоустовском заводе не останавливалось. В феврале 1919 г. Златоустовский завод изготовил 162 наименования изделий для нужд Белой армии, из них: 36170 слитков мартеновских стальных, 4276 отливок чугунных, 42008 лопат, 4315 подков, 1 000 пик кавалерийских, 108 шашек офицерских, 1110 шашек драгунских, 402 шашек казачьих, 6538 снарядов и фугасных бомб (7. С. 120).

В городе активно действовала белогвардейская контрразведка. На предприятиях, в учреждениях и организациях выявлялись сочувствующие Советской власти лица, которых немедленно увольняли. В середине мая была раскрыта подпольная большевистская организация, арестовано 95 человек. 30 июня 1919 года часть из них расстреляли в районе Пушкинского поселка. Сегодня в городском парке стоит памятник на месте их братской могилы, а в городском архиве хранится список белогвардейцев, служивших в Златоустовской контрразведке, составленный томскими чекистами.

Златоуст находился в прифронтовой полосе. В городе и его окрестностях дислоцировались 21-й Челябинский, 22-й Златоустовский Горных Стрелков полки в составе 6-й Уральской Дивизии Горных Стрелков 3-го Уральского Армейского корпуса, 6-й Кадровый полк 3-й Уральской кадровой бригады Западной армии и Уральская отдельная легкая батарея, сформированная из учащихся города (8. С.44). В конце февраля 1919 года началась переброска воинских частей Белой армии из района Сатки и Сулеи по Бирскому тракту на фронт для весеннего наступления, для чего был привлечён гужевой транспорт с рудников.

В мае 1919 г. обстановка на фронте резко изменилась. Стратегическую инициативу перехватили красные. Белые стали отступать. Фронт приближался к Златоусту. 24 июня 1919 года войска Красной армии (командующий М.Н. Тухачевский) начали Златоустовскую наступательную операцию (4. С.137) с целью захвата промышленных районов Южного Урала. Им противостояла Западная армия белых (командующий генерал-лейтенант К.В. Сахаров). Силы противостоящих сторон были почти равны, а по количеству артиллерии совпали – по 93 орудия с каждой стороны. Основные силы красных (26-я и 27-я стрелковые дивизии) скрытно и быстро продвинулись по долинам рек Юрюзань, Ай и Бирскому тракту. 2 июля 1919 года в Бердяуш, в штаб Западной армии, прибыл адмирал А.В. Колчак

с группой высших офицеров. Всю ночь они готовили планы обороны Златоуста и Уральского хребта.

Решающие и ожесточенные бои за Златоуст разгорелись 10–12 июля 1919 г. в районе Кусы и Бердяуша. До Златоуста красным оставалось 20 верст напрямик, а белые войска ещё находились за 100 верст западнее города. Дорога через Златоуст оказалась сильно загруженной. Значительная часть Западной армии Колчака со своими обозами прошла город, но всё ещё оставалось много частей и обозов, собравшихся на городской площади. Красные с утра 13 июля 1919 года повели энергичное наступление на свою заветную цель – Златоуст. Их сдерживала 4-я Уфимская дивизия. Она стойко удерживала напор противника и дала возможность вывести из Златоуста последние эшелоны белых. Два батальона 21-й Челябинского полка Горных Стрелков во время боев у реки Белая перешли на сторону красных. К вечеру 13 июля 1919 года части 26-й и 27-й стрелковых дивизий Красной армии одновременными атаками захватили Златоуст, вынудив противника отступить к Челябинску. Окружение Белой армии не удалось, но цель операции была достигнута – Южный Урал оказался в руках большевиков (9. С.210).

В ходе Златоустовской операции красные захватили 3 тысячи пленных, 8 орудий, 32 пулемета, 3 броневедомоцикла, 30 паровозов, около 600 вагонов (4. С.131). 26-я дивизия (начдив Г.Х. Эйхе) получила почётное наименование Златоустовской, ее шесть полков были награждены Почётным революционным знаменем ВЦИК. В 1961 г. Г. Х. Эйхе, после 16-летнего пребывания в ГУЛАГе в качестве заключённого и ссыльного, напишет книгу по этой теме «Уфимская авантюра Колчака» (10). Дальнейшие события, связанные для златоустовцев с гражданской войной, происходили в Сибири. 22-й Златоустовский Горных Стрелков полк понёс большие потери и 20 октября 1919 г. был соединён с 46-м Исетским полком 12-й Уральской дивизии (2. С.525).

Златоустовский завод, как и ряд других заводов имевших военное значение, белое командование планировало, в случае отступления, эвакуировать в Сибирь.

В июне 1919 г., когда стратегическая инициатива перешла в руки красных, начались подготовительные мероприятия по эвакуации завода. С 6 по 11 июля 1919 г. по указанию командующего Восточным фронтом генерала М.К. Дитерихса Златоустовский завод был эвакуирован в Томск десятью эшелонами под общим руководством Горного

начальника Г.И. Бострема. Более полутора тысяч служащих и рабочих убыли с этими эшелонами. Так же, из Златоуста в Сибирь, на Петропавловск ушёл огромный обоз в 600 подвод под руководством инженера Клячина. Эвакуация произошла довольно организованно, и к концу лета 1919 г. персонал и оборудование сосредоточились в пункте назначения – городе Томск. Для размещения оружейной фабрики за 300 000 рублей был арендован завод Калиновского. Сборка оружия проводилась в мастерских Политехнического института.

Осенью 1919 г. эвакуированная в Томск Златоустовская оружейная фабрика начала действовать. В Златоусте, освобожденном от белых, также было восстановлено производство холодного оружия, но уже для Красной армии. Фабричные клейма на нём присутствовали, но клейма военной приёмки не ставились, поскольку последний артиллерийский приёмщик полковник Б.В. Алексеев находился в эвакуации. Надо отметить, что ситуация на заводе под руководством большевиков была плачевная. Наблюдалась полнейшая анархия, так как рабочие не верили в перспективу оплаты своего труда. ЧК грозило карой прогульщикам. Ситуация осложнялась тем, что в эвакуацию уехали самые дисциплинированные и квалифицированные рабочие, а так же все инженеры, мастера и техники, на которых держалось производство. Без кадров, оборудования, заготовок, наладить работу заводу было практически невозможно. Поэтому, в ход шли залежи бракованных заготовок клинков, чтобы «делать хоть что-то» для Красной армии. Сложилась уникальная ситуация, которая была возможна только в период гражданской войны. Одна и та же фабрика одновременно производила оружие для Красной и Белой армий. В марте 1920 года оборудование завода и эвакуированные рабочие вернулись из Томска в Златоуст.

За короткий период времени город пережил бои местного значения между силами Красной и Белой армий, бои с белочехами, эпидемию тифа, отсутствие заказов для заводов, и как следствие всего перенаселенного, голод среди населения и разгул преступности. 13 июля 1919 года для Златоуста навсегда останется важной датой его истории. Гражданская война в городе закончилась.

Литература:

1. Гинс Г.К. Сибирь, Союзники и Колчак. – Пекин: Типолиитография русской духовной миссии, 1921. URL: <http://www.twirpx.com/file/728811/>
2. Ефимов А.Г. С ижевцами и воткинцами на Восточном фронте. Статьи, письма, документы. М.: Айрис-пресс, 2013.
3. Журавлев В.В. Образ А. В. Колчака в публикациях С. А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, 2012.
4. Златоустовская энциклопедия : [в 2 т. / ред.-сост. А. В. Козлов и др.]. Златоуст: Златоуст. рабочий, 1994–1997.
5. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, верховный правитель России / Павел Зырянов. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2012.
6. Ковавшие славу горному краю / Составители Л.П.Заева, А.В.Козлов. Златоуст: ООО «ФотоМир», 2011.
7. Козлов А.В. Златоуст - город крылатого коня. Златоуст: ООО «ФотоМир», 2004.
8. Кручинин А. М. Златоустовский фронт. Июнь 1918 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012.
9. Миасский завод и его окрестности в 1917-1919 годах. Сборник документов и материалов. / Сост.: Вл.В. Мандрыгин, В.Вл. Мандрыгин, Е.В. Сумина. Оренбургское реестровое казачье общество. Челябинск, 2005.
10. Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака (март–апрель 1919 г.) / Г.Х.Эйхе. М.: Воениздат, 1960.

УДК 159.12

ББК 98.37

ГСНТИ 0097

Код ВАК 2171

М.К. Елисафенко, Н.В. Замощанская

Екатеринбург

У ИСТОКОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА УРАЛЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дети дошкольного возраста, детский сад, земство, дошкольное образование, финансирование, ясли.

АННОТАЦИЯ. В статье представлена картина зарождения дошкольного образования в России и на Урале. Рассматривается вклад земских органов в этот процесс. Определяются причины низкой активности уральских земств в отношении организации воспитательного процесса детей дошкольного возраста.

M.K. Elisafenko, N.V. Zamashansky

Yekaterinburg

**AT THE ORIGINS OF PRESCHOOL EDUCATION
IN THE URALS**

KEY WORDS: preschool children, kindergarten, Council, preschool education, Finance, manger.

ABSTRACT. The article presents a picture of the birth of preschool education in Russia and in the Urals. The article explains the contribution of the Ural zemstvo in this process. Define the reasons of low activity of the Ural zemstvo in respect of the organization of educational process of preschool children.

Подготовка детей к взрослой жизни во все времена волновала старшие поколения, т.к. она обеспечивает межпоколенную преемственность, создание условий для стабильного настоящего и новаций в будущем, уверенность в обеспеченной старости.

Самым древним, но актуальным и сегодня средством социализации была семья. Родители и другие старшие родственники объясняли нормы поведения, способы коммуникации, учили эмоциональным реакциям и элементарным трудовым навыкам, как вербальными средствами, так и методом повторения или подражания – делай, как я. Со временем эти наставления стали фиксироваться письменно.

Дошкольное обучение стало реализовываться в России с 1860-х гг. Первые детские сады были открыты в Петербурге по частной инициативе, поэтому существовали за счет оплаты и благотворительности.

В 1866 г. в столице приступил к работе первый бесплатный «народный детский сад» для детей горожан из низших слоев населения при «Обществе дешевых квартир для детей работниц Петербурга». По его примеру в Петербурге открылось еще несколько детских садов.

Серьезной проблемой для правильной организации подобных учебных заведений была нехватка профессионально подготовленных кадров. С целью решения этой проблемы в 1871 г. было учреждено Санкт-Петербургское общество содействия первоначальному воспитанию детей дошкольного возраста, которое взялось за организацию курсов по подготовке женщин-воспитательниц для работы в семьях и детских садах, а также проведению лекций по дошкольному воспитанию.

Было признано, что общественный характер воспитания приемлем по достижению ребенком трех лет, когда тесный круг семьи сдерживает процесс социализации. Ребенок нуждается в играх и занятиях со сверстниками. В детском саду должны находиться дети от 3 до 7 лет.

К сожалению, государство не поддержало идею развития образовательных учреждений для детей дошкольного возраста, именно поэтому их судьба зависела от общественных и благотворительных организаций, включая органы местного самоуправления (4).

В конце XIX в. некоторые земства проявили интерес к организации воспитательной работы с детьми дошкольного возраста. Пионером этого дела стало пермское губернское земство, открывшее летние ясли для крестьянских детей. Инициатором выступил губернский съезд врачей, на котором была сформулирована польза дошкольных учреждений в борьбе с детской смертностью и распространении матерей с правилами ухода за детьми и детского питания. Пермское губернское земство открыло в 1896 г. трое, а в 1897 г. – 11 яслей. Его примеру последовали и другие губернские земства: воронежское, курское. В летних яслях со старшими детьми проводились занятия, воспитание носило религиозный характер.

Однако на Урале инициатива дошкольного воспитания и обучения не получила широкой поддержки. Только под влиянием революционных событий, в которые втянулись самые широкие круги населения, в т.ч. и женщины, земства решились привлечь на свою сторону работниц, поэтому приступили к открытию детских дошкольных учреждений.

1 июня 1917 г. Оренбургское губернское земство основало в Челябинске курсы по подготовке педагогических кадров для системы дошкольного обучения. Воспитателям объяснили роль игры в процессе воспитания, принципы подбора детской литературы в процессе формирования библиотек, значение рисования, пения, гигиены. Специальные занятия были посвящены вопросам детских заболеваний и их профилактике.

Количество ясель летом 1917 г. в уездах Оренбургской губернии составило 55, детских садов – 27. В уфимской губернии эти показатели были соответственно 49 и 14. Концентрация дошкольных учреждений была значительно выше в губернских городах: в Оренбурге было сосредоточено 28 %, в Уфе – 38 %. (1. Л.13; 2, Л.7). Летом 1917

г. затраты на ясли составили 10722 руб. 42 коп., содержание одного ребенка – 31,5 руб. (5. С.156).

В ясли принимались дети от шести месяцев до трех лет. Кормили четыре раза в день, поскольку продолжительность рабочего дня составила 12-13 часов, в соответствии с режимом труда работающих матерей. С детьми проводились занятия по физкультуре, ручному труду, дети слушали рассказы об окружающем мире, воспитатели использовали в работе народные сказки, песни, игры.

Гласные Златоустовского уездного земства высказали мнение о необходимости открыть детские площадки не столько в городах, сколько в глубинке, где присмотр за детьми в летнее время заметно поможет крестьянкам. Летом 1917 г. в уезде было открыто три площадки. (3. Л.2.)

В Оренбургском уезде в 1917 г. действовало шесть дошкольных площадок. Земство истратило на них 3057 руб. 92 коп., на одного ребенка в день было затрачено девять копеек. (1. Л. 13). В Орском уезде действовали четыре детских сада и семь яслей. В садах с детьми 6-8 лет были организованы подвижные игры, занятия рисованием, лепкой, пением и т.д.

Земства рассматривали дошкольное обучение, как средство физического, умственного и нравственного воспитания, подготовку детей к школьной жизни. Дошкольная система изначально формировалась, как сфера самореализации женщин, облегчая жизнь женщинам-работницам и давая рабочие места воспитателям-женщинам. Однако малочисленность дошкольных учреждений, открытие их почти исключительно в городах не позволило существенно разрешить проблему общественного воспитания малолетних детей и изменить семейные проблемы работающих женщин.

Надо отметить, что дошкольное обучение мало привлекло к себе внимание, как государственных образовательных структур, так и органов местного самоуправления. Только в условиях революционных событий 1917 г. земства решили продемонстрировать свое неравнодушие к проблемам работающих мам. Такая запоздалая реакция легко объяснима, т.к. женщины не входили в число земских избирателей, а в 1917 г. проявили завидную социально-политическую активность. Да, и лозунги гендерного равенства раздавались все громче, а, значит, следовало привлечь на свою сторону потенциального участника выборов.

В деле воспитания дошкольников, безусловно, преуспела советская власть. 20 ноября 1917 г. была принята «Декларация по дошкольному воспитанию», которая заложила формирование государственной системы дошкольного образования на основе бесплатности и доступности. Хотя справедливости ради следует констатировать, что фундамент для реализации идеи непрерывного многоуровневого обучения была заложена во второй половине XIX в. – начала XX в., в том числе земскими гласными.

Источники:

1. ГАОО. Ф.44. Оп.1 Д.235.
2. ГАЧО. Ф.Р-1542. Оп.1. Д. 25.
3. ЗФ ОГАЧО. Ф.11. Оп.1. Д. 863.

Литература:

4. История развития дошкольного образования в России и за рубежом.
URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2100
5. Семенченко И.В. Социально-экономическая деятельность уральского земства в 1900-1918 гг. Монография. Челябинск: ЦНТИ, 2006.

УДК 1285.4

ББК 14.37

ГСНТИ 0072

Код ВАК 67.91

М.К. Елисафенко

Екатеринбург

**ВОЙНА ВСЕОБУЧУ – НЕ ПРЕГРАДА (ВКЛАД
ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДНОГО
ЗЕМСТВА В СТАНОВЛЕНИЕ ВСЕОБУЧА В РЕГИОНЕ
НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ И В 1917 Г.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: всеобщее обучение, дети школьного возраста, земство, начальные народные училища, начальное образование, финансирование.

АННОТАЦИЯ. В статье оценивается вклад екатеринбургского уездного земства в развитие всеобщего обучения накануне 1917 г. Анализируются статистические материалы: финансирование, количественные показатели школьной сети, доступность начального обучения для детей школьного возраста. Делается вывод о преемственности всеобуча по-земски с ликвидацией безграмотности в ходе советской «культурной революции».

M.K. Elisafenko

Yekaterinburg

**THE WAR EDUCATION IS NOT A BARRIER
(THE CONTRIBUTION OF THE EKATERINBURG
DISTRICT LOCAL GOVERNMENT TO
THE ESTABLISHMENT OF UNIVERSAL EDUCATION
IN THE REGION ON THE EVE OF REVOLUTION IN 1917)**

KEY WORDS: available for all education, school-age children, the zemstvo, elementary people schools, primary education, financing.

ABSTRACT. There is estimate of the contribution of the Yekaterinburg zemstvo in the development of available for all education on the eve of 1917. There are analyzes statistics: finance, quantitative indicators of the school network, the availability of primary education for children of school age. The conclusion about the continuity of education in Zemstvo with the elimination of illiteracy in the Soviet "cultural revolution".

Великая война, как ее называли современники, стала прологом революционных потрясений 1917 г., сделав их неизбежными. Война стала испытанием не только для солдат и их близких, но и для различных государственных и общественных организаций. В частности, чрезвычайная ситуация стала проверкой зрелости уральских земств, их готовности сохранить верность взятому более 40 лет назад курсу поддержки социальных программ, в частности – просвещения.

С началом кровопролитной войны земства были вынуждены сократить расходы на культурное строительство, приняв на свои плечи вопросы организации тыла и государственной обороны под руководством Всероссийского земского союза (2. С. 4). Однако гласные земских собраний Пермской губернии подтвердили, что «созидательная работа внутри страны идет усиленным темпом. Никогда еще так энергично, так ярко не выдвигались на первый план вопросы духовного обновления нации, как это мы наблюдаем в течение 1915 г. ...И никогда еще сам народ не тянулся так жадно, так настойчиво к свету знания, ...ни одна копейка, ассигнованная на нужды народного образования не пропадает даром, но возвращается сторицей» (3. С.77). В итоге расходы на просвещение не только не сократились, но увеличились, особенно по статье «внешкольное образование» (5).

Спектр практических шагов земских гласных по развитию образования в Екатеринбургском уезде был достаточно многообразным, к

приоритетному направлению можно отнести достижение в регионе всеобщего начального обучения детей школьного возраста.

Впервые этот вопрос был включен в повестку уездного земского собрания в 1895 г., но приступить к реализации помешали финансовые трудности. Вторично к вопросу о всеобщем обучении обратились в 1908 г. Для понимания масштабов необходимых изменений было проведено статистическое исследование. В результате было выявлено, что в уезде проживало 38547 детей школьного возраста, из них 21020 человек могли обучаться в имеющихся 189 школах (131 земских, 40 церковно-приходских, 18 министерских, а также заводских и частных) (2. С.71). Для того, чтобы обеспечить ученическими местами оставшихся за стенами школы и тех, кто достигнет школьного возраста в связи с приростом населения, в ближайшие 10 лет необходимо было открыть 187 новых школ (из которых 166 земских), т.е. по 17 новых школ ежегодно.

Екатеринбургское уездное земство вряд ли смогло бы сохранить принцип бесплатности обучения в земских школах, учитывая необходимость затратить более пяти миллионов рублей для достижения всеобщего обучения. Ситуация была выправлена, благодаря помощи со стороны государства и губернского представительства: 2445,53 тыс. руб. было выделено уездным земством, т.е. почти половина (48,2 %), 280,22 тыс. руб. – от губернского (5,5 %) и 2347,59 тыс. руб. – от Министерства народного просвещения (46,3 %) (2. С.72).

В эту сумму входили расходы на строительство зданий, обеспечение школ классной мебелью, оборудованием, учебной литературой, освещением, отоплением, а также зарплата педагогов в размере 360 руб. и законоучителям – 60 руб. (2. С.72). Кроме того, в бюджет были включены и такие статьи расходов, как обеспечение учащихся земских школ теплыми вещами за счет земства, покупка книг для награждения выпускников земских школ, содержание общежития для учащихся (4. С.50-52).

В канун революционных событий 1917 г. в Екатеринбургском уезде насчитывались четыре двухклассные школы, 256 одноклассных земских начальных народных училищ, из которых семь были открыты за 1916-1917 учебный год (4. С. 91-98). Планировалось и далее не останавливаться на достигнутых количественных показателях, но разрешить проблему массовой безграмотности все равно не удалось. Школу посещали Учащимися чуть более половины детей школьного

возраста (58,2 %), при этом среди учащихся абсолютно доминировали мальчики.

В 1917 г., несмотря на рост кризисных явлений и революционных столкновений в столице, на периферии органы самоуправления не оставили своих усилий по борьбе с безграмотности. Предположительный бюджет екатеринбургского уездного земства в 1917 г. должен был составить 2102274, 68 тыс. руб., из которых на образование предполагалось выделить 903964, 59 руб. или 43 % (4. С. 124).

Екатеринбургское уездное земство рассчитывало поддержать ряд начальных и профессиональных учебных заведений, находившихся в ведении других ведомств или частных лиц: курсы при высшем начальном училище, старообрядческую школу Свято-Троицкой и Никольской общины, екатеринбургское второе городское училище, профессиональную женскую школу, торговую школу общества приказчиков в Екатеринбурге, частную женскую фельдшерскую школу Кленовой, организацию технико-химических и чертежных курсов, семейно-педагогический кружок. Объем финансирования насчитывал 5675 руб. от 100 до 1500 руб. на конкретное учебное заведение (4. С.42-48).

Финансовую помощь в размере 34582 руб. (4. С.42-46) должны были получить и средние учебные заведения Екатеринбурга: Алексеевское училище, первая и вторая женская гимназия, частная женская гимназия Румянцевой, частная мужская прогимназия Зубкова, частное женское училище Архиповой-Невельской. Такие внушительные вложения объяснялись катастрофичной нехваткой педагогических кадров для земских школ, а средние женские учебные заведения стали «поставщиком» учительниц.

Статистика кануна событий 1917 г. и планы екатеринбургских земцев по развитию образования в уезде демонстрирует незыблемость приоритетов даже в условиях масштабных потрясений.

Война, с одной стороны, нарушила мирную жизнь, в т.ч. образовательных заведений: часть педагогов была мобилизована, военные известия деморализовали учеников и их родителей, в зданиях учебных заведений зачастую располагали лазареты, госпитали, имущество школ при этом нередко расхищалось. Образовательный процесс осложнился работой в две-три смены, в одном помещении, без достаточной вентиляции и плохом освещении. С другой стороны, военные испытания убедили всех участников образовательного процесса: го-

сударство – педагогическая общественность – родители и дети, в необходимости повышать образовательный уровень населения.

Успех в решении этой проблемы ведет к повышению конкурентоспособности России в целом и ее регионов. Приближение задачи поголовной грамотности стало возможным, благодаря подключению к финансированию школьного дела, наряду с уездными земствами, государства и губернского земства.

Статистика и воспоминания современников позволяют сделать вывод о том, что фундамент начального всеобщего обучения был заложен трудами земских гласных. Культурная революция побольшевистски опиралась на результаты огромной работы органов местного самоуправления по созданию доступной и охватывающей всех детей школьного возраста начальной школы. Идея всеобща родилась еще в 1870-х гг., задолго до постановления СНК от 20 августа 1923 г., признавшего «...немедленно приступить к разработке плана введения всеобщего обучения в десятилетний срок» (6. С.105). Успех ликвидации безграмотности был заложен задолго до прихода большевиков к власти. Гласные екатеринбургского уездного земства не предполагали столь близкий свой крах, планируя и на 1917 г. рутинную и скрупулезную работу по преодолению культурной отсталости населения края.

Источники:

1. Будрин В.И. Екатеринбургские школы за 200 лет // Екатеринбург за 200 лет. (1723-1923). Екатеринбург: тип. «Гранит», акц. общ. Уралкнига, 1923. С. 172-204.
2. Бюджет Екатеринбургского уездного земства. Свод доходных и расходных смет земства и раскладок уездного земского сбора за 45 лет его существования (1871-1915 годы). Екатеринбург: тип. лев. социал.-революц., 1918. 132 с.
3. Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 46-й очередной сессии. Отдел 1-й. Народное образование. Пермь: электротип. Губернского земства, 1916. 190 с.
4. Сметы расходов и доходов и раскладка уездного земского сбора на 1917 г. с объяснительной запиской. Екатеринбург: электро-типография быв. Велец, 1916.

Литература:

5. Елисафенко М.К. Народное образование как приоритетное направление в деятельности Пермских земств в годы I Мировой войны // Педагогическое образование в России. 2014. № 12. С. 21-25.
6. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917-1973 гг. М., 1974.

УДК 12.25

ББК 37.14

ГСНТИ 0072

Код ВАК 14.39

А.А. Кальсина

Пермь

**ПЕРМСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ В ДНИ
ФЕВРАЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 Г.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учительский союз, Всероссийский учительский союз, реформа школы, революция 1917 г.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается общественная активность пермского учительства, а также учащихся, в первые месяцы революции 1917 г. В это время был образован Пермский учительский союз как профессиональная организация педагогов, созданы ученические организации, разработаны новые принципы управления школой.

A.A. Kalsina

Perm

**PERM TEACHERS' UNION IN THE DAYS OF THE EVENTS
OF FEBRUARY 1917**

KEY WORDS: Teachers' Union, All-Russian Teachers Union, school reform, the revolution of 1917

ABSTRACT. The article reveals the social activity of the Permian teachers and students, in the first months of the revolution of 1917 At this time, was formed by the Perm Teachers' Union as a professional organization of teachers, established student organization, developed new principles of school management.

События Февраля 1917 г. поставили на повестку дня множество вопросов, в том числе и вопросы, связанные с реформой школы.

Распущенный после революции 1905–1907 гг. Всероссийский учительский союз в дни Февральских событий возобновил свою деятельность. К осени 1917 г. он объединял свыше 60% учительства страны (15. С.263). Его действия были направлены на проведение коренной реформы образо-

вания снизу, на защиту профессиональных прав, борьбу за улучшение материального положения и правовую защищенность учительства.

Пермское учительство объединилось в профессиональную корпорацию – Пермский учительский союз, став при этом региональным филиалом ВУСа. Вскоре был принят Временный устав организации, в котором провозглашались следующие задачи: борьба за реорганизацию дела народного образования в России на основе демократизации и децентрализации; передача дела народного образования органам местного самоуправления; введение обязательного бесплатного начального обучения; отказ от изучения Закона Божьего; установление свободы преподавания; отмена цензуры учебников; уничтожение всех ограничений и привилегий в области образования, связанных с полом, национальностью, вероисповеданием, сословностью (6. Л.1-3). В Уставе Пермского учительского союза были записаны основные функции новой организации: защита правовых интересов учителей и оказание юридической помощи, содействие педагогическим обществам, организация кассы взаимопомощи, ведение статистики по вопросам школьной жизни и деятельности учительской организации (6. Л.3).

Пермские учителя активно обсуждали перемены в стране, считая своей миссией разъяснение населению смысла происшедшего переворота. Особое внимание предлагалось обратить на воспитание учащихся в духе гражданственности и объединиться в корпорации не только учительству, но и учащимся. Были высказаны позиции по некоторым политическим вопросам: всемерная поддержка Временного правительства, установление в России демократической республики, продолжение войны до победного конца. Главной задачей ближайшего времени являлось создание школы на новых принципах: демократизации, децентрализации, введении выборного начала и передачи школьного дела в руки общественных организаций губернии (6. Л.63).

В конце марта 1917 г. в Перми состоялось общее собрание пермского учительства. В этот день в пермской прессе было опубликовано обращение к учителям Пермской губернии. В нем говорилось о широких возможностях и свободе, которые предоставила Февральская революция российскому учительству. В новых условиях основной задачей было закрепить в сознании народа новое государственное устройство, подготовить население к выборам в Учредительное собрание и защитить свои профессиональные интересы (1).

То, что произошло далее, в екатеринбургских газетах было названо «Педагогической революцией в Перми!». На заседании Учительского

союза 26 марта 1917 г. был поставлен вопрос о выборности всех административных лиц в Оренбургском учебном округе. Для решения этого вопроса в ближайшее время предлагалось организовать учительский съезд в Уфе. Однако главным вопросом обсуждения стала деятельность Директора народных училищ А.П. Раменского, который занимал эту должность уже более 27 лет и внес положительный вклад в дело народного просвещения Пермской губернии. Еще в 90-е гг. XIX века А.П. Раменский развернул большую работу по подготовке и введению в губернии всеобщего начального обучения. Активно занимался проблемой подготовки педагогических кадров для начальной школы, ходатайствовал перед Губернским земством об открытии педагогических классов и курсов для учителей начальной школы.

Когда в марте 1917 г. в городе забурлила общественная жизнь, деятельность А.П. Раменского стала восприниматься как явление старого монархического порядка. Большинство учителей рассматривало А.П. Раменского как консерватора, мешающего преобразованию школьного дела. Парадоксально, но Раменский был знаком с отцом В. И. Ленина, его сын и племянники были большевиками, сам он считался либералом, после отставки в Перми он уехал в Симбирск, где получал от советской власти персональную пенсию.

А.П. Раменскому были высказаны серьезные претензии. В годы революции (1905–1907 гг.) лучшие народные учителя были удалены с работы. Были случаи преследования учителей, некоторым педагогам пришлось уступить служебное место родственникам А.П. Раменского. В итоге собрание постановило удалить А.П. Раменского с поста Директора народных училищ. В постановлении собрания было записано: «Удаление А.П. Раменского не кара и не суд. Устранение есть акт общественной необходимости, Раменский не может искренне работать на пользу нового строя». В итоге при голосовании за отставку А. П. Раменского выступили 95 человек, 8 чел. – против и 21 чел. воздержался (6. Л.57).

Лично А.П. Раменскому была послана гневная телеграмма следующего содержания: «...в виду вредного характера Вашей деятельности в деле развития народной школы, общее собрание Пермского Учительского союза предлагает Вам подать в отставку», такие же телеграммы получили окружные инспектора С.Г. Сироткин и М.А. Мирониев (2).

Телеграмма была отправлена и министру А.А. Мануйлову с предложением принять меры в отношении полной реорганизации окружного управления и введения нового управления на началах коллегиальности. Вопрос о перевыборах директоров и инспекторов временно предлагалось

возложить на педагогические корпорации учебных заведений, родительские комитеты и попечителей, субсидирующих школы (6. Л.74).

Ряд радикально настроенных учителей (их было большинство) считали, что приступить к перевыборам начальствующих лиц и педагогического персонала необходимо немедленно. Однако умеренно настроенные предлагали дождаться общеимперского закона. И действительно, вскоре это решение ПУСа было аннулировано, так как побывавший на учительских съездах в Москве и Петрограде делегат и лидер Пермского учительского союза Н.Н. Савинов заявил, что вопрос о переизбрании педагогов и тем более начальствующих лиц даже не звучал на съездах (6. Л.79). Таким образом, пермские педагоги в первые месяцы революции проявили необычную активность и продемонстрировали готовность к радикальным преобразованиям школьной системы. Но это был кратковременный всплеск, впоследствии сменившийся пассивностью.

Подъем общественной активности и формирование на этой волне различного рода общественных организаций охватил не только педагогов, но и учащихся. В Петрограде, например, в первые дни марта было создано объединение 50-ти учебных заведений, которое вскоре преобразовалось в Союз учащихся Петрограда. «Союз учащихся» обратился с призывом к учащимся всей России, в котором говорилось, что «в свободной России создается свободная школа. Такая школа не мыслима без самостоятельности учащихся и сочувственного их отношения к будущей реформе школы» (6. Л.64).

В Перми объединение учащейся молодежи произошло 9 апреля 1917 г. В Кирилло-Мефодьевском училище по инициативе общества «Светлая юность» состоялось собрание учащихся старших классов. Участников было 300 человек. К учащимся впервые обратились как к свободным гражданам свободной страны. Собрание приветствовали представители различных общественных организаций города (комитета общественной безопасности, городского родительского комитета, «Общества содействия начальному образованию», университетского студенчества). Центральным был вопрос о создании городской ученической организации на основе принципа самоуправления (2).

17 апреля 1917 г. состоялось собрание представителей учащихся старших классов средних учебных заведений г. Перми. Обсуждали вопрос о том, в какую форму должна вылиться самостоятельность и объединение учащихся. Была намечена программа действий: единение, взаимопомощь, самообразование, самоуправление, физическое развитие, участие в деле пропаганды идей нового строя.

18 апреля 1917 г. в первой мужской гимназии был открыт кружок самообразования. В него вошли около двухсот учащихся. Перед гимназистами выступили профессора пермского университета И.Я. Шнейдер и М.З. Птуха с лекциями о ситуации в России после падения самодержавия и причинах Мировой войны (4).

В конце апреля 1917 г. в пермской Мариинской гимназии состоялся диспут о самоуправлении и политических правах старшекласников; о праве на подачу петиций и представительстве учащихся в педагогических советах; о выпуске общегородского ученического журнала (5). Редактором городского ученического журнала «Молодые побеги» был избран один из членов Пермского учительского союза, преподаватель русского языка Алексеевского реального училища Л.Г. Потоцкий (11. С.56).

Отношение учителей к ученическим организациям было далеко не всегда положительным. Одни педагоги были принципиальными противниками любой самодеятельности школьников, другие с ужасом вспоминали жесткую борьбу учеников в 1905 г., третьи предрекали неизбежную политизацию ученических объединений.

В мае 1917 г. в Мотовилихе, одном из районов г. Перми, возник Союз учащейся молодежи, объединивший 267 человек. Союз занимался устройством лекций, литературных вечеров, экскурсий. Члены союза занимались самообразованием. Помимо образовательной деятельности члены союза объединились в артель, в которой работало 70 учащихся. Артель производила тетради, и на вырученные средства Союз существовал (8. Л. 15). Ученические союзы сразу же были взяты под опеку государственными структурами и общественными организациями. При этом их объединяло стремление не допустить стихийности в деятельности ученических объединений и направить их в позитивное русло (13. С.129).

В мае 1917 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд учащихся средних учебных заведений, на котором присутствовало 150 представителей от 65 организаций из 59 городов России. Основная часть союзов учащихся ставила задачу реформирования школы. Съезд учащихся выразил мнение, что образование должно быть всеобщим, обязательным, бесплатным; в школе необходимо введение трудового начала, автономии, самоуправления учащихся и преемственности разных ее ступеней. Съезд высказался за переработку учебных программ, за факультативное изучение Закона Божьего и латинского языка, за отмену балльной системы и экзаменов, за право учащихся входить в педагогические советы школ. Родительским комитетам должно быть предоставлено право решающего голо-

са. Это было не стихийное, а организованное при помощи государственных структур и общественных организаций мероприятие (11. С.107).

После всплеска революционной активности учительства и учащихся последовал этап организационного строительства учительских корпораций.

В апреле 1917 г. прошли два Всероссийских учительских съезда, на которые Пермский учительский союз направил своих делегатов. В Москве обсуждался вопрос об отношении учительства к Мировой войне. В большинстве своем российское учительство заняло по этому вопросу оборонческую позицию. Мобилизация учителей тяжело отразилась на работе школ, заметно ухудшилось материальное положение их семей.

Главной темой обсуждения на съезде в Петрограде оставалась ожидавшаяся реформа школы. Выступая накануне, министр народного просвещения Временного правительства А.А. Мануйлов изложил принципы, на основе которых министерство намеревалось строить школьное дело: «Демократизация, децентрализация и свобода». Конкретные меры совпадали с требованиями ВУСа: 1) преемственность всех ступеней школы; 2) общедоступность школы не только формальная, но и фактическая; 3) реорганизация управления школы на выборных началах, при широком участии учителей; 4) перевод внешкольного образования на государственное обеспечение; 5) улучшение материального положения учительства; 6) обязательность изучения Закона Божьего (9. С.4). Апрельские Всероссийские учительские съезды аккумулировали первые отзвуки свободной педагогической мысли и объединили общностью целей разрозненные самопроизвольно образовавшиеся учительские организации.

Вслед за Всероссийскими съездами следующей волной прошли учительские съезды в регионах. В Перми на май 1917 г. было намечено сразу несколько съездов: учителей высших начальных училищ, учителей Пермского уезда, Союза учителей г. Перми и Губернский учительский съезд. Первоначально каждая группа учителей собиралась обсуждать свои насущные проблемы, но в узком корпоративном кругу. Однако благоразумие возобладало, 5 мая 1917 г. в Перми собрался общий учительский съезд, объединивший все учительство губернии.

Программа съезда включала вопросы о Всероссийском учительском съезде, об организации Губернского учительского союза и уездных учительских обществ, о роли учительства в подготовке Учредительного собрания, о программах начальной школы и материальном положении школ и учителей (4).

Вместо старой структуры – Дирекции народных училищ – был избран состав Губернского комиссариата по народному образованию, в него вошли преподаватели учебных заведений различных уездов Пермской губернии.

Уже 14 мая 1917 г. состоялось первое заседание совета Губернского комиссариата по народному образованию (10. С.72). Съезд организовал специальную комиссию по реформе школьного управления в составе 35 чел. – представителей разных типов школ Пермской губернии. Комиссия рассмотрела и выявила отрицательные стороны прежней школьной жизни и выработала основные принципы, на которых должна строиться новая школа. Учителя критиковали принцип единоначалия, которым руководствовались директора учебных заведений, часто самолично решая многие хозяйственные вопросы, без участия педагогического совета. К примеру, иногда дирекция не могла найти деньги на школьную библиотеку или пособия, но деньги всегда находились на личные нужды директора.

Критике была подвергнута и деятельность родительских комитетов, которые рассматривали себя как орган, контролирующей деятельность педагогов, нередко превращаясь в принципиальную оппозицию учительству. Среди недостатков была названа излишняя централизация школьного управления, когда школа вынуждена жить «по точному смыслу циркуляров», которые часто запаздывали и уже не соответствовали текущему моменту (8. С.3-5).

Далее комиссией были выработаны принципы, на которых предполагалось строить управление новой школой. Главным провозглашался принцип *единства школы* – школы разных ступеней и типов должны быть уравнены в правах и программах и принцип *децентрализации и автономии школы* (вопросы школьной жизни должны решаться либо на уровне губернии, либо уезда). Считалось, что децентрализация позволит приблизить школу к интересам местного населения и придаст ей жизненный характер. Роль государства и вмешательство его в дела школы должны быть понижены.

В создании новой школы должны были принять участие все местные силы: земские, городские, волостные, сельские самоуправления; педагогические корпорации, родительские организации, органы внешкольного образования, представители местной интеллигенции, сами учащиеся. Все они должны были слиться в «единый стройный хор, ответственный за ход школьной жизни». Комиссия также выступила за широкое участие в жизни школы семьи на основе взаимопонимания и сотрудничества.

Для постоянного руководства школьной жизнью необходимо создать исполнительные комитеты, которые должны заменить директоров учебных заведений. Функции прежних директоров (административно-педагогическую, канцелярскую и хозяйственную) предлагалось разделить между несколькими лицами исполнительного комитета школьного совета (8. С.7). На основе принципов, выработанных комиссией Губернского съезда, определялись основные методы управления новой школой в Пермской губернии.

Таким образом, на Губернском съезде в Перми произошло временное объединение сил уездного, городского и губернского учительства, но полного слияния учительских интересов в одну общую организацию пока не произошло.

Развитие революционных событий, общая демократизация жизни страны, стремление ускорить процессы реформирования российской школы привели к существенному подъему общественной активности и учителей и учащихся. Февральские события пробудили у педагогической общественности давно зревшую надежду на обновление системы образования.

Источники:

1. Вестник Пермского края. 1917. №16.
2. Вестник Пермского края. 1917. №3.
3. Вестник Пермского края. 1917. №23.
4. Вестник Пермского края. 1917. №20.
5. Вестник Пермского края. 1917. №34.
6. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-119. Оп.1. Д.154.
7. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-210. Оп.1. Д.39.
8. Доклад комиссии по реформе школьного управления. Пермь. 1917.
9. Народная свобода. Пермь. 1917. №86.
10. Пермская земская неделя. 1917. №21.

Литература:

11. Балашев Е.М. Школа в Российском обществе 1917–1927 гг. Становление нового человека. СПб., 2003.
12. Знаменский О. М. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль–март 1917 г.). Л., 1988.
13. Поздняков А.Н. Государство и общество в реформировании российского школьного образования: Исторический опыт взаимоотношений в конце XIX – начале XXI вв.: дис. ...д-ра ист. наук. М., 2006.

УДК 16.07

ББК 47.37

ГСНТИ 0072

Код ВАК 31.67

М.А. Клинова

Екатеринбург

**ОБРАЗ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» 1930-Х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, октябрь, образ, символ, пропаганда, 1930 гг. «Крокодил», СССР.

АННОТАЦИЯ. В работе выявлены механизмы и специфика презентации образа Октябрьской революции в текстах и иллюстрациях, помещенных на страницах журнала «Крокодил» 1930-х гг. Образ «Октября 1917 г.» являлся своеобразным символом, обладающим смыслом сакрального, эпохального. Данный образ в дискурсе 1930-х гг. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1930-х гг.

M.A. Klinova

Yekaterinburg

**THE IMAGE OF THE OCTOBER REVOLUTION
ON THE PAGES OF THE MAGAZINE
«CROCODILE» OF THE 1930-S.**

KEY WORDS: revolution, October, image, symbol, propaganda, 1930, «Crocodile», USSR.

ABSTRACT. In this work, the mechanisms and specificity of image presentation of the October revolution in the texts and illustrations are placed on the pages of the magazine «Crocodile» 1930s image of the "October 1917" was a symbol with a totally positive sense of the sacred, mythic. This way in the discourse of the 1930s featured not only as a standalone but was used to build new characters, as well as engineering in the mass consciousness of the "correct" interpretations of the events of the 1930s.

События Октября 1917 г. являются реперной точкой, маркирующей начало советского периода в истории нашего государства. В рамках отечественного идеологического и информационного пространства, содержательно трансформировавшегося на протяжении

постреволюционного столетия, существовали различные трактовки и оценки октябрьских революционных событий. Через визуальные образы, тексты, кинематографические и литературные произведения в сознании населения формировался образ Октябрьской революции. Несомненно, на протяжении прошедшего столетия, данные образы разнились. В данной работе мы попытаемся реконструировать механизмы и специфику презентации образа Октябрьской революции в СССР 1930-х гг., опираясь в качестве источника на тексты и иллюстративные материалы журнала «Крокодил»

Предпринятый анализ позволяет заключить, что в 1930-е гг. на страницах «Крокодила» упоминание или описание Октябрьской революции реализуется через исключительно положительные коннотации. Положительную смысловую нагрузку приобретает и само слово «октябрь». В частности, в изданиях журнала «Крокодил» за 1930-й г. появляются сатирические тексты и афоризмы, автором которых является Савелий Октябрев (1. С.3). Слово «октябрь» фигурирует и в специальных выпусках «Крокодила» за 1934 и 1936 г., обозначенных как «Крокодилская советская энциклопедия». В тексте энциклопедии 1934 г. название данного осеннего месяца раскрывается через политические категории революционности и анти буржуазности: *«Октябрь – единственный месяц, который может наступить в любое время года и в каждой стране. По-славянски — листопад. Название это достаточно устарело, так как в октябре падают не только листья, но и многое другое. Листья – что? Сегодня упадут, а через полгода вырастут. Из всего остального, что падает в О., ничего после не вырастет. Очень серьезный месяц. Некоторые астрологи утверждают, что О. помогает не то Сатурн, не то Венера. Опять устарелое утверждение. «Аврора» ему помогает, когда это надо. В римском календаре О. был восьмым месяцем. В буржуазных календарях он будет последним...»* (5. С.4).

Революционность, как атрибутивная характеристика «октября» подчеркивается и в «Крокодилской энциклопедии» 1936 г.: *«Октябрь – замечательный месяц. Ему принадлежит монопольное право обозначать социалистическую революцию. Это, конечно, не значит, что рабочие других стран должны расправиться со своей буржуазией обязательно в октябре. Им на месте виднее. Одни прикончат ее в июне, другие – в январе. Но все равно их июнь и январь будет по существу октябрем. Такая уж популярность у этого месяца»* (7.С.10).

Презентация «октябрьской» тематики проявляется и в использовании на страницах «Крокодила» характерных символов, связанных с революционными событиями. Актуальным революционным символом является *Аврора*, также к событиям революции и последовавшей Гражданской войны нас отсылает изображение *буденовки*, встречающиеся на страницах издания. Не смотря на сатирическую направленность журнала, данные изображения выполнены не карикатурно, а максимально реалистично, имея исключительно положительные коннотации.

В рамках советского дискурса события Октября 1917 г. презентовались как веха, обозначающая начало нового исторического периода – советского периода в истории государства. Данная тенденция читается и на страницах журнала. В издании 1936 г. СССР презентуется как страна, «открытая в октябре 1917 г.» (8. С.5). На страницах октябрьского номера журнала за 1937 г. приводятся юбилейные поздравления редакции: «Крокодил поздравляет своих читателей с замечательным праздником двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Золотыми буквами будут вписаны в историю освобожденного **человечества** легендарные подвиги и победы этих лет. ... Упорным трудом на многочисленных фронтах нашей социалистической стройки ... оправдаем высокую честь и огромное счастье быть гражданами и строителями **первой в мире** страны победоносного социализма» (11.С.2). Поздравления в праздничном номере 1938 г.: «Здесь – **единственная** страна, единственная во всем мире, где празднуют свой праздник, не тревожась о будущем, с уверенностью в завтрашнем дне. Мы привлекли к нашему советскому большевистскому празднику, и никто никогда не сможет его омрачить» (12. С.2). В приводимых текстах подчеркивается масштабность, важность революции, позволившая презентовать СССР как «первую» и «единственную» в мире социалистическую страну.

Описание события, реализуемое в торжественной, высокой стилистике сопровождается соответствующим иллюстративным рядом – изображением иллюминированных площадей, массовых демонстраций, идущих радостных людей с флагами и транспарантами, на которых читаются лозунги, прославляющие Революцию, Партию, Ленинизм (11. С.1).

В иллюстрациях журнала «Крокодил», посвященных годовщине Октября 1917 г., демонстрация трудящихся является неотъемлемым атрибутом события, подчеркивая его массовый характер, а также

фиксируя типичную практику проведения главного советского праздника – дня Великой Октябрьской социалистической революции. (4. С.17; 12. С.1). Праздничные мероприятия помимо демонстраций включали пение, танцы, постановочные спектакли (11. С.7). В одном из фельетонов журнала за 1932 г. приводится описание праздника: «*Оркестры играли: кто марш, кто лезгинку. Хоровые кружки распевали с ожесточением «Эх не даром», «Дуню». Барабанили пионеры...*» (4. С.2). Атмосфера праздника достаточно точно передана в стихотворении В.В. Маяковского, вынесенного на обложку одного из праздничных номеров «Крокодила»: «*Здесь, раздвигая дома, шествует юность сама. Пои, молодая столица, – наша страна веселится!*» (12. С.1).

Л.В. Лебедева, рассуждая о специфике советских праздников, справедливо замечает: «Они рассматривались как один из методов закрепления новой идеологии. В их основе лежала идея классовой борьбы: деления общества на «своих» и «чужих». (17.С.1785). В текстах и иллюстрациях, посвященных Октябрьской революции, рельефно подчеркивается антикапиталистическая, антибуржуазная направленность данного события. Эта тенденция реализуется посредством двух изобразительных способов: использования гротесково-карикатурных иллюстраций побежденной буржуазии и реалистичных, подчеркнуто значимых изображений, отражающих победы большевиков, а также успехи Красной армии в Гражданской войне.

Первое изобразительное направление (сатирическое) достаточно широко представлено на страницах издания. Карикатурные изображения представителей привилегированных сословий дореволюционного российского социума являются героями фельетонов и сатирических рассказов «Крокодила». В издании 1935 г. приводится карикатура на эмигранта, который, держа в руках газету «Вечерний Париж», высоко задрал нос, замечает: « – *Новые маршалы? Ворошилов... Буденный... Знаю, знаю... Встречались!.. В ноябре двадцатого года*» (6. С.4). В одном из номеров 1937 г. помещен сюжет «С точки зрения юного пионера», где приводятся карикатурные изображения «старорежимных» понятий. Обращение «его сиятельство» проиллюстрировано изображением мужчины с блестящей лысиной, а понятие «столбовая дворянка» сопровождается рисунком дворянки, привязанной к столбу (Рис. 1.) (11.С.23).

Посредством карикатурного исполнения изображаются не только собирательные образы «бывших» и «буржуев», но и реальные исто-

рические деятели. В частности, в одном из номеров 1932 г. в фельетоне «Битые карты» приведены карикатурные изображения лидеров белого движения и политиков периода 1917 г., оппозиционных большевикам. Рисунки выполнены в виде изображений на игральных картах. Карикатурные изображения сопровождаются не менее саркастическими текстами: *«Все эти люди в свое время ходили в козырях, но в настоящий момент “иных уж нет, а те – далеке”»* (4.С.10). Среди изображаемых исторических фигур генерал Деникин *«Он известен, главным образом, белой лошадыю. На этой лошади он не въехал в Москву...»*; генерал Юденич *«Он мечтал уже не о белой лошади, а о Красной Горке. Но Красная Горка оказалась слишком крутой для белого генерала»*; адмирал Колчак *«Памятника в Омске он себе не заработал»*; Врангель *«Выгодно отличался от предыдущих генералов явно выраженным баронским видом и немецким прононсом. ... полуостров (Крым – М.К.) был ему явно противопоказан Красной армией»*; Керенский *«сейчас гастролирует на сценах Парижских кабаков, но сборы неважные»*; Милюков *«вошел в историю под кличкой “Дарданельского”. Впрочем, Олегова щита ему не удалось прибить к вратам Царьграда»* (4.С.10).

В аналогичной карикатурной манере изображаются «бывшие» на страницах журнала 1940-го г. Фельетон «Советы путешествующим» дополнен иллюстрациями под заголовком «Неудачные маршруты», где изображено бегство «белых», отступающих под натиском Красной армии (Рис. 2.) (14. С.3). Карикатурность изображения в ряде случаев заменяется сатирическим текстом, направленным на высмеивание российских правителей дореволюционного периода. В качестве примера такой сатиры можно привести сюжет, помещенный в журнале «Крокодил» 1932 г., где приводится разговор пионера с отцом: *« – Папа! Говорят, на этом месте был какой-то старый дом? – Да, очень старый. Ему было триста лет и назывался он Дом Романовых»* (4. С.4).

Вторая «антибуржуазная» тенденция в изображении событий Революции и Гражданской войны, фиксируемая на страницах журнала «Крокодил», представлена реалистическими и даже эпическими изображениями, отражающими победы Красной армии. На обложке одного из номеров журнала за 1937 г. помещена иллюстрация, озаглавленная как «История с географией», на которой изображена карта, отражающая победы Красной армии в Гражданской войне – красноармейцы, со штыками наперевес, изгоняют за пределы страны бело-

гвардейцев и интервентов (10. С.1). Географическая масштабность изображения призвана подчеркнуть эпическую масштабность победы Красной армии в Гражданской войне.

В ряде случаев на страницах издания обращение к революционной проблематике реализуется посредством сочетания двух выделенных изобразительных принципов в одном сюжете, с целью максимально контрастного сравнения отжившего свое дореволюционного мира и светлой послереволюционной советской реальности. В таких сюжетах, как правило, используется обращение к хронологическому принципу выстраивания материала, который позволяет рассмотреть определенный элемент советской событийности в исторической ретроспективе. В качестве примера можно привести сюжет, помещенный в одном из номеров 1937 г., который озаглавлен «Первый ряд партера». Иллюстрация представляет собой четыре фрагмента, где в реалистической манере, изображены посетители театра (концертного зала) в 1913, 1917, 1919-м гг., четвертый фрагмент имеет название «наши дни». На первом фрагменте (1913 г.) изображены надменно-напыщенные представители привилегированных сословий дореволюционной России (их отображения, хотя и не являются утрированно карикатурными, тем не менее, оставляют неприятное впечатление). Фрагмент 1917-го г. представлен митингующими рабочими и солдатами с волевыми и сосредоточенными выражениями лиц. На рисунке 1919-го г. изображены фигуры людей, смотрящих концерт в верхней одежде. И, наконец, фрагмент «наши дни» представлен изображением людей разного возраста со светлыми, открытыми лицами, увлеченно наблюдающих за происходящим на сцене действием (11. С.9). Аналогичный прием ретроспективы использован и в другом сюжете журнала, озаглавленном как «Два родословных древа» и сопровождающимся подписью *«наглядное изображение развития нескольких поколений одной пролетарской и одной помещицье-капиталистической семей»*. На данном рисунке помещены два дерева (одно крепкое с обильной кроной, другое высыхающее), на которых помещены портреты членов данных семей. По портретам на пролетарском дереве достаточно четко читается занятость членов семьи (участие в революциях и Гражданской войне). Ожидаемым итогом является изображение вырождения помещицье-семьи и расцвет рабочей (11.С.28).

В целом использование приема антитезы, как в иллюстрациях, так и в текстах было характерно для советского дискурса (16.С.6-15). Сопоставления и противопоставления широко представлены в тек-

стах лозунгов и риторике официального дискурса: социализм – капитализм, рабочие – буржуазия и т.п. При этом данные понятия четко определены в координатах «свой–чужой», «хороший–плохой».

В рамках советского идеологического и информационного пространства образ Октября 1917 г. являлся своеобразным символом, обладающим абсолютно положительным смыслом, коннотируя к значениям высокого, сакрального, эпохального. Данный образ в дискурсе 1930-х гг. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1930-х гг. При контекстуальном взаимодействии с революционной тематикой любого явления действительности оно также осеменялось положительным смыслом, трактуясь как оправданное, верное, истинное. В свою очередь, событие, противопоставляемое революционной символике, или интерпретируемое через сочетания с антиреволюционными «буржуазными» символами, в рамках советского дискурса получает ярко выраженную негативную трактовку.

На страницах журнала «Крокодил» 1930-х гг. с использованием революционной символики конструируются образы советских экономических реалий. На обложке номера журнала за 1931 г. помещена иллюстрация, где с Октябрем связано строительство заводов (рука держит завод №519): Подпись под иллюстрацией гласит: *«К октябрю мы подготовили не плохое украшение не только своему городу, но и всему СССР»* (строительство завода в Подольске № 519 – М.К.) (3. С.1). На страницах номера за 1937 г. мальчишки, один из которых в буденовке, разговаривают о колхозах-миллионерах (9. С.1). В номере 1930-го г. помещено изображение демонстрации, шествующей с флагами на фоне табло с горящей надписью: *«Пятилетку – в четыре года»*. На переднем плане прячется человек в шляпе и очках, наблюдающий за происходящим. Подпись под иллюстрацией сообщает читателям суждения этого человека: *«– Когда взяли зимний дворец, не так было страшно, как теперь, когда они взяли такие темпы»* (2. С.1).

В конце 1930-х гг. обращение к революционной тематике на страницах издания реализуется в контексте демонстрации советской военной мощи. В сюжетах проводятся параллели Авроры и орудий советского военного флота конца 1930-х гг. «Отцы и ... дети» (12. С.4). В выпуске журнала 1940 г. преемственность военной проблематики реализуется в сюжете «О воспитании»: на странице помещено

изображение солдата-красноармейца 1917 г., ставшего генерал-майором в 1940 г. Изображения озаглавлены «воспитанник Смольного» (15. С.8).

Революционная проблематика актуализирована и в сюжетах, посвященных Конституции СССР 1936 г. В номере журнала «Крокодил» 1936 г. помещен сюжет «Голос из лужи», в котором воссоздается историческая ретроспектива побед и достижений советского государства, а иллюстративный ряд дополняет фигура постепенно тонущего «скептика». Отправной точкой является 1917 г.: «Когда большевики брали власть в 1917 г., скептики говорили: ... они провалятся. На деле, ... оказалось, что провалились не большевики, а скептики». Сюжетную линию продолжает 1919 г.: «Во время гражданской войны и иностранной интервенции ... скептики ... просчитались». 1928 г.: «Когда Советская власть опубликовала первый пятилетний план, скептики опять выступили на сцену, ... скептикам опять не повезло: пятилетний план был осуществлен в четыре года». 1936 г.: «То же самое надо сказать о проекте новой Конституции и ее критике со стороны скептиков ... нет никаких оснований сомневаться в том, что скептики провалятся и в данном случае, провалятся нынче так же, как они не раз проваливались в прошлом» (8. С.6). В данном сюжете обращает на себя внимание подпись под текстом – И.В. Сталин. Фактически на страницах «Крокодила» приведены и проиллюстрированы выдержки из доклада Сталина «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. Данный факт позволяет перейти к выводу о том, что использование образа Октября 1917 г. с целью легитимации политических явлений, а также в процессе конструирования отношения советского населения к событиям проживаемой реальности, достаточно широко практиковалось в советском дискурсе 1930-х гг., в том числе и на самом высоком политическом уровне.

На страницах издания в 1930-е гг. использовался и обратный метод – моделирование отрицательного отношения к событиям и явлениям, по средствам их противопоставления образу Революции 1917 г. В рамках этой тенденции в журнале изображены многочисленные «враги советского государства», образ которых менялся на протяжении 1930-х гг., но был актуален на протяжении всего периода. В двадцать девятом номере «Крокодила» за 1938 г. редактор журнала, поздравляя граждан с праздником Октября напишет: « ... там, в этом горящем сумасшедшем доме, именуемом капиталистическим обще-

ством, ... там точат зубы, там лелеют мечту о нападении, оттуда шлют ползучую шпионскую ... нечисть, там возятся, там готовятся, там злобствуют и шипят. Мы привыкли и. к этому. Мы привыкли отдыхать и праздновать, бодрствуя и не спуская глаз с врага» (12. С.2). Среди врагов СССР помимо белых, буржуев и шпионов, представленных на страницах «Крокодила», во второй половине 1930-х гг. появляется новый образ – фашиста, определяемый, в том числе через противопоставление революции.

На страницах журнала 1936 г. вновь помещена выдержка из речи Сталина, посвященная суждениям зарубежных политиков об СССР: «что это за страна, вопят они, на каком основании она существует, е если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб дуду ее не было вовсе?» (8. С.5). Иллюстрация, сопровождается карикатурным изображением Гитлера, который пытается закрыть карту СССР когтистой рукой. Образ врага дополняется в 1939 г. После вхождения советских войск в Польшу в сентябре 1939 г. На первой странице сентябрьского номера за 1939 г. изображен бегущий польский пан. Изображение сопровождается текстом: «Оказывается, кроме Октября, есть еще один ужасный месяц – сентябрь» (13. С.1).

Таким образом, предпринятый анализ изданий журнала «Крокодил» 1930-х гг. позволяет прийти к выводу, что образ революции Октября 1917 г., достаточно активно используется в дискурсе периода. В рамках советского информационного пространства события Октября 1917 г. презентовались как веха, обозначающая начало нового исторического периода – советского периода в истории государства. Описание данного события реализовывалось в торжественной, высокой стилистике, сопровождаясь иллюстративным рядом, отображающим его «антикапиталистическую» направленность. В то же время, образ Октябрьской революции в дискурсе 1930-х гг. фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1930-х гг.

Источники:

1. Крокодил. 1930. № 20.
2. Крокодил. 1930. № 30.
3. Крокодил. 1931. № 27.
4. Крокодил. 1932. № 30.

5. Крокодил. 1934. № 30.
6. Крокодил. 1935. № 32.
7. Крокодил. 1936. № 30.
8. Крокодил. 1936. № 34.
9. Крокодил. 1937. № 27.
10. Крокодил. 1937. № 28.
11. Крокодил. 1937. № 30.
12. Крокодил. 1938. № 29.
13. Крокодил. 1939. № 28.
14. Крокодил. 1940. № 21.
15. Крокодил. 1940. № 22.

Литература:

16. Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург - Пермь: ЗУУНЦ, 2005.
17. Лебедева Л.В. Формирование советской праздничной культуры в 1920-е гг.: новые ритуалы в процессе социального конструирования // Фундаментальные исследования: научный журнал. – № 2 (часть 8), М. 2015.

Рис. 1

Рис. 2

ББК Ч905+Ч400.51 ГСНТИ 00.72

Код ВАК 16.01

С.И. Константинов

Екатеринбург

**О ПРИЧИНАХ РАДИКАЛИЗМА СОВЕТСКОГО
И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА УРАЛА В 1917-1918 ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Февральская революция 1917 г., биографии и автобиографии большевиков, мотивы революционной деятельности.

АННОТАЦИЯ. В статье обобщаются биографические данные партийного и советского руководства Урала в 1917-1918 гг. и на этой основе сделана попытка выявить мотивацию его действий в революционную эпоху.

S.I. Konstantinov

Yekaterinburg

**ON THE CAUSES OF THE SOVIET RADICALISM
AND PARTY LEADERSHIP URAL in 1917-1918**

KEY WORDS: February revolution 1917, biographies and autobiographies bolshevik, motives to revolutionary activity.

ABSTRACT. In article are generalised biographic given party and soviet managment Ural in 1917-1918 gg. and on this base is made attempt to reveal the motivation his(its) action in revolutionary epoch.

Практически всё партийное и советское руководство Урала и Екатеринбурга в 1917 - 1918 гг. составили профессиональные революционеры - борцы с прежним режимом. Все они неоднократно побывали в тюрьмах и ссылках и прибыли в Екатеринбург после освобождения их Февральской революцией. При этом практически все они были людьми одного поколения в возрасте от 26 (Белобородов, Сафаров) до 34 (Крестинский) лет.

Так, партийное руководство осуществляли большевики: - **Свердлов Я.М.** (1885-1919, в 1917 - 32 года) - в партии с 1901, неоднократно арестовывался и ссылался, с февраля 1913 г. в ссылке в Сибири, в апреле 1917 руководил 1-й Уральской свободной конференцией большевиков, воссоздавшей областной комитет партии, с 8 (21) ноября - председатель ВЦИК. **Крестинский Н.Н.** (1883-1938, в 1917 -34 года) - в партии с 1903, 7 раз арестовывался полицией, в 1917 - в ссылке на Урале, с апреля 1917 - председатель обкома партии, с 29 октября по 22 ноября - председатель ВРК (военно-революционного комитета, претендовавшего на высшую власть в городе), с декабря 1917 - в Петрограде. **Малышев И.М.** (1889-1918, в 1917 - 28 лет) - единственный уроженец Урала - г. Верхотурье, в партии с 1907, неоднократно арестовывался и ссылался, с 1915 - член Екатеринбургского комитета партии, после Февраля освобожден из тюрьмы и избран председателем Екатеринбургского комитета, с апреля - член Уралобкома партии, затем зам. председателя городского и член Уральского областного Советов, с января 1918 - председатель Уральского областного комитета партии, член облисполкома. **Голощекин И.И.** (1876-1941) - в партии с 1903, неоднократно арестовывался и ссылался, с 1913 в сибирской ссылке вместе со Свердловым, в мае 1917 избран членом Пермского городского, а в июле - член и секре-

тарь Уральского областного комитета партии в Екатеринбурге, с января 1919 - областной комиссар юстиции, комиссар Уральского военного округа, член исполкома облсовета, член обкома партии. **Акулов И.А.** (1888-1939, в 1917 - 29 лет) - в партии с 1907, в декабре 1917 - январе 1918 - секретарь Екатеринбургского комитета партии, в январе - апреле 1918 - Уралобкома партии, в сентябре 1918 - январе 1919 - председатель Вятского губкома партии и губисполкома. С 1930 - 1-й зам. председателя ОГПУ, в 1933-1935 - прокурор СССР.

Советское руководство: **Сосновский Л.С.** (1886-1937, в 1917 - 31 год) - в партии с 1904, освобожден Февралем из ссылки и в апреле 1917 избран членом Уралобкома партии, а в августе - председателем Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов и Уральского облсовета профсоюзов, в октябре - председатель Екатеринбургского Совета.

Тарабукин (Тарин) С.К. (1878-?) - единственный в городском руководстве член партии эсеров с 1903, как и остальные прошел аресты и ссылки, с марта 1917 - председатель Екатеринбургского комитета партии эсеров, в июне 1917 - январе 1918 - товарищ председателя исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Екатеринбургского и член исполкома Уральского совета крестьянских депутатов. (После захвата города белыми, на первом заседании городской думы 31 июля 1918 г., был избран гласным от партии социалистов-революционеров). **Быков П.М.** (1888-1953, в 1917 - 29 лет) - в партии с 1902, арестовывался, ссылался, в 1917 - прапорщик Екатеринбургского гарнизона, в марте 1917 - председатель Екатеринбургского совета солдатских депутатов. Входил в состав Екатеринбургского окружного и Уральского областного Советов. С ноября 1917 - гласный Екатеринбургской городской Думы. **Андронников В.Н.** (1885-1942, в 1917 - 32 года) - в партии с 1905 г., неоднократно ссылался, кандидат в члены Уральского обкома партии, в июне 1917 - председатель окружного Совета. В январе - феврале 1918 - председатель Уральского областного Совета. **Чуцкаев С.Е.** (1876-1944) - в партии с 1903, эмигрант, подвергался арестам, заключению, после февраля 1917 - избран городским головой, член областного Совета, после октября - член исполкома Облсовета, председатель Екатеринбургского Совета и один из заместителей председателя облЧК. **Сафаров (Вольпин) Г.И.** (1891-1942, в 1917 - 26 лет) - в партии с 1908, эмигрант, после февраля 1917 вместе с Лениным и Зиновьевым вернулся в Россию, с сентября 1917 - товарищ председателя

Уралоблсовета, одновременно с января 1918 - товарищ председателя, член президиума Уралобкома партии (4).

Более того, ряд активных большевиков Екатеринбурга, оказались за решеткой как раз накануне Февральской революции и были арестованы в самом городе. 16 января 1917 г. Отдельного корпуса жандармов ротмистр Ивановский А.А. докладывал Прокурору Екатеринбургского Окружного Суда о заключении им под стражу в Екатеринбургскую уездную тюрьму Малышева Ивана Михайловича, Мрачковского Сергея Витальевича (будущий командующий войсками Приуральяского военного округа), Лепы Альфреда Карловича (будущий член Екатеринбургского Совета и Уралобкома РСДРП(б), кандидат в члены ЦК ВКП (б)), Баранова Сергея Фомича (будущий член Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)), Фектера Анджи Луиша, Дзерве Лавизы Лапиновны, Кочкиной Екатерины Игнатьевны.(1. Ф.41. Оп.1. Д.44. Л.82.)

Тот же ротмистр А.А.Ивановский докладывал Прокурору Судебной Палаты, что «по имеющимся у помощника начальника Пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском и Шадринском уездах агентурным данным, в июле 1916 г. в Верх-Исетском заводе под руководством прибывшего на Урал студента-технолога, фамилию которого выяснить не удалось, организовалась группа большевиков...». Среди руководителей группы названы: Малышев, Баранов, Фехтер, Мрачковский, а также Герш-Лейба Сосновский.(1. Ф.41.Оп.1. Д.44. Л.85).

Но... грянул Февраль. И уже 3 марта 1917 г. ротмистр Ивановский, «по соглашению с Прокурором Екатеринбургского Окружного Суда, Пермским Губернатором и Особоуполномоченным по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам генералом Фортвенглером», издает постановление: «вышеупомянутых лиц из-под стражи освободить». (1. Ф.41. Оп.1. Д.44. Л.93).

Надо сказать, что эти же большевики действовали и в самом городе (поселок ВИЗа тогда официально не входил в состав города). Юровский вспоминал: «Я бы начал с первых дней - кто у нас был в организации: Вайнеры двое, Линде, Лепа, Яков Шейнкман, Жилинский, Уфимцева Мария Николаевна, Кривоногов (Невский), Сосновский, Клавдия Завьялова, Горохов, Парамонов, интернационалист-меньшевик Пиньжаков Василий, Быков Павел, Медведко, Бартенев, Давыдов, Авдеев (с Злоказовского завода), Ермаков, Иван Мрачковский, Малышев, М.Юровская, Я.Юровский, Украинцев (с завода Зло-

казова). Первый подпольный комитет был на Фетисовской улице дом № 6. Там же был и подпольный комитет Союза печатников. Хозяином квартиры был тов. Медведко (член партии). Обязанности партийного секретаря выполнял т. Линде...».(1.Ф.41. Оп.2. Д.28. Л.3.)

Можно представить каково было отношение к царскому режиму революционеров лучшие годы проведенных в тюрьмах, ссылках, эмиграции. Екатеринбургский историк, академик РАН В.В.Алексеев отмечает, что возвращаясь из сибирской ссылки Я. М. Свердлов и Ф. И. Голощёкин «поклонились застрелить “Николая Кровавого”». (2. С.137.)

После исполнения мечты, в статье «Казнь Николая Кровавого», опубликованной 23 июля 1918 г. в газете «Уральский рабочий» Г.Сафаров (Вольдин) писал: «Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца...Николай второй - был самым настоящим помещичьим царем, другом банкиров и грабителей. Когда февральская революция опрокинула приказно-помещичий строй, он остался жить «по недоразумению». (1. Ф.41. Оп.1. Д. 149 а. Л.338.)

Председатель следственной комиссии при ревтрибунале Екатеринбургского горсовета, а затем заместитель председателя ЧК Яков Юровский (сам из семьи ссыльного уголовника), в воспоминаниях 1922 года заметил: «Восставший пролетариат, забитый нуждой, безграмотный, имел полную возможность и полное право излить свою вековую злобу на попавших в их руки злодеев». (5. С. 108-116).

Немаловажным было и другое соображение. Солдат-строитель, а затем член Совета рабочих депутатов в с. Таватуй, екатеринбургский чекист и участник расстрела царской семьи Г.П.Никулин, считал, что с царем поступили даже гуманно, расстреляв его без пыток. В своем интервью в 1964 г. он заявил: «Я, например, считаю, что с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом, когда, понимаете, воевал, вот в составе третьей армии, 29-й стрелковой дивизии, я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив. Потому, что вообще с нашим братом там поступали зверски». (6. С.90).

Каков был реальный путь в революцию, по крайней мере у некоторых революционеров, можно судить по автобиографии одного из соратников Я.М.Свердлова Николая Ивановича Дербышева (1879-1955 гг.). Написанная в 1925 г., сразу после победы в Гражданской войны, она поражает редкой откровенностью. «Родился в Томске... Отец мой - кожевник... к моменту моего рождения жил не нужда-

ясь... С 14 лет - ученик в типографии... Втянулся в пьянку, забросил охоту и все свободное время проводил в пьяной кампании. Ранняя половая жизнь и пьянки не удовлетворяли меня, появилось стремление к чему-то необычному... В 1896 г. я уже вступил в только что начавшуюся организацию Сибирского социал-демократического союза... После года одиночного заключения был выслан в г. Омск... В Омске организовал большевистский комитет... арестован и просидел около трех лет в тюрьме, затем сослан в г. Березов на 4 года... После 2,5 лет ссылки по амнистии 1905 г. приехал в Екатеринбург и сразу же вошел в Уральский областной комитет, где работал с покойным Я.М.Свердловым... После 9 месяцев тюрьмы был сослан в Олонецкую губернию... откуда бежал и жил нелегально в Петрограде почти до февральской революции... За это время годы тюрьмы, где пришлось много читать и думать, создали из меня - бурного и эксцентричного человека - более или менее уравновешенного революционера борца... Я не любил подчиняться никому. Я был по природе непокорный и самолюбивый, но Андрея (*подпольная кличка Свердлова - К.С.*) я любил, и слова его были для меня законом... Рабочие выбрали меня председателем центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда... После Октябрьской революции принял пост народного комиссара по делам печати... После фронтовой борьбы с Юденичем, заболев тяжелой формой истерии, был отправлен на отдых в Одессу, но по приезде туда был назначен комиссаром транспорта Черного моря... В 1921 г. выбран на съезде председателем ЦК печатников... Одновременно с этим, три года выбирался членом пленума ВЦСПС и членом ВЦИК, а РСФСР и ЦИК, а СССР». (З. С.406-407).

Не сразу большевистские руководители страны и партии становились похожими на портреты, которые были описаны впоследствии в учебниках истории КПСС и героических биографиях. «В период июльских дней 1917 г. у нас происходило соглашение с эсерами и меньшевиками для отпора Корнилову... - откровенно повествовал Юровский. - Второе соглашение, насколько помню, было в период после Октября, в *связи с отсутствием сведений о положении в Петербурге и других центрах России (выделено мною - К.С.)*, так как почтово-телеграфные работники, вернее союз их, саботировали и сведений никаких не давали. Кроме того, в указанный период были большие продовольственные затруднения и на почве этих затруднений голод...». (1. Ф.41. Оп.2. Д.28. Л.6.)

«После Октября прошел слух о движении казаков со стороны Московского тракта. Но навстречу им были выдвинуты 10-я и 15-я роты 108 полка и конского запаса во главе не с большевиком, а беспартийным поручиком Браницким. Большевики в это время срочно создавали объединенный революционный комитет ... («2-3 дня сидели ночи напролет, вели переговоры» Вайнер, Крестинский, Юровский, эсеры Доброклонский, Хотимский)...В революционный комитет вошли Крестинский, (как будто) Войков и поручик Браницкий... Сосновский, который был в тот период председателем октябрьского большевистского Совета где-то отсутствовал (сдрейфил, очевидно, где-то прятался)...Это было, несомненно, результатом паникерства в части Уральской организации дней через 20 Крестинский заявил, что Революционный комитет заканчивает своё существование и власть снова переходит целиком в руки Советов». (1. Ф.41. Оп.2. Д.28. Л.7-8).

Таким образом, радикализм революционного руководства Урала в переломную эпоху XX века объясняется пройденным им жизненным путем. В то же время портрет «рыцарей революции без страха и упрека» сложился во многом благодаря тому, что они оказались в стане победителей.

Источники:

1. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф.41. Оп.1. Д.28. Л. 3 - 8. Д.44. Л.82, 85, 93. Д. 149а, Л.338.

Литература:

2. Алексеев В.В. Тайна века. // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С.134 - 145.

3. Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. - Репринтное издание. М. : 1989. 832 с.

4. Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. 728 с.

5. Источник. № 10. 1993. С.108-116.

6. Плотноков И.Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Изд. 2-е, испр. и доп. Т.2. М., 2008. 275 с.

Е.С. Косых

Стерлитамак

**РЕСТИТУЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКУЮ
КОНЦЕССИОННУЮ ПОЛИТИКУ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национализация, реституция, иностранный капитал, концессии, концессионный договор, дипломатическое признание, Лесли Уркварт.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается советская концессионная политика в первые послереволюционные годы. Советское правительство стремилось привлечь иностранный капитал, допуская возможность реституции, компенсации за национализированную иностранную собственность. Показано двойственное отношение советских руководителей к иностранным концессиям, выявлены причины их неудач.

E.S. Kosykh

Sterlitamak

**RESTITUTION AND ITS IMPACT ON SOVIET
CONCESSION POLICY**

KEY WORDS: nationalization, restitution, foreign capital, concession, concession agreement, diplomatic recognition, Leslie Urquhart.

ABSTRACT. The article considers the Soviet concession policy in the first years after the Revolution. The Soviet government sought to attract foreign capital, allowing the possibility of restitution, compensation for nationalized foreign property. Shows the ambivalent attitude of the Soviet leaders to foreign concessions, identified the causes of their failures.

До октября 1917 г. иностранный капитал был одной из важных составляющих российской экономики. Он инвестировался в горную, электротехническую, химическую промышленность, нефтедобычу. Около 40% иностранных капиталов было вложено в собственные компании, остальные – в акции русских обществ. Во время Первой мировой войны акции многих русских предприятий перешли к иностранцам. Всего до 1917 года в российскую промышленность иностранцами было вложено 1343 млн. руб. (13. Л.193)

Революционные события 1917 года привели к коренным изменениям как во всех сферах жизни России, так и во взаимоотношениях с иностранными государствами. Национализация иностранной собственности и отказ от уплаты царских долгов разорвали экономические связи с зарубежными партнерами. Рыночные отношения и проявление свободной частной инициативы ликвидировались, происходило огосударствление советской экономики. На это были направлены первые правовые акты советской власти. Декрет о земле от 26 октября 1917 г. признал утратившими силу все прежние акты и договоры. Земля и недра, банки были национализированы. По нефтяной промышленности 20 июня 1918 г. был издан отдельный декрет. Акты национализации не проводили различия между русскими и иностранными предприятиями.

Однако в условиях военного коммунизма было невозможно удержать страну от экономического хаоса без импорта средств производства и товаров потребления, но на получение займов и кредитов не приходилось рассчитывать. Выход виделся в привлечении иностранных капиталов в форме концессий и налаживании активных торгово-экономических отношений. Уже весной 1918 г. во время заключения Брест-Литовского договора с Германией было подписано финансовое соглашение о выплате возмещения за национализированное имущество. Одним из условий обеспечения этих обязательств было предоставление Германии нефтяных и других концессий (10. С.673-674). По мирному договору с Латвией 1920 г. предприятия латвийских граждан, эвакуированные на территорию России в период 1914–1917 гг., возвращались на родину (4. Л.287).

Правовой базой для привлечения иностранного капитала стал «Декрет об общих экономических и юридических условиях концессий», принятый 23 ноября 1920 года (2). Концессия означала нераспространение на отдельных предпринимателей законов о государственной монополии на разработку полезных ископаемых, ведение внешней торговли, о запрете или ограничении найма рабочей силы и т.д. Предлагая концессии иностранцам, советское правительство создавало иллюзию о возможности хотя бы частичной компенсации или даже реституции национализированной собственности.

Датская компания «Большое Северное Телеграфное Общество» была монополистом в области коммуникаций. Ее телеграфный кабель, проходивший по территории России, связывал Юго-Восточную Азию с Западной Европой. Общество действовало на территории

России с 1869 г. Россия получала большие отчисления от передачи телеграфных сообщений. В июле 1921 г. с компанией был заключен концессионный договор. Советское правительство приняло на себя обязательство покрыть 6 млн франков, составлявших в большей части дореволюционный долг русских правительств Обществу (7. Л.132 об). Концессия носила реституционный характер, поэтому в советской литературе было принято считать, что первой была асбестовая концессия «Аламерико», которую Ленин сдал Арманду Хаммеру в ноябре 1921 г.

Реституционный характер носил договор с Лесли Урквартом. До революции 1917 г. его компания «Руссо-Азиатик Консолидэйтед Лимитед» контролировала медные, цинковые и железно-рудные месторождения на Урале, в Казахстане и в Восточной Сибири и добывала до 60% всего серебра и свинца. После революции рудники и заводы были национализированы. Претензии группы Уркварта в Советской России составляли 56 млн. ф. ст., что составляло почти треть всех английских требований. Требования о компенсации были отвергнуты. В 1921 г. Уркварт попытался получить четыре своих завода в концессию, но стороны договориться не смогли. Летом 1922 г. переговоры возобновились (12. С.88). 9 сентября 1922 г. был подписан предварительный концессионный договор на 99 лет. Лондонская «Таймс» писала: «Советское правительство обязуется компенсировать обществу понесенные им убытки, начиная с 1917 г. Против слова «компенсировать» горячо восстал г-н Красин, заявив, что советское правительство не компенсирует, а вносит известную сумму с целью облегчения начала работ, но дело не в словах, а в самом факте – Россия уплачивает более 3 млн. ф. ст.» (13. С.335). По концессионному соглашению Уркварту выплачивался аванс в сумме 150 тыс. ф. ст. и 20 млн. руб. в советских облигациях. Фактически это были реституционные уступки, категорически отвергаемые большевиками. Сам Уркварт впоследствии признавал, что «соглашение давало нам все, что в разумных рамках мы могли просить». Мог быть создан прецедент, по которому долгосрочные концессии предоставлялись в случае отказа от любых претензий на компенсацию. По настоянию Ленина 5-6 октября 1922 г. сначала Пленум ЦК РКП (б), а затем Совнарком отказались утвердить договор. Ленин хотел дипломатического признания РСФСР со стороны Англии в обмен на концессию Уркварта. Тогда договор стал бы прецедентом. Лесли Уркварт еще несколько лет безуспешно пытался получить концессию на свои бывшие предприятия (12. С.90).

Бывшие владельцы внимательно следили за судьбой своей собственности в России. В ноябре 1920 г. начались переговоры с двумя английскими нефтяными группами о сдаче им на концессионных началах бакинских и грозненских нефтяных промыслов. Бывшие акционеры потребовали компенсации, возвращения собственности компании и расчета за всю нефть, взятую из резервуаров. Правительство Великобритании 18 ноября 1920 г. сделало запрос. Советское правительство ответило, что Азербайджан – суверенное государство и вопрос не по адресу.

В отношении концессий бывшие собственники заняли непримиримую позицию: «Предлагаемые концессии отвергают права собственников. Это предложение заключается в том, чтобы британские нефтяные круги купили добро уворованное – даже не русских, а главным образом британских подданных» (8. Л.25). Из переговоров с иностранными фирмами о нефтяных промыслах выяснилось, что они желают получить или те нефтяные промыслы, которые им раньше принадлежали, или совершенно свободные участки, не принадлежавшие никакой фирме. Иностранные компании не шли на те участки, которые до национализации принадлежали какой-либо другой фирме (5. Л.89).

Тактика концессионного бойкота была сформулирована в резолюции Гаагской конференции от 20 июля 1922 г.: «Конференция обращает внимание всех представленных здесь правительств на желательность того, чтобы все правительства не поддерживали своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным подданным и конфискованное после 1 ноября 1917 г.» (11. С.752).

В основных странах-инвесторах – Англии, Бельгии, Франции – были созданы объединения бывших владельцев собственности в России, которые следили за выполнением резолюции Гаагской конференции. В 1922 г. 18 нефтепромышленных обществ подписали «Договор о блокаде русской нефти». Они постановили не брать в концессию промыслы, принадлежавшие до революции кому-либо из них или государству (3. С.160-161). И хотя сами участники соглашения потихоньку занимались контрабандой, закупая в России то бензин, то смазочные масла, серьезных концессий не было создано. Для Советской России оставался только путь заключения индивидуальных мелких договоров, которые могли дать больших финансовых выгод.

Что касается официальной советской позиции, то не раз декларировавшейся точкой зрения было: «Претензии бывших владельцев на возмещение убытков, причиненных безвозмездной национализацией, как принципиальное признание прав частной собственности, подлежат безусловному отклонению» (6. Л.10).

Открыто реституционный момент был учтен только в договорах со смешанными лесными обществами «Руссанглолес», «Руссголландолес» и «Русснорвеголес» в 1923 г. (1. Л.6-7) В скрытой форме реституционные пункты были в составе многих концессионных договоров (СКФ, Раабе, Бергер и Вирт), в том числе и в самых крупных – с «Леной Голдфилдс» и с Гарриманом. При расчете платежей, требуемых Главконцессыоном от фирмы Гарримана, имелось в виду, что эта фирма должна будет делать платежи также бывшим собственникам, а концессии «Лена Голдфилдс» не предусматривалось арендных платежей за переданное концессионеру имущество (1. Л.10).

Стремление советской стороны связать реституцию с политическими уступками или экономическими выгодами осложняло проведение концессионной политики. Западный бизнес с недоверием относился к большевикам и не спешил вкладываться в долгосрочные проекты.

Источники:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.8350. Оп.4. Д.310.
2. Декрет СНК от 23 ноября 1920 г. Текст декрета, объекты концессий, карты. Пг.: Госиздат, 1921. 23 с.
3. Прокопович С.Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин: Обелиск, 1923. 215 с.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.3429. Оп.6. Д.34.
5. РГАЭ. Ф.3429. Оп.6. Д.388в.
6. РГАЭ. Ф.3429. Оп.6. Д.694.
7. РГАЭ. Ф.3429. Оп.6. Д.700.
8. РГАЭ. Ф.413. Оп.2. Д.1428.
9. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 6. Д.87.

Литература:

10. Документы внешней политики СССР. Т.1. М.: Политиздат, 1957. 772 с.
11. Документы внешней политики СССР. Т.V. М.: Политиздат, 1961. 808 с.

12. Косых Е.С. Уркварт и Вандерлип: судьба двух несостоявшихся концессий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №7-2 (69). С.88-90.

13. Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л.: Наука, 1969. 430 с.

УДК94(985).084.3:913(985)

ББК Д890(211)+ТЗ(2)61-2

ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

А.А. Кохановский

Екатеринбург

**ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРТИИ ЭСЕРОВ
МАКСИМАЛИСТОВ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, Революция 1917 года, социалистические партии, эсеры – максималисты.

АННОТАЦИЯ. В статье приводится обзор советской и современной историографии по теме истории партии эсеров-максималистов в период Революции 1917 года. Особый акцент сделан на выявление причин ограниченности числа научных работ и приоритет региональных исследований над общероссийскими.

A.A. Kokhanovski

Yekaterinburg

**HISTORIOGRAPHY OF SOCIALIST-REVOLUTIONARY -
MAXIMALISTS PARTY'S ACTIVITIES DURING
THE REVOLUTION OF 1917**

KEY WORDS: Historiography, The Revolution of 1917, the Socialist Party, the Socialist-Revolutionaries - maximalists.

ABSTRACT. The article provides an overview of the Soviet and contemporary historiography on the history of the party-SRs maximalists during the Revolution of 1917. Particular emphasis is placed on identifying the reasons for the limited number of scientific papers and priority the regional studies over the All-Russia researches.

В советской и постсоветской историографии деятельности политических партий в ходе Революции 1917 года традиционно большое внимание уделялось социалистическим партиям – ее ключевым политическим силам. Если советская историография специализировалась в

основном на изучении роли «партии нового типа», РСДРП(б), то постсоветская в условиях научного плюрализма предпочитала изучать правых и левых эсеров и меньшевиков, национальных социалистических партий. Одной из немногих партий, «обделенных» вниманием историков, остается партия эсеров – максималистов.

Причина невысокого внимания к истории Союза социалистов - революционеров - максималистов (ССРМ) понятна: численность членов партии, ее представленность в органах власти, создававшихся в ходе Февральской и Октябрьской революций, не шли в сравнение с аналогичными показателями большевиков, меньшевиков или эсеров. Более того, даже в течение Революции СССР не имел равномерного покрытия территории страны своими организациями, располагаясь отдельными «островками» влияния, к примеру парторганизация Ижевско-Воткинского района, одна из немногих на Урале и в то же время одна из крупнейших в стране.

Факт невнимания советской исторической науки к истории СССР можно проиллюстрировать статьей об этой партии в Советской исторической энциклопедии, изданной в 1965г. Статья под авторством В. Гармизы занимает один абзац, охватывающий историю партии от зарождения в 1906 до роспуска в 1920г., основанный на материалах трудов Ленина и программных документах лидеров СССР (12.Стлб. 942-943). Это значит, что до 1965г. в советской исторической науке не оказалось серьезных научных трудов, на которые можно было бы сослаться в энциклопедии, как делали авторы статей о других социалистических партиях.

Работы по истории СССР начали появляться лишь с начала 1970-х гг., а первым крупным трудом следует считать монографию А.Ф. Жукова (1979), написанную в традиционном для советских историков направлении «краха меньшевистских идей в революции» (6). В работе партия охарактеризована как ультралевое течение народнического социализма, развивавшееся в условиях неизбежного наступления капитализма, а потому не имевшее исторических шансов против развивавшегося авангарда социалистической революции - пролетариата. Автор описывает непонимание максималистами диалектики развития революции, их мелкобуржуазность, непоследовательность и разрозненность их политической программы, то есть факторы, ставшие объектами борьбы и разоблачений со стороны большевиков, а также склонен смешивать максималистов с близкими им по идеологии левыми эсерами.

Жуков описывает конституирование самостоятельных парторганизаций ССРМ на волне Февральской революции, делая акцент на непоследовательности программных установок партии, не видевшей разницы между Временным правительством и Петросоветом. Автор выделяет четыре основных этапа истории партии в течение Революции: 1) начало солидаризации с большевиками в местных Советах по вопросу критики Временного правительства, Корниловщины и Предпарламента с момента июльских событий в Петрограде, не помешавшее максималистам приветствовать самочинное провозглашение Керенским России республикой (6. С.55); 2) организационное воссоздание ССРМ на их II партконференции 15-21 октября 1917г., участие партии в Октябрьской революции, работе ВРК, ВЦИК и подавлении выступления Керенского – Краснова, поддержка большевистских Декретов с осуждением ухода правых эсеров и меньшевиков со II съезда Советов, что опять-таки не мешало партии выражать недоверие Совнаркому и непоследовательно колебаться в вопросе о войне (6.С.90); 3) весна 1918г. - время солидаризации с левыми эсерами и анархистами в деле противостояния большевикам по вопросу о Брестском мире и продовольственной политике, переход к антибольшевистской борьбе в форме Ижевского мятежа на Урале; 4) время с декабря 1918г., когда на IV партконференции ССРМ произошел идеологический раскол, разрешившийся победой антибольшевистской линии Нестроева (1919), потерпевшей крах вместе с белым движением, а также переходом сторонников иной линии в ряды РКП(б) в 1920 г. (6. С.132).

В целом, концентрируя внимание на основных географических очагах политического присутствия партии (Кронштадт, Самара, Иваново-Вознесенск, Курск, Харьков, Ижевско-Воткинский район), Жуков делает вывод, что ССРМ «не представлял сколь-нибудь значительной силы в политической жизни страны» (6. С.67). В более поздней статье Жуков дополнил концепцию материалами, относящимися к деятельности партии во время левоэсеровского мятежа 6 июля 1918г (8. С.138). Схожую по форме критику эсеровского максимализма в контексте углубления социалистической революции сформулировал Н.В. Пономарев (15;16).

Вторым крупным советским специалистом по исследуемой тематике был историк Ю.И. Шестак. Он поддерживает заключения Жукова о непоследовательности политической линии максималистов и о борьбе большевиков с их полуанархическими заблуждениями, допол-

няя их детализацией технических моментов конституирования ССРМ (ход конференций, принятие Устава), а также усматривая большую роль в блокировании партии с левыми эсерами, переходящем в обоюдное движение к их организационному слиянию весной 1918 г. (19).

Стоит отметить, что роли партии ССРМ не нашлось места даже в обобщающих коллективных монографиях, освещающих крах непролетарских (мелкобуржуазных) партий и движений, например, в книге «Непролетарские партии России: урок истории» под редакцией И.И. Минца и К.В. Гусева (1984). Лишь две страницы написаны Л.М. Спириным в работе «Классы и партии в гражданской войне в России» (1968), будучи включены в контекст главы о левых эсерах (18. С. 168-170).

Крайне немногочисленное научное наследие советских историков по изучению ССРМ объяснимо отчасти и бытовавшим правилом, по которому выводы советских специалистов по вопросам Революции должны были так или иначе согласовываться с точкой зрения Ленина, отраженной в его письменном наследии. В течение революции лидер большевизма всегда критиковал и «разоблачал» неверные позиции всех политических сил, стоящих у власти, то есть кадетов, эсеров и меньшевиков во Временном правительстве, «мелкобуржуазных» левых эсеров в Совнарком (весна – лето 1918г.) и даже анархистов с их антибольшевистской «Махновщиной» на Украине. В случае же с эсерами-максималистами дело обстояло иначе: эта партия никогда не стояла у власти, не формировала ни один политический режим, поэтому в отзывах Ленина о ней почти не упоминалось. Анализ истории создания и идеологических ошибок ССРМ приводится им лишь в одной статье под названием «Эсеровские меньшевики» (11), в соответствии с которой и разрабатывались указанные научные работы советского периода.

С крушением СССР и марксистско-ленинской парадигмы исторических исследований в изучении указанного предмета наступил перелом, однако из большого числа учебных и справочных пособий, изданных в 1990-е гг. небольшая глава об эсерах-максималистах содер­жится только в справочнике «Политические партии России», подготовленном брянскими историками в 1993 г. (14. С. 107-112).

Наиболее полное монографическое исследование по истории ССРМ появилось лишь в 2008 г. в виде труда ученого нижегородского госуниверситета В.П. Сапона. В монографии автор вписывает деятельность партии максималистов в общий контекст либертарного

движения (движения за полную эмансипацию всех угнетаемых), охватившего всю совокупность леворадикальных партий страны на волне периода от свержения самодержавия к гражданской войне (17).

Автор отмечает, что идеологами ССРМ, как и других леворадикальных партий, являлись представители разночинной интеллигенции, а социальной базой – пролетарские слои, сохранившие связь с деревней. Указывая на тесную идеологическую и организационную переплетенность максималистов с левыми эсерами, ученый говорит об активизации членов еще единых эсеровских организаций в местных КОБах и Советах в первые месяцы Революции, хотя в вопросе о власти левым эсерам по степени радикализма было далеко до «экстремизма анархистов, максималистов или большевиков». Три указанных движения автор характеризует термином «внесистемная оппозиция», причем максималистов он считает более последовательными либертарианцами (17. С.101).

Полемизируя с советскими учеными по поводу критики максималистской непоследовательности, Сапон утверждает, что максималисты имели немало общего с социал-демократами и даже превосходили их в последовательности воззрений, особенно затрагивающих проблемы строительства Российской Трудовой республики, которая в процессе интернационализации революции волеется во всемирную трудовую республику в качестве одного из ее федеративных штатов (17. С.106). Автор подробно рассматривает логичные воззрения максималистов на проблему социализации в широком социально-экономическом смысле, а также работу членов партии в советских органах. Невыражение поддержки Совнаркому он также объяснял последовательным протестом против всякой узурпации власти, в том числе и большевиками. Окончательный разрыв в доселе союзных отношениях с большевиками наступил на IV съезде Советов, когда максималисты выразили несогласие с условиями Брестского мира, которое более тесно сплотило их с левыми эсерами. В советах две партии блокировались для противостояния большевикам, не входя при этом в исполкомы.

По мнению ученого, к лету 1918г. левых неонародников погубило стремление «осуществить демократизацию государственной политики в рамках советского парламентаризма»: благодаря внедрению большевистской партии в институты советской власти разных уровней, неонародники оказались в меньшинстве на решающем V съезде Советов, то есть уже не могли легально добиться изменения полити-

ческого курса страны (17. С. 143-144). Итогом съезда стал разгром «антисоветского мятежа» левых эсеров и полный отрыв партии от «советского парламентаризма». Общий вывод автора раскрывает негативный сценарий исторической альтернативы, в которой бы левые неонародники одержали верх над другими политическими игроками – стране в таком случае угрожала бы деиндустриализация и откат в прошлое. В условиях Революции, перешедшей в гражданскую войну, потерпел крах и их либертаристский идеал, что выразилось в дезинтеграции партий максималистов и левых эсеров и вхождении части их членов в состав РКП(б) с признанием авторитарно-централистских приоритетов.

Таким образом, монография В. Сапона имеет ряд уникальных, отличительных черт. Помимо того, что автор в ней подверг пересмотру идеологизированные нападки на историю ССРМ со стороны советской науки, он в то же время не был склонен к апологетике партии как жертвы большевизма или партии, несущей более правильную для исторического пути России идеологию. Существенным преимуществом монографии выступает попытка изложить интегрированную историю леворадикальных движений неонародничества и социал-демократии, отведя ССРМ место среди левых партий, а не отдельно от них, что позволяет проследить не только преграды, но и тесную взаимосвязь между ними.

Такому глубокому подходу противостоит, например, оценка максималистов, данная историком из Иерусалимского университета Л. Прайсманом, который в беседе на тему антибольшевистского Ижевско-Воткинского восстания рабочих на радио «Эхо Москвы» (2013) обратил внимание на произвол и бессудные расправы над населением края со стороны большевистской власти, послужившие одним из факторов восстания. При этом, не поясняя далее своих слов, он охарактеризовал максималистов и анархистов лишь как товарищей большевиков «по части бандитизма» (2). При подобном невнимании зарубежного специалиста к роли ССРМ все-таки стоит сделать предположение о его частичной правоте: вполне возможно, что либертаристские идеалы и сопротивление большевистскому произволу высказывали лидеры ССРМ, тогда как рядовые партийцы имели более низкое идеологическое сознание и образование, которые в отрыве от центральной власти в условиях всестороннего кризиса в стране могли проявлять тягу к произволу, тем более, когда имел место наглядный пример большевиков.

Из отечественных ученых проблемами истории эсеровского максимализма занималась Л.А. Можяева. Она рассмотрела сущность его теоретического концепта «Трудовой республики», привлекая «Проект основ Конституции Трудовой республики», изданный ССРМ в апреле 1918 г. как первой Советской конституции, где максималисты предлагали отказаться от ВЦИКа как органа с неопределенными функциями в пользу Съезда Советов. В дальнейшем, следуя своим установкам, максималисты поддерживали лозунг «Власть Советам, а не партиям!» и выдвигали план введения всеобщего избирательного права, отвергая большевистские цензы для «лишенцев» (13).

В целом же, по причине относительной немасштабности ССРМ по сравнению с другими социалистическими партиями и ее неравномерного представительства в регионах, научные работы по указанной теме представляют собой региональные и локальные исследования. Так, например, имела место дискуссия между историком Саратовского госуниверситета В.В. Назаровым и ученым-краеведом Л.И. Кузевановым (2012) на материалах Балашовского уезда Саратовской губернии. Кузеванов критиковал «притянутые» к концепции Назарова выводы о том, что большевистские гонения на оппозицию начались сразу после Октябрьского переворота, в результате чего с поста председателя Балашовского уездного исполкома был снят левый эсер Г. Солонин. Кузеванов обратил внимание, на то, что Солонин являлся не левым эсером, а максималистом, а гонения на тех и других не могли начаться сразу после Октябрьского переворота, поскольку ПЛСР и ССРМ поддерживали РСДРП(б) на II съезде Советов. Мотивом же снятия Солонина с должности послужили его халатность и властный произвол, свойственный человеку, внезапно попавшему во власть из социальных низов (10). О деятельности ССРМ в других регионах упоминали историки П.Н. Гордеев (4), В.И. Бакулин (1) и Н.Н. Кабытова (9).

Наиболее полным исследованием по истории деятельности региональных максималистов в 1917-1918 гг. выступает монография С.Л. Бехтерева, написанная на материалах Ижевско-Воткинского района, где местная организация ССРМ была одной из крупнейших и влиятельнейших в стране. Автор свидетельствует, что социальной базой парторганизаций края и ее «электоратом» выступали пролетарии – мелкие собственники с рабоче-крестьянским социальным положением (3. С.31). Благодаря синтетической идеологии максималистов, в партию вливались не только приверженцы неонародничества,

но и социал-демократии, что привело к раннему признанию местными партийцами лозунгов большевиков и активном участии в создании боевых дружин, реорганизованных после Октября в Красную гвардию. Триумфом коалиционной работы левых радикалов автор называет I Вятский губернский съезд Советов (январь 1918 г.), исполком которого принял совместную резолюцию о передаче власти Советам, а затем и одобрение разгона Учредительного собрания.

Разрушение коалиции началось в результате радикальной и непродуманной политики большевиков, приведшей к недовольству населения и победе беспартийных на выборах в Советы, что вызвало недовольство максималистов и отказ их боевых отрядов подчиняться исполкомам. В апреле 1918г. отряды ССРМ и вовсе приступили к самовольному разгрому Советов (явление, по причине наличия угроз в адрес большевиков охарактеризованное советским историком Жуковым как «антисоветский мятеж эсеро-максималистов») (7). В ответ на угрозы все максималисты района были арестованы большевистскими красногвардейцами.

Произвол левых радикалов породил к лету 1918г. рост надежд населения на умеренно-социалистические партии, на взаимодействие с которыми пошли созданные рабочими - фронтовиками общественные организации. В таких условиях максималисты снова поддержали РКП(б) в деле мобилизации и борьбы с контрреволюцией на Восточном фронте. Однако уже 8 августа Ижевск был захвачен Чехословацким корпусом, а многие партийные активисты ССРМ и РКП(б) были расстреляны. Грабительские действия леворадикальных партий при эвакуации из края спровоцировали начало Ижевско-Воткинского рабочего восстания, к сентябрю покончившего с их властью.

Таким образом, автор монографии подробно рассматривает региональный ракурс отношений социалистических партий, видя в максималистах одну из движущих сил развития революции, но вместе с тем и силу, побудившую население края, уставшее от их самовластия, к антисоветскому мятежу, инкорпорированному в белое движение.

Необходимо отметить: история антисоветского восстания в Ижевско-Воткинском районе занимала удмуртских историков с начала 80-х гг. Прежде всего стоит отметить монографию П.Н. Дмитриева и К.И. Куликова (1992), отразившую роль максималистов в разжигании антисоветских настроений. Авторы указывают, что лозунги ССРМ привлекали политически незрелых рабочих, «радикально настроенную часть городской мелкой буржуазии, деклассированных

элементов, среди которых были даже уголовники» (5. С.25), а также отождествляют антибольшевистскую позицию ССРМ с антисоветской. Ряд тенденциозных выводов авторов был частично оспорен Бехтеревым в работе 1997 г.

Итак, в результате проведенного обзора историографического наследия по истории участия партии эсеров-максималистов в Революции 1917г. было установлено, что в количественном плане данное наследие весьма невелико. По причине того, что партия имела небольшую численность и неповсеместное представительство своих организаций по стране, а также ввиду почти полного отсутствия ее представителей в высших органах центральной власти, ракурс исследований историков зачастую смещается на изучение деятельности ССРМ в ряде отдельных регионов. Следовательно, разработка указанной тематики сохраняет научную актуальность и значительный исследовательский потенциал.

Литература:

1. Бакулин В.И. Многопартийность в Советской России: упущенный шанс // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. №4. С. 60-65.
2. Беседа с Л. Прайсманом на тему «Парадоксы «третьего пути»: антикоммунистическое рабочее Ижевско-Воткинское восстание 1918г.». URL: <http://echo.msk.ru/pro-grams/senarobedy/1161206-echo/> (дата обращения: 10.09.2016).
3. Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. 192 с.
4. Гордеев П.Н. Анатолий Ламанов – председатель Кронштадтского Совета в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 139-143.
5. Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. 392 с.
6. Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979. 159 с.
7. Жуков А.Ф. Ижевский мятеж эсеров - максималистов // Вопросы истории. 1987. №3. С. 173-178.
8. Жуков А.Ф. О взаимоотношениях большевиков с эсерами-максималистами в первые годы Советской власти // История СССР. 1986. № 3. С. 134-142.
9. Кабытова Н.Н. Муниципальные выборы 1917 г. в Поволжье // Вестник Сам-ГУ. 2012. № 8/1. С. 75-80.

10. Кузеванов Л.И. Назаров Владилен Викторович о противостоянии большевиков и максималистов в 1918 г. А было ли противостояние? Post hoc non propter hoc. URL: <http://klio.3dn.ru/publ/4-1-0-277> (дата обращения: 10. 09. 2016).
11. Ленин В.И. Эсеровские меньшевики // ПСС. М., 1972. Т. 13. С. 396-406.
12. Максималисты // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стлб. 942-943.
13. Можаяева Л.А. Трудовая республика максимализма. URL: <http://www.sen-susnovus.ru/featured/2015/07/09/21217.html> (дата обращения: 10. 09. 2016).
14. Политические партии России (первая четверть XX в.): справочник. Брянск, 1993. С. 107-112.
15. Пономарев Н.В. Проблема власти в политической доктрине анархизма и максимализма. Казань, 1974. 169с.
16. Пономарев Н.В. Проблема власти в политической доктрине анархизма и максимализма (критический анализ). Казань, 1993. 190 с.
17. Сапон В.П. Терновый венец свободы. Либертаризм в идеологии и революционной практике российских левых радикалов (1917-1918 гг.). Нижний Новгород, 2008. 332 с.
18. Спириин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). М., 1968. С. 168-170.
19. Шестак Ю.И. Банкротство эсеров-максималистов // Вопросы истории. 1977. № 1. С. 30-47.

УДК 930.85

ББК 780.16

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

А.А. Кочкина

Нижний Тагил

ДИНАМИКА ОБРАЗОВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1917 ГОДА И ЕЕ ВОЖДЕЙ

В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (1920-1950-Е ГГ.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, кино, историко-революционный фильм, художественный образ.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется образ русской революции 1917 года в советском кино, созданный в первой половине XX века. Историко-революционный фильм рассматривается в качестве источника по изучению культурной памяти СССР и политической истории.

A.A. Kochkina

Nizhny Tagil

**DYNAMIC IMAGES OF 1917 REVOLUTION
AND ITS LEADERS IN THE SOVIET CINEMA**

KEY WORDS: revolution, movie, historical-revolutionary film, an artistic image.

ABSTRACT. The article analyzes the image of the revolution of 1917 in the Soviet cinema, created in the films of different decades. Historical-revolutionary cinema is considered as a source for the study of the cultural memory of the USSR.

В исторической литературе много внимания уделяется анализу событий февраля и октября 1917 года. Тема рассмотрена с разных точек зрения и на основе множества документальных источников. При этом «визуальный поворот» (6. С.161) в социально-гуманитарных исследованиях и расширение источниковой базы исторической науки сегодня позволяют вновь обратиться к вопросам революции с целью изучения их репрезентации в сфере киноискусства.

Изучение игрового кино в качестве исторического источника до недавнего времени не проводилось. Иногда элементы источниковедческого анализа использовались в искусствоведческих работах (1. С. 61). В последнее время появились публикации, рассматривающие игровое кино в качестве средства извлечения информации о культурной памяти народа (4). Стоит отметить специфику научного подхода к кинофотофонодокументам, которая заключается в наличии особой методики исследования. В данном случае мы опирались на методологию изучения художественного кино как исторического источника, разработанную Л.Н. Мазур (7. С. 55).

Предметом нашего исследования стали фильмы о революции разных десятилетий. Остановимся на картинах 1920–1950-х гг. – периода развития и становления историко-революционного кино как специфического жанра, так же это время формирования тоталитарного режима политической власти, получившего в историографии обозначение «сталинизм».

1920-е гг. в развитии отечественного кино отмечены искусствоведцами и историками как период становления советского кинематографа, его признания мировым киноискусством (10. С. 106). В это время несколько режиссеров обращаются к теме революции и рабо-

чего движения: С. Эйзенштейн («Октябрь» 1927, «Стачка» 1925, «Броненосец Потемкин» 1925), Г. Александров («Октябрь» 1927), В. Пудовкин («Конец Санкт-Петербурга» 1927, «Мать» 1926), А. Довженко («Арсенал» 1928). Выборка фильмов не случайна: именно эти картины признаны классикой революционного жанра, отражены в искусствоведческой и исторической литературе (10), а так же размещены в Интернет-сети и транслируются на ТВ, что не исключает наличия их влияния на формирование исторических представлений и у современного зрителя.

В центре внимания в данных кинофильмах волнения масс, недовольства рабочих, стихийные забастовки и митинги. Революция предстает перед зрителем как единственное спасение для угнетенного режимом трудящегося человека. В художественных фильмах «Мать», «Конец Санкт-Петербурга», «Стачка» действия разворачиваются вокруг завода. Ключевой становится тема конфронтации между рабочими и администрацией, между угнетенными и угнетателями, народные массы в данном случае выступают главным героем кино. Как отмечают О. С. Борисова, О. В. Ковальчук, К. Ю. Королева: «реализм историко-революционного фильма был основан на последовательно выстроенном повествовании с четко определенными даже выпуклыми бинарными оппозициями свой – чужой» (2. С. 225).

В исследовании немого кинематографа информативными и иллюстрирующими позицию режиссера являются титры. Например, режиссерский замысел: показать революционность масс отражает фраза в начале «Броненосца Потемкина»: «Дух революции носился над русской землей. Какой-то огромный таинственный процесс совершался в бесчисленных сердцах. Личность, едва успев осознать себя, растворялась в массе, масса растворялась в порыве». Эта же идея прослеживается в других картинах, однако, в работах «Октябрь» и «Стачка» уже подчеркивается роль организаторов революционной борьбы – роль партии: «Только под железным руководством коммунистической партии может быть обеспечена победа народных масс» («Октябрь») и «Сила рабочего класса – организация. Без организации масс пролетариат – ничто. Организованный он – все» («Стачка»).

Историко-революционное кино 1920–х гг. показывало путь к революции, в нем освещались моменты истории России перед 1917 годом, октябрь которого выступал кульминационным моментом. В картине «Октябрь» присутствуют отображения исторических событий: Первая мировая война и братание солдат, апрельское выступление

Ленина, выступление генерала Корнилова (Корниловский мятеж), период правления Временного правительства, вооруженное восстание большевиков. Вниманию зрителя предлагаются исторические личности: В.И. Ленин, А. Ф. Керенский, Л.Г. Корнилов, Н.И. Подвойский. Интересными при анализе исторических мотивов кино являются эпизоды штрейхбрейкерства в фильме «Конец Санкт-Петербурга», сцены Всеукраинского съезда в «Арсенале». В потоке этих исторических событий акцентируется внимание на обществе, «доведенном» до революционного состояния. В нескольких картинах создан образ бедствующих семей пролетариата. Голод, многочасовой рабочий день, жестокое отношение работодателей, бедность становятся явными причинами революционного движения.

В 1930–е гг. с появлением в кино звука, с нововведениями в области культурной политики государства происходят существенные изменения в кино. Режиссеры по-прежнему обращаются к историко-революционному жанру, но при этом создаются новые образы и смыслы, связанные с пониманием революции 1917 года.

В 1931 г. выходит Постановление ЦК ВКП(б) «О советской кинематографии», где определяются политические задачи кинематографа: «Кино должно в высоких образцах искусства отобразить героическую борьбу за социализм и героев этой социалистической борьбы и стройки, исторический путь пролетариата, его партии и профсоюзов, жизнь и быт рабочих, историю гражданской войны; оно должно служить целям мобилизации трудящихся на укрепление обороноспособности СССР» (11).

Обратимся к кинокартинам 1930–х гг., снятым режиссерами: М. Роммом («Ленин в Октябре» 1937, «Ленин в 1918 году» 1939), Г. Козинцевым («Юность Максима» 1934, «Возвращение Максима» 1937, «Выборгская сторона» 1938), Л. Траубергом («Юность Максима» 1934, «Возвращение Максима» 1937, «Выборгская сторона» 1938), А. Зархи («Депутат Балтики» 1937), И. Хейфицем («Депутат Балтики» 1937), Д. Васильевым («Ленин в Октябре» 1937), С. Юткевичем («Человек с ружьем» 1938), Л. Арнштамом («Подруги» 1935). В это время внимание режиссеров концентрируется уже не на революционных массах и борьбе, а на отдельных личностях, героях революции и пришедшей вслед за ней гражданской войны. Тема февральской революции практически не освещается, в отличие от кино 1920–х гг. Заметим, что в 1930–е гг. больше подчеркивается роль лидеров революционного движения, центральными фигурами практически в каж-

дом фильме выступают В.И. Ленин и И.В. Сталин. В 1937 году на советские экраны вышел фильм «Ленин в Октябре» М. Ромма, режиссерский акцент в котором сделан на трех исторических личностях и их роли в свершении революции: В. И. Ленине, И. В. Сталине, Я. М. Свердлове. Особого внимания заслуживает сюжет предательства партии Каменевым и Зиновьевым, что современные исследователи связывают с политическими процессами 1930–х гг. (З. С. 423). Еще в начале фильма Ленин утверждает: Каменев, Зиновьев и Троцкий «предлагают ждать, пока буржуазия задушит революцию, а товарищ Сталин, напротив, указывает, что ждать нельзя». В фильме Сталин позиционируется как главная опора Ленина в революционной борьбе. В картине «Ленин в Октябре» революция – совместный, спланированный, разумно разработанный проект двух лидеров Ленина и Сталина.

В трилогии «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона» Л. Трауберга, Г. Козинцева так же видим процесс выделения героев революции, то есть история революционной борьбы показана как борьба одного человека – главного героя. Рабочий Максим оказывается втянут в революционное движение из-за несправедливостей, что происходят вокруг него, начиная с гибели близкого друга на заводе, казни политических заключенных. С течением времени из простого жизнерадостного пролетария он превращается в политического деятеля.

Новый образ революции дают 1950–е гг., в частности вторая половина. В это время снимают картины режиссеры: Н. Лебедев («Андрейка» 1958), С. Васильев («В дни Октября» 1958), Т. Лукашевич («Заре навстречу» 1959), Ю. Егоров («Они были первыми» 1956), А. Алов, В. Наумов («Павел Корчагин» 1956), Л. Трауберг («Шли солдаты» 1958), В. Басов («Первые радости» 1956).

В 1950–60-е гг. писатели, поэты и режиссеры обратились к обычному человеку, его внутреннему миру, повседневной жизни общества (8). Эта мысль характеризует также историко-революционное кино, в котором стремление авторов показать «революционные переживания» отдельного человека или семьи. Так, картина «Первые радости» основана на бунтарских настроениях студента, романтично мечтающего о революции как лучшей жизни. Показательными являются его фразы, когда речь заходит об этом: «Я выбрал дорогу и не сверну никуда, все равно, сколько придется идти: десять лет или двадцать», «Свобода и независимость! Пусть это будет нашим девизом».

Еще в одном фильме периода Оттепели «Заре навстречу» революция показана через судьбу семьи Сапожковых, убежденных революционеров и большевиков. Здесь на первый план ставятся не народные массы и партийные лидеры, не жители столицы, а люди глубинки, искренне разделяющие позиции большевиков и ждущие революцию как спасение от войны, а затем от бесчинства временного правительства. Образ революции в данном случае приобретает личностное значение, а большевики показаны как единственный источник добра для народа в тяжелые времена.

Сам вождь революционной борьбы предстает в кино 1950–х гг. не только лидером партии, стратегом революции и защитником рабочих, но и хорошим семьянином. В фильме «В дни Октября» зрителю показываются теплые отношения Ленина и Крупской, его забота о жене.

Таким образом, анализ советского историко-революционного кино 1920–1950–х гг. позволяет сделать следующие выводы:

- историческое прошлое многократно становилось объектом экранизации советского кинематографа, а историко-революционное кино представляло собой отдельный жанр (5. С. 34). Изучение динамики образа революции в рассматриваемый период способствует составлению целостной научной картины социальной реальности, позволяет пополнить сведения о культурной памяти и истории повседневности советских граждан;

- историко-революционное кино можно рассматривать не только как источник, выявляющий исторические представления о 1917 году бытовавшие в определенный период, но и как источник, раскрывающий политические, агитационные и пропагандистские задачи кино, которое по-своему легитимировало действующий режим;

- в условиях цензуры и идеологического давления, исторические фильмы становятся источником формирования заблуждений и мифов, что говорит о необходимости верификации кинотекста и сюжета современными исследователями. Подтверждение данного тезиса находим и у других авторов: по мнению Е. В. Волкова, закономерность и неизбежность Октябрьской революции 1917 года, обеспечившей наилучший путь развития России – идеологический постулат советской власти (3. С. 416). «Интерес к истории в кинопроизводстве в советский период всегда увязывался с «задачами текущего момента» и работал на них. «Прошлое должно было способствовать пониманию

настоящего и поддерживать его, а иногда и оправдывать» – отмечает Л. Н. Мазур (9. С 409);

– изменения в кинообразе октября 1917 г., по-видимому, связаны с событиями социально-политической реальности момента создания картины.

Литература:

1. Баталина, А.В. Некоторые особенности источниковедческого анализа игрового кино / А.В. Баталина // ТехноТронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие. Материалы научно-практической конференции. М.: РГГУ, 2004. С. 61–65.

2. Борисова, О. С., Ковальчук, О. В., Королева, К. Ю. Антропология революции и символическое насилие в советском кинематографе 30-х гг. XX века [Текст] / О. С. Борисова, О. В. Ковальчук, К. Ю. Королева // Научные ведомости. 2013. №16 (159). С. 223–231.

3. Волков, Е. В. Образы Октября, его героев и врагов на советском экране в 1920-1930-е годы [Текст] / Е. В. Волков // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. – Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 416–426.

4. Волков, Е. В., Пономарева, Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти [Текст] / Е. В. Волков, Е. В. Волкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. №10 (269).

Закиров, О. А. Исторические фильмы СССР 1936–1946: патриотическое освещение дореволюционного прошлого средствами игрового кино [Текст]: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.02. / О. А. Закиров М.: МПГУ, 2011. 393 с.

6. Мазур, Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания / Л. Н. Мазур // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178.

7. Мазур, Л. Н. Особенности информационной структуры аудиовизуальных источников: методы источниковедческого исследования [Текст] / Л. Н. Мазур // Актуальные проблемы источниковедения: материалы III Международ. науч.-практ. конф., Витебск, 8-9 октября 2015 г. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. С. 54–57.

8. Мазур, Л. Н. «Деревенское кино» 1950-1980-х гг. как историко-культурный феномен советской эпохи / Л. Н. Мазур // Культурологический журнал. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/254.html&j_id=18 (дата обращения: 29. 01. 2017).

9. Мазур, Л. Н. Российская история в советском художественном кинематографе 1920-1980-х годов [Текст] / Л.Н. Мазур // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник

статей под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 408–415.

10. Огнев, К. К. Реалии истории в художественной системе фильма (основные типологические модели на материале мирового кинопроцесса) [Текст]: диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения : 17.00.03. / К. К. Огнев – М.: ВГИК им. С. А. Герасимова, 2003. 353 с.

11. Постановление ЦК ВКП (б) «О советской кинематографии» от 5. 12. 1931 г. URL: <http://istmat.info/node/54108> (дата обращения: 17. 01. 2017).

УДК94(985).084.3:913(985)

ББК Д890(211)+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012 Код ВАК64.17

К.И. Коурова

Екатеринбург

**СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ А.В. КОЛЧАКА,
А.И. ДЕНИКИНА, Л.Г. КОРНИЛОВА):
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ
И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историография, источники, Гражданская война, революция, становления личности, военачальники

АННОТАЦИЯ. Автор анализирует историографию вопроса становления личности военачальников Гражданской войны. Обращая внимание на отсутствие фундаментальных работ по данной тематике.

K. I. Kourova

Yekaterinburg

**FORMATION OF PERSONALITY WARLORDS
GRA-ZHDANSKOY WAR (THE CASE A.V. KOLCHAK,
A.I. DENIKIN, L.G. KORNILOV):
ISTORIOGRAFICHE-ENGLISH AND SOURCE STUDY**

KEY WORDS: historiography, sources, Civil war, revolution, identity formation, warlords

ABSTRACT. The Author analyzes the historiography of the question of identity formation commanders of the Civil war. Paying attention to the lack of fundamental works on the subject.

Обширная историографическая литература посвящена историческим событиям революции 1917 г. и Гражданской войне в России. Но

изучением личности участников этих событий, а особенно процессу становления личности внимания практически не уделяется.

Авторский состав историков, исследовавших и изучающих личности военачальников Гражданской войны и революции, высококвалифицированный, это – кандидаты и доктора исторических наук. Их работы написаны на анализе исторических источников, извлеченных из федеральных и региональных архивов. Научные работы снабжены научно-справочным аппаратом и имеют ссылки на литературу и источники.

Исторические источники это, в первую очередь, документы личного происхождения: воспоминания современников, переписка, письма, в которых упоминается о детских годах исторических героев, содержатся сведения о родителях и родственниках, оценка личностных качеств сослуживцами. Эти источники изучались с целью сопоставления мнений очевидцев с мнениями, высказываемыми историками.

Наиболее широк круг такого вида источников, как воспоминания. В основном это воспоминания участников белого движения. Можно назвать некоторые работы В.И. Ленина, в которых дается оценка политики А.В. Колчака. Это — «Все на борьбу с Деникиным!» и «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» (1.С.82). Большую ценность для освещения личности А.В. Колчака представляют воспоминания А.В. Книпер–Сафоновой (Тимиревой) (2) изданные в Париже в 1986 г. и воспоминания сына А.В. Колчака Ростислава Александровича Колчака 1959 года (3).

Что касается воспоминаний об А.И. Деникине, то основную массу воспоминаний составляют воспоминания непосредственных участников вооруженной борьбы в Гражданской войне на Юге России (4), а также работы крупных советских государственных, партийных и военно-политических деятелей. Здесь есть отрывочные сведения именно о личности генерала А.И. Деникина.

Сохранились и имеют важную историографическую ценность воспоминания сестры А.Г. Корниловой о брате (5), где ярко освещены происхождение и детские годы Лавра Георгиевича. Информационно насыщены воспоминания Д.К. Хотовицкого о Л.Г. Корнилове (6). Важнейшими историографическими источниками являются мемуары А.И. Деникина (7), изданные в 1991 году.

До нас дошла значительная мемуарная литература об А.В. Колчаке из левого крыла антибольшевистского движения. В них мы черпа-

ем данные о негативной реакции этих сил на переворот 18 ноября 1918 г. в Омске. В какой-то мере к ним примыкают воспоминания предшественника А. В. Колчака по верховному командованию В.Г. Болдырева (8). Интерес представляют строки воспоминаний о совместной работе с Колчаком весной и летом 1917 г. в Севастополе А.И. Верховского, позднее военного министра Временного правительства (9). Затем Верховский перешел к красным. Чувствуется, что переход автора воспоминаний в другой лагерь повлиял и на его противоречивую оценку деятельности Колчака в 1917 году. На книге воспоминаний сказались и рука цензуры. Особое место занимают воспоминания Н.В. Савича, работавшего совместно с Колчаком в предвоенный период в Государственной думе в военном комитете (10).

Важнейшее место в списке исторических источников занимают протоколы допроса А.В. Колчака, по которым имеется возможность проследить историю жизни и деятельности адмирала Колчака с первых и до последних дней.

Основную группу историографических источников составляют обобщающие труды, монографии, брошюры, статьи, диссертационные исследования, научно - популярные работы о военачальниках Гражданской войны.

В советский период работ, посвященных А.В. Колчаку, А.И. Деникину и Л.Г. Корнилову практически не выходило. В работах по истории Гражданской войны их деятельность и личность военачальников оценивались негативно, исходя из советской идеологии и отношения Советской власти к Белому движению.

В постсоветское время идеологическое давление на историческую науку ослабевает, внимание историков привлекает личность военачальников. Открываются новые факты, ранее не опубликованные, появляются новые подходы к изучению Гражданской войны и революции в целом и её героям.

Процесс становления личности военачальников Гражданской войны не привлекал внимание историков на всех этапах развития отечественной историографии. В историографии личность Деникина освещена, главным образом, в комплексе изучения истории революции и гражданской войны в России. Исследовалась «деникинщина» как военно-политическое явление, а не сам А.И. Деникин как субъект исторических событий. Корнилов рассматривался как один из последних Верховных Главнокомандующих Российской армии и первым командующем Добровольческой армии. Существует множество

оценок его жизни и деятельности. У одних он вызывает восторг, восхищение, у других – скептицизм и, даже, ненависть. Процесс становления личности А.В. Колчака также практически не освещен в исторической науке. Главным образом исследование сосредоточено на основных вопросах внешней и внутренней политики Омского правительства, государственного и военного строительства в период диктатуры А.В. Колчака, социальной опоры режима и его идеологических установок. Биографический аспект личности самого А.В. Колчака второстепенен и главным образом освещается как период его деятельности в качестве Верховного Правителя России.

В биографическом плане жизнь и деятельность А.В. Колчака с акцентами на те или иные их этапы освещена в брошюрах, журнальных и газетных публикациях С.В. Дрокова (11), В. Кара-Мурзы (12) и А. Полонского (13). Немало публикаций полностью или преимущественно посвящено отдельным этапам жизни Колчака, в том числе его участию в полярных исследованиях, военных действиях, деятельности в связи с поездкой за рубеж во главе военной миссии, в период революции и гражданской войны.

В историографическом освещении личности А.И. Деникина особое место занимает работа Н. Какурина (14). Автор ввел в научный оборот большое количество документов. Важное место занимает работа Д. Кина (15). Автор на основе протоколов заседаний, газет, мемуаров рассматривает политику А.И. Деникина в рабочем, крестьянском, национальном вопросах, пытается проанализировать состояние тыла белых, экономическое положение.

В 1931 году вышла в свет работа А.И. Егорова, бывшего командующего Южным фронтом, представляющая особую историографическую ценность. Она выполнена на документальной основе, которой располагал автор, являющийся крупным военным теоретиком. В труде раскрыты стратегические замыслы и решения А.И. Деникина 1919 г.

В.Т. Сухоруков в своей монографии анализирует военные аспекты боевых действий армии на Северном Кавказе против А.И. Деникина (17). Он освещает процесс перегруппировки местных социально-классовых сил в пользу большевиков.

Г.З. Иоффе в обобщенном виде в специальной главе проанализировал политическую деятельность А.И. Деникина на Юге России в рамках единоличной военной диктатуры (18). Фактический материал монографии позволяет сделать выводы и обобщения о политической

деятельности А.И. Деникина. Также исследователь уделяет значительное место биографии Антона Ивановича, в частности его детским годам.

О Лавре Георгиевиче Корнилове имеется обширная литература, как об одном из последних Верховных Главнокомандующих Российской армии и первом командующем Добровольческой армии. К детским годам и юности Л.Г. Корнилова историки практически не обращались, данный период освящен фрагментарно. В советской историографии личность генерала освещается с позиций утверждения «монархизма» и «реакционности». Появляется термин «корниловщина».

Издания, посвященные генералу Корнилову, появились еще в 1918 г. Многотысячным тиражом вышла летом 1918 г. брошюра «Первый народный Главнокомандующий». Сразу же после его гибели вышли издания, посвященные легендарному 1-му Кубанскому («Ледяному») походу, в которых фигура Корнилова описывалась исключительно в возвышенно-патетическом духе. Почти одновременно с изданиями, написанными участниками Белого движения появились брошюры, книги, отражающие историю «Корниловского мятежа» августа 1917 г. Среди советских исследований выделялись труды В.Д. Поликарпова, отметившего важность взаимосвязи военного и политического факторов в подготовке «корниловщины» (19), а также Г.З. Иоффе (20) написавшего первую подробную биографию генерала, в которой историк достаточно подробно рассказывает о детстве и юности Корнилова.

Современная историография о генерале Корнилове весьма обширна. Только за последние годы вышло несколько крупных исследований, не считая многочисленных статей и очерков. Большое источниковедческое значение представляет публикация материалов Следственной Комиссии «по делу Корнилова». Тем не менее, на данный момент многие страницы его биографии, военной и политической деятельности до сих пор остаются малоизвестными.

В исторической литературе не существует опубликованных трудов о детских годах, о процессах, которые повлияли на становление личности военачальников Гражданской войны. Практически все существующие работы, посвященные лидерам Белого движения, находилось под влиянием существовавшей идеологии периода создания. Внимание историков, в большинстве случаев, привлекают лишь непосредственно события Гражданской войны. По нашему мнению, для полноценного восприятия личности, для понимания мотивов дейст-

вий огромное значение имеет процесс становления и развития личности, а также факторы, повлиявшие на этот процесс.

Источники:

- Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 44-63, 151-159.
Книпер – Сафонова (Тимирева) А.В. Фрагменты воспоминаний. Париж, 1986.
Колчак Р.А. Адмирал Колчак. Его род и семья (из семейной хроники) // Военно–исторический вестник. Париж, 1959. № 13-14.
Лукомский А.С. Воспоминания: В 3 т. Берлин, 1922.
Корнилова А.Г. Мои воспоминания о брате Л.Г. Корнилове // Иртыш (Омск). 1919. № 24-25.
Хотовицкий Д.К. Воспоминания о генерале Л.Г. Корнилове // Часовой. 1937. № 201. С. 34-98.
Деникин А.И. «Путь русского офицера». М., 1991.
Болдырев В. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925.
Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959.
Савич Н. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная Дума) // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 5. Т. 10.
Святицкий Н.В. К истории Учредительного собрания // Колчаковщина. Сборник. Екатеринбург, 1924; Чернов В. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953.

Литература:

- Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. №1.
Кара-Мурза В., Полонский А. Белое движение в лицах. Портрет первый: Адмирал Колчак // Преподавание истории в школе. 1990. № 6.
Какурин Н.Н. Как сражалась революция: В 2 т. М., 1925-1926.
Кин Д. Деникинщина. М., 1927.
Егоров А.И. Разгром Деникина. 1919 год. М., 1931.
Сухоруков В.Т. XI Армия в боях на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье. М., 1958.
Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны. М., 1976.
Иоффе Г.З. «Белое Дело». Генерал Корнилов. М., 1989.

УДК94(985).084.3:1413(985)

ББК Д890(211)+343(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК 64.17

Г.А. Кругликова

Екатеринбург

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО
РУКОВОДСТВА КУЛЬТУРНЫМ СТРОИТЕЛЬСТВОМ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурное наследие, революция 1917 г., охрана памятников, культурная политика советского государства.

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает основные аспекты формирования государственной политики в отношении историко-культурного наследия после Октябрьской революции 1917 г. в СССР. Анализируется положительный опыт руководства культурой, выявлены недостатки в практической реализации государственной культурной политики.

G.A. Kruglikova

Yekaterinburg

**CULTURAL HERITAGE AND REVOLUTION: THE
HISTORICAL EXPERIENCE OF STATE LEADERSHIP
CULTURAL CONSTRUCTION**

KEY WORDS: cultural heritage, the revolution of 1917, the protection of monuments and cultural policy of the Soviet state.

ABSTRACT. The author examines the main aspects of the formation of state policy in respect of the historical and cultural heritage of the October Revolution of 1917 in the USSR. Analyzes the positive experience of the culture of management, revealed shortcomings in the practical implementation of the state cultural policy.

Распад Советского государства в начале 1990-х годов, политические и экономические реформы, изменения социальных приоритетов, смена ориентиров на массовую зарубежную культуру привели к снижению внимания российского общества к проблемам сохранения историко-культурного наследия. Поэтому, сегодня, как никогда, остаются актуальными проблемы сохранения историко-культурного наследия, бережного отношения к памятникам отечественной истории и культуры, изучения истории родного края, восстановления патриоти-

ческого воспитания молодежи. Сохранение исторического и культурного наследия важно еще и потому, что в настоящее время происходят процессы пересмотра генеральных планов застройки городов, создания историко-архитектурных и ландшафтных заповедников, парковых зон, развития туризма, передачи культовых зданий-памятников верующим, исторических памятников – арендаторам.

XX век изменил наши представления о культурном наследии. Приобщение к историко-культурному наследию дает нам не только понимание прошлого, но и знание настоящего в свете того смысла, который мы усматриваем в будущем. Однако при всех динамических изменениях, как в сфере ценностных ориентаций, так и практического использования, места и роли в обществе, культурное наследие остается неизменным и важным фактором сохранения исторической памяти и историко-культурного ландшафта как страны в целом, так и региона в частности. Недаром В.Г. Белинский писал: «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем» (7. С.291).

Всеобъемлющим, достоверным и своеобразным носителем информации о прошлом является историко-культурное наследие. Это кладовая материальных и духовных составляющих, имеющая личное, коллективное, государственное происхождение. Историко-культурное наследие представлено множеством свидетельств разного характера. Это археологические находки (предметы быта, украшения, орудия труда и т.д.), природно-архитектурные ландшафты, а также сохранившиеся предметы материальной культуры (старинные станки, приборы, утварь и т.п.), письменные источники (государственные акты, летописи, книги, дневники и т.п.), произведения искусства и др.

Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия имеет поучительную историю, на протяжении которой происходила эволюция ее средств, форм и методов. В области защиты историко-культурного наследия совершенствовалась как функциональная охранительная деятельность государства (правотворческая, правоохранительная, правоприменительная), так и объектная, т.е. непосредственная деятельность государственных органов с целью поддержания общественного порядка, сохранения компонентов историко-культурного наследия, обеспечения прав граждан на свободное творчество и доступ к историческому и культурному наследию.

Революционные процессы 1917 г. породили новое отношение власти и общества к историческому и культурному наследию про-

шлого. С одной стороны, оно сопровождалось нигилистическими призывами избавиться от ненужных традиций прежней культуры, варварским истреблением памятников старины, в первую очередь церковных сооружений и предметов религиозного культа. Это, несомненно, нанесло непоправимый ущерб истории и культуре России. С другой стороны, защита культурных ценностей и сохранение памятников становится делом государственной важности. Впервые в нашей стране формируется музейная и библиотечная сеть, архивная служба.

Проблема культурного наследия находилась в центре внимания советской общественности. Более того, она приобрела в первой половине 1920-х гг. еще большую остроту и актуальность, не сходя со страниц партийной и советской печати. Вокруг нее кипели жаркие споры, велись дискуссии, развернулась напряженная идеологическая борьба.

В 1950-60-е гг. историки и культуроведы писали о ленинской «теории» или «концепции» культурной революции. Однако, по мнению В.Г. Чуфарова, законченной теории или концепции у В.И. Ленина не было (8. С.167-174). Да, у руководителя партии и правительства попросту не хватило времени для ее разработки. Другое дело, что статьи, письма, записки, проекты декретов, выступления на съездах по народному образованию и культпросветработе, многочисленные беседы В.И. Ленина с деятелями культуры дают цельное представление о принципиальных ленинских взглядах по ряду важнейших проблем развития советской культуры.

В последних работах В.И. Ленина, в частности «О кооперации» появился термин «культурная революция». Однако, само понятие «культурной революции» принадлежало А. Богданову и было введено им еще до 1917 г. Он считал, что социальная революция пролетариата может быть подлинно социалистической лишь в том случае, если пролетариату еще до социальной революции удастся «у себя» совершить «культурную революцию», создать пролетарскую культуру (4. С.229).

В.И. Ленин же подошел к пониманию проблем культурной революции как к процессу в духовной жизни нового общества после завоевания пролетариатом политической власти, когда уже совершилась социальная революция. Термин «культурная революция» был взят на вооружение руководящими работниками культуры, а затем стал широко фигурировать во всех официальных документах и печати.

Государственная политика в сфере охраны памятников, складывавшаяся с октября 1917 г. до середины 1920-х годов, заключалась в интенсивном выявлении и постановке памятников на учет, создании специальных государственных органов и организаций, занимавшихся охраной памятников.

В целях выработки общей программы действий, единый научно обоснованный подход при выделении памятников, нуждавшихся в защите государства, 28 мая 1918 г. Большая государственная комиссия по просвещению приняла постановление о создании Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины НКП РСФСР (1. С.2), которому подчинялись все без исключения органы охраны историко-культурного наследия. Это открывало новый этап в деятельности Советской власти по сохранению историко-культурного наследия, способствовало превращению его в национальное достояние.

Создание в структуре НКП РСФСР Отдела по делам музеев и охране памятников явилось лишь одним из непереносимых условий, которые должны были обеспечить сохранность историко-культурного наследия. Важным фактором в деле охраны памятников прошлого стали декреты и постановления Советской власти, в относительно короткий срок заложившие юридические основы оценки произведений искусства и реликвий старины.

Организационные формы охраны памятников были закреплены в двух основополагающих законодательных актах, четко выразивших суть политики Советской власти по отношению к культурно-историческому наследию: декрете «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» от 19 сентября 1918 г. и декрете Совета Народных Комиссаров РСФСР «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» от 5 октября 1918 г. (2. С.352-353).

Первый зафиксировал положение о государственном учете и контроле всех организаций и частных лиц, занимавшихся торговлей предметами искусства и старины. Второй предписывал «в целях сохранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящихся в России, ... произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов, в чем бы

обладании они не находились», а также взять на учет памятники, отдельные предметы, имевшие большое научное, историческое или художественное значение (З. С.399).

Таким образом, именно эти документы сделали незабываемыми на ближайшие годы те положения, которые явились результатом долгих поисков отечественных специалистов в области охраны историко-культурного наследия. Последующие законодательные и нормативные акты, направленные на охрану памятников, - постановления ВЦИК и СНК РСФСР, распоряжения, циркуляры НКП, Наркомюста, Наркомзема, ВЧК, - в основном уточняли, дополняли и конкретизировали отдельные положения вышеназванных декретов.

Важным моментом в формировании структур государственной охраны памятников стало постановление НКП РСФСР об обязательном учреждении в составе губернских и областных отделов народного образования губмузеев - подотделов по делам музеев и охране памятников искусства и старины (декабрь 1918 г.). Губмузеи должны были обеспечить быстрое претворение в жизнь двух основополагающих декретов: о запрещении вывоза за рубеж, об учете и охране произведений искусства, реликвий старины вне зависимости от их юридической принадлежности. Формирование сети государственных органов охраны памятников продолжалось в течение двух лет. К концу 1920 г. в подавляющем большинстве губерний и областей РСФСР были образованы губмузеи. Их общее число достигло 47 (9. С.158).

Важное влияние на сеть провинциальных органов охраны памятников оказала административно-территориальная реформа в стране, начавшаяся с 1923 г. Ее целью было укрупнение существовавших губерний и создание на их базе краев и областей. В результате этого губернские органы охраны памятников были ликвидированы, новые же органы охраны во вновь созданных краях и областях созданы не были. Потребительский подход к историческому и культурному наследию прошлого, нигилистические призывы избавиться от ненужных традиций прежней культуры, варварское истребление памятников старины, в первую очередь, церковных учреждений и предметов религиозного культа, нанесли непоправимый ущерб истории и культуре России.

Декретом ВЦИК и СНК от 7 января 1924 г. «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» намечались меры по ремонту и реставрации памятников архитектуры, определялись обязанности местных органов власти в реализации мероприятий по охране

памятников истории и культуры. Декрет предписывал губернским исполкомам «принять энергичные и действенные меры к неукоснительному соблюдению порядка учета и охраны памятников искусства, старины и природы» (5).

В 1925 г. контроль за работой по выявлению и учету архитектурных памятников был возложен на Центральные государственные реставрационные мастерские. Но в условиях нараставшего нигилизма по отношению к культурным ценностям было невозможно проводить эту работу эффективно. Памятники прошлого объявлялись наследием эксплуататорских классов – помещиков, буржуазии, кулаков, служителей культа, наследием, во многом враждебным революции и подлежащим строгому отбору.

Реформа Наркомпроса и местных органов народного образования (1927 г.), которая привела к «децентрализации» в области управления музеями и охраны памятников, практически свела на «нет» роль Отдела по делам музеев НКП РСФСР. Функции Отдела в сфере охраны историко-культурного наследия ограничивались общим методическим руководством, осуществлявшимся одним сотрудником (10. С.45-72).

Таким образом, созданная в 1921 г. сеть губернских органов охраны памятников, постепенно разрушалась, а к концу 1928 г. фактически перестала существовать. Значение центрального органа по охране памятников – Отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР было сведено до минимума. Все это не могло не отразиться на решении важных проблем в сфере охраны историко-культурного наследия в тот период, прежде всего, его выявления, учета, сохранения ценностей.

В 1928 г. в сфере охраны памятников сложилась ситуация, которая требовала многоплановых неотложных решений набравших вопросов. С особой остротой в то время стоял вопрос о восстановлении фактической охраны памятников на местах. Рассмотрения требовали и проблемы ассигнования во всей сфере охраны памятников, подготовки квалифицированных кадров в этой области. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве» были сформулированы основные задачи в деле сохранения историко-культурного наследия. Акцент был смещен в сторону выявления и подготовки списка памятников революционного движений, искусства и старины, «... подлежащих охране и не могущих быть изъяты-

ми, уничтоженными или измененными без получения на то согласия со стороны Наркомпроса РСФСР» (6. С.4-5).

1929 г. занимает особое место в летописи отечественной культуры. От этой даты ведется отчет чудовищного по своим последствиям разрушения памятников культуры. Впервые за всю историю мировой цивилизации XX века в СССР началось организованное и планомерное уничтожение художественных, архитектурных и исторических ценностей. Были закрыты и взорваны тысячи церквей и часовен, в которых погибли десятки тысяч произведений искусства. Области и районы страны соревновались друг с другом - кто больше уничтожит памятников прошлого.

Конечно, здесь сыграл свою роль, прежде всего, идеологический климат в стране, создавший атмосферу нетерпимости к наследию прошлого. К числу чисто административных мер, исходивших от высших эшелонов власти, относится снятие в 1930 г. с государственного учета 75% всех памятников страны.

Таким образом, рубеж 1920-1930-х гг. оказался самым трагичным временем для памятников истории и культуры. Страна потеряла огромное количество культурных ценностей, созданных прошлыми поколениями. Были нарушены преемственность, подорваны накопленные веками духовно-нравственные связи и традиции. Обращение к изучению данного исторического периода делает актуальным исследование, результаты которых могут быть полезны для выработки современной эффективной политики в области охраны памятников.

Источники:

1. Народное просвещение. 1918. № 6.
2. Декреты Советской власти. Т.3.
3. Декреты Советской власти. С.399.
4. Богданов А. Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах. Изд. 3-е. М., 1923.
5. СУ РСФСР. 1924. № 18. Ст.179.
6. Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 42.

Литература:

7. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. М., 1957. Т.2.
8. Чуфаров В.Г. Теоретическое обоснование В.И. Лениным задач форм и методов культурной революции в СССР // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998.

9. Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917-1920 гг. М., 1989.

10. Заколадкин И. Развитие структуры Наркомпроса и его местных органов // Народное просвещение. 1927. № 11-12.

УДК94(985).084.3:176(985)

ББКД890(211)+ГЗ(2)364-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

А.М. Кручинин

Екатеринбург

**ПЬЯНЫЙ ПОГРОМ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ
5–6 НОЯБРЯ 1917 Г.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбург, революция 1917 г., погром, пьянство, гражданская смута.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена второму в 1917 г. погрому в Екатеринбурге, известному как пьяный погром. Попытка городской власти уничтожить запасы спирта привела к массовому пьянству жителей Екатеринбурга и солдат запасных полков. Погром показал бессилие власти и упрочил среди населения города чувство вседозволенности, что приблизило начало гражданской смуты на Урале.

A.M. Kruchinin

Yekaterinburg

**DRUNKEN POGROM IN EKATERINBURG
OF THE 5–6TH OF NOVEMBER, 1917**

KEY WORDS: Yekaterinburg, revolution of 1917, pogrom, hard drinking, civil revolt.

ABSTRACT. The article is devoted to the second pogrom in Yekaterinburg in 1917, that is known as the «Drunken Pogrom». The attempt of the city authorities to eliminate the alcohol stock led to the mass hard drinking of Yekaterinburg residents and soldiers of reserve regiments. The pogrom showed the impotence of the authorities and permissiveness, that brought closer the beginning of the civil revolt in the Urals.

В обстановке паралича власти и беззакония 1917 г. в России с особенной силой проявились пьяные погромы, которые, как правило, начинались с разгрома винных лавок, магазинов и складов, а затем переходили во всеобщие беспорядки, драки и стрельбу. При подавлении погромов силами правопорядка были убитые и раненые. Пьяные

погромы происходили в России при всех попытках смены власти: в июле – при неудачной попытке большевистского переворота, в сентябре – при попытке корниловского переворота и, наконец, достигли своего апогея после октябрьского переворота. В ноябре 1917 г. пьяные погромы прокатились по городам Урала: они были в Кунгуре, Перми, Екатеринбурге, Вятке, Шадринске, Слободском, Елабуге, Ирбите и Оренбурге (8. С. 199).

27–31 октября в Екатеринбурге, после известия об октябрьском перевороте в Петрограде, произошла неудачная попытка захвата власти большевиками. Против большевиков резко выступили другие партии и профсоюзы. Решающую роль в срыве попытки захвата власти большевиками сыграло противодействие екатеринбургских связистов, которые фактически установили информационную блокаду Екатеринбургского совета рабочих и солдатских депутатов и его исполкома (9. С. 235–238). Но, как показали дальнейшие события, большевики не смирились с этой неудачей и менее чем через месяц, 22 ноября, все-таки захватили власть. Этому предшествовала подготовка красногвардейских и солдатских масс, а также подготовка населения к необходимости установления единоличной твердой власти.

Сразу же после большевистской неудачи захватить власть в конце октября, 3 ноября в городе был создан коалиционный ревком из представителей партий социалистов-революционеров, большевиков, меньшевиков, народных социалистов, профсоюзов железнодорожников и связистов (3), а в ночь с 4 на 5 ноября начался выпуск запасов спирта из казенных винных складов, что и привело к массовому пьянству жителей города и солдат запасных полков, расквартированных в Екатеринбурге. Вряд ли это было простое совпадение, скорее всего, это были осознанные действия большевиков, о чем говорит создание 7 ноября из частей екатеринбургского гарнизона Особого отряда понадобившегося в борьбе за власть (5). Практика пьяных погромов, создание вооруженных отрядов и захват власти уже были опробованы в других городах, например в Самаре и уездных городах Самарской губернии (7). Об этой методике, где водка и спирт использовались для захвата власти 23–25 января 1918 г. в Шадринске, говорит в своих чудаковатых письмах участник Гражданской войны Ф. Н. Кузнецов (1. Д. 40).

Уже после апрельских солдатских бесчинств Екатеринбургская городская дума поставила перед Комитетом общественной безопасности вопрос об уничтожении запасов спирта в городе, но тогда этот

вопрос не был решен по техническим причинам (2). Это можно было сделать не спеша и достаточно скрытно, но не оставлять до последнего момента. Давление на винные склады нарастало уже давно и революционные солдаты вместе с городской чернью были готовы захватить склады, в которых помимо вин, ликера и коньяков находилось 9 тыс. ведер (свыше 110 тыс. литров) спирта (6. Ф. 41. Оп. 2. Д. 24. Л. 88).

Казенные винные склады в Екатеринбурге размещались на перекрестке улиц Шарташской и Обсерваторской (ныне улицы Шарташская и Бажова). В их довольно обширных владениях, помимо зданий и складских помещений, были сад и маленький пруд, из которого вытекал ручей под названием Засухин Ключ. Ручей впадал в пруд Харитоновского сада, который соединялся протокой с речкой Мельковкой, в свою очередь, впадавшей в городской пруд. Уже вечером 4 ноября, для предотвращения эксцессов, склады охранялись специальным караулом набранным из учебных команд частей гарнизона, а на всем протяжении от складов и до городского пруда ходили красногвардейские патрули. Выпуск спирта начался около 12 часов ночи с 4 на 5 ноября (2).

Но операция прошла не совсем благополучно. По ручью и льду спирт пошел в Харитоновский пруд, разлился по протоке и попал в Мельковку. Благодаря меньшему, чем вода, удельному весу, спирт плавал на поверхности, и его специфический запах разлился по всей округе, привлекая массы любителей выпивки. Сбылась пьяная мечта: перед ними в Харитоновском саду было «озеро» водки. Первая смена караулов устояла, но вторая, выставленная в 4 часа утра, очень быстро перепилась. Собралась огромная толпа, и с утра до вечера 5 ноября окрестные жители таскали ведрами спиртовую смесь. Некоторые тут же открывали торговлю, продавая четверть «напитка» за 12 рублей. Один водовоз ухитрился набрать водовозную бочку алкоголя и проезжая по улицам города, распродал его. Набрав смеси второй раз и видя, что крепость упала, он, как честный торговец, резко сбавил цену и продавал ведро за 50 копеек.

Особенно много у Харитоновского пруда было солдат из запасных полков. Свидетель зафиксировал картину массового пьянства: «Солдаты, ругаясь, толкая друг друга, бросались на лед, к краю проруби и с радостью лакали из нее разбавленный водой спирт, не обращая внимание ни на грязь, что текла в ту же прорубь, ни на навоз, окружающий ее. Лед не выдержал – провалился, и все лакающие по-

грузились в холодную воду. Но – счастье их – вода была мелка. Отдываясь, хохоча, солдаты вылезали на лед и снова начинали пить. Пили до одурения, до «положения риз». Многих тут же у проруби рвало, и рвотная пакость плавала в проруби, но алчущие, не смущаясь этим, отмахивали ее рукой и пили» (8. С. 200).

На всех улицах примыкавших к складам и Мельковке появилась масса пьяных, а вечером начались драки и беспричинная стрельба. К счастью, обошлось без жертв. Представитель ревкома большевик Я. М. Юровский вместе с помощником поехал к месту событий: «Мы на всем пути встречали группы солдат, которые шли шинель внакидку, пряча под шинелью чайники с вином. Мы тут же, тем или иным путем, заставляли их выливать на землю спирт и уговаривать солдат отправляться в казармы, а трезвых из них убеждали удерживать других солдат от таскания водки» (6. Ф. 41. Оп. 2. Д. 24. Л. 89).

Жители всех окрестных улиц, особенно жители слободы Мельковки, возили к себе спирт кадками, бочками, корытами и т. п. Команда солдат во главе с Я. М. Юровским всю ночь на 6 ноября ходили из дома в дом по Мельковке и выливали емкости наполненные спиртом. Солдаты из этой команды нет-нет да и прихлебывали понемногу, и результат скоро сказался. В погребе одного из домов, когда Я. М. Юровский стал выливать спирт из бочонка на землю, солдаты стали подставлять ладони и пить. Когда же Я. М. Юровский попробовал призвать их к порядку, то раздались голоса: давайте пристукнем его, что он нам не дает выпить! Я. М. Юровский с трудом выбрался из этого погреба (Там же).

Чтобы уничтожить плавающий в пруду и по Мельковке спирт, ревком стал принимать энергичные меры. 6 ноября с трудом, но удалось открыть шлюзы главной городской плотины у железнодорожных мастерских (ныне Исторический сквер), а затем была пущена вода с плотины Верх-Исетского завода и с плотины пруда завода Ятеса. Вода снесла скопления спирта (5). В Екатеринбурге удалось избежать крайних эксцессов пьяного погрома с гибелью людей, как это произошло в Перми, Ирбите и в Оренбурге, но все же екатеринбуржцы было сильно напуганы.

Пьяные погромы 1917 г. возникали от бессилия власти и ярко показывали примитивно-плебейское понимание массами понятия свободы как возможности вволю попить и погулять. Выгоду от погромов в конечном итоге получили большевики, завоевав политический ка-

питал и одновременно приучая население к насилиям и готовя его к будущему перевороту и гражданской смуте.

Источники:

1. Архив Свердловского областного краеведческого музея.
2. Уральская жизнь. 1917. 26 мая. (Хроника).
3. Уральская жизнь. 1917. 2 ноября. (Хроника).
4. Уральская жизнь. 1917. 7 ноября. (Выпуск спирта).
5. Уральская жизнь. 1917. 8 ноября. (Выпуск спирта).
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Литература:

7. Марченя П. П. Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/noviie-istoricheskie-vestnik/rossiya-v-xx-v/pyanie-pogromi-i-borba-za-vlast-v-1917-g.html>
8. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала 1917–1922 гг. М., 2001.
9. Шапошников Г. Н. Развитие электросвязи и формирование информационной среды Урала. Середина XIX – начало 20-х гг. XX века. Екатеринбург, 2007.

УДК94(985).0841456113(985)

ББК 3450(211)+ТЗ(2)61-2

ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

В.А. Кузьмин

Екатеринбург

**«РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ» Л.Д. ТРОЦКОГО
(1917 – 1918)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, дипломатия, переговоры, Германия, внешняя политика, мирный договор.

АННОТАЦИЯ. На основе анализа воспоминаний участников описываемых в статье событий, трудов известных отечественных и зарубежных специалистов по истории дипломатии, решений правительства и партии большевиков освещаются первые шаги Советской власти в области внешней политики, которую проводил известный деятель революционного движения Л.Д. Троцкий с октября 1917 г. по март 1918 г.

V.A. Kuzmin

Yekaterinburg

**«REVOLUTIONARY DIPLOMACY» LD TROTSKY
(1917 - 1918)**

KEY WORDS: revolution, diplomacy, negotiations, Germany, foreign policy, the peace treaty.

ABSTRACT. On the basis of the memories of participants described in Article events, researches of famous domestic and foreign experts on the history of diplomacy, and the Bolshevik Party decision the author highlights the first steps of Soviet power in the field of foreign policy, which was held by well-known leader of the revolutionary movement L.D. Trotsky, from October 1917 to March 1918.

Л.Д. Троцкий официально занимал пост наркома РСФСР по иностранным делам с 26 октября (8 ноября) 1917 г. по 8 апреля 1918 г. Он был введен в состав первого советского правительства по настоянию Ленина, который предложил ему возглавить комиссариат внутренних дел, так как важнейшей задачей дня была борьба с контрреволюцией, что, по мнению Ленина, у Троцкого получилось бы лучше всех. «Я возражал, – писал впоследствии в автобиографической повести «Моя жизнь» Троцкий, – и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: «У нас великая международная революция, – какое значение могут иметь такие пустяки?» Отказавшись от руководства НКВД, Троцкий попросил направить его на руководство большевистской печатью. Однако этой просьбе решительно воспротивился Ленин. Также был против и Я.М. Свердлов. Как вспоминал Троцкий, «Свердлов заметил: Льва Давидовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела. – Какие у нас теперь будут иностранные дела? – возражал Ленин. Но, скрепя сердце, он согласился. Скрепя сердце, согласился и я. Так, по инициативе Свердлова, я оказался на четверть года во главе советской дипломатии».

Фактически, после назначения Троцкого, руководителем внешнеполитической деятельности советского правительства остался В.И. Ленин. Этому достаточно свидетельств. Да и Троцкий признавался, что рассматривал свое пребывание на посту наркома по иностранным

делам как временное, поскольку считал, что у социалистического государства не может быть внешних дел, так как должна подоспеть мировая пролетарская революция, которая упразднит все государственные границы. Если же этого не произойдет в самое ближайшее время, полагал он, то советская власть обречена, ибо она не продержится в обстановке враждебного капиталистического окружения.

Собственно делами вверенного ему наркомата по иностранным делам (НКВД) Троцкий почти не занимался, гораздо больше внимания уделяя работе в Петросовете и Военно-революционном комитете. «...Я этот Наркоминдел долгое время ни разу не посещал, – вспоминал он, – так как сидел в Смольном». НКВД РСФСР разместился на Дворцовой площади, в здании бывшего царского МИДа. Сам нарком и его секретариат находились в Смольном, в комнате номер 7. Одной комнаты вполне хватало. Троцкий считал, что мировому пролетариату дипломатия не нужна, трудящиеся разных стран поймут друг друга и без посредников. По словам историков, Лев Давидович вообще не мог понять, как это революционер может хотеть быть дипломатом.

Описание первого посещения Троцким прежнего министерства иностранных дел России оставил в своих мемуарах бывший юрист-консульт МИДа Г.Н. Михайловский, сын известного русского писателя Н.Г. Гарина-Михайловского, ставший активным организатором саботажа государственными служащими распоряжений советского правительства, впоследствии примкнувший к белому движению. Как свидетельствует Г.Н. Михайловский, нарком иностранных дел «рабоче-крестьянского правительства» впервые пришел в МИД 10 ноября 1917 г. пешком, без охраны, снял пальто в общем, а не особом (министерском) гардеробе. Собрав сотрудников, он заявил им, что «новое правительство не собирается никого увольнять, и не намерено причинять никаких репрессий тем, кто пожелает уйти сам, но что он не может допустить «саботажа» при работе министерства». Любопытны приводимые Михайловским мотивы последовавшего отторжения – не столько нежелание мидовцев сотрудничать с узурпаторами власти, сколько «животно-этнографические» (по оценке мемуариста): «Еврейский вид Троцкого, напояженного и завитого, бледного, небольшого роста, скорее худощавого, чем полного, с тонкими ногами, вызвал трудно передаваемую реакцию в этом, бесспорно, самом аристократическом ведомстве Петрограда». Однако же, решительно отвергнув сотрудничество с новой властью, мидовцы сочли при этом вполне возможным попросить у Троцкого «охранные грамоты» (мандаты

за его подписью, освобождавшие их от обысков и арестов). «И вот, – рассказывает Михайловский, – Троцкий сел за стол и после столь оскорбительного для нового министра приема в своем ведомстве стал подписывать пропуска чиновникам, ставшим в очередь все вместе...»

В дни Октября большевики, в том числе Л.Д. Троцкий, были искренне убеждены, что их революция положит начало мировой революции. Они полагали, что в новом международном порядке не будет места для традиционной дипломатии. Как писал в своей книге Э.Х. Карр, после Октябрьской революции Троцкий заявил, выступая по случаю своего назначения на пост руководителя НКВД: «Я выпущу несколько революционных прокламаций к народам мира, а потом закрою эту лавочку». Другой автор, Е.А. Амбарцумов, цитирует в своей книге эти слова несколько иначе: «Какая у нас будет дипломатическая работа? Я выдвину несколько революционных лозунгов и закрою лавочку».

По-видимому, оба варианта вышеприведенных слов не являются их точным воспроизведением, но близки к оригиналу, верно отражают основной смысл тогдашних высказываний Троцкого и исходят к одному источнику – воспоминаниям. В частности, на вечере воспоминаний об Октябрьской революции, состоявшемся 7 ноября 1920 г., выступил работник НКВД Пестковский. Он рассказал о своей встрече с Троцким в ноябре 1917 г., когда пришел к нему проситься на работу в Наркоминдел. «Жаль Вас мне на эту работу, – сказал ему Троцкий. – Там у меня уже работают Поливанов и Залкинд. Больше не стоит брать туда старых товарищей. Я ведь сам взял эту работу только потому, чтобы иметь больше времени для партийных дел. Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку». В «Моей жизни» Троцкий подтвердил этот разговор, хотя и дал несколько иную редакцию своей последней фразе: «...Вот издам несколько революционных прокламаций к народам и закрою лавочку». Исследователь советской дипломатии этого периода Ф. Конт в своей книге тоже отмечает, что в течение нескольких месяцев, пока Троцкий был комиссаром по иностранным делам, он не позволял себе и думать о том, что можно или даже желательно установить мирные отношения с буржуазными правительствами. Он полагал, что его роль состоит в том, чтобы опубликовать ряд популярных сочинений, предназначенных «угнетенным» народам, а затем «прикрыть лавочку». Г. Киссинджер в своем фундаментальном труде «Дипломатия» тоже пишет, что «Лев Троцкий, первый советский министр иностранных дел, счи-

тал себя не столько служащим, сколько разоблачителем, призванным в целях дискредитации капиталистов сделать достоянием гласности различные секретные договоры, при помощи которых те намеревались разделить между собой военную добычу. Свою задачу он сводил к “выпуску нескольких революционных прокламаций к народам мира, чтобы затем закрыть лавочку”. А поскольку через несколько месяцев или лет государство, как ожидалось, должно было исчезнуть совершенно, основной задачей советской внешней политики на раннем этапе было скорее оказание помощи мировой революции, а не регулирование межгосударственных отношений».

Вспоминая о начале своей работы во главе НКВД, Троцкий позднее писал, что никаких дипломатических переговоров в то время в Наркоминделе не велось. Отчасти это объяснялось тем, что остальной мир не хотел признавать власть большевиков в России и не хотел иметь дело с наркомом Троцким. Вся дипломатическая работа происходила в Смольном без какого-либо участия аппарата Наркоминдела. «Только когда приехал тов. Чичерин и был назначен в состав Наркоминдела (в январе 1918 г. – *В. К.*), – отмечал Троцкий, – началась работа в самом здании, подбор новых сотрудников, но в очень небольших размерах». 1 декабря 1917 г. в наркомате по иностранным делам было всего тридцать сотрудников, к Новому году – 126, в январе 1918-го – двести. Были образованы два больших отдела: один занимался Востоком, другой – Западом.

Тем не менее, именно в период, когда Троцкий был наркомом по иностранным делам (или при его непосредственном участии), советским правительством были осуществлены такие важные внешнеполитические акции, как принятие 26 октября (8 ноября) 1917 г. Вторым всероссийским съездом советов знаменитого «Декрета о мире», подготовленного Лениным; принятие Совнаркомом 2 (15) ноября 1917 г. «Декларации прав народов России», написанной Лениным и включившей признание прав наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; публикация 20 ноября (3 декабря) 1917 г. обращения СНК, подписанного Лениным и Сталиным, «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», содержавшего отказ России от всех неравноправных договоров, заключенных прежними правительствами со странами Востока; признание 18 (31) декабря 1917 г. советским правительством независимости Финляндской Республики; принятие 21 января (3 февраля)

1918 г. декрета ВЦИК РСФСР об аннулировании всех иностранных займов, полученных царским и временным правительствами; и др.

Декрет о мире провозглашал: «Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом...» Сам Троцкий ненавидел тайную дипломатию, он считал важным открыть «обманутым» народам Европы, Америки и стран Востока содержание всех секретных договоров, подписанных прежними правительствами России с теми великими державами, которые стали ее союзниками во время «империалистической» войны. Троцкий хотел разоблачить все эти «махинации». Он утверждал, что отказ от секретной дипломатии является главным условием проведения честной, народной, подлинно демократической внешней политики.

По распоряжению Троцкого его сотрудник Н.Г. Маркин, исполнявший обязанности секретаря наркома, приступил к изданию секретных дипломатических документов. Первоначально их тексты публиковались в газетах (первая публикация появилась 9 (22) ноября 1917 г.), затем был издан «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел». Всего вышло семь отдельных книжек, в которых было обнародовано около 130 договоров и других секретных документов, в их числе тексты англо-русского договора 1907 г. о разделе Ирана и Афганистана, документы о деятельности в России послов США, Англии, Франции и др. Опубликованные документы получили широкую известность, произведя сильнейшее впечатление во всем мире.

В своей книге «Моя жизнь» Троцкий, вспоминая Н.Г. Маркина, пишет о нем с большой теплотой, симпатией и восхищением: «Маркин был матрос Балтийского флота, артиллерист и большевик. Он не сразу обнаружился. Высовываться вперед было совсем не в его характере. Маркин не был оратором, слово давалось ему с трудом. Кроме того, он был застенчив и угрюм – угрюмостью загнанной внутрь силы. Маркин был сделан из одного куска и притом настоящего материала... Когда на меня легло министерство иностранных дел, невозможно было, казалось, подступиться к делу. Начиная с товарищей министра (министр М.И. Терещенко был арестован и сидел в Петропавловской крепости. – В. К.), кончая переписчиками, все участвовали в саботаже. Шкафы были заперты. Ключей не было. Я обратился к Маркину, который знал секрет прямого действия. Два – три дипломата посидели сутки взаперти, и на другой день Маркин принес

ключи и пригласил меня в министерство. Но я был занят в Смольном общими задачами революции. Тогда Маркин стал на время негласным министром иностранных дел. Он сразу разобрался по-своему в механизме комиссариата, производил твердой рукой чистку родовитых и вороватых дипломатов, устраивал по-новому канцелярию, конфисковал в пользу беспризорных контрабанду, продолжавшую поступать в дипломатических вализах из-за границы, отбирал наиболее поучительные тайные документы и издавал их за своей ответственностью и со своими примечаниями отдельными брошюрами. Маркин не имел академического значка и даже писал не без ошибок. Его примечания поражали иногда неожиданностью мысли. Но в общем Маркин крепко забивал свои дипломатические гвозди и как раз там, где следовало. Барон Кюльман и граф Чернин с жадностью набрасывались в Брест-Литовске (где советская делегация начала переговоры о мире с Германией и ее союзниками. – *В. К.*) на желтые книжки Маркина».

Для того, чтобы сломить саботаж чиновников бывшего МИД, Троцкий применил по отношению к ним метод давления, уже испытанный Маркиным. 13 ноября 1917 г. он издал приказ, в котором за отказ подчиниться Совнаркому были уволены без права на пенсию 33 человека. Точно так же он решил и вопрос с послами России за рубежом. 26 ноября приказом Троцкого были «уволены со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности» 28 глав посольств России.

Здесь уместно привести слова Ленина о принципах подбора кадров для НКВД: «Этот аппарат исключительный в составе нашего государственного аппарата. В него мы не допускали ни одного человека сколько-нибудь влиятельного из старого царского аппарата. В нем весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составил из коммунистов». Как бы обобщая начальный опыт работы в Наркоминделе, Троцкий подготовил распоряжение «О саботаже чиновников» и от имени Военно-революционного комитета опубликовал его 26 ноября 1917 г. в «Газете Временного рабоче-крестьянского правительства». В нем, в частности, утверждалось: «Чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу в важнейших отраслях народной жизни, объявляются врагами народа».

Самым важным вопросом внешней политики России после прихода к власти правительства во главе с Лениным был вопрос о мире и выходе России из войны. В «Декрете о мире» всем воюющим странам предлагалось прекратить военные действия и немедленно приступить

к переговорам с целью заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций. 17 ноября 1917 г. Троцкий известил дипломатических представителей союзных с Россией стран, что в соответствии с договоренностью с германским командованием военные действия на Восточном фронте приостановлены. Предварительные переговоры планировалось начать 19 ноября (2 декабря) в 5 часов дня. В случае согласия участвовать в переговорах союзники России должны были уведомить об этом советское правительство, однако правительства стран Антанты не ответили на советское предложение.

По указанию Троцкого 27 ноября (10 декабря) 1917 г. полномочные представители Советской России пересекли линию фронта. В их числе были рабочий Н. Обухов, крестьянин Р. Сташков, солдат Н. Беляков и матрос Ф. Олич, символизировавшие опору новой власти. Помимо них в делегацию вошли А. Иоффе (председатель), Л. Карахан (секретарь), Л. Каменев, Г. Сокольников. Партию левых эсеров, входивших тогда в правительственную коалицию с большевиками, представляла А. Биценко, совершившая в 1905 г. убийство военного министра России В. Сахарова. Дипломатов сопровождала группа военных консультантов. Позднее к делегации присоединился бывший председатель Моссовета М. Покровский.

В день прибытия советской делегации в ставку германского командования Восточным фронтом – Брест-Литовскую военную крепость, 2 (15) декабря 1917 г., был подписан договор о перемирии между Советской Россией и державами Четверного Союза (Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Османской империей) сроком до 12 января при автоматическом его продлении, если не последует отказа одной из сторон. С прибытием в Брест-Литовск глав германской делегации Р. Кюльмана и австро-венгерской О. Чернина стороны договорились продолжить переговоры в крепости, но затем переехать в другой, не занятый немцами русский город, например Псков, где и подписать мир.

Переговоры проходили в непринужденной, внешне дружелюбной атмосфере. В свободное время их участники продолжали общение, вели непротокольные беседы, обменивались мнениями и суждениями по более широким вопросам. Споры и беседы носили особенно оживленный характер, когда их всех приглашал к себе на обед командующий германским Восточным фронтом принц Леопольд Баварский. «Никогда не забуду первого обеда с русскими, – вспоминал участник переговоров, начальник штаба германского Восточного

фронта генерал Гофман. – Я сидел между Иоффе и Сокольниковым, нынешним комиссаром финансов (записки Гофмана были опубликованы в 1927 г. – *В. К.*). Против меня сидел рабочий, которого явно смущало большое количество столового серебра. Он пробовал то одну, то другую столовую принадлежность, но вилоккой пользовался исключительно для чистки зубов. Прямо напротив, рядом с принцем Гогенлоэ, сидела мадам Биценко, а рядом с нею – крестьянин, чисто русский феномен с длинными седыми кудрями и огромной дремучей бородой. Один раз вестовой не смог сдержать улыбку, когда спрошенный, какого вина ему угодно, красного или белого, он осведомился, которое крепче, и попросил крепчайшего». В ходе обеда Иоффе, Каменев и Сокольников открыто обменивались впечатлениями от общения с немецкой делегацией. По словам Гофмана, эта тройка поверяла ему свои планы мировой революции, что, даже на взгляд генерала, вряд ли было дипломатично с ее стороны. Однако глава российского НКВД Троцкий едва ли мог согласиться с этим мнением Гофмана. Как отмечает в своей книге Ф. Конт, во время мирных переговоров с Германией в Брест-Литовске Троцкий попытался «через голову» немецких представителей обратиться к германскому народу и подтолкнуть его к восстанию.

Троцкий совсем по-другому расставлял акценты, описывая в книге «Моя жизнь» начало мирных переговоров. Он писал: «Первую советскую делегацию, которую возглавлял Иоффе, в Брест-Литовске охаживали со всех сторон. Баварский принц Леопольд принимал их как своих «гостей». Обедали и ужинали все делегации вместе. Генерал Гофман должен был не без интереса глядеть на имя Биценко, которая некогда убила генерала Сахарова. Немцы рассаживались попережку с нашими и старались «дружески» выудить, что им было нужно. В состав первой делегации входили рабочий, крестьянин и солдат. Это были случайные фигуры, мало подготовленные к таким козням. Старика-крестьянина за обедом даже слегка подпавали».

В ходе рабочих заседаний на переговорах 14 и 15 (27 и 28) декабря 1917 г. германские представители огласили свой проект мирного договора. В нем содержались аннексионистские претензии к России. В дневниковой записи от 28 декабря Гофман отметил: «Иоффе казался ошеломленным... Покровский в слезах ярости воскликнул, что нельзя говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают восемнадцать губерний». Начатые на мажорной ноте переговоры были прерваны. 15 (28) декабря советская делегация отбыла в Петроград

для консультаций, взяв десятидневный перерыв, в том числе и для того, чтобы другие государства, которые все-таки пожелали бы присоединиться к ведущимся переговорам, смогли это сделать.

Единственным серьезным изменением в составе официальной советской делегации после перерыва было то, что к ней присоединился Троцкий, взявший на себя полномочия ее председателя. Лев Давидович возглавлял делегацию на втором этапе мирных переговоров с 9 января по 10 февраля 1918 г. Переговоры о мире с Германией и ее союзниками были, несомненно, вершиной его дипломатической деятельности на посту наркома по иностранным делам. В своих воспоминаниях он отметил, что «за вычетом брестских переговоров» дипломатическое ведомство отнимало у него «немного времени». Оценивая дипломатию Троцкого, его партнер на переговорах, австрийский дипломат граф О. Чернин впоследствии написал: «Троцкий, несомненно, интересный, умный человек и очень опасный противник».

Накануне поездки в Брест-Литовск Троцкий совместно с Лениным разработали дальнейший план действий. Главным его аспектом по-прежнему оставалось использование переговоров для развертывания пропаганды на Европу. Этим был обусловлен и главный тактический ход – как можно дольше затягивать переговоры. «Ленин предложил мне, после первого перерыва в переговорах, отправиться в Брест-Литовск, – вспоминал Троцкий. – Сама по себе перспектива переговоров с бароном Кюльманом и генералом Гофманом была мало привлекательна, но «чтобы затягивать переговоры, нужен затягиватель», как выразился Ленин. Мы кратко обменялись в Смольном мнениями относительно общей линии переговоров. Вопрос о том, будем ли подписывать (мирный договор. – *В. К.*) или нет, пока отодвинули: нельзя было знать, как пойдут переговоры, как отразятся в Европе, какая создастся обстановка. А мы не отказывались, разумеется, от надежд на быстрое революционное развитие».

Троцкий пунктуально проводил в жизнь эту установку. Причем начал уже по дороге в Брест-Литовск. Взятый им в качестве консультанта по национальному вопросу К. Радек на оккупированной Германией территории разбрасывал листовки. Как вспоминал Троцкий, «Гофман сейчас же после моего прибытия в Брест поднял протест против нашей пропаганды в немецких войсках».

По словам Гофмана, Троцкий после приезда в Брест-Литовск «заклучил советскую делегацию в монастырь». Сам Лев Давидович пишет об этом так: «В качестве председателя советской делегации я

решил резко оборвать фамиллярные отношения, незаметно сложившиеся в первый период... Фальшиво-дружественные отношения сменились сухо-официальными». Совместные обеды и неформальные беседы были прекращены. Изменился и состав участников переговоров. 28 декабря (9 января) председательствовавший на заседании представитель Германии Кюльман огласил право присутствовать на переговорах делегации Украинской Рады, или, как она тогда называлась по официальным документам, Украинской Народной Республики. В ответ на обращенный Кюльманом к председателю советской делегации вопрос Троцкий заявил: «Заслушав оглашенную Украинской делегацией ноту... Русская делегация, в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение, вплоть до полного отделения, заявляет, что со своей стороны не имеет никаких возражений против участия Украинской делегации в мирных переговорах». Как считает исследователь деятельности Троцкого историк Н.А. Васецкий, «этот благородный жест» стал одновременно и «первой крупнейшей ошибкой Троцкого» на переговорах в Брест-Литовске, «исправить которую оказалось невозможно».

5 (18) января 1918 г. на проходившем под председательством Кюльмана вечернем заседании Троцкий резюмировал состоявшиеся прения: «Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений бывшей Российской Империи территорию размером свыше 15000 квадратных верст... В пределах названных областей (польские, литовские, украинские, белорусские, латышские и эстонские территории. – В. К.) Германия и Австро-Венгрия сохраняют режим военной оккупации не только по заключении мира с Россией, но и по заключении всеобщего мира...» Зафиксировав этот факт, он предложил устроить очередной десятидневный перерыв, «дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести свое окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира». Хотя предложение о перерыве принято не было, Троцкий в сопровождении Каменева уехал в Петроград.

В примечаниях к первой части, вышедшего в 1926 г., 17-го тома собрания сочинений Троцкого давалось следующее разъяснение причин принятого им решения. В частности, говорилось, что к данному моменту переговоры достигли той стадии, когда перерыв стал необходим. Все притязания немцев были оглашены, и оставалось выждать, какое это произведет впечатление на Западе и внутри России, где уже начинали выявляться разногласия по вопросу о мире с Гер-

манией как внутри партии большевиков, так и между большевиками и левыми эсерами. В Германии, Австро-Венгрии и Польше классовая борьба достигла к этому времени большого подъема, в котором немалую роль сыграли влияние революции в России и ход переговоров в Брест-Литовске. Были поэтому все основания полагать, что каждый день затяжки переговоров будет способствовать усилению революционного движения в Европе. Под воздействием этих процессов у Троцкого и созрел знаменитый план: объявить войну оконченной, но мир не подписывать.

Троцкий поспешил в Петроград и еще по одной причине. 5 января при поддержке руководства левых эсеров большевики выступили за роспуск Учредительного собрания. Этот факт, писал позднее Троцкий, «чрезвычайно ухудшил наше международное положение». До сих пор немцы опасались блокирования большевиков с патриотически настроенным Учредительным собранием, неминуемо означавшего для них продолжение войны. «Разгон же Учредительного собрания, – свидетельствовал Троцкий, – означал для немцев нашу очередную готовность к прекращению войны какой угодно ценой. Тон Кюльмана сразу стал наглее». Тем не менее, сам Лев Давидович оказался решительным сторонником разгона Учредительного собрания.

11 (24) января 1918 г. состоялось заседание ЦК РСДРП (б), на котором присутствовал и Троцкий. Среди рассмотренных вопросов главным был вопрос о мире. Ко времени проведения этого заседания в ЦК, в партии большевиков в целом определились три точки зрения: 1. Подписание сепаратного аннексионистского мира (Ленин); 2. Продолжение «революционной войны» («левые коммунисты» – Бухарин); 3. Объявление войны прекращенной, демобилизовать армию, но мира не подписывать (Троцкий).

Формально Троцкий не выступал в поддержку революционной войны. На этом заседании он в числе 11 «против» при 2 «за» и одном воздержавшемся отверг необходимость призывов к революционной войне. В своих воспоминаниях он писал: «Невозможность продолжения войны была очевидна. На этот счет у меня не было и тени разногласий с Лениным. Мы с одинаковым недоумением глядели на Бухарина и других апостолов «революционной войны». Но в речах и действиях Троцкого в январе–феврале 1918 г. было немало такого, что свидетельствовало о его сохраняющихся надеждах на скорую мировую революцию. В сделанном Троцким 10 (23) января докладе на III съезде советов о работе возглавляемой им делегации в Брест-

Литовске центральной была та же идея, что и в выступлении на П съезде советов – без помощи пролетариата Запада Советская Россия не выстоит. «...Если германский империализм попытается распять нас на колесе своей военной машины, то мы, как Остап к своему отцу (речь шла о повести Н. Гоголя «Тарас Бульба». – *В. К.*), обратимся к нашим старшим братьям на Западе с призывом: «Слышишь?» И международный пролетариат ответит – мы твердо верим в это: – «Слышу!»

В докладе проводился тезис о бесполезности борьбы за демократический мир, если не произойдет мировой революции. «Мы предсказывали, что подлинный демократический мир возможен лишь в том случае, если во всех странах вспыхнет социальная революция, если эта революция одержит окончательную победу; и теперь ясно, как день, что дать обязательство заключить только подлинно демократический мир означало бы дать обязательство в том, что социальная революция, о которой все здесь говорили, вспыхнет немедленно, и что она будет в самом широком смысле этого слова победоносной».

Этот тезис, считает Н.А. Васецкий, «шел вразрез с предложением Ленина о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Троцкий исходил из того, что сейчас только и начиналось «настоящее дело» – агитация за мировую революцию, без которой любое решение советского правительства останется нереализованным. «...Мы дали достаточную пищу для обострения классовой борьбы, для развития борьбы за мир в Западной Европе, и своими дальнейшими шагами мы будем стремиться к пробуждению западного пролетариата, к организации его сил, к обоснованию его политических стремлений, и параллельно с этим мы неуклонно будем проводить в жизнь две существеннейшие задачи момента: демобилизацию армии и продолжение мирных переговоров, в течение которых мы, во всяком случае, будем по-прежнему разоблачать все те предложения, которые противоречат основам демократического мира».

На заседании ЦК партии 11 (24) января Троцкий, пользуясь возникшей напряженностью из-за разногласий между сторонниками Ленина и «левыми коммунистами», поставил на голосование свою формулу: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем». За нее было подано 9 голосов, против – 7. Итоги голосования фактически дали Троцкому своеобразный карт-бланш на продолжение своей политики на переговорах в Брест-Литовске. Он почувствовал себя «на коне», хотя при отъезде в Брест все-таки дал обещание

Ленину подписать мир, как только немцы поставят ультиматум. В книге «Моя жизнь» Троцкий, касаясь этой беседы с Лениным, цитирует его слова, сказанные по этому поводу на VII съезде РКП (б) в марте 1918 г.: «Между нами (т.е. между ним и мною) было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем».

По словам Троцкого, его «формула “ни война, ни мир” была объективно мостом к позиции Ленина», который тоже рассчитывал на победу революции в Германии, но считал наиболее актуальной задачей защиту победившей революции в России любыми средствами, вплоть до заключения сепаратного, аннексионистского мира с той же Германией. Как писал Троцкий, Ленин, разъясняя свою позицию, в частности, говорил ему: «Если бы мы должны были погибнуть для победы германской революции, мы были бы обязаны это сделать. Германская революция неизмеримо важнее нашей. Но когда она придет? Неизвестно. А сейчас нет ничего более важного на свете, чем наша революция. Ее надо обезопасить во что бы то ни стало».

17 (30) января 1918 г. переговоры в Брест-Литовске возобновились. Через некоторое время, 26 января (8 февраля), германская сторона втайне от советской делегации подписала сепаратный договор с фактически свергнутым уже к этому времени правительством Украинской Рады (советские войска заняли Киев именно 26 января, а правительство Рады бежало в Житомир). Вот где аукнулась та ошибка, о которой говорилось выше, когда Троцкий согласился на представительство делегации Рады на переговорах в Брест-Литовске. Договор с Радой давал Германии большие преимущества: устанавливая контроль над Украиной, она решала многие из вставших перед ней и ее союзниками проблем, в первую очередь продовольственную. В результате, по мнению военной партии Германии во главе с кайзером, брестские переговоры с Россией утрачивали для них экономическое содержание. Кайзер направил Кюльману распоряжение предъявить делегации России ультиматум, подтверждавший прежние условия держав Четверного союза: аннексия Польши, Литвы и Курляндии, оккупация прибалтийского побережья в Эстонии, Латвии и Моозундских островов. Кайзер потребовал предъявить ультиматум в течение 24 часов.

Знал ли об этом Троцкий? Трудно сказать наверняка. Н.А. Васецкий пишет, что, как считает ряд историков, «вероятно, Троцкий почувал, что пахнет ультиматумом. Ультиматум пришлось бы при-

нять, как было обещано Ленину, а от любимой исторической формулы отказаться». Троцкий заторопился. Ведь можно было упустить такую редкую возможность – испытать на практике свои теоретические доктрины. 28 января (10 февраля) 1918 г. в 17 часов 58 минут, как только Кюльман открыл заседание, Троцкий попросил слова и огласил следующее письменное заявление: «Именем Совета Народных Комиссаров Правительство Российской Советской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения Правительств и народов воюющих с нами Союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту... В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещиков передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство... Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ».

Заявление произвело на всех присутствовавших эффект разорвавшейся бомбы. «Ничего подобного немцы не ждали, – вспоминал Иоффе. – Все молчали. Кюльман бормотал что-то маловразумительное. Искали выхода, но не находили. Наконец, предложили созвать пленум. От этого Российская делегация отказалась. Л.Д. Троцкий уехал с частью делегации». Таков итог участия Троцкого в Брест-Литовской мирной конференции.

Позднее он писал: «Из Бреста вся наша делегация вернулась... под тем впечатлением, что немцы наступать не будут. Ленин был очень доволен достигнутым результатом. – А не обманут ли они нас? – спрашивал он все же. Мы разводили руками. Как будто не похоже. – Ну, что ж, – сказал Ленин. – Если так, тем лучше: и аппарансы соблюдены, и из войны вышли». Когда 11 февраля 1918 г. на заседании Петроградского Совета его председатель Г.Е. Зиновьев огласил текст заявления советской делегации о прекращении войны, переданный

Троцким по телеграфу, то, согласно отчету о заседании Совета в «Правде», это произошло «под гром аплодисментов». На том же заседании была принята (при 1 «против» и 23 воздержавшихся) резолюция следующего содержания: «Петроградский Совет вполне одобряет заявление, сделанное русской мирной делегацией в Бресте 28 января (10 февраля) 1918 года».

У Троцкого впечатление достигнутой им «победы» в Бресте еще более усилилось с его прибытием в Петроград. 14 февраля он представил во ВЦИК отчет о работе руководимой им делегации. По предложению Свердлова единогласно была принята резолюция, начинавшаяся словами: «Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, ЦИК вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте».

Положительная оценка деятельности делегации была дана и на VII экстренном съезде РКП (б). После принятия резолюции Ленина «О войне и мире» Н.Н. Крестинский поднял вопрос об отношении к тактике делегации в Бресте. В результате резких споров 25 голосами «за» при 12 «против» прошла резолюция Зиновьева: «Съезд приветствует брестскую советскую делегацию за ее громадную работу в деле разоблачения германских империалистов, в деле вовлечения рабочих всех стран в борьбу против империалистических правительств». Резолюция фактически повторяла первую часть итоговой оценки работы делегации, данную Лениным в заключительном слове на съезде: «Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание (переговоров. – В. К.) была верна...» Но резолюция не отражала второй части ленинской оценки: «...Неверной она (тактика. – В. К.) стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучшего Брестского мира мы получить не могли».

Жизнь опровергла надежду Троцкого на то, что «немцы наступать не будут». 18 февраля 1918 г. самые худшие ленинские опасения подтвердились, германские войска начали наступление против слабых остатков российской армии на широком фронте от Прибалтики до Украины. Когда Ленин предложил на заседании ЦК партии большевиков немедленно послать телеграмму в Берлин с просьбой о мире, Троцкий, как и большинство тех, кто был против, полагал, что нужно подождать, пока развернется наступление, и посмотреть на реакцию немецких трудящихся. Он думал, что явная агрессия против Советской России, которая вышла из войны и объявила демобилизацию, должна вызвать революционные волнения в Германии. Однако не-

мецкий пролетариат, по словам Розы Люксембург, оставался «неподвижен, как труп».

Касаясь позиции и действий Троцкого на переговорах с Германией, Г. Киссинджер пишет: «Поначалу Троцкий воображал, что сможет воспользоваться угрозой мировой революции в качестве инструмента давления по ходу переговоров и выступать в роли своего рода доверенного лица пролетариата. К несчастью для Троцкого, германскую делегацию возглавлял не философ, а победоносный генерал. Макс Гофман, начальник штаба Восточного фронта, понимал смысл соотношения сил и предложил в январе 1918 г. условия, жесткие до невозможности. Он потребовал аннексии всей территории, примыкающей к Балтике, куска Белоруссии, подтверждения протектората де-факто над независимой Украиной и огромной контрибуции. Устав от проволочек Троцкого, Гофман, в конце концов, предъявил карту, где широкой голубой линией была обозначена граница германских требований, и дал ясно понять, что Германия не отступит за эту линию до тех пор, пока Россия не демобилизуется, – иными словами, пока она не станет беззащитной. Ультиматум Гофмана повлек за собой первые крупные дебаты среди коммунистов по вопросам внешней политики... Защищая идеологизированную по сути внешнюю политику, Троцкий выдвинул принцип “ни мира, ни войны”. Однако более слабая сторона может делать ставку на выигрыш времени только в том случае, когда ее противник полагает, что переговоры ведутся согласно их (переговоров. – В. К.) внутренней логике... Но немцы не имели в виду ничего подобного. И когда Троцкий вернулся на переговоры... (чтобы. – В. К.) объявить о проведении политики ни войны, ни мира и в одностороннем порядке провозгласить об окончании войны, немцы возобновили военные операции».

23 февраля, когда немецкие войска были с трудом остановлены молодыми частями Красной Армии около Нарвы и Пскова, стали известны новые германские условия подписания мирного договора. Они были намного более жесткими, чем на переговорах в Брест-Литовске: по сравнению с 1914 г. территория России сокращалась на 800 тыс. кв. км. Советские войска должны были уйти из Украины, Советская Россия должна была заключить мир с Украинской Радой, отказаться от претензий на Балтийские страны, отдать Турции Карс, Батуми и Ардаган, выплатить значительную репарацию, прекратить революционную пропаганду в центрально-европейских странах.

Наступление германских войск и ужесточение германских условий подписания мирного договора вызвали в высших советских партийных и правительственных кругах дискуссию по вопросу об отставках со своих постов двух ведущих фигур в руководстве большевиков – Ленина и Троцкого. Сначала Ленин в ответ на несогласие многих членов ЦК РСДРП (б) и советского правительства принять тяжелейшие условия мира, предложенные Германией, в ультимативной форме заявил на заседании ЦК 23 февраля, что если политика революционной фразы будет продолжаться, то он подаст в отставку с поста Председателя Совнаркома и выйдет из ЦК. Только после такой постановки вопроса было принято предложение Ленина о том, чтобы принять германские предложения о грабительском мире. «За» было подано 7 голосов, «против» – 4. Троцкий оказался в числе четырех воздержавшихся. Следующий вопрос, поставленный на голосование на том же заседании, был сформулирован так: «Готовить ли немедленно революционную войну?» По этому вопросу все присутствовавшие проголосовали «за».

Свое намерение уйти в отставку с занимаемого поста в правительстве после начала германского наступления Троцкий изложил в «Моей жизни» следующим образом: «Мне кажется, – сказал я в частном разговоре Ленину, – что политически было бы целесообразно, если бы я, как наркоминдел, подал в отставку. – Зачем? – [возразил Ленин. – В. К.] – Мы, надеюсь, этих парламентских приемов заводить не будем. – Но моя отставка будет для немцев означать радикальный поворот политики и усилит их доверие к нашей готовности действительно подписать на этот раз мирный договор. – Пожалуй, – сказал Ленин, размышляя. – Это серьезный политический довод».

На заседании ЦК РСДРП (б) 22 февраля 1918 г. Троцкий первый раз сделал официальное заявление, что он снимает с себя звание народного комиссара по иностранным делам. На следующий день, на заседании 23 февраля, он снова заявил о своем отказе нести персональную ответственность за иностранные дела. Наконец, на заседании ЦК 24 февраля Троцкий в очередной раз выступил с заявлением о сложении с себя полномочий наркоминдела. В опубликованных протоколах заседаний ЦК РСДРП (б) этот момент зафиксировала следующая запись: «Гов. Троцкий находит, что он может вполне уйти, так как вся фактическая работа делается помимо него, так же как и внешнее руководство. Он не отказывается практически помочь, где надо, но не хочет больше нести ответственности».

Однако другие члены ЦК не согласились с отставкой Троцкого. «Тов. Ленин указывает, что это неприемлемо», – было отмечено в протоколе заседания ЦК 24 февраля. Ленин внес предложение: «ЦК просит тов. Троцкого отложить свое заявление... до возвращения делегации из Бреста (речь шла о третьей советской делегации, поехавшей, наконец, подписать мир с Германией. – В. К.)». На это предложение Троцкий ответил, что «он слагает с себя звание комиссара, не публикуя этого, но не участвует в официальных учреждениях, т.е. в Совете Народных Комиссаров и в ЦИК».

Прибывшая в Брест-Литовск советская делегация в составе Г.Я. Сокольников (председатель), Г.В. Чичерина, Г.И. Петровского, Л.М. Карахана и А.А. Иоффе (последний в качестве консультанта) завершила 3 марта 1918 г. переговоры о мире с Германией и ее союзниками. Мирный договор был подписан 3 марта в 5 часов дня. Извещение Совнаркома о заключении договора было опубликовано за подписями Ленина и Троцкого в «Известиях» 5 марта 1918 г. При этом последний назвал себя «народный комиссар», не уточнив, по каким делам.

Казалось бы, сам факт, что его фамилия стояла рядом с фамилией Ленина, снимал вопрос об имевшихся между ними различиях в подходах к проблеме мирного договора. Но так выглядела лишь внешняя сторона. В речи на открывшемся 6 марта 1918 г. VII съезде партии, а затем и в заявлении, почему он воздержался от голосования в пользу подписания мирного договора с Германией, на заседании ЦК РСДРП (б) 23 февраля, Троцкий сказал, что не считал «решающим для судеб нашей революции то или другое отношение к этому вопросу». Фактически в позиции Троцкого по вопросу о мирном договоре отразилось одно из ключевых положений его теории «перманентной революции»: необходимость продвижения или перенесения революций в другие страны. Отсюда и то легкомыслие, с каким он отнесся к судьбам революции в России. Советской России в его стратегических планах отводилась роль своеобразного «бикфордова шнура», от которого должно было зажечься пламя европейской и мировой революции. Поэтому Троцкого интересовало не столько то, как отразится Брестский мир на положении в России и ее положении в Европе, сколько то, какое воздействие или, наоборот, не воздействие этот мирный договор окажет на развитие революций в европейских странах.

Эту позицию Троцкий весьма обстоятельно обосновал в речи на VII съезде партии. По его мнению, заключение мирного договора с

любой империалистической страной могло помешать развитию европейской революции. «Для революционного класса недопустимы сделки с империалистами – вот где центр тяжести», – говорил Троцкий. Если же советское государство было неспособно дать отпор притязаниям империалистов, то надо было бы признать, что «для революционного пролетариата советская власть является слишком тяжелой ношей, что мы явились слишком рано и должны уйти в подполье». Троцкий не считал, что такой «уход в подполье» оказался бы поражением революционного движения в Европе. Он полагал, что «победа буржуазии над нами будет ударом, но нельзя его отождествлять с тем, что было после Парижской коммуны... Теперь – совершенно другое. Европейский пролетариат более, чем мы, созрел для социализма. Если бы даже нас раздавили, то нет все же никакого сомнения, что не может создаться такого исторического провала, какой был после Парижской коммуны».

Ленин высказал резкое несогласие с этой позицией Троцкого. Касаясь возражений последнего в отношении самой возможности достижения соглашений с капиталистическими странами, Ленин подчеркнул: «Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная точка зрения». И затем добавил: «...Я абсолютно не могу принять предложение Троцкого (дать гарантии, что впредь советское государство не станет подписывать мир с каким-либо капиталистическим государством. – В. К.) – так вести политику нельзя...»

Троцкий был уязвлен критикой Ленина. Несколько раз он брал слово для внесения поправок в ленинскую резолюцию «О войне и мире», однако большинство делегатов съезда не поддержали его позицию. Тогда он вынужден был повторить свой отказ от должности наркоминдела. «Партийный съезд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я, в числе других, проводил в составе нашей брест-литовской делегации, которая имела известный международный отклик... – заявил Троцкий. – Хотел этого или не хотел партийный съезд, но он это подтвердил своим последним голосованием, и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия».

Ленин никак не отреагировал на это заявление. За него это сделал Зиновьев, который постарался заверить Троцкого в том, что ЦК и партия всегда доверяли ему, несмотря на критику его позиции «ни войны, ни мира». Об этом свидетельствовали и результаты выборов

нового состава ЦК. Из 39 делегатов съезда, принявших участие в голосовании, 34 поддержали кандидатуру Троцкого. Это был такой же результат, как и у Ленина. Следовавшие за ними Свердлов и Зиновьев получили по 33 голоса.

Так закончилась карьера Троцкого как наркома по иностранным делам. Официальное сообщение об его уходе, «согласно личному ходатайству», с этого поста и одновременном назначении наркомом по военным делам было опубликовано в «Известиях» 14 марта 1918 г. (В справочнике В. Похлебкина по истории российской дипломатии, опубликованном в 1992 г., указана другая дата увольнения Троцкого – 8 апреля 1918 г.). В автобиографической повести «Моя жизнь» Троцкий прокомментировал свою отставку всего одной фразой: «Подписание Брестского мира лишило объявление о моем уходе из Наркоминдела политического смысла». Преемником Троцкого на посту наркома РСФСР по иностранным делам стал Г.В. Чичерин.

Через полгода после VII съезда, на объединенном заседании ВЦИК и рабочих организаций 3 октября 1918 г., Троцкий снова коснулся своей позиции по вопросу о Брестском мире. Он сказал: «Я считаю в этом авторитетном собрании долгом заявить, что в тот час, когда многие из нас, и я в том числе, сомневались, нужно ли, допустимо ли подписывать Брест-Литовский мир, не отразится ли это задерживающим образом на развитии мировой пролетарской революции, только тов. Ленин, против многих из нас, с упорством и несравненной прозорливостью утверждал, что нам нужно через это пройти, чтобы дотянуть до революции мирового пролетариата. И теперь, на фоне последних событий, мы должны признать, что правы были не мы (продолжительные овации)». Таким образом, Троцкий публично признал ошибочность своей политики в отношении мирного договора с Германией и правоту Ленина. Вспоминая об этом в своей книге «Моя жизнь», он писал: «Стенограмма отмечает в этом месте “продолжительные овации”. Партия хотела этим показать, что понимает и ценит мое отношение к Ленину, чуждое какой бы то ни было мелочности или ревности. Я слишком ясно сознавал, что значил Ленин для революции, для истории и – для меня лично». Такой была революционная дипломатия первого наркома по иностранным делам.

УДК 94(47).084.3

ББК 982.147Т14

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК1589

М.И. Люхуздаев

Ноябрьск

**ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ
С БОЛЬШЕВИКАМИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ В 1918 ГОДУ
В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА ПРИМЕРЕ
КАМЫШЛОВСКОГО И КУНГУРСКОГО УЕЗДОВ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история политических партий, партия левых социалистов-революционеров, Гражданская война в России, Урал, оппозиционная борьба в советах, репрессии.

АННОТАЦИЯ. В статье сделана попытка рассмотреть взаимоотношения левых эсеров с большевиками в Камышловском и Кунгурском уездах Пермской губернии, в первом из которых члены ПЛСР в апреле вышли из органов власти из-за конфликта с коммунистами, а во втором работали до ноября 1918 года в исполкоме уездного Совета.

M.I. Lyukhudzaev

Noyabrsk

**THE EXPERIENCE OF INTERACTION BETWEEN
THE LEFT SRS AND THE BOLSHEVIKS IN GOVERNMENT
IN 1918 IN PERM PROVINCE (FOR EXAMPLE,
KAMYSHLOV AND KUNGUR DISTRICTS)**

KEY WORDS: history of political parties, the party of socialists-revolutionaries, the Civil war in Russia, the Ural, the opposition struggle within the Soviets, repression.

ABSTRACT. The article attempts to examine the relationship of the left SRS and the Bolsheviks in Kamyshlov and Kungur district of the Perm province, the first of which members of PLSR in April came from the authorities because of the conflict with the Communists, and the second worked until November, 1918, the Executive Committee of the County Council.

Опыт взаимодействия большевиков и левых эсеров в органах власти остается одной из самых актуальных и недостаточно изученных тем в истории России. Особый интерес вызывает положительный региональный опыт сотрудничества в советах представителей партии левых эсеров (ПЛСР) с большевиками, что могло стать одним из

факторов стабильного положения новой власти на Урале в 1918 году. В данной работе сделана попытка рассмотреть взаимоотношения левых эсеров с большевиками в Камышловском и Кунгурском уездах Пермской губернии, в первом из которых члены ПЛСР в апреле вышли из органов власти из-за конфликта с коммунистами, а во втором работали до ноября 1918 года в исполкоме уездного Совета.

Недолгое сотрудничество левых эсеров с большевиками Камышловском уездном исполкоме обострилось из-за конфликта по вопросу о представительстве в нем, что, возможно, помешало им отправить своего делегата для работы в обкоме партии (7. 9 апреля). Из-за аннулирования большевиками конституции, выработанной уездным исполкомом, левые эсеры Уфимцев, Нечаев, Васильев и Судариков 12 апреля вышли из его состава, о чем сообщалось 17 апреля в газете обкома ПЛСР Урала «Наш Путь». Лидер уральской организации ПЛР М.П. Медведев, характеризуя эту ситуацию на III Всероссийском левозеро-вском партийном съезде, подчеркнул, что в Камышлове большевики самочинно начали заменять комиссаров-левых эсеров, избранных на уездном съезде (11. С.255). Объясняя свою позицию, члены ПЛСР сообщали, что группа местных большевиков «отбрасывает левых эсеров и одна хочет вершить делами в уезде», игнорируя интересы трудящейся крестьянской массы, «вводя над всеми трудящимися диктатуру своей партии» (8. 17 апреля. №28). В газете «Наш Путь» было отмечено, что коммунисты Камышлова, нарушая конституцию, принятую крестьянским съездом в феврале 1918 года, пользуясь большинством в городе и несознательностью левых эсеров, «продавших за посты интересы своей партии и перебежавших в лагерь большевиков», вводили в исполком новых членов на правах кооптации. Камышловские левые эсеры требовали паритетного членства в комиссариате (по 5 человек от каждой партии), а после отказа большевиков призвали крестьян к созыву экстренного съезда.

Для обсуждения сложившейся ситуации и учета партийных сил на 17 июня 1918 года в Камышлове был назначен созыв 1-й уездной конференции ПЛСР, приуроченный к началу работы крестьянского съезда, открывающегося 19 июня. Все левозеро-вские делегаты, избранные на крестьянский съезд, должны были явиться к 17 июня в Камышлов и присутствовать на конференции. Председатель Камышловской организации ПЛСР призвал в виду важности текущего момента серьезно отнестись к ней, обсудить все вопросы и прислать с наказами делегатов, снабженных мандатами. Согласно программе на

конференции с докладом от уездного комитета должен был выступить Перфильев, а после докладов с мест - бывшие члены уездного исполкома, члены городского и железнодорожного советов Васильев, Нечаев, Кульпинский и Лашкевич. Кроме сообщений Васильева и Перфильева по вопросу о крестьянском съезде планировалось заслушать доклад Минаева об областной партконференции в Екатеринбурге. По текущему моменту и тактике партии должны были выступить Мокрушин и Лубнин, об очередных задачах партии, организации и литературно-издательскому делу - Брагин, по экономическим вопросам - Коваленко. На конференции планировалось избрать уездное бюро партии и обсудить вопрос о средствах организации (6. 11 июня. №93).

На открывшемся уездном съезде волостных советов и фабрично-заводских комитетов Камышловского уезда левых эсеров было почти вдвое меньше, чем большевиков. На съезде при обсуждении продовольственного вопроса 20 июня левый эсер Судариков признал, что население Камышловского уезда может поделиться излишками хлеба, но предупредил о столкновениях с крестьянством, поскольку декрет о продовольственной диктатуре был принят без участия его представителей - левых эсеров. В связи с этим Судариков отметил печальное положение крестьянских секций в областном и центральном советах. Не достигнув соглашения с большевиками о количестве занимаемых мест в аграрном отделе, левые эсеры отказались занять другие места в исполкоме, но остались на съезде и в отделах.

К спорам о местах в исполкоме и продовольственной политике добавились разногласия между левыми эсерами и большевиками по вопросу о мобилизации. Судариков отметил, что партия большевиков капитулировала в Бресте, а левые эсеры призывают к всеобщему восстанию трудящихся против капиталистов всех стран. Он подчеркнул, что мобилизация необходима, но нельзя поручать защиту революции людям, идущим в армию за плату с голоду. Левые эсеры заявили, что каждый вновь записывающийся в эту организацию должен был дать подписку о своей готовности «все жертвовать на защиту рабоче-крестьянского правительства и по первому требованию отправиться на позицию» (6. 13 июля. №119).

Поскольку вооружение дружин левых эсеров на Урале задерживалось большевиками, они неохотно подчинялись общему большевистскому командованию, предпочитая действовать самостоятельно. Это вызывало недовольство большевиков и критику действий левых

эсеров в уральской печати. Так, газета «Уральский рабочий» 11 мая сообщила, что ПЛСР «разлагается и ее влияние на массы стремительно падает», а 24 мая заявила о «банкротстве партии, ее мелкобуржуазности, анархичности». Уральские левые эсеры считали, что большевистские попытки наклеивания ярлыков говорили лишь об их стремлении предотвратить поток масс в их партию (8. 5 июня. №45). Большевики в местной газете сообщали, что отдельных членов ПЛСР (Лубнина и др.) будет судить ревтрибунал, так как они выпускали листовки против советской власти, призывали не подчиняться советским органам. В статье анархиста Н. Черепанова, опубликованной 6 июля 1918 года, сообщалось, что обком ПЛСР распускает местную организацию левых эсеров, поскольку она явно защищает кулацкие интересы, а ее члены занимают ответственные посты (6. 6 июля. №113).

Опровергая это заявление и объясняя причины реорганизации левых эсеров в уезде, представитель ПЛСР указал, что Черепанов проигнорировал второе объявление левых эсеров, в котором говорилось, что их организация распускается в виду того, что из-за отдельных личностей она не вполне отражала интересы трудового народа. В Камышлове была создана новая «профильтрованная» организация и ответственные места, предоставленные ПЛСР, занимали члены не старой, а новой организации. Указывая на решение областной партконференции о тщательном отборе новых членов партии, левые эсеры заявили, что давно уже признали необходимость чистки своих рядов, и реорганизация произошла бы безо всякого вмешательства области. Левый эсер Перфильев предложил Черепанову указать в числе действительных членов ПЛСР заложников или контрреволюционеров, чтобы его обвинения не были беспочвенными (6. 10 июля. №116).

Хотя в июле комитет ПЛСР ужесточил требования к вступавшим в ряды партии, а каждый прибывший в город левый эсер не мог выступать таковым пока не получит бумаги о том, что он был в левозесеровском горкоме, авторитет эсеровской организации в этот период в Камышлове оказался под угрозой после событий в Москве. В конце июля 1918 года после боев под Тамакулом последний отряд красных отступил через Камышлов, после чего город заняли белые. Эвакуировавшись в августе в Пермь, Судариков принял участие в ряде собраний членов Уралоблсовета по вопросу о выходе из ПЛСР и вступлении в РКП/б/. Поддержав политику большевиков, он продолжил свою работу в высших органах управления области. От лесного отдела об-

ластного совета Судариков присутствовал в октябре на заседании совнархоза Урала.

Произошедший задолго до июльского выступления ЦК ПЛСР конфликт левых эсеров с коммунистами в Камышлове по вопросу о власти был решен в пользу большевиков. Неоднократные попытки местных левых эсеров добиться пересмотра этого решения легальными методами на уездном съезде Советов успеха не принесли. Используя свое влияние в городе, разобщенность действий левоэсеровских работников большевики удерживали власть в своих руках, оттеснив от руководства представителей ПЛСР.

Гораздо дольше удалось проработать левым эсерам в Кунгурском уездном исполкоме. Один из их лидеров прапорщик П.Г. Антропов прибыл в 1917 году из Московского Александровского военного училища в запасной пехотный полк в Кунгуре и был избран в 1-й солдатский комитет, а затем комиссаром Кунгурского гарнизона. Со 2 сентября он возглавил городской комитет революционной власти, был назначен комиссаром по охране города. Антропов возглавил в Кунгуре «Комитет революционной власти», который был создан по решению местного Совета. В дальнейшем власть здесь была передана ревкому, избранному на заседании 28 октября 1917 года, который возглавил сочувствующий левым эсерам прапорщик Грибанов. Антропов также вошел в состав ВРК Кунгура, отвечая за работу среди солдат. Позднее он был избран в состав уездного исполкома и возглавил наркомат просвещения.

Возглавив отделы просвещения, земледелия, снабжения при в Кунгурском уездном исполкоме левые эсеры проявили именно в них большую активность. Решая вопрос о передаче земли населению в уезде, комиссар земледелия Грачев 15 марта обратился с призывом к беднякам вступать в «трудовые сельскохозяйственные коммуны», для которых земельный отдел выделил в нескольких местах землю при условии коллективной ее обработки (4. 15 мая). На I объединенном губернском съезде советов в Перми, проходившем с 7 по 15 апреля 1918 года, где значительно преобладали левые эсеры, наряду с левоэсеровскими делегациями Оханского и Пермского уездов (по 43 человека) присутствовала группа из 29 членов ПЛСР Кунгурского уезда. В ходе работы съезда кунгурские левые эсеры стали участниками конфликта с большевистской фракцией за представительство в новом составе губернского исполкома. Один из них, В.А. Соловьев, участник II и III Всероссийских съездов советов крестьянских депутатов,

управляющий делами уездного исполкома был выбран в состав лево-эсеровской фракции губисполкома.

Активно левые эсеры проявили себя в ходе 3 уездного съезда советов в Кунгуре, на котором 2 мая 1918 года Антропов настаивал на создании одного комиссариата труда (без проведения разграничения между рабочими и крестьянством), а также предлагал утвердить выработанную фабзавкомами схему ставок заработной платы. На следующий день в уездный исполком Кунгура съезд избрал 9 большевиков и 6 левых эсеров (Антропов, Грачев, Наумов, Соловьев, Скачков, Толчков). В военкомат от левых эсеров утвердили Грибанова, в контрольно-ревизионную комиссию - Костарева и Кулакова, в согласительную комиссию - Медведева, в комиссию по выработке смет и инструкций волостным и сельским советам - Бурматова, Самойлова, Сысолина, в следственную комиссию - Мясникова, Сидорова (З. Л.79-81).

Выступая на заседании исполкома 24 мая, Антропов высказался против самочинных действий военкомата, возглавляемого большевиком Н. Филимоновым, который без разрешения исполкома собирался занять несколько училищ для постоя армейцев (4. 29 мая. №46). Исполком с учетом роста самовольных действий военкомата, постановил, что без согласования комиссара просвещения и разрешения исполкома он не должен занимать школьных помещений. На этом же заседании при обсуждении критического финансового положения уезда Антропов предложил резолюцию, в которой предлагал провести немедленно полное обложение буржуазии города и уезда в той ее части, которая еще этому не подвергалась.

В июне в приложении к «Голосу Кунгурского Совета» регулярно публиковалось объявление о записи в партию левых эсеров, которая производилась ежедневно кроме праздничных дней в комиссариате просвещения у секретаря организации С. Князева (4. 10 июля. №80). В этой же газете 20 июня появилась заметка, о комиссаре отдела снабжения Толчкове, который помог изобличить взяточников, пытавшихся его подкупить. В июле левоэсеровские представители в составе Кунгурского уездного исполкома занимали 8 из 17 мест, что позволило им отправить своего представителя В.А. Соловьева на V Всероссийский съезд советов (2. Л.136). Однако на съезде он был арестован в составе фракции ПЛСР и освобожден 10 июля. После того, как на общем собрании членов уездного исполкома 17 июля сообщили об аресте Соловьева и его просьбе отправить телеграмму во

ВЦИК для его освобождения, было принято решение ходатайствовать телеграфно перед Совнаркомом и ВЦИК по этому вопросу. Характеризуя Соловьева, члены исполкома признали, что «он всегда был ярким защитником советской власти и непримиримым врагом буржуазии и правых социалистов» (5. С.60). Хотя требование об освобождении Соловьева было сделано с опозданием, сам факт отражал лояльное отношение к представителям ПЛСР в исполкоме Кунгурского уездного Совета.

Хотя после левоэсеровского выступления в Москве 10 июля в газете «Голос Кунгурского Совета» появились статьи о «предательстве левых эсеров», в приложении к ней по-прежнему публиковали объявление о записи в организацию ПЛСР Кунгура. В ней же товарищ председателя кунгурской организации левых эсеров Антропов поместил 11 июля объявление о чрезвычайном общем собрании всех членов ПЛСР и ей сочувствующих в помещении комиссариата просвещения для обсуждения текущего момента. В местной прессе настойчиво требовали призвать к ответу левых эсеров для выяснения их политической позиции по отношению к выступлению ЦК их партии (4. 14 июля. №83). Одновременно в обличительных статьях в адрес левоэсеровского ЦК коммунисты подчеркивали, что большинство ПЛСР не знало об авантюристических замыслах своих руководителей и осудило их приемы. Указывая возможные варианты выхода из ситуации членам ПЛСР, в передовице «Голоса Кунгурского Совета» (№87) отмечали, что на местах некоторые из левых эсеров «перешли во фракцию коммунистов, другие решили переорганизовать свою партию, выбросив из нее соучастников и сочувствующих преступлениям политиканов ЦК».

В сводке за июль-сентябрь информационно-справочного отдела Пермского губернского отдела управления отмечалось, что Кунгурский уездный исполком состоит в основном из левых эсеров, которые заявили 15 июля на заседании исполкома о невозможности выразить свое принципиальное отношение к событиям в Москве, не имея достаточно фактов о них. Кунгурский уездный исполком решил считать вооруженное восстание ЦК ПЛСР, «если таковое подтвердится дальнейшими сведениями, преступным делом революции» (5. С.85). Учитывая, что московские события в уезде не имели практического значения, так как до сих пор обе партии работали в контакте, окончательное решение вопроса о взаимоотношении организаций большевиков и левых эсеров отложили до приезда делегатов с Всероссий-

ского съезда (4. 18 июля). Нуждаясь в знающих специалистах отделов, большевики не настаивали на немедленном исключении левых эсеров из исполкома. На заседании исполкома местного Совета 14 августа в связи с отменой осадного положения в городе и уезде представителям земельного отдела и отдела управления, возглавляемых левыми эсерами, поручили выяснить случаи незаконных реквизиций лошадей и изъятия денег у населения. Левые эсеры были делегированы в местный Военный Совет (Грачев и Антропов) (4. 16 августа. №110).

Более определенно мнение уездной организации ПЛСР прозвучало на съезде представителей отделов управлений Пермской губернии, когда Н.К. Скачков 20 августа 1918 года по вопросу об отношении к июльским событиям в Москве заявил, что он и вся фракция левых эсеров Кунгура стоит на точке зрения ЦК партии (1. Л.179-180). Характеризуя положение в уезде, он отметил, что если территорию захватят чехословаки, то «переворот неизбежен». В уезде произошло несколько случаев восстания против советской власти, которые были подавлены вооруженными силами. После сделанного доклада согласно постановлению съезда Скачков покинул заседание.

Внутреннее представительство левоэсеровской партии на 4 Кунгурском уездном съезде советов подтверждает, что большевики на Урале не сразу отказались от дальнейшего сотрудничества с лояльными представителями левоэсеровской партии. В его работе 17 сентября принимали участие 111 большевиков и 76 левых эсеров (12. С.94; 13. С.166). В начале работы съезда большевики сделали запрос фракции левых эсеров об их отношении к июльскому выступлению. Левоэсеровская фракция в своей резолюции по текущему моменту дала ответ об отрицательном отношении к этому выступлению и выразила согласие с политическим настроением власти (5. С.76-77). В состав Кунгурского уездного исполкома в сентябре вошли 4 левых эсера (Антропов, Грачев, Гришин, Толчков). В сентябре левые эсеры принимали активное участие при обсуждении вопросов на продовольственном совещании Кунгурского уезда, а также в составе комиссии по выборам учителей местных и уездных училищ. Хотя представитель Приуральского обкома ПЛСР Н.А. Новиков-Покровский сообщил на II Совете ПЛСР в декабре, что левые эсеры в Кунгуре сохранили свою организацию до декабря 1918 года (50 человек), ее лидеры постепенно выходили из состава партии (9. Л.49).

Позднее левым эсерам Кунгурского уезда припомнили их политическое прошлое, подвергнув репрессиям. Так, комиссар управления Н.К. Скачков, арестованный в начале сентября 1918 года штабом 3-й армии на 10 суток как левый эсер и обвиненный в неисполнении декрета, с 1919 по 1921 год состоял в РКП (б), а затем его исключили как бывшего эсера. В 1938 году его арестовали и приговорили к 10 годам ИТЛ, где он умер в 1943 году (10. Л.670-670 об.). Аналогичный приговор 29 января 1949 года был вынесен арестованному в июне 1948 года В.А. Соловьеву, которого Особое Совецание МГБ СССР обвинило по статьям 58-10, 58-11 УК РСФСР. П.Е. Толчков, арестованный 25 декабря 1920 года за связь с анархистами, был приговорен к негласному надзору. Редким исключением была судьба вступившего в партию большевиков Антропова, которого после освобождения Перми от войск Колчака летом 1919 года назначили заведующим Пермским губернским отделом народного образования. В конце 1919 года его призвали в Красную армию, где он стал инструктором, а затем помощником начальника политотдела 29 стрелковой дивизии. С 1927 года Антропов был на руководящей партийно-преподавательской работе в Средней Азии (старший преподаватель, потом заведующий кафедрой истории Ташкентского коммунистического университета). В 1931 году его вызвали в Москву на преподавательскую работу в коммунистический университет советского востоковедения. Позднее он был ученым секретарем и заместителем директора по научной работе Музея народов СССР. В 1960-е годы, будучи персональным пенсионером, он являлся активным членом исторической секции и совета Кунгурского краеведческого музея (14. С.117-118).

Таким образом, в отличие от Камышловского уезда, где конфликт с большевиками из-за представительства в исполкоме привел левых эсеров к потере мест в нем, в Кунгурском уезде бывшим членам ПЛСР удалось остаться в органах власти до ноября. В условиях наступления чехословаков большевики из-за нехватки специалистов не спешили удалять левых эсеров из исполкома, которые первоначально поддерживали свой ЦК, а позднее перешли в ряды народников-коммунистов и затем в большевистскую партию. Молодой возраст и краткий партийный стаж их местных лидеров ПЛСР способствовали их выходу из левоэсеровской организации и вступлению в большевистскую партию. Определенную роль сыграло их недавнее пребывание в армии, где военная дисциплина была важнее партийной принадлежности.

Источники:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф.Р-19. Оп.1. Д. 168.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. р-1235. Оп.4. Д. 46.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. р-2601. Оп.1. Д. 136.
4. Голос Кунгурского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов.1918.
5. Гражданская война в Прикамье. Май 1918-январь 1920 гг. Сборник документов. – Пермь, 2008.
6. Известия Камышловского уездного Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918.
7. Известия Усольского уездного Совета. 1918.
8. Наш Путь (Екатеринбург). 1918.
9. Российский государственный архив политической истории (РГАСПИ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 7.
10. Уральский государственный архив административных органов Свердловской области (УГААОСО). Ф.1. Оп.2. Д. 17160. Т.16.
11. Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т.2. Ч.1. М.: РОССПЭН, 2010.
12. Бухаркина О.А. и др. Гражданская война на Урале в документах 3-й Армии РККА. - Екатеринбург: Премиум Пресс, 2008.

Литература:

12. Гражданская война на Урале. Свердловск, 1969.
13. Из летописи земли Кунгурской. Кунгур, 1967.

УДК 323. 27
ББК 781.Т16.01

ГСНТИ 03.23.55.

Код ВАК 07.00.02

Л.Н. Мартюшов
Екатеринбург

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
СТАРЫЕ И НОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая российская революция, исторические стереотипы, коммунисты, либеральные партии

АННОТАЦИЯ. Проанализированы основные стереотипы в изучении и преподавании истории Великой Российской революции, сложившиеся как в советский, так и в постсоветский периоды. Сделан вывод о необходимости дальнейшего объективного и беспристрастного изучения истории этого периода.

L N Martushov
Yekaterinburg

**GREAT RUSSIAN REVOLUTION: OLD AND
NEW STEREOTYPES**

KEY WORDS: Great Russian revolution, historical stereotypes of the communists or liberal partys.

ABSTRACT. The analysis of the main stereotypes in the study and teaching of history of the great Russian revolution, prevailing in the Soviet and post-Soviet periods. The conclusion about the need for further objective and impartial study of the history of this period.

В историографии истории России нет, наверное, более популярной темы, чем история русской революции. Проблемам революции посвящены тысячи монографий и статей русских и зарубежных исследователей. И, тем не менее, острота полемики не только не снижается, но продолжает нарастать. Цель данной статьи не в том, чтобы внести вклад в эту полемику, а в том, чтобы рассмотреть некоторые устойчивые стереотипы, сложившиеся как в советский так и в постсоветский периоды.

Прежде всего, о самом термине. В советской историографии имело место противопоставление февральской революции, как *бур-*

жуазно – демократической, и Великой Октябрьской *социалистической* революции.

В доказательство приводилось положение «*Апрельских тезисов*», в которых Ленин выдвинул программу *мирного перехода власти к Советам*. Он исходил из того, что правительство буржуазии, в силу своего классового характера, не в состоянии решить ни аграрный вопрос, ни вопрос о мире, ни провести глубокие демократические преобразования. Сделать это может лишь правительство социалистических партий, каковым являются Советы. Но это *не означало перехода к социалистическому этапу революции*. Так вопрос Ленин не ставил. Экономическая часть тезисов предусматривала лишь конфискацию помещичьих земель, национализацию всей земли, контроль Советов за производством и распределением, то есть преобразования, направленные на преодоление экономического кризиса. Ленин считал, что все, что буржуазия могла сделать, она сделала. Довести до конца революцию и вывести страну из войны может лишь коалиция социалистических партий в лице Советов, пользующихся поддержкой большинства народа и в любой момент могущих взять власть в свои руки. Что касается социалистической революции, то Ленин, исходя из положений Ф. Энгельса, считал возможной ее победу только в мировом масштабе (5).

Зеркальным ответом на это положение стало положение постсоветских либеральных историков, противопоставлявших февральскую «демократическую» революцию и «большевистский переворот», приведший к установлению диктатуры. Такое противопоставление на наш взгляд методологически неверно. Не говоря уж о том, что Временное правительство было ничуть не более легитимным, чем большевистское, следует исходить из того, что Февральская и Октябрьская революции были *этапами одной революции 1917 – 1922 гг., начавшейся свержением самодержавия и завершившейся воссозданием Русского государства, пусть и под другим названием*. Видимо правильно было бы характеризовать этот период как единую *Великую Российскую революцию*. Ведь именно с таких позиций рассматриваем мы Великую Французскую Революцию 1789 – 1793 гг., Первую русскую революцию 1905 – 1907 гг. и др.

Вторым стереотипом советского периода является положение о *ведущей роли большевиков в подготовке и организации свержения самодержавия*. Однако факты не подтверждают эту оценку. В начале 1917 года большинство большевистских лидеров находились или в

эмиграции (В.И. Ленин, Л.Д.Троцкий), или в ссылке (Л.Б.Каменев, И.В.Сталин, Я.М.Свердлов) и практически не могли влиять на положение дел в России, да и плохо представляли себе это положение. В.И.Ленин в январе 1917 года за месяц до свержения самодержавия говорил: «*Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, Высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь ...будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции*» (3. С.526).

Решающую роль в падении самодержавия сыграли как объективные обстоятельства, так и *деятельность либеральных партий*. Рассмотрим действие этих факторов.

Война до предела обострила все противоречия России. Русская армия по своей численности была самой крупной из армий воюющих стран. В течение трех лет за царя и Отечество сражалось 15,5 млн. солдат и офицеров, проявлявших в сражениях мужество и героизм. Но уже первые месяцы сражений продемонстрировали недостаточную подготовку России к крупномасштабной войне. В армии ощущалась нехватка боеприпасов, снаряжения и особенно тяжелой артиллерии. Несмотря на героизм российской армии и неоднократные попытки перехода в наступление, начался тяжелый отход армии на восток. К осени 1915г. были потеряны Польша, Литва, почти вся Галиция, часть Волыни. Потери России составили более 2 млн. чел.

Война предъявила свои серьезные требования к *промышленности*. Проводилась политика ее мобилизации для нужд фронта. Вследствие этого, развитие промышленности имело односторонний характер. Предприятия, не связанные с военным производством, закрывались. Число таких предприятий к 1915г. составило 575. Это обернулось падением промышленного производства: к 1917г. оно составило 77% довоенного уровня. Последней каплей стало закрытие 21-22 февраля властями крупнейшего в Петрограде Путиловского завода — рабочие попытались поднять забастовку, несмотря на то, что завод с началом войны был национализирован, а забастовки на казённых военных заводах запрещались. Этот шаг выбросил на улицы 36 тыс. озлобленных рабочих

Война вызвала снижение *сельскохозяйственного производства*. Главной причиной этого была нехватка рабочих рук, вызванная мобилизацией мужского населения на фронт. К 1917 г. В армии находилась почти половина трудоспособных мужчин деревни. Война потребовала

миллионы лошадей – основную тягловую силу. поголовье скота сократилось на четверть, по сравнению с довоенным. Всё это привело к сокращению посевных площадей. В 1916 г. посевные площади под хлебом и картофелем составили 81,7% от уровня 1913 г. Общий сбор хлебов к 1918 г. составил 80% от довоенного уровня (2,8 млрд. пудов перед войной и 2,2 млрд. пудов в 1918 г.). Так как экспорт хлеба был прекращён, то хлеба в стране было достаточно. Однако транспорт не справлялся с военными перевозками, в результате товарооборот между городом и деревней резко сократился. Крестьяне стали придерживать хлеб, цены на продовольствие резко выросли. В стране до крайности обострилась **продовольственная проблема**. Власть приняла решение о введении карточек на хлеб с нормой один фунт на человека в день. Это решение вызвало панику и стремление запастись хлебом, произошло несколько погромов булочных. Голод все больше охватывал армию и гражданское население.

Неудачи на фронте, ухудшение внутреннего положения обусловили рост социальной напряженности в обществе, который проявился во всех сферах. На смену единению на основе патриотических настроений пришло разочарование и недовольство политикой правительства и монархии, и как следствие этого – резкий взлет политической активности различных социальных групп. **Различные партии либеральной ориентации в это время широко принимают участие в этом движении.**

В сентябре 1915 г. большинство депутатов IV Государственной думы под руководством октябристов и кадетов выделились в **Прогрессивный блок** во главе с П.Н.Милюковым. В Думе он имел 268 голосов из 397, то есть подавляющее большинство. Представители блока выступили со своей программой. Основными ее положениями были: создание министерства общественного доверия, широкая политическая амнистия, включавшая в себя разрешение деятельности профсоюзов, легализацию рабочей партии, ослабление политического режима в Польше, Финляндии и других национальных окраинах. Эта умеренная программа была отвергнута правительством, оно не желало иметь с оппозицией каких-либо конструктивных отношений. Николай II пытался навести порядок при помощи бесконечной смены премьер-министров и составов правительства. Все эти факторы привели к резкой потере доверия режиму в 1916 году. В этом году Гучков, по своим собственным позднейшим воспоминаниям, пытался организовать, по образцу дворцовых переворотов XVIII века, перево-

рот с целью отречения Николая II, и замены его на одного из великих князей. В ноябре Павел Милюков в Думе открыто обвинил правительство в ведении мирных переговоров с Германией. В декабре небольшая группа дворян убила Распутина. В условиях почти полной изоляции власти П.Н.Милюков 1 декабря 1916г. на заседании Думы обвинил правительство в измене. А.Ф.Керенский от имени трудящихся потребовал отставки «всех министров, предавших свою страну». Царь и на этот раз не пошел на уступки Прогрессивному блоку.

1 января 1917 года группа заговорщиков предложила великому князю Николаю Николаевичу занять трон царя Николая II. Великий князь отказался от подобного предложения, заявив, что *«мужик и солдат не поймут насильственного переворота»*, однако ничего сообщать царю также не стал. После отказа Николая Николаевича основным кандидатом на роль нового царя стал рассматриваться великий князь Михаил Александрович. Ни один из этих инцидентов не являлся непосредственной причиной Февральской революции, но выступления либералов, безусловно, подогревали протестные настроения в обществе, способствовали назреванию революции.

Поворотным пунктом революции явилось отречение императора от престола. 2 марта Николай II отрекся от престола в пользу своего младшего брата, великого князя Михаила Александровича. Отречение произошло под давлением генералитета, в первую очередь начальника штаба Ставки генерала Алексева и командующих фронтами, единогласно ответивших согласием на телеграммы Алексева о желательности отречения. Действия высшего генералитета впоследствии стали поводом для обвинения ряда царских генералов в заговоре. Если такой заговор действительно существовал (что до сих пор является дискуссионным вопросом), мотивы предполагаемых заговорщиков очевидны — спасение монархии через замену императора по образцу дворцовых переворотов XVIII века.

Однако 3 марта отрекся и Великий князь Михаил Александрович. Представители Госдумы Родзянко, Шульгин, и Керенский заявили ему, что «не гарантируют безопасность», так что ему в случае принятия престола следует опасаться самосуда со стороны восставших. После откровенного разговора великого князя с председателем Госдумы (наедине Родзянко прямо заявил, что Госдума не может гарантировать Михаилу Александровичу безопасность), великий князь передал вопрос о государственном устройстве России на рассмотрение будущего Учредительного собрания. В результате закончился

период правления Романовых, Россия, как и в период «Смутного времени» осталась без легитимной власти.

Ричард Пайпс оценивал положение Николая II на конец 1916 года следующим образом: *«К концу 1916 года все политические партии и группировки объединились в оппозицию к монархии. Впрочем, это было их единственной точкой соприкосновения — ни в чём другом они не сходились. Крайне левых не устраивало что-либо меньшее, чем радикальное преобразование политического, социального и экономического устройства России. Либералы и либерал-консерваторы удовлетворялись бы парламентской демократией. И те и другие, при всём их различии, вели речь об институтах власти. Крайне правые, теперь тоже примкнувшие к оппозиции, напротив, сосредоточили внимание на личностях политических деятелей. По их мнению, в российском кризисе повинен был не сам режим, а люди, стоявшие у кормила власти, а именно императрица-немка и Распутин. И стоит убрать их с политической арены, считали они, как всё пойдёт хорошо»* (4).

Таким образом, ни в подготовке, ни в осуществлении свержения самодержавия большевики прямого участия не принимали, да и не могли принять. Партия насчитывала около 25 тыс. человек, лидеры ее находились или в ссылке, или в эмиграции и, хотя идеи большевиков были близки и понятны народным массам, возможности как – либо воздействовать на политические процессы были крайне ограничены.

В либеральной историографии сформировался диаметрально противоположный подход - своеобразный вариант исторического волюнтаризма — различного рода представления о причинах исторических событий, которые можно объединить под названием **конспирологических** (от лат. Conspiratio — заговор). Суть этих представлений заключается в том, что если не все, то **большинство важных исторических событий происходит в результате решений, втайне задуманных и принятых небольшой группой людей.**

Согласно этой версии, русская революция была задумана и осуществлена масонами разных стран, среди которых были лорд Мильнер (представитель интересов Ротшильда), германский банкирский дом Вартбурга, американские банкиры Шифф и Кун, финансировавшие Троцкого, видный германский дипломат (в последующем - министр иностранных дел) Ульрих фон Брокдорф-Ранцау, который снабжал деньгами Парвуса, а через него Ленина. Именно под давле-

нием международного масонства германское правительство разрешило проезд Ленина из Швейцарии через Германию в Россию.

Концепции заговора отдал дань А. И. Солженицын в книге «Ленин в Цюрихе». В качестве тайного подстрекателя двух русских революций выступает у него уже упоминавшийся Парвус. Именно через него был осуществлен сговор между имперской Германией и русским эмигрантом Ульяновым, в результате которого рухнула старая Россия.

В годы «перестройки» появилось множество работ, в которых тоже всячески пропагандировалась идея заговора. Как утверждают многие из них, Октябрьская революция была совершена кучкой авантюристов по заданию германского генерального штаба и на немецкие деньги. И говорят это не только журналисты. Концепцию заговора отстаивали люди, имеющие ученые степени и звания. Примером может послужить Д. А. Волкогонов. Хотя этот человек носил звания доктора философских и доктора исторических наук, профессора и числился членом-корреспондентом РАН, все его сочинения никакого отношения к науке не имеют. Всю свою жизнь он верно служил начальству, действовал по принципу «чего изволите?», Надо было начальству, славил большевиков и В.И. Ленина, переменялась власть, стал обливаться их грязью.

Одно из последних его сочинений под названием «Ленин. Политический портрет» — представляет собой выдающийся образец исторической фальсификации. Автор без всякого стеснения создает «нужные» ему «факты». Книга переполнена прямыми измышлениями, различного рода подтасовками и нелепостями. Суть его исторической концепции коротко изложена им самим в аннотации к книге: *«В XX веке все главные беды России исходят от Ленина и созданной им организации, с предельно жестокой философией»*. Согласно Волкогонову, Октябрьская революция — результат заговорщической деятельности Ленина и созданной им партии. Если бы Ленина не было, то всемирная история пошла бы совсем по-другому. *«По сути, — пишет Д.А. Волкогонов, — Ленин изменил соотношение мировых политических сил, перекроил карту планеты, вызвал к жизни мощное социальное движение на континентах...»*. Таким образом, автор по-прежнему рассматривает Ленина как божество, но только теперь как злое, а не доброе. Одновременно, Д.А. Волкогонов всеми силами пытался убедить читателя в том, что Ленин и большевики получали огромные деньги от германского генерального штаба, хотя из самого

текста книги видно, что сам он в это совершенно не верит. Но, как говорится, цель оправдывает средства (1. С.220 – 232).

Ряд стереотипов сложился в советской историографии в 1920-е – 1930-е годы, в годы ожесточенной борьбы с троцкизмом. Эти положения, сформулированные первоначально в «Кратком курсе истории ВКП(б)», позднее переключивались из работы в работу. Говоря о роли Троцкого в Октябрьской революции, Сталин всячески стремился принизить эту роль. *«По указанию Центрального Комитета партии был создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, ставший легальным штабом восстания. ... 16 октября состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран Партийный центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным. Этот Партийный центр являлся ядром Военно-революционного комитета и руководил практически всем восстанием»* (2. С.197). Фамилия Л.Д.Троцкого, возглавлявшего Петроградский Совет, даже не упоминается, хотя именно Петроградский Совет взял власть и передал ее II Съезду Советов.

Еще более тенденциозно рисовалась роль Троцкого в заключении Брестского мира. *«Несмотря на то, что Ленин и Сталин от имени ЦК настаивали на подписании мира, Троцкий, будучи председателем советской делегации в Бресте, предательски нарушил прямые директивы большевистской партии. Он заявил об отказе Советской республики подписать мир на предложенных Германией условиях и в то же самое время сообщил немцам, что Советская республика вести войну не будет и продолжит демобилизацию армии.*

Это было чудовищно. Большого не могли требовать немецкие империалисты от предателя интересов своей страны. Германское правительство прервало переговоры и перешло в наступление» (2. С.207).

В действительности дело обстояло несколько иначе. 9 (22) декабря 1917 года начались мирные переговоры. 12 (25) декабря Р. фон Кюльман от имени германо-австрийского блока заявил о присоединении к основным положениям советской декларации о мире без аннексий и контрибуций при условии присоединения правительства стран Антанты к советской формуле о мире

Положение коренным образом изменилось после того, как на Украине пришло к власти правительство Центральной Рады. Делегация от Украины прибыла на переговоры в Брест – Литовск. Сепаратный мирный договор, был подписан 27 января (9 февраля) 1918 года

между Украинской Народной Республикой и Центральными державами в Брест-Литовске. Центральными державами признавался суверенитет УНР. В обмен на это УНР обязалась не вступать в союзы, направленные против Центральных держав, и поставлять Центральным державам продовольствие и сырьё. На основе выработанного специальной экономической комиссией соглашения в апреле 1918 г. Украина должна была поставить Германии 400 млн. штук яиц, 2,75 млн. пудов мяса (в живом весе), 37,5 млн. тонн руды и еще много сырья, что давало возможность снять внутреннее напряжение в этих голодающих странах.

5 (18) января 1918 года делегации Четверного союза в ультимативной форме предъявили советской делегации тяжёлые условия сепаратного мира. При этом основные территориальные притязания исходили от Германии. Было выдвинуто требование отделения от России не только Польши, Литвы, Курляндии, части Эстляндии и Лифляндии, но и значительной части Белоруссии. Троцкий воспользовался ультиматумом как поводом и в тот же день по просьбе Ленина и Сталина на время прервал переговоры.

17 (30) января переговоры в Бресте возобновились, но глава советской делегации Троцкий в соответствии с решением ЦК от 11 (24) января повёл политику их затягивания вплоть до предъявления Германией ультиматума в расчёте только тогда подписать мир.

28 января (10 февраля) на вечернем заседании конференции Троцкий от имени Советского правительства огласил декларацию, в которой содержался отказ от подписания аннексионистского договора и в то же время состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией объявлялось прекращённым. Отмечалось также, что российским войскам будет отдан приказ о полной демобилизации по всему фронту.

Советская историография утверждала, что оглашением этой декларации Троцкий нарушил прямые указания, которые были ему даны по порядку ведения переговоров руководством РСФСР и партии большевиков. Однако Троцкий, действовал в соответствии с решением ЦК обеих правящих партий, как большевиков, так и левых эсеров. По утверждению Троцкого, советская делегация вернулась из Брест-Литовска с почти полной уверенностью в невозможности германского наступления.

В противовес официальной точке зрения, в антикоммунистической историографии неоднократно высказывалось мнение, высказан-

ное в свое время А.И.Деникиным о том, что заключением Брестского мира и выводом России из войны большевики выполнили ранее взятые на себя обязательства перед Германией за её поддержку в захвате ими власти в России (2.С.21).

Объем статьи не позволяет продолжить анализ сложившихся в исторической традиции стереотипов в изучении Великой Российской революции. Но изложенного достаточно для того, чтобы обосновать необходимость более основательного и, главное, объективного, беспристрастного изучения истории данного периода, определившего дальнейшее развитие нашей страны и во многом повлиявшего на судьбы мира.

Литература:

1. Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн.1.
2. Деникин А. И. Очерки русской смуты. М.: Айрис-пресс, 2006. Т.2.
3. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1945.
4. Ленин В.И. Полн. Собр..Соч, Т.30.
5. Пайпс. Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима. М., 2005
6. «Крупная промышленность уже тем, что она создала мировой рынок, так связала между собой все народы земного шара, в особенности цивилизованные народы, что каждый из них зависит от того, что происходит у другого. Затем крупная промышленность так уравнила общественное развитие во всех цивилизованных странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними – главной борьбой нашего времени. Поэтому *коммунистическая революция будет не только национальной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии*. Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену». См.: Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Цит. по.: [//RoyalLib.com>book/engels_fridrih...kommunizma.html](http://RoyalLib.com/book/engels_fridrih...kommunizma.html)

УДК94(985).084.3:913(985)

ББК Д890(211)+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

Н.Н. Мельников, И.А. Липовцева

Екатеринбург

**«ВРЕДИТЕЛИ» В УРАЛЬСКОЙ ЭНЕРГЕТИКЕ:
ПОИСК ПРИЧИН ВЫСОКОЙ АВАРИЙНОСТИ
В СИСТЕМЕ «УРАЛЭНЕРГО» В 1930-Е ГГ.***

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дело энергетиков Урала, энергетическая система, аварийность, «вредители».

АННОТАЦИЯ. В статье показаны отдельные случаи фабрикации уголовных дел против «вредителей» в энергетике Урала в 1930-е гг. как попытка советской власти ответить на вызовы ускоренной индустриализации. Делается вывод о необоснованности и губительности процесса поиска «вредителей» для региональной энергетики.

N.N. Melnikov, I.A. Lipovtseva

Yekaterinburg

**«PESTS» IN THE URALS ENERGY: SEARCH THE CAUSES
OF HIGH ACCIDENT IN «URALENERGO» IN 1930 GG**

KEY WORDS: criminal case Urals Energy, energy system, the accident, «saboteurs».

ABSTRACT. The article shows the cases of fabrication of criminal cases against «saboteurs» in the energy sector of the Urals in 1930-1939. It was an attempt of the Soviet authorities to solve the problems caused by the rapid industrialization of the Soviet Union. Search saboteurs led to the deterioration of the Ural power system.

В течение 1930-х гг. уральская энергетика переживала бурный рост своего развития. В кратчайшие сроки вводились новые мощности. Однако этот процесс сопровождался острой нехваткой квалифицированных специалистов и нового оборудования. Без должного количества опытных кадров, оборудования и материалов высокая ава-

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Кампания по борьбе с вредительством в военной промышленности по документам Архива Президента Российской Федерации» № 16-01-00308.

рийность в энергетической системе Урала оказалась неизбежным фактом.

Уже с конца 1920 – начала 1930-х гг. органы следствия на всей территории Советского Союза стали массово возбуждать уголовные дела против «вредителей». Одним из самых громких стало дело энергетиков Урала. 7 декабря 1933 г. Полномочным представительством ОГПУ по Уралу была «вскрыта» контрреволюционная диверсионно-вредительская организация в энергохозяйстве региона. По данным следствия, организация была создана и руководилась помощником управляющего системы «Уралэнерго» по финансовой части И.А.Канторовича, вовлекшим в организацию ряд крупнейших специалистов-энергетиков Урала. Конечной целью организации было свержение советской власти при помощи интервенции со стороны капиталистических стран. И.А. Канторович и руководимая им группа занималась расстройством работы промышленности, путем прямых диверсий и вредительства в сетях и подстанциях региона; задержкой развития промышленности и народного хозяйства посредством срыва строительства электростанций. В целях активной помощи интервентам организация ставила задачу создания боевых ячеек из антисоветского персонала, обслуживающего линии передач и подстанции. По данным органов следствия, деятельностью контрреволюционной организации были поражены электросети и подстанции Среднего Урала, строительство Челябинской и других электростанций (1).

В качестве обвиняемых по делу были привлечены ведущие специалисты уральской энергосистемы: главный инженер уральского сетевого хозяйства Г.П. Привалов; главный инженер среднеуральской районной сети А.А. Кудряшов; начальник и зав. эксплуатацией среднеуральской района сети И.Д. Педашенко; заведующий эксплуатацией среднеуральской район сети Б.И. Хамкин; старший инженер сектора капитального строительства «Уралсети» А.И. Горкин; главный инженер треста «Уралэнегрострой» Ч.В. Ковалевский; заведующий сектором оборудования «Уралэнегростроя» А.Ф. Хозянов и многие другие. Всего 14 человек. Из материалов дела следовало, что энергохозяйство Урала в начале 1930-х гг. переживало трудные времена. «Контрреволюционная организация» за период 1931-1932 гг. и первого полугодия 1933 г. совершила 955 аварий с аварийным недоотпуском электроэнергии промышленным и другим потребителям более 1 млн кВт/ч.

Было необходимо найти оправдание такому положению в энергохозяйстве Урала. В результате было сфальсифицировано дело о контрреволюционной диверсионно-вредительской организации в энергохозяйстве Урала. Постановлением коллегии Полномочного представительства ОГПУ по Уралу от 9 января 1934 г. члены «контрреволюционной» организации были приговорены к срокам от 3 до 10 лет в исправительно-трудовых лагерях. Уже после смерти И. Сталина, на этапе массовой реабилитации жертв политических репрессий на основе Постановления Президиума Свердловского областного суда от 4 декабря 1958 г. Постановление коллегии ОГПУ были отменены, и дело было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления (1).

Однако практика поиска несуществующих саботажников продолжалась до конца 1930-х гг. Зачастую большинство проблем в энергетической системе ее руководство пыталась списать на «вредителей», которые якобы сознательно разваливают работу уральской энергетики. В одном из отчетных докладов о деятельности «Уралэнерго» за 1937 г. так прямо и было сказано: «За годы первой и второй пятилетки уральская энергосистема получила большое развитие в части ввода новых мощностей и сетей. Развитие тормозилось врагами народа, работавшими в системах «Главэнерго» и «Уралэнерго». В результате вредительских действий в системе наблюдался недостаток мощности. Вредительство наблюдалось в следующих направлениях: ввод в действие оборудования; строительство и ввод в эксплуатацию новых мощностей. Так же вредительство наблюдалось в строительстве линий передач. Дефицит мощности усугублялся недостаточной пропускной способностью сетей, что привело к недостаточному использованию мощностей некоторых станций. В результате этого оставалось только несколько линий передач, не имевших резервы, что не дает возможности проводить плано-предупредительный ремонт и ведет к неустойчивой параллельной работе станций» (3).

Однако нельзя воспринимать эту информацию напрямую. Практически все проблемы организации производства в 1930-х гг. списывались различного уровня руководителями и представителями партийных и советских структур, промышленных предприятий и Наркомата внутренних дел на вредителей в промышленности и управленческих структурах. Именно такие формулировки были использованы в документах. Однако вечно оправдывать вредительством неудовлетворительную работу промышленности было невозможно. И уже к

концу 1930-х термин «вредители» и «вредительство» начали исчезать из делопроизводственной документации. Но значительная часть проблем осталась.

Количество аварий по системе «Уралэнерго» за 1936 г. составило 449 случаев. В течение первой половины 1937 г. количество осталось на прежнем уровне – 279 случаев. К этому числу необходимо добавить многочисленные аварии на отдельных станциях системы и заводских блок-станциях: СУГРЭС, Закамской ТЭЦ, ТЭЦ Вагонзавода и др., которые на тот момент не учитывались аварийной инспекцией «Уралэнерго». Наиболее крупными авариями были: систематические выход из строя мельниц и прогары труб пароперегревателей котлов Кизеовской ГРЭС, разнос турбогенератора №6 и авария турбогенератора № 5 на 9 тыс. кВт на Егоршинской ГРЭС, две аварии на турбогенераторе Кушвинской ГЭС, систематический занос солями турбин в Челябинске на Закамской ТЭЦ, пуск мазута в конденсат котлов в СУГРЭСе и т.д.

Выключение какого-либо завода на 15-20 минут от электроэнергетики расстраивало работу предприятия на целые часы и дезорганизовывало технологический процесс. Особенно опасны были ситуации, когда электричество отключалось в момент плавки или переливки металла. Недостаток мощности в системе вел к перегрузке машин у потребителей. Качество электроэнергии, отпускаемой «Уралэнерго», было очень часто крайне неудовлетворительного качества, напряжение, особенно у отдельных потребителей, оставалось ниже установленного стандарта, это вело к перегрузке моторов, их быстрому износу, уменьшению пускового момента и т.д.(2).

Уральская энергетическая система все 1930-е гг., находясь в состоянии устойчивого роста установленной мощности и выпуска электроэнергии, была не в состоянии удовлетворить постоянно растущие потребности промышленности региона. Поэтому возникает ситуация тотального дефицита электроэнергии. «Уралэнерго» не могла преодолеть этот дефицит, что вынуждало энергетиков работать в условиях постоянного перенапряжения своих усилий и повышенного износа оборудования. Следовательно, высокая аварийность была неизбежным итогом такого существования. Однако, государственная власть, в лице органов следствия, вместо существенной помощи «предлагала» энергетикам реальные сроки заключения и уголовные дела, которые к концу 1930-х гг. зачастую оборачивались смертным приговором. Этот

фактор только увеличивал дефицит квалифицированных специалистов и усиливал дезорганизацию работы электростанций и сетей.

Источники:

1. Дело энергетиков на Урале // материалы Музея электроэнергетики Урала.
2. Российский государственный архив экономики. Ф. 3700. Оп. 4. Д. 841. Л. 7–8.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 31. Д. 12. Л. 82.

УДК94(985).08416.7213(985)

ББК Д890(2694)+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

Н.Н. Мельников, А.В. Сарапулова

Екатеринбург

**РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ УРАЛА
В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНА ГОЭЛРО**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ГОЭЛРО, Урал, электрификация, промышленность, электростанции.

АННОТАЦИЯ. В статье показаны особенности развития электрификации Уральского региона в 1920-е гг. Дан краткий анализ планов по развитию энергетики региона в рамках программы ГОЭЛРО. Сделан вывод невозможности развития электрификации Урала только в рамках заводских электростанций.

N.N. Melnikov, A.V. Sarapulova

Yekaterinburg

**ELECTRIFICATION URAL UNDER
IMPLEMENTATION PLAN ELECTRIFICATION**

KEY WORDS: GOELRO, Ural, electrification, industry, power stations.

ABSTRACT. The article shows the features of the development of the electrification of the Ural region in the 1920s. A brief analysis of the development plans of the region's energy sector in the framework of the electrification program. The conclusion about the impossibility of the development of the electrification of the Urals only in the power plant.

В 1920 г. начала действовать Государственная Комиссия по Электрификации России (ГОЭЛРО), которая подготовила перспективную программу развития экономики страны в целом и электроэнергетики в частности. Этот проект хорошо известен как план ГОЭЛРО.

Впервые в России было предложено экономическое районирование, выделено 8 экономических районов. Рациональное разделение труда между районами при оптимальном использовании их естественных богатств (главным образом топлива и сырья) рассматривались как основной путь строительства нового хозяйства. Весь план был разбит на две части, которые отличались друг от друга характером предстоящих работ. В первой части (программе А) намечались пути использования уже действовавших электрических станций, а во второй части (программе Б) обосновывалась необходимость строительства новых электроцентралей и линий электропередачи (7. С. 65).

В процессе Гражданской войны, как на Урале, так и в центре страны, было утеряно много документов, посвященных вопросу изучения экономического потенциала региона. Ни в Петрограде, ни на Урале найти их не удалось и комиссии ГОЭЛРО пришлось базировать на ограниченном объеме изданий, по большей части довоенного времени. Отсутствие предварительного детально проработанного материала, который мог бы лечь в основу решения вопроса об электрификации Урала, делало текущую работу только первым приближением к поставленной задаче (5. С. 4).

Для разработки вопроса электрификации Уральского района Государственная Комиссия по электрификации России выделила группу своих членов в составе: проф. М.А. Шателен, Б. А. Ступин, А. Г. Коган, Р. А. Ферман и Н. Н. Вашков. Ответственным руководителем был избран Н. Н. Вашков. К работам был привлечен ряд деятелей по Уралу, представивших свои доклады, которые легли в основу работы Комиссии. Б. А. Ступин: «Электрификация Урала в связи с работами по сооружению водных путей»; Л. В. Дрейер: «Уральский уголь и его использование для районных электрических станций» и др. (5. С. 5).

При составлении планов развития существовал недостаток детальных материалов по хозяйству отдельных округов в связи с неясностью плана распределения промышленности по Уралу. Сама же электрификация в уральских условиях должна была решить, прежде

всего, следующие задачи: электрификация оборудования заводов и фабрик в целях повышения производительности, сокращения затраты труда; сокращение потребления древесного топлива как топлива котельных; электрификация железных дорог как магистрального, так и местного значения; электрификация и механизация узкоколейных, подвесных канатных дорог, которые необходимы для обслуживания горного дела и лесозаготовительных операций; электрификация угольных разработок, добычи торфа, подземных и открытых работ в рудничном деле, в добыче платины и золота; механизация и электрификация лесных разработок, погрузки, выгрузки, централизованного углежжения; электроплавка чугуна, электросплавов; электрификация кустарной промышленности; электрификация сельского хозяйства, удовлетворение нужд населения (5. С. 6).

По наличию полезных ископаемых Урал является одним из богатейших районов страны, и естественно, что планом ГОЭЛРО, предусматривавшим рациональное размещение электростанций по территории Советского Союза, значительное место было предусмотрено развитию энергетической базы данного региона. Мощность всех уральских электростанций в 1913 г. достигла 33 тыс. кВт. В период Первой мировой войны на Урал направили демонстративное оборудование из тех районов Российской империи, которым угрожала немецкая оккупация. За счет ввода в действие эвакуированного оборудования мощность электростанций в 1920 г. увеличилась до 72,5 тыс. кВт.

Планом намечалось построить на Урале следующие электростанции районного значения: Кизеловскую ГРЭС на 40 тыс. кВт, Челябинскую ГРЭС на 60 тыс. кВт, Егоршинской ГРЭС на 40 тыс. кВт и Чусовскую гидроэлектростанцию до 25 тыс. кВт. Для удовлетворения насущных нужд отдельных районов Урала авторы плана ГОЭЛРО предлагали использовать объединенные заводские электрические установки в Кушве и на Нижне-Тагильском заводе, а также использовать электрическую станцию Надеждинского (Серовского) завода. На торфяных залежах близ г. Екатеринбурга планировалось построить местную централь для нужд Верхне-Исетского завода, Екатеринбурга и прилегающего к нему района. На Южном Урале в качестве местных центральных предлагалось использовать электрические станции Златоустинского, Саткинского и Белорецкого заводов (1. С. 214–215).

При строительстве этих объектов и с учетом реконструируемых промышленных электростанций планом намечалось довести общую мощность энергооборуженности края до 220-250 тыс. кВт (6. С. 5).

Полугородской, полудеревенский уклад жизни Урала давал большое развитие кустарным промыслам и сельскому хозяйству в районе заводов. В этих условиях развитие электрификации заводов предоставляло кустарям и мелким мастерским возможность подключиться к электроснабжению. Особо была заострена роль электричества в хлебородных уральских районах, где место широко развитой промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства и животноводства. Наконец, все новые отрасли промышленности, электрическая плавка чугуна, электроплавка вообще, ряд отраслей химической промышленности, добывание меди электролитическим путем и т. д. и т. п., все это требовали обильного снабжения электричеством (4. С. 320–325).

Следовательно, развитие электрификации позволяло в перспективе получить импульс развития не только для заводской промышленности региона, но и давало возможность вывести кустарные промыслы, сельское хозяйство и бытовое положение населения на совершенно иной качественный уровень.

Однако нельзя утверждать, что уральский регион был резко ограничен в возможности получать электроэнергию до начала реализации планов ГОЭЛРО. Как раз наоборот, край уже имел достаточно устойчивую структуру энергогенерации и потребления. К моменту завершения подготовки I пятилетнего плана развития советской промышленности в 1927 г. был подготовлен «Общий экономико-географический очерк Уральской области и ее экономических ресурсов на 1928/29–1932/33 гг.» Отдельная глава исследования была посвящена электросиловому хозяйству Урала. В этой главе авторы очерка подробно рассмотрели количественное и качественное состояние первичных силовых станций уральской цензовой промышленности. Таким образом, анализу были подвергнуты промышленные установки без районных электростанций.

Суммарная мощность всех установок авторы оценили в 188 тыс. кВт. Первое место по плотности силовых установок занял Свердловский округ: 110 кВт на 100 кв. км при средней плотности по Уралу 26 кВт на 100 кв. км. Превалирующая роль в структуре промышленности региона занимала металлургическая промышленность – 64% установленной мощности от всей цензовой промышленности. Второй

место принадлежало пищевкусовой промышленности – 7,9% установленной мощности, третье место – электростанции и 7,8%, четвертое – горнорудная промышленность и 7,6%. Первые пять мест по средней мощности силовых установок принадлежали металлургической, электроснабжающей, строительной, горно-топливной и химической промышленностям: 1750, 1410, 1360, 1350 и 1130 кВт соответственно. Последние два места делили кожевенная и пищевкусовая отрасли: 265 и 300 кВт .

Авторы очерка пытались оценить степень износа электросилового оборудования на предприятиях, но признались, что сделать это достаточно трудно. Они смогли оценить не все объекты, а только часть – 99 предприятий (из 107), и предупредили, что и к этим данным нужно относиться с осторожностью. Результаты этого достаточно ограниченного исследования дали неутешительные итоги – основная масса предприятий дала коэффициент износа свыше 40%. Например, большинство станций предприятий Нижнетагильского округа (лидер по абсолютной мощности установок) имело износ от 50 до 82% .

В результате был сделан следующий вывод: средняя мощность установок была невелика при значительном износе оборудования и при неполном коэффициенте загрузки. Эти факторы влекли за собой высокие удельные расходы топлива и, как следствие, высокую себестоимость 1 кВт/ч. К этому необходимо было добавить недостаток квалифицированного персонала для обслуживания установок . В контексте этих фактов разработка и реализация плана ГОЭЛРО как программы создания на Урале сети районных электростанций общего пользования выглядит стратегически абсолютно правильно. Именно такой способ организации развития электрификации края позволял максимально эффективно сконцентрировать силовые установки и квалифицированный персонал для их обслуживания (4).

Насколько было хаотично то наследие, какое имеется на Урале, хорошо показывал пример электрического оборудования уральских электрических станций. В области постоянного тока фигурировало напряжение в 110, 220, 250 и 550 в, в области трехфазного тока имеются напряжения в 200, 250, 330, 500, 525, 550, 2 100, 3 000, 3 500, 5 500, 6 600 в. Унификация рода тока, его напряжение как подготовка для электрификации района наряду с упорядочением всего существующего электрического хозяйства района — это была одна из неотложнейших задач (5. С. 24).

План ГОЭЛРО вывел уральскую энергетику на качественно иной уровень, благодаря ему был сделан рывок вперед. В 1928/29 х.г. (т.е. в момент, когда первые объекты плана ГОЭЛРО стали давать ток) районные электростанции давали всего 4,2% всей электроэнергии региона, тогда как фабрично-заводские установки обеспечивали 83,8% всей установленной мощности (подсчитано по: 2. С. 74). Однако это было только начало. В перспективе именно районные станции должны были выйти на первое место по выработке уральской электроэнергии. В регионе стала формироваться самостоятельная, достаточно мощная энергетическая система районных станций, которая на этапе 1920-х гг. развивавшаяся только на основе тепловой энергии.

Источники:

1. План электрификации РСФСР. Введение к докладу 8 съезду Советов Государственной Комиссией по электрификации России. М., 1920.
2. Пятилетний план хозяйства Урала на 1928/29 – 1932/33 гг. (краткое изложение). Свердловск, 1929.
3. Российский государственный архив экономики. Ф. 3700. Оп. 1. Д. 150. Л. 181–202.
4. Электрификация СССР. Сборник документов и материалов 1926-1932 гг. М., 1966.
5. Электрификация Уральского района / Составлено Государственной Комиссией по Электрификации России. Москва, 1920.

Литература:

6. Баканов С.А. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале В 1920-е – начале 1930-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35.
7. Гервич М.Б., Макушкин Я.Г., Миньков М.Я.. Уральская энергосистема. Свердловск, 1970.

УДК94(985).08416.7213(985)

ББК Д890(2694)+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

В.П. Микитиук

Екатеринбург

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА
В 1917–1919 ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Екатеринбург, революция, гражданская война, педагоги, учащиеся, большевики.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается отношение екатеринбургских педагогов к политическим событиям 1917–1919 гг., изучаются модели поведения педагогической корпорации в условиях революций и гражданской войны, взаимоотношения педагогов с различными властями, в том числе с Временным правительством и Советами.

V.P. Mikityuk

Yekaterinburg

**EDUCATIONAL CORPORATION YEKATERINBURG
IN 1917-1919 GG.**

KEY WORDS: Yekaterinburg, revolution, civil war, teachers, bolshevists students.

ABSTRACT. In the article attitude of the Ekaterinburg teachers is examined toward political events 1917-1919, the models of behavior of pedagogical corporation in the conditions of revolutions and civil war, mutual relations of teachers are studied with different authorities, including with the Provisional government and Advices.

Для жителей Екатеринбурга, равно как и для других россиян, 1917–1919 гг. оказались чрезвычайно богатыми на крупные и сложнейшие исторические события. В короткий трехлетний период уместились падение самодержавия, приход к власти Временного правительства и его фиаско, захват государственной власти большевиками, бурное и страшное время гражданской войны. Пестрый калейдоскоп крупномасштабных событий, происходивших к тому же в быстром, а порой и в сумасшедшем темпе, оказал мощнейшее воздействие на екатеринбургскую педагогическую корпорацию, вынудив ее определяться с выбором между той или иной властью и заставив искать раз-

ные модели поведения, позволяющие приспособиться к быстро и постоянно меняющимся реалиям.

Уже к началу 1917 г. педагогическая корпорация Екатеринбурга являлась в достаточной степени политизированной. В ее составе находилось немало лиц, являвшихся приверженцами разных партий, в том числе радикальных. В то же время немалому количеству педагогов была присуща аполитичность: эта часть педагогической корпорации предпочитала сосредоточиться на выполнении своих профессиональных обязанностей.

Падение самодержавия и приход к власти Временного правительства стали для многих екатеринбургских педагогов полной неожиданностью. Резко и быстро изменившаяся ситуация заставила учителей определяться со своими политическими пристрастиями. Некоторая часть педагогов, среди которой преобладали люди старшего возраста, осталась приверженцами царской власти. Однако, застигнутые врасплох, они не сумели объединиться, и в основном оказались крайне пассивными участниками бурных политических процессов. Значительная часть городских педагогов, особенно из молодых, с энтузиазмом восприняла события февраля 1917 г. и приветствовала падение старой власти. Отношение же к Временному правительству у этой части учительской корпорации было далеко не однозначным. Большая часть поспешила выказать лояльность Временному правительству, а меньшая, представленная в основном приверженцами большевизма, отнеслась к нему критически.

Радикальная смена власти побудила педагогическую корпорацию приступить к выработке мер адаптации образовательной системы к новым реалиям. Впрочем, основная масса педагогов была настроена выжидательно: они надеялись, что новое Министерство народного просвещения с помощью разных нормативных документов определит контуры необходимых реформ. Находясь в состоянии ожидания необходимых инструкций, педагогическая корпорация не оставалась пассивной.

Большинство педагогов, за исключением сторонников радикальных партий, делавших особую ставку на молодежь, были озабочены обостряющейся проблемой взаимоотношений с учащимися, а также быстро нарастающим участием последних в революционном движении. В самом начале марта 1917 г. группа учителей выпустила обращение к учащейся молодежи: «Учащиеся! Наша родина переживает великие дни. Политически опытные члены Государственной Думы

призывают ваших родителей хранить спокойствие и делать каждого свое дело. Пусть и каждый из вас также спокойно, как в обычное время, делает свою работу; пусть каждый из вас будет в стороне от всех могущих быть выступлений толпы. Помните, что своим участием в этих выступлениях вы пользы не принесете, а своим спокойным отношением к происходящим событиям вы покажете, что были достойными детьми великого года» (10. С.3).

Понимая, что одними словесными призывами учащихся не успокоить, некоторые педагоги решили направить энергию молодых в более «разумном» направлении и постарались задействовать учащихся в просветительском движении, привлекая их к лекционной работе и к обучению малограмотных солдат запасных частей. Активисты из числа педагогов отдавали себе отчет в том, что без создания новых организационных структур им не удастся ни удержать учащихся под своим влиянием, ни обеспечить более или менее нормальное функционирование учебных заведений, ни решить другие важные задачи.

10 марта 1917 г. в газетах появилось воззвание инициативной группы учителей, обращенное к городской педагогической корпорации, к коллективам школ Екатеринбургского уезда, а также ко всем, интересующимся образовательными вопросами. Его инициаторы, заявив, что «организация – вот то слово, которое определяет один из основных лозунгов момента», предложили начать работу по созданию в Екатеринбурге педагогического общества. Его главными задачами они назвали, во-первых, научно-педагогическую работу, во-вторых, просветительскую деятельность, и в третьих, организацию «нравственной и материальной» взаимопомощи в учительской среде (1. С.3).

На пути создания организации, способной объединить всех педагогов, очень быстро обнаружились препятствия. Одним из них были трения между учителями начальных школ и средних учебных заведений, еще больше сложностей создавали разногласия, имевшие политическую подоплеку. Наличие препятствий стало причиной создания сразу нескольких организаций. Свое общество учредили педагоги городских начальных училищ. Помимо этого возникли Уральский педагогический союз и Екатеринбургское педагогическое общество. На первых порах вновь учрежденные структуры были заняты организационной работой. В газетах регулярно появлялись сообщения о новых собраниях педагогов: «Собрание членов Екатеринбургского педагогического общества состоится в понедельник 3 апреля в 1 час дня

в зале реального училища. Обсуждению подлежит вопрос о командировании делегатов на съезд всероссийского учительского союза 7–8 апреля в Петрограде, и выработанный на первом собрании комиссией проект устава общества» (8. С.3).

На первых порах объединения педагогов были склонны к решению вопросов, не имевших значительного политического подтекста. В частности, учителей 2-й женской гимназии очень волновала процедура выборов новой начальницы. Ранее это было прерогативой попечительского совета учебного заведения и вышестоящих структур, не склонных прислушиваться к мнению учителей. В новых условиях часть трудового коллектива настаивала на своем участии в выборах начальницы. Их позиция была обозначена в открытом письме, подписанном 17 педагогами, в том числе М. Агафоновой, Л. Благушиной, А. Кульчицкой, Н. Младовым и др. (11. С.3).

Однако, со временем ситуация в екатеринбургских учебных заведениях очень сильно накалилась: возросла политизированность учащихся, особенно учеников старших классов. Учащиеся все чаще отказывались подчиняться педагогам. В самом начале октября в реальное училище явился председатель следственной комиссии союза учащихся, который организовал многолюдное собрание. Директор училища потребовал прекращения сходки и возвращения реалистов на занятия, но получил резкий отказ. Собрание продолжилось (3. С.3).

Практически одновременно разгорелся скандал во 2-й женской гимназии, связанный с увольнением сверхштатного учителя Н.Г. Младова. Педагог опротестовал это решение, объяснив его преследованием со стороны председателя педагогического совета. На стороне педагога выступила большая группа гимназисток. Педагоги попробовали поговорить с Младовым, но тот заявил, что «учащиеся имеют право приглашать учителей и увольнять нежелательных» (2. С.3). В дело вмешались вышестоящие инстанции, не нашедшие в решении председателя никакого нарушения, но признавшие его действия «формальными и не соответствующими духу времени». Ответом на это решение стало заявление 30 педагогов гимназии о временном отказе от работы (9. С.3). Впрочем, на этом конфликт не был исчерпан.

В конце октября – начале ноября 1917 г. Екатеринбург был взбужден новой конфликтной ситуацией. Все началось с попытки инспектора торговой школы А.А. Зирина убрать из учебного заведения преподавателя Д.А. Киселева, члена партии большевиков. Это по-

влекло за собой целую серию собраний учащихся, их родителей и педагогов, выносивших самые разные решения. В результате, попечительский совет принял решение временно закрыть школу.

Часть конфликтов пришлась на тот период, когда у власти находилось Временное правительство, другие произошли уже после большевистского переворота. Однако, почти во всех конфликтных ситуациях наблюдалось явное вмешательство Совета рабочих и солдатских депутатов, который, как правило, выступал на стороне учащихся. Представители Совета не столько помогали урегулировать конфликты, сколько подливали масла в огонь. Этим достигалось решение сразу нескольких задач. Во-первых, Совет привлекал на свою сторону часть учащихся, во-вторых, добивался увольнения ряда педагогов и отставки многих членов попечительских советов, часть из которых была настроена враждебно по отношению к революционерам.

С переходом всей полноты власти к Совету рабочих и солдатских депутатов педагогическая корпорация столкнулась с ситуацией, главным содержанием которой стало растущее вмешательство новых властных структур в дела учебных заведений. Стоит отметить, что усилия екатеринбургских большевиков по установлению контроля за учебными заведениями нашли понимание у вышестоящих властей. Постановлением от 18 апреля 1918 г. нарком просвещения А.В. Луначарский передал все учебные заведения г. Екатеринбурга в ведение Советов рабочих и солдатских депутатов. Опираясь на этот документ, екатеринбургский комиссариат народного просвещения взял на себя руководство образовательной системой столицы Урала. Одним из первых увидело свет постановление об отмене формы, опубликованное 20 апреля 1918 г. и гласившее: «...ношение форменной одежды служащими, учащими и учащимися г. Екатеринбурга, а также всякого рода кокард, значков и знаков, выдаваемых по окончании учебных заведений, присвоенных ученым степеням, отменяется. Ношение студентами наплечников с вензелями бывших царей, безусловно, не должно иметь места» (4. С.68). Это постановление педагоги встретили неоднозначно. Одним оно пришлось по вкусу, так как избавляло от весьма существенных трат на пошив мундиров и другой форменной одежды. В то же время многие учителя полагали, что постановление от 20 апреля повлечет за собой снижение дисциплины и дезорганизацию учебного процесса.

Впрочем, отмена форма была делом относительно второстепенным. Гораздо более важным был кадровый вопрос. Многие учителя

отрицательно отнеслись к большевистскому перевороту и отказывались выполнять постановления Совета и комиссариата народного просвещения. В этих условиях, городской комиссариат народного просвещения, во главе которого стоял большевик Д.А. Киселев, взял курс на чистку учебных заведений от нежелательных элементов. Впрочем, в отдельных случаях Совет рабочих и солдатских депутатов самостоятельно увольнял тех или иных педагогов. Так, в феврале 1918 г. исполком Совета уволил директора художественно-промышленной школы В.М. Анастасьева, бывшего членом конституционно-демократической партии (14. С.132).

Для организации чистки была использована идея выборов педагогов, которая после февральских событий 1917 г. была крайне популярна в ученической среде. Педагоги, в основном, к этой идее относились отрицательно. И Совет рабочих и солдатских депутатов, и городской комиссариат народного просвещения оказали мощное давление на педагогическую корпорацию, которое, в частности, выразилось в увольнении некоторых противников выборов. Несмотря на сильное давление, педагоги, поддержанные частью учащихся и родителей, некоторое время отказывались от выборов. В отдельных случаях они соглашались на выборы, но организовывали их так, что среди переизбранных оказывалось немало противников советской власти. В этих случаях, результаты выборов отменялись. Подобное имело место в начальных училищах.

В средних учебных заведениях идея выборов также была непопулярна, и педагоги саботировали эту процедуру. Лишь в мужской гимназии комиссариату удалось вынудить педагогов принять участие в процедуре выборов, которым пришлось направить соответствующее заявление на имя комиссара народного просвещения. Всего поступило 20 таких заявлений, в основном, очень кратких. Так, преподаватель графических искусств А.А. Шереметевский в заявлении от 3 апреля 1918 г. написал: «Желая продолжать службу в мужской гимназии, прошу считать меня кандидатом при выборах по гимназии» (5. Л.36).

4 апреля 1918 г. кандидатуры А.А. Шереметевского и 19 его коллег были подвергнуты баллотировке. Впрочем, члены избиркома в протоколе нарекли состоявшуюся процедуру «боллотировкой». Состав избирательной комиссии состоял из 21 человека: нескольких служащих городского комиссариата народного просвещения и большой группы учащихся, среди которых наиболее заметной была фигу-

ра И.Л. Дукельского. 16 преподавателям удалось пройти через сито выборов без особых проблем. Например, А.А. Шереметевский получил 21 голос «за» и ни одного «против». Не повезло директору гимназии А.К. Яненцу и трем его коллегам (Бернеру, Громеко и Эбергарду), которые получили от 16 до 20 голосов «против» (6. Л.33). Провал директора вполне объясним, так как он пользовался устойчивой репутацией сторонника старого режима. Педагогу Громеко аукнулся конфликт с учащимся, имевший антисемитскую подоплеку.

Игнорирование процедуры выборов многими педагогами или неудачный исход выборов привели к тому, что комиссар народного просвещения в начале лета 1918 г. приступил к массовым увольнениям учителей. В частности, досталось учителям начальных школ. 5 июня 1918 г. увидело свет постановление № 46 комиссариата народного просвещения, согласно которому была уволена от службы большая группа «учащих прежнего состава». Так, Гоголевское училище в один присест лишилось шести педагогов, Нафанаиловское трех, из Тургеневского и Вознесенского было уволено по четыре учительницы (7. Л. 98). Вакансии были заполнены педагогами, которые казались новой власти вполне благонадежными. Увольнением 17 педагогов дело не ограничилось. 7 июня 1918 г. комиссар народного просвещения Д.А. Киселев издал постановление № 49, которым было уволено еще 14 учительниц начальных школ (12. С.1). Стоит отметить, что многие из уволенных учительниц были ветеранами на педагогическом поприще. Некоторые из них сыграли важную роль в организации начального образования в Екатеринбурге и пользовались заслуженной популярностью в обществе. Например, А.И. Шапошникова, окончив в 1876 г. женскую гимназию и получив звание домашней наставницы, тут же стала преподавателем в начальной школе. К моменту увольнения ее педагогический стаж превысил 40 лет. А.П. Беренова, выпускница епархиального училища, с 1889 г. трудилась в Свято-Духовской церковно-приходской школе. За свою плодотворную деятельность была отмечена серебряной и золотой медалью. Кроме того, она была очень любима учениками.

Дальнейшая чистка педагогического состава была прервана всполохами гражданской войны. После того, как части Красной армии оставили Екатеринбург, жизнь в городе стала постепенно нормализоваться. Постепенно многие учебные заведения возобновили свою работу, а уволенные учителя смогли вернуться к педагогической деятельности. Новый период в истории екатеринбургской педагогиче-

ской корпорации, занявший около года, был насыщен сложнейшей работой, которая протекала в чрезвычайно сложных условиях. Педагогам пришлось столкнуться с нехваткой продовольствия и других предметов первой необходимости, с различными эпидемиями, которые порой приводили к временному закрытию учебных заведений, с реквизициями помещений для воинского постоя. Кроме того, некоторые учителя, приверженцы социалистических идей, встретили не только враждебное отношение части коллег, но и подверглись преследованиям со стороны военных властей. Тем не менее, педагогам удалось более или менее наладить учебный процесс во многих начальных и средних учебных заведениях, которые функционировали по июль 1919 г. Были реанимированы некоторые старые организации, в частности, возобновил работу Уральский педагогический союз. 3 ноября 1918 г. начало действовать новое профессионально-педагогическое общество (13. С.2).

Летом 1919 г. ситуация на фронте радикально изменилась. Новое наступление Красной армии привело к тому, что в Екатеринбурге была объявлена эвакуация. Многие учебные заведения подчинились этому приказу и покинули город. Немалая часть педагогической корпорации также отправилась в эвакуацию. Часть из уехавших учителей позднее вернулась, другие педагоги осели на территории Сибири и Дальнего Востока. Немалое количество педагогов отказалось эвакуироваться, некоторым из них впоследствии удалось устроиться на работу в советские образовательные учреждения.

1917–1919 гг. стали временем серьезных испытаний для педагогической корпорации Екатеринбурга. В этот период корпорация оказалась разобщенной из-за значительных политических разногласий. Небольшая часть учителей осталась приверженцем старой власти, многие педагоги признали Временное правительство, относительно незначительное количество учителей оказалось сторонниками советской власти. В силу этого педагогическая корпорация подверглась чистке по политическим мотивам. Многие из педагогов, оставшиеся в Екатеринбурге после июля 1919 г., не смогли вписаться в существующие реалии и потеряли возможность работать по профессии.

Источники:

1. Воззвание к учащим // Зауральский край. 1917. 10 марта.
2. Во II-й женской гимназии // Зауральский край. 1917. 11 октября.
3. В реальном училище // Зауральский край. 1917. 8 октября.

4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1600. Оп. 1. Д. 5. Л. 68.
 5. Там же. Д. 7. Л. 36.
 6. Там же. Л. 33.
 7. Д. 5. Л. 98.
 8. Городская хроника // Зауральский край. 1917. 2 апреля.
 9. Заявление педагогов // Зауральский край. 1917. 18 октября.
 10. Обращение к учащимся // Зауральский край. 1917. 8 марта.
 11. Письмо в редакцию // Зауральский край. 1917. 9 апреля.
 12. Постановление народного комиссара просвещения // Известия Уральского областного совета рабочих крестьянских и солдатских депутатов и Екатеринбургского совета рабочих и солдатских советов. 1918. 11 июня (29 мая). С. 1.
 13. Профессионально-педагогическое общество // Уральская жизнь. № 204. 1918. 7 ноября С. 2.
- Литература:**
14. Бахтина И.Л., Попов М.В. Общеобразовательные школы и учительство Екатеринбурга в годы российской революции (февраль 1917 – июнь 1919 г.). // Педагогическое образование в России. 2016. № 9.

УДК94(985).169456.7213(985)

ББК Д890(364694)+ГЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

Я.В. Мираситова

Екатеринбург

**ПОМОЩЬ ПЕРМСКОГО ЗЕМСТВА
СЕЛЬСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ В УСЛОВИЯХ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: земства, Первая мировая война, крестьянство, военная мобилизация.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается деятельность земских органов управления в деле помощи сельскому населению в условиях Первой мировой войны. На основе документов земских органов управления проанализированы традиционные и вызванные военной мобилизацией мероприятия помощи семьям призванных на войну. Сделан вывод о решающей роли земств в поддержке сельского населения в военных условиях.

Y.V. Mirsaitova

Yekaterinburg

**THE HELP OF THE PERM ZEMSTVO TO COUNTRY
PEOPLE IN THE CONDITIONS OF WORLD WAR**

KEY WORDS: zemstvoes, World War I, peasantry, military mobilization.

ABSTRACT. In article activity of territorial governing bodies in the help to country people in the conditions of World War I is considered. On the basis of documents of territorial governing bodies the traditional and caused by military mobilization actions of the help to families called on war are analysed. The conclusion is drawn on a crucial role of zemstvoes in support of country people in military conditions.

Проблемы Первой мировой войны и участия в ней земств достаточно полно представлены в историографии. Изучению подверглись самые различные аспекты, но изучение велось преимущественно на всероссийском материале. В этом отношении значительно слабее представлена деятельность губернских земств, хотя от них зависел общий вклад в мобилизационные процессы. Здесь исключением не стала деятельность уральских земств, в частности – Пермской губернии.

В экономическом отношении Пермская губерния относилась к аграрному типу. По данным переписи 1897 г. население Пермской губернии преимущественно состояло из представителей сельских сословий, главным образом крестьян: 1.370.529 мужского пола, 1.478.637 женского (10. С.7).

Всего за годы Первой мировой войны с 1914 по 1917 годы, по данным профессора Н.Н. Головина, из Пермской губернии было призвано в армию 36% трудоспособного мужского населения, т.е. около 360000 человек (1. С. 247).

Обстоятельства военного времени внесли коррективы в уже проводимые земствами мероприятия. Новым направлением в деятельность земств стала помощь семьям крестьян, призванных в действующую армию..

Первые мероприятия земских органов в отношении поддержки сельского населения в связи с начавшейся войной относятся к осени 1914 г. Среди важнейших задач, вставших перед земствами с начала Первой войны, стало оказание помощи семьям крестьян, мобили-

зованных в армию, так как начало войны пришлось в разгар уборки урожая. Многие семьи самостоятельно, без ушедших на фронт, не могли провести уборку, обмолот хлебов, вспашку и осенний сев.

Земские губернские собрания проводили очередные и чрезвычайные сессии, где происходило обсуждение и принятие мер помощи сельскому хозяйству. В первую очередь это было выделение денежных средств на организацию полевых работ. Земская губернская управа традиционно ранней весной проводила через волостные попечительства при участии агрономического персонала подворное обследование хозяйств призванных, где выясняла, в каких уездах было недостаточно семенного материала и рабочей силы. Для этого организовывались совещания с представителями Кредитного союза и агрономами. Обследование проводилось через волостные попечительства, для этого был разработан особый бланк, включавший в себя ряд вопросов, характеризующих экономическое состояние хозяйства, а именно: подробный состав семьи, сведения о посеве к урожаю 1914 г., сведения о количестве земли к посеву, количество скота и обеспечение хозяйств посевными семенами. После обследования уездная управа обсуждала вопрос о мерах помощи в уборке урожая и обсеменению озимых полей, затем принимала решение о выделении денежного пособия (в размере 4 рублей на десятину, причем в отдельности каждой семье пособие это выдавалось не более как на 3 десятины), принимая при этом во внимание число оставшихся в семье работников. Кроме того, при выяснении экономического положения семейств призванных воинов, некоторые из волостных попечительств отмечали, что кроме помощи на уборку и обсеменение озимых полей, может быть необходима помощь в отоплении, на прокорм скота, и семьям, не имевших собственных домов, на оплату квартир. В результате таких обследований принималось решение о необходимой помощи: составлялись списки хозяйств необеспеченных рабочими руками (3. С. 49).

Как известно, своевременное выполнение в сельском хозяйстве той или другой работы имеет большое значение. Особенно это относится к посеву яровых хлебов, жатве и сенокосу. Наибольшего напряжения потребность в труде достигает в период уборки урожая; в это время работа должна проводиться не только усиленно, но и спешно, так как малейшая просрочка грозит гибелью урожая, потому что перезревший хлеб при ветрах может осыпаться, не зря крестьяне говорят, что в это время «день год кормит», «каждый день дорог». По-

нимая это, земства стремились компенсировать нехватку рабочих рук предоставлением в распоряжение хозяйств кредитов на закупку сельскохозяйственных машин и орудий, особенно плугов и жаток, спрос на которые достигал значительных размеров (7. С. 56). Сельскохозяйственные машины и орудия отпускались в первую очередь хозяйствам мобилизованных и при том, где это требовалось, то на возможно льготных условиях с рассрочкой платежа.

Население губернии осознавало все преимущества машинной уборки перед ручным способом, в военный период машинная уборка к тому же являлась одним из наиболее рациональных способов борьбы с неблагоприятными условиями военного времени. Например, губернским земским собранием 55-й чрезвычайной сессии было постановлено разрешить губернской управе выдавать уездным земствам из фонда губернского земства за определенные проценты на покупку сельскохозяйственных машин и орудий для мобилизованных хозяйств 250 тыс. руб.

Но не все просьбы уездных земств удовлетворялись. В частности, Камышловское уездное земское собрание ходатайствовало о выделении из средств губернского земства 5 тыс. руб. на приобретение трактора в виде опыта для работы на крестьянских полях. На что губернская управа высказала мнение, что, во-первых, необходимо ждать результатов применения тракторов в других губерниях, во-вторых, если и сделать опыт выписки таких дорогих машин, то уже после окончания войны, так как теперь все равно дальше единичных опытов дело пойти не может, и по дороговизне тракторов, и по трудности доставки тракторов, и моторного топлива для них (3. С. 37).

Существовали и некоторые препятствия к широкому применению на местах уборочных машин – это отсутствие опытных рабочих для управления и ухода за ними. Для этого земствами почти во всех уездах для знакомства с машинами в разное время были организованы кратковременные курсы. Кроме того, по ходатайству Чердынской, Кунгурской, Камышловской, Екатеринбургской, Пермской и Соликамской уездных земских управ Главным комитетом Всероссийского земского союза были командированы инструкторы-монтеры для организации работ по машинной уборке урожая (9. С. 64).

Компенсировать потерю рабочих рук земства стремились также путем привлечения труда военнопленных. С притоком в пределы Пермской губернии значительных партий пленных пермский губернатор предложил всем участковым земским начальникам оповестить

население о возможности использования труда военнопленных для зимних крестьянских работ и, в частности, для работ по рубке дров и их вывозке, рекомендовано через их посредство обращаться в земскую управу, которая в установленном порядке совершала раздачи военнопленных в крестьянские хозяйства на уже сложившихся условиях. На заседании Губернского земского собрания было принято решение – уполномочить губернскую управу на возбуждение перед правительством ходатайства об отпуске в Пермскую губернию 10 тыс. человек военнопленных для распределения их в следующем количестве по уездам: для Пермского, Красноуфимского, Осинского, Оханского, Верхотурского, Ирбитского и Кунгурского уездов – по 1 тыс. человек, для Камышловского – 2 тыс. человек, Шадринского и Екатеринбургского – по 500 человек, Чердынского и Соликамского – по 200 человек на каждый.

Земство неоднократно просило Военное ведомство об отпуске необходимого количества нижних чинов из расквартированных в губернии воинских частей на две недели на время весеннего сева и отсрочить мобилизацию ратников первого и второго разряда на один месяц, чтобы вовремя завершить полевые работы. В одном из таких ходатайств отмечается: «За краткостью времени не имели возможности до начала июльской мобилизации ратников первого и второго разрядов созвать экстренное Губернское собрание. Губернская управа на основании ходатайства уездных земских управ покорнейше просит Ваше превосходительство отсрочить мобилизацию ратников обоих разрядов до 15 сентября или крайнем случае до 15 августа, иначе посев озимых и уборка урожая настоящего года будут поставлены в безвыходное положение, что с недосевом нынешнего года породит прямо народное бедствие за полным отсутствием рабочих рук крайне обессиленных и в настоящее время. Во имя благополучного исхода войны, большей степени зависящего от благосостояния тыла усердно просим удовлетворить настоящее ходатайство, дабы местному населению дать возможность, кроме собственного обеспечения продовольствием на предстоящую зиму всеми силами послужить таковыми и для нужд армии» (7. С. 53).

Земства заботилось также и о необходимости оказания помощи матерям по присмотру за малолетними детьми. Это, по мнению Губернской земской управы, способствовало временному исполнению полевых работ, освобождая для этого женщин в горячую рабочую пору. Не приняв решение об устройстве приютов-яслей во всей его

полноте, губернская управа отметила, что оставление малолетних детей без присмотра может повлечь за собой также несчастные случаи, и призывала уездные земства, а также и местные благотворительные учреждения устроить в селах и деревнях дневные детские приюты-ясли.

Преимущественное внимание земства уделяли детям-сиротам не вернувшихся домой воинов, а также семьям тех раненых и больных защитников, которые за утратой способности к труду, не могли поддерживать ни своих родных, находившихся раньше на их иждивении, и ни лично себя. Для них земства, во-первых, устраивали особые приюты для детей и патронажей, а, во-вторых, оказывали временную помощь путем выдачи единовременных или ежемесячных денежных пособий до назначения им постоянных пособий от казны. Для этого губернская управа просила губернское земское собрание назначить по смете на будущий 1915 год для образования особого, специального фонда 100 тыс. руб., из которого она могла бы отпускать уездным земствам, сообразно количеству нуждавшихся в призрении детей сирот погибших воинов. Но, прежде чем приступить к осуществлению деятельности в указанном направлении, уездным земствам было необходимо детально разработать этот сложный вопрос и свои соображения по нему передать губернской управе для доклада губернскому земскому собранию чрезвычайной сессии (4. С. 71).

Помимо мероприятий, вызванными военными событиями, земства продолжали осуществлять деятельность, которая была выработана еще до 1914 года. Традиционный круг мероприятий земств в области сельского хозяйства был очень разнообразным. Это и подбор квалифицированных сельскохозяйственных кадров, и забота о зерновом производстве, и ветеринарная служба, и организация сельскохозяйственных курсов, и распространение сельскохозяйственных связей; создание опытно-показательных участков и полей, садов огородов, устройство выставок, складов.

Последние перед войной изменения в области улучшения сельского хозяйства были сделаны в 1910 г. и опубликованы в журналах Пермской губернской земской управы. Там мы видим следующие мероприятия:

1. Улучшение посевного материала, путем распространения сортирования семян и на усовершенствованных машинах и распространение семян улучшенных сортов;

2. Распространение усовершенствованных машин и орудий по обработке, посеву и уборке урожая;
3. Улучшение кормовых условий для скота в крестьянских хозяйствах путем развития травосеяния;
4. Выяснение значения для местного хозяйства минерального удобрения самого по себе и, в особенности, в связи с травосеянием;
5. Улучшение скотоводства путем устройства лучших помещений для скота, введение правильного кормления и распространения молочного скота культурных пород;
6. Поднятие доходности скотоводства путем распространения усовершенствованных способов переработки и организации сбыта молока.

Эти вопросы проводились в жизнь через земских участковых агрономов, их помощников, инструкторов отдельных отраслей сельского хозяйства и сельскохозяйственных обществ.

Для развития травосеяния земства до войны и в ходе войны устанавливали раздачу семян трав населению на льготных условиях – бесплатно и с возвратом стоимости. Бесплатно выдавались семена трав неиспытанных и не распространенных в уезде, а также семена испытанных трав, но только в те селения, где крестьяне никогда не были с посевами ознакомлены.

Широкий спектр мероприятий был направлен и на развитие скотоводства. В основном эта деятельность осуществлялась в двух направлениях – с одной стороны, земство стремилось улучшить качество местного скота путем выдачи пособий на содержание и аренду лучших быков производителей из числа местного скота, и с другой – путем устройства контрольных союзов, которые следили за правильным кормлением и уходом за скотом, за ведением отчетности по скотоводству, за браковку убыточных для хозяйства животных и за выбор молодняка для ремонта стад и его выращивание. Среди немаловажных направлений работы можно выделить помощь в удобрении почв.

Традиционно земства проводили демонстрацию орудий и машин. В частности, во время сезонных работ агрономический персонал отвлекался для работ, вызываемых делом помощи хозяйствам призванных, то агрономический инвентарь в участках под личным его руководством не демонстрировался, а для этого передан был в пользование местным кооперативам: кредитным товариществам, сельскохо-

зяйственным обществам и артелям при условии, чтобы при отдаче его на прокат делалось преимущество хозяйствам призванных.

Земства часто прибегали к распространению сельскохозяйственных знаний путем организации постоянных сельскохозяйственных курсов, которые должны были явиться переходной ступенью в ряду мероприятий по созданию народной сельскохозяйственной школы, готовившей учеников-крестьян к деятельности в собственных хозяйствах, не отрывая их от крестьянской среды. Как показал опыт, удачной оказалась организация таких курсов в Оханском уезде. Задача же земства в этом направлении сводилась в увеличении числа таких курсов в будущем, в нескольких пунктах губернии, что, по мнению земства, способствовало бы более полному удовлетворению запросов со стороны населения на получение сельскохозяйственных знаний. (З. С. 47).

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что Пермское земство в условиях войны продолжало свою деятельность, оказывая посильную помощь сельскому населению.

Источники:

1. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2014
2. Журналы Екатеринбургского Уездного Земского Собрания 45 очередной сессии и Доклады Уездной Земской Управы и Комиссий. Екатеринбург: Типография бывшая Вельць, 1915.
3. Журналы Екатеринбургского Уездного Земского Собрания 46 очередной сессии и Доклады Уездной Земской Управы и Комиссий. Екатеринбург: Типография Т-ва «Уральский край», 1916.
4. Журналы Пермского уездного земского собрания 45 очередной сессии 1914 года. Доклады Комиссий и доклады Управы с приложениями. Екатеринбург: Типография Т-ва «Уральский край», 1915.
5. Журналы Пермского уездного земского собрания 53 чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1915.
6. Журналы Пермского уездного земского собрания 54 чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1915.
7. Журналы Пермского уездного земского собрания 55 чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1916.
8. Журналы Пермского уездного земского собрания 56 чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1916.

9. Журналы Пермского уездного земского собрания 57 чрезвычайной сессии и Доклады Управы сему собранию. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1916.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Издание ЦСК МВД / под ред. Н.А. Тройницкого. XXXI. Пермская губерния, 1904.

11. Пермская земская неделя. № 49. 1915. 13 декабря.

12. Систематический свод постановлений Пермского губернского Земского Собрания 46 очередной сессии 1915 года и 53, 54, 55, 56 и 57 чрезвычайных сессий 1915-1916 г. Пермь: Электро-типография Губернского Земства, 1916.

УДК 355.133

ББК 15647

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Д.О. Никулин

Новосибирск

**ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ИНЫЕ НАРУШЕНИЯ
ОФИЦЕРСТВА ОМСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дисциплина, нарушения, Сибирь, армия, тыл, Первая Мировая война, офицеры.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проступки офицеров тыловых сибирских подразделений в годы Первой мировой войны. В качестве источников используется военная документация. Среди нарушений выделяются неявки на занятия, рукоприкладство, нарушения воинского благочиния.

D.O. Nikulin

Novosibirsk

**THE DISCIPLINARY AND OTHER VIOLATIONS
OF THE OFFICERS OF THE OMSK MILITARY
DISTRICT DURING THE YEARS
OF THE FIRST WORLD WAR**

KEY WORDS: discipline, violations, Siberia, army, rear, the First World War, officers

ABSTRACT. The article deals with the misdemeanor conducted by the officers of the rear Siberian units during the years of the First World War. As the sources we use military documentation. Among the violations we highlight absence during the the training, battery, and violations of the military conduct.

В годы Первой Мировой войны немаловажную роль играл тыл, обеспечивавший поддержку действующей армии – боеприпасами, а также людскими ресурсами. Войска Омского военного округа исполняли именно последнюю функцию – обучали и отправляли на фронт пополнение; в течение всей подготовки с солдатами работали офицеры, на плечи которых ложилась большая нагрузка – они должны были не только обучить новобранцев всему, что им необходимо было знать перед отправкой на фронт, но и поддерживать среди них дисциплину, в том числе уже по пути на фронт в составе маршевой роты. Тем большее значение приобретают проступки, совершаемые самими офицерами.

В историографии тема разнообразия отношений офицера и солдата, в том числе и с упоминанием офицерских злоупотреблений, уже неоднократно поднималась. Так, В.Л. Кожевин в своей книге «Российское офицерство и Февральский революционный взрыв» со ссылкой на Б. К. Лившица писал о прямой зависимости результатов подготовки личного состава от отношения офицера: «В тех ротах, где офицеры обращались с нижними чинами более или менее человечно, солдаты старались не подвести командиров на смотровой стрельбе. Зато там, где дня не проходило без мордобоя, где наряды вне очереди сыпались как из рога изобилия, процент попаданий был ничтожный» (19. С. 46). Автор отмечает патриархальный характер армейских укладов, которые в межвоенный период 1905 – 1914 гг. терпели острый кризис. Впоследствии патриархальный характер взаимоотношений офицера и солдата отмечал и В.А. Рыбин. В своей статье автор, кроме того, перечисляет некоторые из типичных провинностей офицеров – «пьянство офицеров, их казнокрадство, трусость» (20. С. 84), а также указывает причину недоверия солдат к командирам – «офицер в глазах подчиненного являлся основным представителем государства, в сущности, чуждой и враждебной для солдата-крестьянина и солдата-рабочего силы» (20. с. 83).

Проблемы дисциплины в сибирских гарнизонах одним из первых коснулся А.Н. Баталов в книге «Борьба большевиков за армию в Сибири». Согласно этой работе, «в армии процветало рукоприкладство» (18. С. 38), «солдатская жизнь в сибирских гарнизонах была невероятно тяжелой», так как, «пользуясь отдалённостью от центра России, местные военные начальники всех рангов изощренно издевались над солдатами» (18. С. 40).

В последние годы наблюдается повышение интереса к Первой мировой войне. Так, Л.А. Шайпак вернулся к теме неэффективности телесных наказаний. Как он пишет, «Рукоприкладство, массовые порки и издевательства офицеров возмущали солдат, служили одной из предпосылок формирования их революционного поведения» (21. С. 96). М.В. Шиловский, рассматривая офицеров военных округов, также не обошёл вниманием их провинности и недоработки при подготовке личного состава (22).

Таким образом, при рассмотрении провинностей офицеров авторы преимущественно обращались к теме их жестокого обращения с солдатами.

Нарушения офицеров, главным образом, были непосредственно связаны с исполнением ими служебных обязанностей. Наиболее распространённым нарушением было непосещение офицерами занятий по подготовке личного состава, которые они сами должны были проводить. Как правило, наказанием за это был домашний арест, иногда с исполнением обязанностей. Так, прапорщик Масловский за непосещение тактических занятий 24 ноября и строевых занятий 25 ноября получил 5 суток домашнего ареста (3. Л. 5).

В своё оправдание офицеры часто заявляли, что не посещают занятия из-за болезней; в этих случаях к ним на квартиру высылался врач. Отсутствие офицера на дому во время визита врача могло повлечь за собой последствия, как это случилось с прапорщиком Леопольдовым, который получил трое суток домашнего ареста за то, что не был дома, когда пришел врач (8. Л. 4). Состоявшаяся встреча с врачом не всегда освобождала от ответственности, а порой и усугубляла её, если врач обнаруживал симуляцию. Так, была обнаружена симуляция в случае с прапорщиком Абрашевым – согласно рапорту старшего врача, надворного советника Прейсмана, когда он вместе с прапорщиком Васильцевым явился к больному, то не застал его; тот явился позже, сказав, что ходил в аптеку за лекарствами от кашля. Тем не менее, пульс, температура и легкие у него оказались в полном порядке; Абрашев даже ни разу не кашлянул. Командир батальона приказал Абрашеву явиться на занятие и дал ему сутки ареста (3. Л. 13). Впоследствии Абрашев вновь нарушил дисциплину, не явившись на двустороннее сторожевое охранение, на котором должен был присутствовать как командир 31-й очередной роты пополнения (3. Л. 128).

За рецидив несли ответственность и командиры провинившихся офицеров. Так, прапорщик Титов получил выговор за то, что подчиненный ему прапорщик Манюшко, ранее арестованный за непосещение, снова не посетил занятия. Кроме того, другой его подчиненный, прапорщик Ершов, тоже не явился на занятия (3. Л. 71). Указанные меры, однако, не остановили Манюшко – впоследствии он продолжал практику прогулов, симулируя заболевания кишечника (4. Л. 133).

Командиры рот запасных частей тоже, случалось, не посещали занятия, как это делал прапорщик Микулин. Как и прапорщик Абрашев, он сказался больным, но врач не нашел никаких симптомов; рапорт о болезни был прислан поздно. В нем утверждалось, что Микулин недавно болел. Вместе с Микулиным на занятия не ходил прапорщик Соколин, впоследствии получивший взыскание за неявку (2. Л. 127). За прогулы и за беспорядок в расположении подразделения Микулин получил 7 суток гауптвахты, за следующий проступок ему предстояло лишиться роты (2. Л. 87). Этот проступок не замедлил последовать – очередная неявка на собрание командиров привела к отстранению прапорщика Микулина от командования ротой и двухнедельному заключению на гауптвахте; наказание было усугублено и другими провинностями – в частности, плохой подготовкой 65-й очередной роты пополнения (7. Л. 228).

Случалось, что офицеры прогуливали занятия не по одному и не по двое, а целыми группами – так, за неявку на показное учение по атаке и обороне укрепленных позиций подпоручик Артемьев, а также прапорщики Васильцов, Симонов, Поторжинский, Субботин получили по двое суток домашнего ареста с исполнением обязанностей (7. Л. 252). Иногда командиры рот отправлялись заниматься другими делами роты, оставив заниматься с нижними чинами подчиненных им офицеров; это тоже каралось, если об этом узнавал командир полка. Так, подпоручик Шишенков отправился заниматься хозяйственными делами (8. Л. 168), подпоручик Титов – в лавочку (8. Л. 43об.), а прапорщик Сараев посетил полицейский околоток (8. Л. 45). За это офицеры получали 2-3 суток обычного или домашнего ареста.

Офицеры нередко вели себя неподобающим образом – в частности, играли в карты, что признавалось проблемой (3. Л. 87об.). Некоторые офицеры позволяли себе и большее: так, прапорщик Васильцов был арестован на 15 суток гауптвахты за дебош (5. Л. 58). Другой офицер в воскресенье на городской площади нецензурно ругал солдат. Собравшиеся делали замечания «по адресу офицеров вообще» (7.

Л. 527). Подпоручик Столяров в ответ на фразу «Твое какое дело?» толкнул дневального, отстранял рукой солдат, идя по лестнице, что те приняли за удары и подали жалобу; кроме того, он резко поставил голову одного сутулого стрелка в нужное положение. За всё это он получил 11 суток ареста (8. Л. 247) - довольно строгое наказание для дореволюционной поры. Но хуже всех себя проявил прапорщик Артур Нук - за «преступление с отягчающими обстоятельствами» он был разжалован в рядовые и отправлен на фронт; после войны ему предстояла отдача в исправительное арестантское отделение на 6 лет (9. Л. 220).

Офицер мог пострадать и за недостаток уважения к командиру, получив за это выговор, как это произошло с начальником учебной команды, который командиру возразил (7. Л. 35об.). Прапорщик Михайлов ответил командиру батальона в неподобающем тоне при обсуждении его провинности, за что был отправлен под домашний арест на сутки (1. Л. 287). За пререкания с командиром был наказан и прапорщик Ростомов, – он получил 3 суток ареста (9. Л. 15).

Весьма подробные сведения о провинностях офицеров содержатся в приказах по 5-й Сибирской стрелковой запасной бригаде. Как правило, если дело доходило до командования бригады, то офицеры получали достаточно жёсткие наказания. Так, известен случай нанесения побоев прапорщиком старшему унтер-офицеру за беспорядок на складе. Прапорщик получил 20 суток гауптвахты (10. Л. 10). В другой раз подпоручик и прапорщик не отдали честь подполковнику, «т. к. читали газеты» (10. Л. 19об.). За такое неуважение они получили по 7 суток гауптвахты. Выяснилось, что Ростомов продолжил практику рукоприкладства, за что лишился командования 5-й ротой. Подполковник Доброхотов получил «последнее напоминание» (10. Л. 72). Подпоручик Пальмов толкал симулянта – стрелка Галуцких – за что получил 6 суток ареста (10. Л. 156). 14 суток ареста получил прапорщик Климовский «за посещение в пьяном виде публичного дома по Бочановской улице и некорректное поведение в нём» (10. Л. 97). Офицеры, которые должны были быть примером для солдат, позволяли себе даже грубое отношение к женщине. Так, подпоручик Кононов ударил женщину, будучи в нетрезвом виде. Протрезвев, он не извинился, за что получил 14 суток гауптвахты (10. Л. 52). Прапорщик Четвергов в ответ на критику со стороны некоей женщины сказал: «Какое право имеешь делать замечание мне, офицеру, грязная баба» (10. Л. 325), за что получил выговор. Не лучшим образом себя вело и

молодое поколение офицеров – один юнкер получил месяц ареста «за неисправимо дурное поведение» (10. Л. 385об.).

Совершаемые офицерами проступки отрицательно сказывались на подготовке солдат. Так, начальник томского гарнизона Соколовский отметил, что не все кадровые военнослужащие 8-й роты умеют отдавать честь и имеют выpravку (2. Л. 28). Командующий округом отмечал недостатки и в подготовке других батальонов, например, что 81-85 очередные роты пополнения 24-го запасного батальона слабо подготовлены, не имеют внутреннего порядка, многие солдаты ходят в самоволки (4. Л. 40). Часто офицеры несли наказание за такой уровень подготовки вверенных им рот. Так, из-за того, что нижние чины 6-й и 9-й рот плохо знали обязанности караульного, ротному командиру было сделано замечание (8. Л. 102об.). Как уже указывалось выше, плохая подготовка маршевой роты была основной причиной снятия с командования того или иного офицера. Помимо прапорщика Микулина, этой судьбы не избежали и другие офицеры, к примеру, прапорщик Васильцов (8. Л. 201об.), плохо подготовивший 75-ю очередную роту пополнения, или подпоручик Шишенков (6. Л. 8об.), плохо подготовивший 50-ю очередную роту пополнения.

Командование полка боролось с недостатками в ходе подготовки, но санкции были довольно мягки, по крайней мере, поначалу. Например, ротный командир мог получить 2 суток домашнего ареста за проведение занятий не по расписанию (7. Л. 391об.), выговор за недостаток уважения подразделения к командиру полка (отсутствие команды «смирно», «улыбочку» младшего унтер-офицера) (11. Л. 5). Иногда из-за халатности командиров солдаты могли понести серьезный ущерб здоровью – так, один солдат отморозил пальцы правой руки, так как было приказано снять перчатки в холод. За это получил выговор начальник учебной команды, взводный - сутки домашнего ареста взводному, взводный унтер-офицер – четверо суток ареста (9. Л. 108). Другая группа солдат обморозилась, когда их выгнали на стрельбы в 5 утра в 30° мороза (10. Л. 32).

После Февральской революции офицеров стали чаще отправлять на гауптвахту и реже – под домашний арест. Отчасти это было связано с падением дисциплины среди офицеров (либо же с тем, что такие случаи стали известны) - во время занятий они позволяли себе гулять в бильярдных и кофейных (10. Л. 351об.). Так, командир 4-го батальона штабс-капитан Шах-Будагов не посещал своего батальона три недели, за что получил 7 суток гауптвахты (14. Л. 127). Двое прапор-

щиков получили по двое суток гауптвахты за непосещение занятий (13. Л. 184об.). Кроме этого, неделю ареста можно было получить за опоздание из отпуска (17. Л. 36). Однако домашний арест продолжал быть мерой наказания для офицеров. Теперь его можно было получить, к примеру, за опоздание на собрание командиров рот (11. Л. 5). Но не всегда наказания были жёстче дореволюционных – так, 1 ноября 1917 г. за пьяный дебош один из прапорщиков полка получил лишь 3-е суток гауптвахты (14. Л. 1), в то время как ранее за подобное могли дать и 15 суток. Для сравнения можно привести случай с пьянством зауряд-военного чиновника, за которое он получил лишь строгий выговор (12. Л. 129об.). Продолжались и стычки между военнослужащими – один прапорщик ранил другого из револьвера, что списали на «неуменье обращаться с оружием» (13. Л. 189). В 5-й роте продолжались избиения – один из офицеров бил солдата по лицу, бил шашкой и сапогами другого солдата. Ему помогали фельдфебель, унтер-офицер и два ефрейтора (16. Л. 208).

Стремительно падало и качество исполнения офицерами их обязанностей – так, в ноябре 1917 г. получили выговор за несвоевременное выполнение приказов командиры десяти из шестнадцати рот 38-го полка. Пренебрежение своими обязанностями такого количества офицеров, занимавших ключевые должности, свидетельствует о значительном ухудшении функционирования подразделения (14. Л. 75). Чуть позднее выговор получил даже командир 2-го батальона подпоручик Введенский, сам успевший к тому времени побывать исполняющим обязанности командира полка (14. Л. 100). Позднее он даже получил неделю гауптвахты за бездействие (15. Л. 48об.). Помимо выговора за непредставление сведений (13. Л. 90), теперь командир роты мог получить неделю гауптвахты за «незнание документации» (13. Л. 147об.). «За небрежность к службе и несвоевременное пр-во денежного расчета» (17. Л. 28об.) был снят с должности командир 8-й роты Итов.

Тем не менее, с революцией пришли и благоприятные изменения - развернулась полноценная борьба с коррупцией. Арестованы были помощник каптенармуса (13. Л. 152), а также командир роты в звании капитана, использовавший ротные деньги для личных нужд (10. Л. 262). Капитан был впоследствии оправдан (10. Л. 424-425). «За несоответствие» был снят с должности зауряд-военный чиновник Аронтрихер (17. Л. 21). Было объявлено расследование его злоупотреблений (17. Л. 23).

Таким образом, офицеры допускали достаточно большое количество оплошностей и даже преступлений при выполнении своего долга, несколько не уступая по этому показателю своим солдатам. Более того, из-за того, что любое нарушение, совершенное солдатом, может расцениваться как недоработка или недосмотр его непосредственного командира, количество провинностей офицеров представляется даже значительно большим. Основные категории нарушений: неявка на занятия с солдатами, часто сопровождающаяся симуляцией болезни; неподобающее поведение (игра в карты, пьянство и т.п.); халатное отношение к подготовке солдат в целом; неуважение к командиру; рукоприкладство по отношению к солдатам.

Разумеется, некачественное исполнение офицером своих обязанностей не могло не сказываться отрицательно на конечном уровне подготовки солдат, что отмечалось вышестоящими командирами разного уровня – командирами бригады, гарнизона и округа и могло повлечь за собой санкции. Таким образом, командиры рот были, и это признавалось вышестоящим командованием, главным фактором, влияющим на качество подготовки личного состава к отправке на фронт.

Положение офицеров изменилось после Февральской революции – с одной стороны, санкции по отношению к ним в случае каких-либо нарушений на уровне полка стали в среднем несколько жестче, с другой – они стали значительно чаще пренебрегать своими обязанностями, и даже ужесточение санкций оказалось неэффективным. По нашему представлению, подобный эффект вызвало падение авторитета должности командира полка, который регулярно менялся, и появление в подразделении борьбы в ходе выборов на ту или иную должность, имеющей политический характер.

Источники:

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 10.
7. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 15.
9. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 18.

10. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 22.
11. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 24.
12. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 26.
13. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 27.
14. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 28.
15. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 29.
16. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 30.
17. ГАНО. Ф. Д- 132. Оп. 1. Д. 31.

Литература:

18. Баталов, А. Н. Борьба большевиков за армию в Сибири, 1916 – февраль 1918. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. – 283 с.
19. Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2011. – 260 с.
20. Рыбин В. А. К вопросу о взаимоотношениях солдат и офицеров в период Первой мировой войны. // Инвалиды и общество. 2015. № 3. С. 81-87.
21. Шайпак Л. А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2007. № 1(9). С. 92 – 99.
22. Шиловский М. В. Офицеры военного времени в запасных частях сибирских военных округов во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2014. №1. С. 147-151.

УДК94(985).0841612.4(985)

ББК Д890(2694)+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК 64.17

И.С. Огоновская

Екатеринбург

**РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И РЕВОЛЮЦИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ
КИНЕМАТОГРАФЕ: К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая память, историческое кино, кинематограф, революционеры, революция.

АННОТАЦИЯ. Автор статьи обращается к проблеме формирования исторической памяти поколений; рассматривает историю отечественного кинематографа XX-XXI вв. через призму снятых в это время фильмов о революционерах и революционных событиях 1905-1907 и 1917 гг.; показывает арсенал средств, при помощи которых складывается образ исторической эпохи, а также мифы и стереотипы, связанные с ней; делает выводы об актуальности темы не только для отечественных историков, но и кинематографистов.

I.S. Ogonovskaya

Yekaterinburg

**RUSSIAN REVOLUTIONARIES AND THE REVOLUTION
IN THE NATIONAL HISTORICAL-FICTION:
THE QUESTION OF THE FORMATION OF HISTORICAL
MEMORY OF GENERATIONS**

KEY WORDS: historical memory, historical film, cinema, the revolutionaries, the revolution.

ANNOTATION. The author addresses the issue of the formation of the historical memory of generations; examines the history of national cinema XX-XXI centuries. through the lens taken at the time of the revolutionaries and the revolutionary events of films 1905-1907 and 1917; shows the arsenal of means by which develops the image of the historical era, as well as myths and stereotypes associated with it; making conclusions about the relevance of the topic, not only for local historians, and filmmakers.

Историческая память – феномен коллективного общественного сознания, основанный на представлениях о прошлом, мнениях и оценках этого прошлого, и питаемый не только достижениями исторической науки, идеологическими приоритетами власти, но и образами, создаваемыми художниками, – писателями, поэтами, живописцами, скульпторами, кинематографистами. Историческая память транслирует исторические сообщения, создает исторические мифы, формирует определенные стереотипы в восприятии событий и их «действующих лиц и исполнителей», чаще всего разделяет события и персоны на положительные и негативные. Она же обращена, прежде всего, к чувствам людей, их переживаниям, помогает им увидеть в прошлом то, что является для них значимым и лично ценным в настоящем времени. Именно поэтому процесс формирования исторической памяти значим с точки зрения воспитания, приобретения подростками и молодежью ценностных ориентиров, связывающих их с предшествующими поколениями и актуальных для них.

Историко-художественный кинематограф, благодаря своей массовости, образности и доступности, – одно из сильнейших средств, влияющих на наши представления об истории государства российского, значимых исторических личностях и отдельных социальных

группах. Проиллюстрируем данный вывод примерами из истории революционного движения и российских революций начала XX в.

Отечественный кинематограф, прежде всего документальный, к началу 1917 г. уже имел свою историю, однако Февраль внес определенные коррективы в его развитие: кинооператоры и режиссеры, ранее снимавшие бытовые сцены, стремились запечатлеть на пленку революционные события. Так оператор Л.О. Дранков вместе с артистом Л.Н. Вернером совершили объезды мест наибольшего скопления людей в Петрограде и запечатлели множество интересных моментов революции (1. С. 10).

Как пишет историк В.Б. Аксёнов, Февральская революция заставила многих обратить свои взоры на Великую Французскую революцию и развитие рабочего движения в западноевропейских странах. В то время как отдельные кинематографы продолжали показывать простенькие, модные еще до революции драмы, другие театры демонстрировали более актуальные ленты, к примеру, фильм «Вечный город, или за честь и свободу». Кинокритики восхищались техническим уровнем (поражала многотысячная массовка в сценах восстания) и актуальным содержанием этой ленты. В апреле появился новый фильм акционерного общества «А. Ханжонков и К^о» «Революционер» - о вернувшемся из ссылки старом революционере-народовольце, который сумел повлиять на своего внука-большевика, ведущего агитацию против войны, в результате чего оба ушли добровольцами на фронт (1. С. 13).

В 1917 г. был выпущен фильм «Товарищ Елена», положивший начало жанру революционно-классовой мелодрамы, которая получила дальнейшее развитие в 1920-е гг. Героиня фильма – молодая женщина-революционерка – любит своего мужа, предотвращает террористический акт своих товарищей, который мог бы затронуть и его, однако убивает любимого человека, когда он передает ее организацию в руки властей (1. С. 13-14). В целом же, как пишут искусствоведы, из 245 выпущенных в 1917 г. фильмов около 1/5 из них так или иначе была связана с революционной тематикой (2).

В первые годы советской власти прежний, дореволюционный, кинематограф был практически уничтожен (традиции национальной культуры и художественный опыт прежних лет оказался невостребованным, многие кинематографисты покинули страну), однако уже с середины 1920-х гг. рождается советский кинематограф.

Историческое кино стало мощным инструментом пропаганды и агитации за советскую власть, имевшим целенаправленное психологическое концентрированное воздействие на широкие народные массы. Своеобразным лозунгом кинематографа стала фраза В.И. Ленина «... Из всех искусств для нас важнейшим является кино!», произнесенная им в одной из бесед с А.В. Луначарским (9. С. 579). В «Директивах по киноделу» (1922) В.И. Ленин разделил все киноленты на увеселительные (для рекламы и дохода, но «без похабщины и контрреволюции») и картины специального пропагандистского содержания «из жизни народов всех стран» (8. С. 360). Он настойчиво требовал, чтобы в снимаемой кинохронике постоянно рассказывалось о политических акциях советской власти и активно развенчивалась религия (3. С. 182).

В 1924 г. И.В. Сталин, выступая на XIII съезде ВКП(б), отметил, что «кино есть величайшее средство массовой агитации» и задача состоит в том, чтобы «взять это дело в свои руки» (13. С. 217). В одной из передовиц газеты «Правда» в 1931 г. провозглашалось, что «... основное место в кинопродукции должен занимать массовый художественный фильм, в котором отображается героическая борьба за социализм, показываются типы героев соцстройки, отображается исторический путь пролетариата и его партии, история гражданской войны и т.п.» (10). В 1935 г., обращаясь к работникам киносферы, Сталин выступил с призывом создавать историко-революционные фильмы, подобные «Чапаеву» (7. С. 442). Он считал также, что кино – не только средство агитации и пропаганды, но и воспитатель, поэтому призывал к движению «... в сторону решительного перехода к созданию высокодейных художественных фильмов с занимательным сюжетом и волнующей игрой актеров» (11. С. 47).

Точкой отсчета для советского кино об отечественных революционерах стали фильмы А. Ивановского («Дворец и крепость», 1923; «Степан Халтурин», 1925; «Декабристы», 1926). Первый фильм был создан по роману О. Форш «Одеты камнем» и повести П. Щёголева «Таинственный узник» и посвящен революционеру-демократу 1860-х гг. Михаилу Бейдеману. Как пишет кинокритик Р. Соболев, этот фильм «как бы разведывал тему, которой суждено было стать главной в советском кино на десятилетия» (12. С. 127). Главным героем второго фильма стал рабочий-революционер, террорист, организатор «Северного союза русских рабочих», член «Народной воли» Степан Халтурин, предпринявший в 1880 г. неудачную попытку покушения

на Александра Ш. Третий фильм «Декабристы» был признан неудачей, так как, по признанию режиссера, «...в центре картины романтическая история (Иван Анненский и Полина Гебль – авт.), а декабристы показаны только фоном!» (12. С. 129-130). В. Козинцев и Л. Трауберг сняли в 1927 г. картину «С.В.Д.» (Союз Великого Дела), посвященную восстанию декабристов на юге России. В указанную тематику попадает и картина Г. Рошала «Его превосходительство» (1927) о рабочем-сапожнике, члене еврейской партии «Бунд», совершившем покушение на виленского губернатора фон Валя, - Гирше Леккерте.

Первыми, еще немymi, фильмами, в которых представлены события, связанные с российскими революциями 1905-1907 г. и 1917 гг., стали работы В. Висковского («Девятое января», 1925) и В. Гардина («Серп и молот», 1921). Первый фильм повествует о росте революционных настроений рабочих России в начале XX в., приведших к стачкам на Обуховском и Путиловском заводах в Петербурге, о шествии рабочих к царю и о расстреле демонстрации войсками 9 января 1905 г. («кровавое воскресенье»), второй – о судьбе батрака Андрея Краснова – участника Первой мировой войны и свидетеля революционных событий 1917 г. По мнению, А.В. Караганова, это были фильмы, снятые опытными мастерами, которые еще осваивали тему революционной борьбы, и только во второй половине 1920-х гг. был «создан киноэпос революции» (5. С. 197).

К юбилею Первой российской революции были приурочены две исторические картины, высоко оцененные кинокритиками. Первым в числе 12-ти лучших фильмов всех времен и народов по результатам международного опроса критиков в Брюсселе в 1958 г. стал фильм С. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин» (1925) о трагических событиях Первой российской революции (16. С. 43). Как писал итальянский кинорежиссер Альберто Кавальканти, смотревший фильм в Париже, «... Взволнованность зала в момент показа... была незабываемой. Полиция пять или шесть раз прерывала просмотр, зажигая свет. Но это несколько не уменьшило того потрясающего впечатления, которое произвел на нас фильм» (14. С. 382).

Снятый в 1926 г. фильм В. Пудовкина «Мать» (по одноименному роману А.М. Горького) стал восьмым в том же рейтинге фильмов (6. С. 130). В его массовке безвозмездно участвовали рабочие Твери, Ярославля, Москвы, которые были непосредственными участниками революционных событий начала века, и поэтому смогли передать

эмоциональное настроение демонстрантов, рабочих того времени. Как пишет киновед А.В. Караганов, «создателям фильма было важно показать путь Ниловны к революции как путь *многих* – через недовольство жизнью, через поиски выхода из нищенского, подневольного существования, через преодоление страха перед сильными мира сего... После ареста Павла Ниловна начала путь, который привел ее под красное знамя сына, под знамя революции» (5. С. 25). После Пудовкина к роману Горького обращались режиссеры Л. Луков (1941), М. Донской (1955), а в 1989 г. появилась новая киноверсия, созданная Глебом Панфиловым. Взгляд этого автора на события начала XX в. в России – совершенно иной, нежели у Пудовкина или Донского, а главная героиня – Ниловна – уже не забитая и духовно возрожденная в ходе революции женщина, а мать, которая вынужденно, из-за любви к сыну, вступает на опасный путь и понимает при этом, что идет против своих веры и совести. Как отмечает культуролог и киновед Н.Б. Кириллова, метаморфозы, произошедшие с героями фильма Панфилова, – это «метаморфозы нашей истории – трагической истории России XX века с ее верой и безверием, предательством и святостью, знанием и неведением». Она же утверждает, что Мать и Сын являются «своеобразными антагонистами и одновременно жертвами истории» (6. С. 132).

Снятые на революционную тематику советские фильмы олицетворяли марксистскую идею о народе как творце истории, и участники этих событий (матросы, солдаты, рабочие) воплощались в поэтическом образе действующей, волнующейся, переживающей и борющейся массы. Именно эти массы наиболее ярко представлены в фильмах В. Пудовкина «Конец Санкт-Петербурга» (1927), С. Эйзенштейна («Октябрь», 1927) и М. Ромма («Ленин в Октябре», 1937). А.В. Караганов, анализируя творчество С. Эйзенштейна, пишет так: «Сцену встречи В.И. Ленина на площади у Финляндского вокзала, июльский расстрел демонстрации на углу Садовой и Невского, штурм Зимнего он ставит и снимает таким образом, что эти кадры из художественного фильма «Октябрь» и сейчас часто используются как кинодокументы революции» (5. С. 23).

В конце 1930-х гг. появились другие фильмы о революции, снятые М. Роммом («Ленин в 1918 году», 1939) и С. Юткевичем («Человек с ружьем», 1938; «Яков Свердлов», 1940). Как отмечает Р.Н. Юренев, наряду с художественными достижениями режиссеров и актеров в этих фильмах проявились серьезные идейные недостатки:

произвольная трактовка событий революции, неверные характеристики многих политических деятелей, преувеличение роли Сталина, занимавшего в этих фильмах все более заметное место (16. С. 77-78). Следует отметить, что в большей части фильмов 1920-1930-х гг. представлены и безымянные идейные противники большевиков в 1917 г. – меньшевики, правые эсеры. Их образы нарисованы несколько карикатурно – это трусливые, малодушные и лживые люди, соглашатели, отказывающиеся от революционных идей, готовые сотрудничать с либеральными партиями и буржуазией.

После Великой Отечественной войны ведущее место в кинорепертуаре заняли фильмы, посвященные этой войне, и к теме революции кинорежиссеры возвращались, как правило, в юбилейные и предъюбилейные годы. В 1950-1960-е гг. были сняты картины В. Добровольского и И. Шмарука («Правда», 1957), С. Васильева («В дни Октября», 1958), Ю. Вышинского («Залп «Авроры», 1965). Фильм «Правда» поставлен по одноименной пьесе А. Корнейчука и показывает путь в революцию солдата Тараса Голоты, по сути дезертировавшего с фронта после Февраля 1917 г. и ставшего под влиянием большевиков настоящим революционером на Украине. Важно учесть, что в фильме С. Васильева, снятом по книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», впервые появились вычеркнутые ранее из советских учебников истории и кинематографа Г. Зиновьев, Л. Каменев, Л. Троцкий, показано историческое заседание ЦК РКП(б), на котором разгорелся спор по поводу вооруженного восстания, в котором активно участвовали Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Урицкий, молодой Сталин.

Персональный ряд героев-революционеров в 1960-1980-е гг. дополнили фильмы о старшем брате В.И. Ленина – Александре Ульянове и его товарищах по организации «Народная воля» (Е. Андриканис, «Казнены на рассвете...», 1964), революционере-большевике Николае Баумане (С. Туманов, «Николай Бауман», 1967), члене организации «Народная воля» Софье Перовской (Л. Арнштам, «Софья Перовская», 1968), ближайшем сподвижнике Ф. Э. Дзержинского революционере Якове Петерсе (С. Тарасов, «Петерс», 1972), о последних годах жизни и деятельности выдающегося украинского писателя и общественного деятеля М. М. Коцюбинского и членах его семьи, связавших свою жизнь с революцией (Т. Левчук, «Семья Коцюбинских», 1970), о революционере-народовольце Михаиле Бейдемане (В. Гажиу, «Таинственный узник», 1986).

Вполне естественно, что советские кинематографисты внесли свой вклад в художественную лениниану. Впервые вожь мирового пролетариата появился в немом игровом кино в 1927 г. (С. Эйзенштейн, «Октябрь»), его сыграл рабочий Василий Никандров, имевший некоторое внешнее сходство с Лениным, однако «полное отсутствие сходства внешнего» (5. С. 41). Профессиональным актером, решившимся на исполнение роли «говорящего» В.И. Ленина, стал Б. Щукин (М. Ромм, «Ленин в Октябре», 1937). При создании образа лидера большевиков М. Ромм и Б. Щукин изучили все доступные в то время источники, ленинские статьи, просмотрели документальные фильмы, фотографии, прослушали граммофонные и фонографические записи, познакомились с воспоминаниями близких Ленину людей. Как отмечает Р.Н. Юрнев, все это «... привело к успеху... Щукин в роли Ленина был прост и человечен, и обаятелен, и непреклонен... показан с поэтической теплотой и взволнованным пафосом» (16. С. 77).

К 40-летию Октября С. Юткевичем по сценарию Н. Погодина, Н. Эрдмана и М. Вольпина были сняты «Рассказы о Ленине» (1957), в роли которого снялся М. Штраух. В переписке с актером, режиссер подчеркивал, что Ленин выступает в фильме не автором готовых формул, а человеком, активно анализирующим жизненные процессы, и рекомендовал Штрауху не играть «вождя»: вытравлять всякие интонации поучительства, снисходительности, нескромности, бояться декоративного «жеста», позирования, недейственного произнесения реплик, отказаться от какого бы то ни было самолюбования или актерского кокетства (5. С. 198-199). Фильм состоит из двух новелл, и во второй новелле с названием «Последняя осень» показан уже больной Ленин, страдающий от отсутствия обильных контактов с людьми, оторванности от работы, однако сохраняющим неукротимый борцовский дух. Вспоминая этот фильм, невольно обращаешься и к работе А. Сокурова «Телец» (2001), в которой тот же самый Ленин в последний период жизни показан немощным, раздражительным, изолированным от всего мира и желающим покончить жизнь самоубийством человеком.

В перестроечное и постперестроечное время интерес кинематографистов к теме революции значительно снизился, больше снималось фильмов на тему сталинизма-тоталитаризма. Октябрьская революция и В.И. Ленин еще находились в зоне «табу». Одним из первых фильмов, в котором историко-революционный пафос первых лет со-

ветской власти показан с определенной долей иронии, а герои этого фильма шаржированы, стал фильм В. Хотиненко «В стреляющей глуши» (1986). В 1988 г. зрители увидели фильм А. Муратова «Моонзунд», положительными героями которого одновременно выступают дворянин по происхождению, старший лейтенант Артеньев и революционный матрос Семенчук, защищавшие в годы Первой мировой войны Моонзундский архипелаг. В 1993 г. вышел 9-серийный телевизионный фильм С. Колосова «Раскол» - о событиях 1900-1903 гг. в жизни РСДРП, закончившихся разделением партии на два крыла – большевиков во главе с В.И. Лениным и меньшевиков во главе с Ю.О. Мартовым. Автор фильма стремился отойти от прежних идеологических клише и ярлыков и одновременно – от постсоветского радикального псевдоисторического переосмысления прошлого, что, естественно, вызвало споры и неоднозначные оценки: одни посчитали фильм вымыслом, другие поверили создателям картины, третьи же, согласившись с показанным в фильме, продолжали поддерживать показанного не в лучшем свете вождя мировой революции и его идеи (4. С. 92, 94).

В 2000-е гг. революционные события 1917 г. опосредованно представлены в фильмах Г. Панфилова («Романовы. Венценосная семья», 2000), А. Прошкина («Доктор Живаго», 2005), А. Смирнова («Жила-была одна баба», 2011), Д. Месхиева («Батальон», 2015). Во всех этих фильмах революция и последовавшая за ней Гражданская война показаны как следствие политики большевиков, как величайшая историческая трагедия, в которой не было ни правых, ни виноватых.

Итак, что же осталось в исторической памяти поколений 1920-1980-х гг. благодаря отечественному кинематографу? Можно сделать несколько выводов: Россия – страна с революционными традициями, носителями которых были декабристы, революционеры-демократы, народники; революции – локомотивы истории; революции – творение народных масс; смысл жизни советского человека – в служении Отечеству, беззаветной преданности делу революции; большевики – единственная партия, последовательно отстаивающая интересы рабочего класса и крестьянства; события Октября 1917 г. – не государственный переворот, осуществленный политической элитой страны, а широкомасштабное движение народных масс во главе с партией В.И. Ленина; сам вождь революции и его сподвижники – самоотверженные борцы за светлую жизнь народа, образцы честности, верности долгу, непримиримости к врагам революции, и одновременно – носи-

тели гуманизма; Октябрь 1917 г. открыл путь в светлое будущее. Не стоит забывать и о мифах революции, тиражированных при помощи кинематографа: об огромном авторитете большевиков в период Февральской революции, о свержении самодержавия (император Николай II самолично отрекся от престола), о триумфальном прибытии В.И. Ленина в Петроград, о залпе крейсера «Авторы» (был одиночный выстрел), штурме Зимнего дворца (современные историки пишут, что штурм как такового не было), о бегстве А.Ф. Керенского, переодетого в женское платье (сам Керенский и многие историки отрицают факт переодевания в одежду сестры милосердия) и др.

Что изменилось в сознании поколений молодых людей 1990-2010-х гг.? Революция стала восприниматься как трагедия, жертвами которой становятся все ее участники, а сами революционеры – как демоны революции (Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский и др.); события Октября 1917 г. определяются как переворот, следствием которого стала Гражданская война, а далее – и коллективизация с раскулачиванием; виновниками всех бед считаются прежде всего большевики и менее всего – царь, русская буржуазия, либералы и умеренные социалисты. Новые фильмы, максимально объективно отражающие революционные процессы в России, пока не появились. Вместе с тем в заключение хотелось бы процитировать слова киноведа и сценариста С.И. Фрейлиха: «... художественное произведение на историческую тему не может сравниться с учебником, в котором мы находим исчерпывающие сведения о безвозвратно ушедшей эпохе. Зато искусство может дать больше – образ эпохи, и этим воздать ее нам, воспроизвести перед нами в живых картинах, передать ее колорит, ритм, светлые и темные стороны, отпечатанные в душах и сознании живших тогда людей» (15. С. 86).

Литература:

1. Аксёнов В. Б. 1917 год: социальные реалии и киносюжеты // Отечественная история. 2003. № 6. С. 8-21.
2. Вишневский В. Художественные фильмы дореволюционной России: (Фильмографическое описание). М.: Госкиноиздат, 1945. 192 с.
3. Громов Е. Сталин: власть и искусство. М.: Республика, 1998. 495 с.
4. Искусство кино. 1994. № 5.
5. Караганов А.В. Советское кино: проблемы и поиски. М.: Политиздат, 1977. 215 с.
6. Кириллова Н. Кинометаморфозы. Заметки, интервью, портреты, рецензии, статьи. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. 320 с.

7. Культурная жизнь в СССР: Хроника, 1928 – 1941. М.: Наука, 1976. 818 с.
8. Ленин В.И. Директивы по киноделу // Полн. собр. соч. Изд- 5-е. Т. 44. М.: Политиздат, 1982. С. 360-361.
9. Ленин В.И. Примечания // Полн. собр. соч. Изд- 5-е. Т. 44. М.: Политиздат, 1982. С. 524-595.
10. На большевистские рельсы // Правда. 1931. 14 декабря.
11. Партия о кино / под ред. Н.А. Лебедева. 2-е изд. М.: Госкиноиздат, 1939. 145 с.
12. Соболев Р. Александр Ивановский // 20 режиссерских биографий. Серия: Мастера советского кино. М.: Изд-во «Искусство», 1971. 390 с.
13. Сталин И.В. Выводы. Организационный отчет ЦК на XIII съезде РКП(б) // Соч. в 16 т. Т. 6. М.: ОГИЗ, 1947. С. 210-219.
14. Первый век кино. М.: Локид, 1996. 720 с.
15. Фрейлих С.И. Киноискусство. Теория и практика. М.: Академический проспект, 2015. 555 с.
16. Юрнев Р.Н. Краткая история киноискусства.. М.: Издательский центр «Академия», 1997. 288 с.

УДК16415113(985)

ББК 156941+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

Н.В. Останина

Курган

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ДО 1917 Г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Концепция нового УМК по отечественной истории, «икона» и «топор», социальная религиозность, интеллигенция, революция

АННОТАЦИЯ. В статье приводятся интерпретации некоторых аспектов психологической динамики российского общества со второй половины XVII в., когда происходит разрушение единого духовно-религиозного пространства общины верующих, до проявления различных форм бунташества в начале XX в., которые проявились в рефлексии отечественной научной и художественной интеллигенции.

N.V. Ostanina

Kurgan

**FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE
PSYCHOLOGICAL DYNAMICS OF THE RUSSIAN
SOCIETY BEFORE 1917**

KEY WORDS: new Concept of teaching materials for Russian history, the «icon» and «axe», social religiosity, intelligentsia, revolution

ABSTRACT. The article presents the interpretation of some aspects of the psychological dynamics of the Russian society in the second half of the XVII century, when the destruction of a single spiritual-religious space of the community of believers, to various forms of buntasheska in the early twentieth century, which was manifested in the reflection of domestic scientific and artistic intelligentsia.

В Концепции нового УМК по отечественной истории (8) прописано несколько образовательных и воспитательных приоритетов: «Многоаспектный (многофакторный) характер истории (речь идет об общественных представлениях и повседневной жизни людей той или иной эпохи); «Человек в истории" (необходимость освещения интересов и устремлений, ценностных ориентиров и мотивов поведения людей изучаемой эпохи, что будет содействовать выработке и школьников чувства сопричастности к истории страны); «Историко-культурологический подход: пространство диалога» (речь идет о формировании способности школьников к межкультурному диалогу, способности воспринимать цивилизационные и культурные особенности эпохи).

В свете поставленных задач в год 100-летия Великой Российской революции 1917 г. достаточно актуальной является проблема изучения различных ее аспектов в рамках курсов повышения квалификации учителей истории, на методологических семинарах и других научно-практических и методических мероприятиях.

Предлагая свой опыт истолкования истории русской культуры, Дж.Х. Биллингтон (4), говорит о двух символах, которые по сути наглядно отражают психологию русского крестьянина: "топор" как символ русского бунта и «икона», которая давала божественную санкцию человеческой власти, и служила очеловечиванию божественной власти.

Церковный раскол как культурно-исторический конфликт XVII века повлек за собой серьезные последствия в общественном созна-

нии. В книге «Реванш истории» А.С.Панарин писал: «Сила московского государства вплоть до церковной реформы Никона определялась сочетанием этнической и конфессиональной идентичности. Русские чувствовали себя избранным православным народом, священный долг которого - хранить истинную веру, не дать этому светочу погаснуть на земле. Никон, избличивший «неправильность» религиозной веры народа и навязавший ему чужеземных наставников - исправителей священных книг, - нанес православию урон, от которого оно до сих пор не может оправиться» (11).

Среди последствий раскола Панарин отмечает следующие:

1) начало десакрализации общины: утрачивание ею статуса живого собора православных христиан и превращение в фискально-податный институт,

2) нанесение престижу священства очередного серьезного удара, приведшего сначала к сочинительству похабных сказок про попов, а затем - в 1917 году - и к физической расправе над ними,

3) вестернизация правящего класса и осуществление им сепаратной эмиграции из Святой Руси на Запад,

4) секуляризация правящего класса, избавившая его от цензуры со стороны церковной морали. Власть все более становится светской, одновременно освобождаясь от духовно-религиозного надзора со стороны утратившей всякую автономию духовной власти»,

5) приобщение верхов к культурным и потребительским стандартам «развитых государств» и постепенное отречение ими от всего национального содействовало их *внутренней* эмиграции на Запад и оставлению выполнения религиозного и государственного долга «темным» низам. Именно это безоглядное и поверхностное подражание Западу, по мнению Панарина (11), привело в последствии к насаждению на российской почве разрушительных коммунистических и либеральных идей.

Таким образом, неизбежным становится конфликт между теми новыми установками, которые возникают в сознании правящего класса, с одной стороны, и представлениями православного сознания о власти и послушании. «Православная соборность (общинность) - это свободное соединение людей для уготовления к спасению. Православное сознание принимает власть как свободное послушание по совести, а не по необходимости. Община не признает власти, если она опирается не на святость, а на принуждение», - пишет А.С.Панарин (11). В результате происходит разрушение единого ду-

ховно-религиозного пространства общины верующих, что не только породило конфликты, но и обесценило государственный и религиозный договор верхов с низами по поводу совместного служения Святой Руси (11).

Появление в середине XIX в. разночинной интеллигенции, оформление охранительной, либеральной и революционной идеологии делают неслучайным появление в мае 1862 г. прокламации, написанной студентом П.Г. Заичневским «Молодая Россия», отличавшейся открытой приверженностью социализму и угрозами революционной расправы: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!» двинемся на Зимний дворец истребить живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться, и это последнее вернее, что вся императорская партия, как один человек, встанет за государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ей самой или нет.

В этом последнем случае, с полной верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: *«в топоры», и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!»* (7).

В ходе раскола и последовавшими за ним гонениями, старообрядцы показали своим оппонентам приверженность таким ценностям как вера в истинную Церковь, непримиримое отношение к врагам Церкви, особое понимание свободы как «свободы вопреки» и готовность ответить своей жизнью за свои убеждения. Наступление эпохи Нового времени постепенно приводит к тому, что синкретичный мир средневекового человека, состоящий из земного и возвышенного, двухполюсной мир добра и зла, постепенно разрушается. Секуляризация, разрушившая синкретичность мира, постепенно приводит к тому, что появляется особый феномен общественного сознания, который Л.А. Тихомиров (12) называет «социальной религиозностью». О ней идет речь в работе «Начала и концы. «Либералы» и террористы» (1890), посвященной вхождению поколения семидесятых годов в ре-

волюцию. Здесь Тихомиров говорит о переносе религиозной веры секуляризованным сознанием из церковной области в сферу политики, о «социальной религиозности»: «Социальная религиозность» - результат атеистического взгляда на мир, она заменяет церковную веру своей светской верой — верой в прогресс, в земное благополучие. Но религиозное сознание и религиозная психология далеко не сразу уходят из сознания человека, потерявшего веру. Психологические стереотипы поведения труднее всего поддаются изменению. Веры, убеждения меняются легче, чем психологические установки. Поэтому, собственно, такие церковные понятия, как «религиозное дерзновение», «религиозное рвение», «подвижничество», «религиозная борьба с грехами» — в секулярном сознании не уходят в небытие, а изменяются, трансформируются в политическую деятельность, в борьбу с иномыслием, к проповеди революционного переустройства общества и мира. Человек меняет центр тяжести применения своих усилий с мира религиозного (внутреннего) на мир социальный (внешний), земной». (12). И в подтверждение мыслей Тихомирова, приводим слова, которыми заканчивается прокламация «Молодая Россия»: «Помни, что тогда кто будет не с нами, тот будет против; кто против — тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами. Но не забывай при каждой новой победе, во время каждого боя повторять: «Да здравствует социальная демократическая республика Русская!» *А если восстание не удастся, если придется нам заплатить жизнью за дерзкую попытку дать человеку человеческие права, пойдем на эшафот нетрепетно, бесстрашно, и кладя голову на плаху или влагая ее в петлю, повторим тот же великий крик: «Да здравствует социальная и демократическая республика Русская!»* (7).

А дальше уже у Маяковского (1924):

Пятиконечные звёзды выжигали на наших спинах
панские воеводы.

Живьём, по голову в землю, закапывали нас банды Мамонтова.

В паровозных топках сжигали нас японцы, рот заливали свинцом
и оловом,

отрекитесь! - ревели, но из горящих глоток лишь три слова:

- Да здравствует коммунизм! - ... (9)

«Социальная религиозность» оказывается свойственной «третьему элементу» (интеллигенции). Понимая, что данный термин имеет множество значений, сошлемся в данной статье на мнение Н.А. Бер-

дьяева (3), который говорит о двух пониманиях интеллигенции:

1) всенародное и общечеловеческое, сверхсословное, сверхклассовое. Это лучшие, избранные люди страны, создатели духовной культуры нации, творцы русской литературы, русского искусства, философии, науки, религиозные искатели, хранители общественной правды, пророки лучшего будущего. К ним автор относит А. Пушкина и М. Лермонтова, Н. Гоголя и И. Тургенева, Л. Толстого и Ф. Достоевского; к ней принадлежат П. Чаадаев, славянофилы, В. Белинский и А. Герцен, Вл. Соловьев, русские философы, ученые и художники, все общенациональные вожди русской культуры.

2) социально-классовое. Эта интеллигенция занимается революцией как профессией, мыслит себя единственной спасительницей отечества, с презрением отвергает все другие пути спасения. «Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Михайловский - все это люди талантливые, высказывали нередко дельные мысли, но писатели они часто «интеллигентские», кружковые, направленские, никогда они не могли и не могут стать общенациональными и общечеловеческими» (3). Такую интеллигенцию отличает недавнее происхождение (от 60-х гг. XIX в.); сословно-классовое мировоззрение; различинное, демократическое происхождение (воспринимаемое как привилегия); отщепенство и отсутствие традиций духа (воспринимаемые как заслуга); непомерные притязания на решающую роль в русской истории. Беда такой интеллигенции заключается в том, что, несмотря на талант и даровитость лучших вожаков интеллигенции, «дух интеллигентской массы — бездарен до ужаса, лишен всякой творческой и общечеловеческой идеи, банален до тошноты. Всего неприятнее самодовольство этой «интеллигенции», ее крикливость, ни на чем не основанная притязательность, отсутствие благородной скромности. Все журналы, газеты, брошюры, митинговые речи интеллигенции в кавычках проникнуты непомерной общественной притязательностью, презрением и отрицанием всего остального мира, всего «неинтеллигентского» и вместе с тем поражают духовным убожеством, унылостью и плоскостью» (3). Начало XX века ознаменовалось, отмечает В.Б. Аксенов (2), проявлением различных форм бунташества (массовые акции протеста российского студенчества, подхваченные рабочим движением, борьбой женщин за равноправие), проявившихся в рефлексии отечественной научной и художественной интеллигенции, предчувствовавшей, ожидавшей как неизбежность революционную стихию:

- «революционный психоз» у историка Богословского М.М. (6);
- противоречивое состояние всенародной души, включающей и чистую веру, и отчаянное безверие, любовь к родине и неприязнь к ней, всеприятие и всеотрицание. Такие мысли о революции и судьбе человека в эпоху колоссальных свершений Блок выражает в поэме «Двенадцать» (10). «Кровавому флагу» противопоставлен «белый венчик из роз» на голове у Христа. Это делает его ярким символом святости и непорочности, заключенных в понятиях Абсолютной Истины и Высшей Справедливости.

...Так идут державным шагом - Нежной поступью надвьюжной,
Позади - голодный пёс. Снежной россыпью жемчужной,
Впереди - с кровавым флагом, В белом венчике из роз -
И за вьюгой невидим, Впереди - Иисус Христос. (5)
И от пули неведим,

- скрещивание божественного начала в образе Христа с другим созидательным началом в образе революции. А.Аверченко в предисловии к сборнику «Дюжина ножей в спину революции» писал: «Революция — сверкающая прекрасная молния, революция — божественно красивое лицо озаренного гневом Рока, революция — ослепительно яркая ракета, взлетевшая радугой среди сырого мрака!» (1)

- женское начало, символизирующее в философии Малявина русскую бурю (революцию), уходящее корнями в языческую историю народа. Говоря о картинах из серии «Бабы», критик С. Глаголь писал о них: «Разве не веет от этих образов какой-то особой, смутной, титанической силой? Сила эта темна, стихийна и животна, но не таковы ли и должны быть бабы, рожавшие сподвижников Ермака, чудобогатырей Суворова и понизовую вольницу? В этих кроваво-огненных красках чудится отблеск каких-то необъятных пожаров, какой-то оргии кровавой» (2).

Н.А. Бердяев (3), говоря об ужасе и трагизме русской революции, называет их причины: мещанско-интеллигентский, отщепенский характер идей революционной интеллигенции; претензии социал-демократов на выражение духа пролетариата и претензии социалистов-революционеров на выражение духа крестьянства; профессиональное занятие революцией и отрицание с презрением всех других путей спасения; создание трагического разрыва «мышления» и «бытия»; нетерпимость и неспособность к власти. Вследствие этого особую значимость приобретает прозорливость историка М.М.Богословского, усмотревшего и зафиксировавшего 4 января

1917 г. в своем дневнике ассоциации английской революции и свержения короля Карла I в 1640 г. и последующих в России событий 1917 года: «Происходит нечто подобное тому, что Англия переживала во второй четверти XVII в., когда все общество было охвачено религиозной манией. С тою разницей, что у нас мания политическая. Там говорили тексты из Библии и пели гнусавыми голосами псалмы. У нас вместо текстов и псалмов – политические резолюции об ответственном министерстве и политические клеветы, высказываемые гнусными голосами, и надежды на переворот, с близорукими взорами в будущее... Не понимают, что революции в цивилизованных странах проходят по-цивилизованному, как в 1688 г. и 1830 г. А ведь у нас политическая революция, как в 1905, повлечет за собой экспроприации, разбои и грабежи, потому что мы еще не цивилизованная страна, а казацкий круг Разина и Пугачева. У нас и революция возможна только в формах Разиновщины и Пугачевщины» (6).

Литература:

1. Аверченко А. Дюжина ножей в спину революции. URL: <http://iknigi.net/avtor-arkadiy-averchenko/43684-dyuzhina-nozhey-v-spinu-revolyucii-arkadiy-averchenko.html>
2. Аксенов В.Б. Политическая семиосфера и психологическая динамика российского общества в 1914—1917 гг.: от мистификации общественного сознания к революционному психозу // Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Выпуск 3. Научное издание «Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории». Сборник научных статей (к 95-летию Февраля—Октября 1917 г.). Москва, 2012. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/istoriya-sovremennoie-rossii/istoriya-sovremennoie-rossiieskoie-istoricheskoe-misli/rossiya-i-revolyuciya-proshloe-i-nastoyashee-sistemnix-krizisov-russkoie-istorii.html>)
3. Бердяев Н.А. Из психологии русской интеллигенции. URL: http://www.odinblago.ru/berd_iz_psy_ru_intellig
4. Биллингтон Дж.Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. URL: <http://mreadz.com/read-282459>
5. Блок А.А. Двенадцать. URL: <http://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html>
6. Богословский М.М. Дневники. 1913–1919: Из собрания Государственного Исторического музея. URL: <http://russiahistory.ru/download/library/>
7. Заичневский П.Г. Молодая Россия. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/molrus.htm>
8. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Вестник образования. Июль. 2014. № 13. С. 10-124.
9. Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин. URL:

<http://www.magister.msk.ru/library/poetry/mayav001.htm>

10. Отношение А.Блока к революции. URL:

<http://gigabaza.ru/doc/77576.html>

11. Панарин А.С. Реванш истории. М.: Русский мир, 2005. 432 с.

12. Тихомиров Л.С. Начала и концы. Либералы и террористы. URL:
http://dugward.ru/library/tihomirov/tihomirov_nachala_i_kon.html

УДК9649721254985)

ББК Д890(2694)+ТЗ(2)61-2

ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

Д.Л. Островкин

Екатеринбург

**РЕВОЛЮЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В РОССИИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: советское здравоохранение, земская медицина, медицинское обслуживание.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются изменения в управлении здравоохранением в период становления советского государства, выявлены особенности в системе медицинского обслуживания от дореволюционного этапа истории России.

D.L. Ostrovkin

Yekaterinburg

**THE REVOLUTION AND THE FORMATION
OF A NEW SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION
OF HEALTH IN RUSSIA IN THE FIRST YEARS
OF SOVIET POWER**

KEY WORDS: The Soviet health care, Zemstvo medicine, medical care.

ABSTRACT. The article analyzes the changes in the management of health care in the period of the Soviet state, the peculiarities of the system of care from pre-revolutionary phase of Russian history.

Реформы системы здравоохранения в России на современном этапе вызывает интерес исследователей к изучению исторического опыта государственной политики, направленной на улучшение работы сети медицинских учреждений. Особенно важно при проведении

преобразований в этой сфере учитывать опыт деятельности системы здравоохранения в дореволюционный период и советский опыт жесткой централизации врачебного дела. Если система медицинского обслуживания населения в России в конце XIX – начале XX вв. сложилась под большим влиянием либеральных реформ Александра II, то кардинальные изменения в управлении здравоохранением были связаны с установлением советской власти в стране и первыми послереволюционными преобразованиями.

В дореволюционный период, как такового Министерства здравоохранения не существовало, его функции по управлению земской медициной осуществляло Министерство внутренних дел, в состав которого входило Управление главного врачебного инспектора, Главное управление и совет по делам местного хозяйства, Ветеринарное управление, Ветеринарный комитет, Медицинский совет.

Основным нормативно-правовым актом, регулировавший организацию здравоохранения, в середине XIX – начале XX вв., был Врачебный устав. Первоначально, земства пользовались Уставом 1857 г., в нем было подробно прописана медико-лечебная организация на местах, которой заведовали губернская врачебная управа, а в городах – уездные и городские врачи. В главе «О губернской врачебной управе» детально описаны обязанности врачебных управ, особо указывалось на множественную подчиненность этой управленческой структуры. Врачебная управа была подотчетна Медицинскому департаменту, Департаменту казенных и врачебных заготовлений и Медицинскому совету. Кроме того, она была обязана следовать предписаниям губернатора и распоряжениям губернского управления.

Главная обязанность врачебной управы согласно законодательству состояла в том, чтобы «посредством преподаваемых правил и наставлений пеших вообще о соблюдении народного здравия в той губернии, где Управа состоит» (13.С. 10). Врачебные управы были призваны осуществлять надзор за деятельностью больниц гражданского ведомства, аптек, наблюдать за ходом заболеваемости на подведомственной им территории.

Во Врачебном уставе были подробно прописаны правила назначения медиков на должности, их профессиональные обязанности. Любопытно, что в Устав предписывал иметь врачам и высокие нравственные качества: «Первый долг всякого врача есть: быть человеколюбивым и во всяком случае готовым к оказанию деятельной помощи всякого разного звания людям, болезнями одержимым» (13. С.22).

Великие реформы 1860-х – 70-х гг. открыли новый этап в организационном управлении медицинскими учреждениями: к этой деятельности были привлечены всеобщие выборные органы городского и земского самоуправления.

1 января 1864 года Александр II утвердил Положение о губернских и уездных земских учреждениях, предоставлявшее земствам «попечение, в пределах, законом определенных и преимущественно в хозяйственном отношении о народном здравии». Расходы на образование и здравоохранение именовались «необязательными». Закон о губернских и уездных земских учреждениях обязывал земства и уезды содержать переданные им учреждения бывших приказов общественного призрения, из которых главными были городские больницы и богадельни, а также принимать меры к организации оспопрививания. Никаких других указаний на способы осуществления забот о народном здравии Положение не содержало (10).

Изменения происходят лишь в 1890 г., в связи с утверждением нового «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», а в 1892 г. – «Городового положения». В них предписывалось участие земских учреждений и городов в организации медицинской помощи населению, а проведении противоэпидемических мероприятий относилось к обязательным земским и городским повинностям (11.С.39). Таким образом, учреждения земств и городов обязаны были заботиться об организации здравоохранения в империи.

В связи с изменениями происходившими в организации управления медицинскими учреждениями в 1893 г. Врачебный устав 1857 г. был заменен новым. Важной особенностью нового Устава лечебных заведений 1892 г. явилось то, что в нем четко были определены две категории лечебных заведений: государственные и частные. К государственным были отнесены лечебные заведения земских и городских управлений, приказов общественного призрения, а также лечебные заведения, состоящие в ведении советов общественного призрения Царства Польского. К частным были отнесены лечебные заведения, находящиеся «на попечении частных лиц, а также благотворительных, ученых и иных обществ» (14). Однако устав не распространялся на заведения, управляемые на основании особых высочайше утвержденных уставов и положений, а также на сельские лечебницы, которые руководствовались статьями 268 и 269 Устава.

По инструкции Министерства внутренних дел были определены обязанности всего врачебного персонала от главного врача до смот-

рителя, определена отчетность по различным частям больничного управления, прием и размещение больных, их питание, а также выписка пациентов. В целом, Врачебный устав 1892 г. содержал ряд нововведений, отражавших изменения в сфере здравоохранения и определивших ее дальнейшее развитие. В новой редакции Врачебного устава были расширены полномочия местных органов государственного управления и самоуправления в сфере здравоохранения, что способствовало развитию этой отрасли.

Таким образом, в дореволюционной России медицинская помощь населению почти полностью была распределена по «отраслевому» принципу. В равной мере действовала земская, городская, фабрично-заводская, страховая, военная и другая медицина, отделения Российского Красного Креста. Каждая из них имела свой штат, собственные больницы и амбулатории. Однако в больницах страны имелось всего 208 тыс. коек (1,3 на 1000 жителей), в 35% городов больниц вообще не существовало (6. С.37). Специализированная помощь находилась только в стадии оформления. После Февральской революции попытки Временного правительства создать единый орган здравоохранения не принесли успеха и не внесли существенных изменений в управлении делом медицины.

После прихода к власти большевиков при Военно-революционном комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 26 октября 1917 г. был организован Медико-санитарный отдел, который возглавил М. И. Барсуков (9.С.20). Отделу поручалось организация медицинской помощи рабочим и солдатам, перестройка врачебно-санитарного дела на новых началах, привлечение к работе всех врачей, сочувствующих новой власти.

Советское руководство признавало необходимость иметь в стране высший государственный центр по организации здравоохранения, но считало, что не следует начинать дело с создания Комиссариата здравоохранения. В. И. Ленин предположил сначала организовать при местных Советах медико-санитарные отделы, вовлечь в их работу широкие массы рабочих и накопить опыт в организации советской медицины и затем решить вопрос об устройстве Народного комиссариата здравоохранения (8.С.36).

5 декабря 1917 г. Военно-революционный комитет Петроградского Совета, за выполнением своих функций был упразднен. Все его отделы были переданы в различные комиссариаты, а медико-

санитарный отдел – в ведение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Однако вскоре, после роспуска Учредительного собрания и образования РСФСР, 24 января 1918 г. медико-санитарный отдел Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов был ликвидирован. Согласно декрету СНК образовывался Совет врачебных коллегий, под председательством А. Н. Винокурова (1. Л. 2). Данный совет объединил Медицинские коллегии всех Народных комиссариатов, тем самым став первым объединяющим медицинским органом в Республике. Совет врачебных коллегий являлся высшим медицинским органом Рабочего и Крестьянского Правительства того времени.

Коллегии для заведования медицинскими делами были образованы при различных ведомствах. Так, медицинские коллегии вели свою работу при главном военно-санитарном управлении, при главном врачебном управлении Комиссариата внутренних дел, были коллегии при Комиссариате народного просвещения, Путей и сообщений и, наконец, Признания (1. Л.5). Для согласования и объединения деятельности названных коллегий вскоре, как было указано выше, был образован Совет Медицинских коллегий. Вместе с тем, всегда был ряд общих медицинских вопросов, которые выходили за рамки отдельных комиссариатов и могли получать разрешение только при наличии особого государственного медицинского органа.

В постановлении I Всероссийского съезда медико-санитарных отделов Советов (июнь 1918 г.), по докладу З. П. Соловьева «О задачах и организации Народного Комиссариата здравоохранения», пункт первый гласил: «Исходя из положенного в основу строения Советской Республики единства государственной власти, следует признать необходимым создание единого центрального органа – Комиссариата здравоохранения, ведающего всем медико-санитарным делом» (15.С.17).

Отметим, что постановление Съезда представителей Медико-санитарных отделов Совдепов, вызвало неоднозначные мнения. На съезд из запланированных 700 – 800 членов явилось только 68, при этом съезд был признан правомочным. При решении вопроса о создании комиссариата положительно проголосовало всего 39 человек при 13 воздержавшихся. Членом Совета врачебных коллегий И. С. Вегером отмечается, что голосование проходило «хаотично и сумбурно», при этом вопрос о создании комиссариата не обсуждался предварительно на Совете врачебных коллегий (1. Л. 24, 24 Об.). Однако дан-

ные возражения не были приняты во внимание, постановление Съезда было передано в СНК. Уже 11 июля 1918 г. был издан декрет СНК об образовании Народного комиссариата здравоохранения, подписанный В. И. Лениным (1. Л.4).

Первые положения декрета «Об образовании НКЗ» гласили:

1. В целях объединения всего медицинского и санитарного дела РСФСР учреждается Комиссариат здравоохранения, которому поручается руководство всеми медико-санитарными учреждениями страны.

2. Народному комиссариату здравоохранения передаются все дела и средства Совета врачебных коллегий.

3. Народному комиссариату здравоохранения поручатся объединить деятельность всех медицинских управлений при всех комиссариатах и контролировать их работу впредь до полного объединения (12).

Народным комиссаром здравоохранения стал Н. А. Семашко, его первым заместителем стал З. П. Соловьев, который возглавлял отдел гражданской медицины комиссариата, на котором лежали задачи по руководству и согласованию деятельности губернских, уездных и городских медицинских отделов с общими задачами Наркомздрава в Республике. З. П. Соловьев также редактировал Известия НКЗ – специальный орган советской медицины, издаваемый комиссариатом (3. Л.3).

В Положении о комиссариате первым пунктом было указано, что орган «ведет делом охраны здоровья населения РСФСР и всеми мероприятиями, имеющими целью поднятие уровня здоровья населения и устранение условий, нарушающих здоровье или вредно влияющих на него» (2. Л.30).

Таким образом, впервые был образован единый государственный орган руководства здравоохранением, объединивший все медицинское дело в стране. Это стало важным условием для унификации и упрочнения медицинским обслуживанием населения в РСФСР, т.к. возникавшие на местах органы здравоохранения в первый период строительства советского государства принимали самые разнообразные формы по структуре, содержанию и даже наименованию. Так, в Москве возник Комиссариат здравоохранения при Совнарком Московской области. В Петрограде, после перенесения столицы в Москву, образовался Комиссариат здравоохранения при Союзе коммун Северной области. В Калуге был создан Народный комиссариат вра-

чебно-санитарного дела Совете Народных Комиссаров Калужской Федеративной Республики; в Костроме – отдел народного здоровья губернской муниципальной коллегии при Исполнительном комитете Совдепа. В некоторых местах наряду с созданными советскими органами здравоохранения продолжали существовать старые земские и городские врачебно-санитарные органы (7. С.42).

Исходя из принципов централизации управления Наркомздравов, определили единую структуру областных, губернских и уездных отделов здравоохранения и принципы управления больницами. Создавались органы Губернского и уездного здравоохранения, которые объявлялись «органами объединяющими, направляющими и руководящими всеми медико-санитарными делами в уезде, и все руководящие указания для направления своей деятельности должны были получать непосредственно от Губздравотдела. Никто из правительственных, общественных управлений и организаций не могли издавать каких-либо циркуляров или распоряжений, касающиеся врачебно-санитарного дела в уезде, открывать или организовывать лечебные учреждения, больницы и аптеки» (5. Л.23).

Все врачебно-санитарное дело в уездах, а также все больницы, аптеки, аптечные склады, приемные покои, фельдшерские и аптекарские пункты, как бывшие земские, так и заводские, фабричные, присковые переходили в ведение уездного отдела здравоохранения, образуя особый лечебный подотдел, с принадлежавшим ему имуществом, инвентарем, наличными денежными средствами и персоналом.

Директивы советских органов власти по организации здравоохранения были поддержаны врачебной общественностью. Согласно постановлению 2-го Всероссийского съезда представителей отделов здравоохранения и Комиссаров здравоохранения федеративных республик по организации отделов здравоохранения было отмечено, что основное начало советской медицины – полное объединение всего врачебно-санитарного дела. Отделы здравоохранения признавались организующими звеньями всего медицинского дела в регионе. Штат и структура здравоотделов устанавливалась НКЗ. В губернских городах с населением до 200 тыс. жителей Горздравотделы присоединялись к штатам уездных отделов, если же выше 200 тыс., то к штатам губернских отделов здравоохранения. При исполкомах мелких административных единиц (районных и волостных) отделы здравоохранения не образовывались.

Здравоотделам предоставлялось право видоизменять штаты в зависимости от местных условий и потребностей, не выходя, однако, за пределы отпускаемых НКЗ финансовых лимитов. Во главе здравоотдела стоял заведующий, избираемый Исполкомом местного совета. Заведующий отвечал за всю работу Отдела перед Исполкомом и соответствующим отделом вышестоящего Исполнительного Комитета и Наркомздрава. Народному комиссариату принадлежало право отвода намеченных или назначенных местными властями лиц. Во главе подотделов стояли заведующие, кандидатуры которых выдвигались заведующими здравотделов и утверждаемые отделом и органами РКП (б). Отделы здравоохранения руководствовались в своей деятельности только постановлениями, инструкциями, циркулярами и указаниями НКЗ. Губернские отделы здравоохранения руководили и контролировали деятельность уездздравотделов, инструктировали их по различным вопросам, заведовали снабжением и финансированием. Последние руководствовались указаниями Губздравотделов и обязаны были выполнять их предписания (4. Л.7 – 8).

С организацией советских органов здравоохранения медицинская помощь во всех подведомственных Губздравотделу и Уездздравотделу лечебных заведениях начала оказываться бесплатно, в том числе сельскому населению. Производился бесплатный отпуск лекарств и других аптечных припасов.

Организационные изменения коснулись и управления советскими больницами. Контроль над деятельностью медицинских учреждений начала осуществлять администрация в составе двух лиц: врача-заведующего и заведующего хозяйством. Все существовавшие до того времени больничные или врачебные советы при больницах теперь стали осуществлять только совещательную функцию. Администрация больницы самостоятельно устанавливала правила внутреннего распорядка в учреждении, нанимала и увольняла медицинских работников, вырабатывала нормы больничного обеспечения, как для больных, так и для всех служащих (5. Л. 23).

Таким образом, советское здравоохранение, в отличие от дореволюционного, создавалась как централизованная система, возглавляемая единым государственным органом – НКЗ, который объединил все медицинское дело, что стало особенно важно в условиях Гражданской войны. Разруха, переход к политике «военного коммунизма», продрозверстка, требовали «огосударствливания» всей отрасли, жесткой централизации управления. В дальнейшем, не смотря на изме-

нившиеся условия, директивные методы советского руководства в организации деятельности медицинских учреждений во многом сохранились и являлись одной из главных особенностей здравоохранения в советский период истории.

Источники:

1. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 1. Д. 497.
3. ГАРФ. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 39.
4. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 2. Д. 40.
5. ГАСО. Ф. Р-737. Оп. 2. Д. 4.

Литература:

6. 50 лет советского здравоохранения. 1917 – 1967. М., 1967.
7. Виноградов Н. А. организация здравоохранения в СССР. М., 1962.
8. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36.
9. Министры здравоохранения. Очерки истории здравоохранения в России в XX веке. М, 1999.
10. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1864 г. // ПСЗ–II. Т. 39. № 40457, 40458. СПб., 1867.
11. Пристанкова Н.И. Организация земской медицины в Российской империи в XIX веке // Известия РГПУ им. А.И.Герцена. 2006. № 23.
12. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. 15 февраля 1918 г. № 20.
13. Устав врачебный // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 13. Тетр. 3.
14. Устав врачебный // Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 13.
15. Хрестоматия по истории медицины / под ред. П. Е. Заблудовского. М.: Медицина, 1966.

УДК94(985).08416.7213(985)

ББК Д890(2694)+ТЗ(2)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

М.В. Попов, И.Л. Бахтина

Екатеринбург

**СВЕРДЛОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ –
I РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ
УЧИТЕЛЬСКИХ КАДРОВ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: педагогическое образование, учительство, педагогический техникум, Свердловск, финансирование образования, социальное регулирование состава учащихся, состав преподавателей, учебные планы.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется деятельность Свердловского педагогического техникума в период, когда Свердловск стал столицей Уральской области, а это среднее заведение являлось главным центром подготовки педагогических кадров в городе. Анализируется материальная база педтехникума, количественный и качественный состав учащихся, структура учебных подразделений. Дается характеристика преподавательского состава и администрации образовательного учреждения. Подробно изучаются учебные планы и их реализация. Все это позволило выявить как общие традиции отечественного педагогического образования (в первую очередь дореволюционного), а также отличия и черты педобразования, присущие советскому периоду в 1920-е гг.

M.V. Popov, I.L. Bakhtina

Yekaterinburg

**SVERDLOVSK PEDAGOGICAL COLLEGE - I REGIONAL
CENTRE FOR TEACHER TRAINING IN THE MID-1920 S.**

KEYWORDS: teacher education, teaching, teachers' training school, Sverdlovsk, funding for education, social regulation of the contents of students, teaching staff, curricula.

ABSTRACT. The article examines the activities of the Sverdlovsk Pedagogical School in the period when the Sverdlovsk became the capital of the Ural region, and the average institution was the main teacher training center in the city. We analyze the material pedtechnikuma base-tion of quantitative and qualitative composition of students, academic departments structure. The characteristic of the faculty and administration of the educational institution. Studied in detail the curriculum and their implementation. All this is revealed as the common traditions of

national pedagogical education (especially pre-revolutionary), as well as the differences and features of pedobrazovaniya inherent in the Soviet period in the 1920s.

Система регионального педагогического образования начала складываться в Екатеринбурге еще в дореволюционный период, хотя город был всего лишь уездным центром в составе Пермской губернии. В эту систему накануне 1917 г. входили: учительский институт, педагогические классы в женских гимназиях, женское епархиальное училище, курсы подготовки и переподготовки. В первые годы советской власти большевики попытались создать в Екатеринбурге высшее педагогическое учебное заведение, имеющее общеуральский характер: в 1918 г. таким образовательным учреждением должна была стать Уральская высшая педагогическая школа (УВПШ), вначале 1920-х гг. – педагогический институт (факультет) при Уральском государственном университете (УГУ).

Однако, из-за гражданской войны, послевоенной хозяйственной разрухи и голода планам этим не суждено было осуществиться (11). В то же время в 1919 г. Екатеринбург приобрел статус губернского города, и необходимость создания здесь учебного заведения для подготовки педагогических кадров для общеобразовательных школ и дошкольных учреждений губернии стала насущной задачей. Таким учебным заведением стал педагогический техникум, который партийно-советское руководство в середине 1920-х гг. попыталось превратить в региональный центр педагогического образования.

Формы подготовки учителей и дошкольных работников в XX – начале XXI века претерпели определенные изменения, однако и сегодня педагогические техникума (колледжи) продолжают участвовать в подготовке персонала начальных школ и детских садов. Поэтому изучение истории этих средних профессиональных педагогических учебных заведений является актуальным для выявления исторических традиций (в первую очередь дореволюционных) и анализа новаций советского периода.

Екатеринбургский педагогический техникум начал свою деятельность в 1922 г. Свердловским он стал после образования осенью 1923 г. Уральской области, объединившей территории современных Свердловской, Курганской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, а также отдельных районов Удмуртии и Омской области и переименования Екатеринбурга в Свердловск в 1924 г. К это-

му времени в столице Урала действовало уже два педтехникума – Свердловский русский, в котором училось 177 учащихся и Свердловский татаро-башкирский с контингентом обучаемых в 126 чел (5. Л.32). Это было больше, чем количество обучающихся в подобного рода учебных заведениях любого уральского города. Даже в Перми в педтехникума обучалось 287 учащихся (5. Л.32).

Партийно-советской руководство стремилось сделать столицу области центром подготовки педагогических кадров. Главным учреждением должен был стать созданный осенью 1924 г. Уральский областной объединенный педтехникум в составе трех отделений: русского педагогического, татаро-башкирского педагогического и землеустроительного. Весной 1925 г. здесь обучалось 390 человек, из них 295 готовились как будущие учителя (5. Л. 82). В 1924 г. Свердловский педтехникум, который ранее располагался на ул. Механиков, 9, переехал в бывшее здание Первой екатеринбургской женской гимназии (ул. Карла Либкнехта, 9).

Серьезно было расширено финансирование этого учебного заведения. При этом в 1924/25 уч.г. из государственного бюджета объединенный политехникум получил 12,7 тыс. руб., а из местного – 13,7 тыс. Главной статьёй расходов, выделенных из госбюджета средств, было финансирование зарплаты преподавателей и стипендий учащихся – 9,2 тыс. руб. (5. Л. 82). Это позволило расширить расходование средств из местного бюджета на приобретение инвентаря и оборудования кабинетов в новом учебном корпусе техникума. В 1924/25 уч.г. здесь функционировали: библиотека, кабинет химии, кабинет тюркских языков, кабинет литературы, сельскохозяйственный кабинет, столярно-показательная мастерская (5. Л. 87). Общеуральский характер Уральского педагогического политехникума подтверждает тот факт, что выпускники 1924/25 уч.г. распределялись на работу в качестве учителей в различные округа и регионы области: из 36 человек, окончившие оба отделения (русское и башкиро-татарское) – лишь 20 выпускников стали работать в Свердловском округе (3. Л. 15).

Для того, чтобы пройти обучение в педтехникуме, поступающие в него должны были иметь относительно высокий для того времени уровень общеобразовательной подготовки. Подавляющее большинство обучавшихся до поступления закончили школы повышенного типа. В 1924 г. в Свердловском русском педтехникуме из 105 выпускниками школ II ступени было 42 обучавшихся, 25 окончили школу-

семилетку, двое прошли обучение на рабочем факультете (3. Л. 32). В 1925 г. из 105 учащихся школы II ступени окончил 65 человек, а школы-семилетки – 35. У остальных было незаконченное среднее образование (3. Л. 32). На татаро-башкирском отделении среди зачисленных в 1925/26 уч.г. шестнадцати человек, половина имела образование в объеме школ повышенного типа (семилетки и школы II ступени) (1. Л. 13).

Следует отметить такую особенность государственной политики в сфере образования в изучаемый период, как проведение «классовой линии» в приеме в учебные заведения, в том числе техникумы. Прием проводился в соответствии с разрядками, спускаемыми партийно-советскими чиновниками. Так согласно правилам приема в Свердловский педтехникум, набор учащихся осуществлялся по рекомендации областного и окружных комитетов РКП(б) и РЛКСМ, профессиональных союзов, областного и окружных отделов народного образования. При этом чиновники руководствовались классовым принципом: на учебу в первую очередь посылали детей рабочих и крестьян, затрудняя поступление выходцам из других социальных слоев. Приоритет отдавался детям трудового крестьянства. За каждый округ Уральской области в соответствии с квотой было четко закреплено определенное количество мест для абитуриентов (2 Л. 20). При поступлении в техникум сдавались вступительные экзамены по математике, русскому языку, обществознанию и естествознанию.

Поскольку количество присылаемых из округов по разрядкам для обучения в два раза превышало количество мест, в техникуме проводился своего рода «конкурсный отбор». При этом в значительном числе случаев не выдерживали конкурсных испытаний, что приводило к невыполнению планов специального отбора. Так, партийно-советские органы в 1925 г. требовали предоставить детям крестьян 60% мест в техникуме, однако в реальности из 60 человек, составивших новый набор в Свердловский педтехникум, лишь 12 были выходцами из крестьянских семей, 23 происходили из служащих, 22 из рабочих и ремесленников, двое были детьми священников, один происходил из семьи торговцев (2. Л. 39).

Во избежание обвинений в политической беспринципности, руководство Свердловского педтехникума потребовало от успешно сдавших экзамены детей служителей культа в качестве условия зачисления представить справку о том, что они порвали всякие отношения с родителями (2. Л. 39). В реальной действительности в боль-

шинстве случаев для этого было достаточно опубликовать в местной газет заявление детей священников о прекращении своих родственных связей.

Другим методом «социального регулирования» состава принятых для обучения в Свердловском педтехникуме было зачисление приемной комиссией в учебной заведение выходцев из рабочих и крестьян даже в случаев получения ими на вступительных экзаменах неудовлетворительных оценок. В результате осенью 1926 г. из 40 человек приступивших к обучению на первом курсе в Свердловском русском педтехникуме лишь восемь успешно сдали вступительные экзаменационные испытания (6. Л. 6). Это позволило добиться того, чтобы по социальному положению 75% первокурсников являлись рабочими и крестьянами, а выходцами из служащих, кустарей и ремесленников были 24,5 % учащихся (6. Л. 6).

К началу 1925/26 уч.г. Уральский объединенный политехникум прекратил свою деятельность и до ноября 1926 г. Свердловский педагогический техникум функционировал как единое учебное заведение в составе русского и татаро-башкирского педтехникумов. Татаро-башкирское подразделение учебного заведения, готовящего педагогические кадры, как и раньше состояло из одного школьного отделения. Что касается русского педтехникума, то с 1925/26 уч.г. на базе третьего курса школьного отделения в порядке специализации были созданы два новых отделения – дошкольное и политпросвета. В этом году в русском педтехникуме обучалось 186 чел., в том числе на первом курсе школьного отделения – 35, на втором курсе школьного отделения – 32, на третьем курсе школьного отделения – 35, на дошкольном отделении – 21 человек. Выпускной, четвертый курс состоял из одного школьного отделения, на котором обучался 31 человек (3. Л. 2). В 1926/27 уч.г. на четырех курсах школьного отделения училось 136 человек, на третьем-четвертом курсах отделения политпросвета 40 учащихся, а на дошкольном отделении 39 учеников (6. Л.51).

Главным источником финансирования в 1925/26 и в 1926/27 уч.г. оставался государственный бюджет. В 1925/26 уч.г. из госбюджета Свердловский педтехникум получил 52% средств, а из городского – 40%. Остальные деньги составляли помощь государственных и общественных организаций (3. Л. 41. Подсчитано авторами). Основной контингент обучавшихся составляли женщины: в 1925/26 уч.г. на русском отделении их было 73%, на татаро-башкирском – 83%. Учились, как правило, молодые девушки и юноши от 15 до 25

лет. В 1925 г. из 60 зачисленных в Свердловский педтехникум 41 человек был в возрасте 15-18 лет и только 19 человек были старше (18-25 лет) (2. Л.39).

Обучение в данном среднем учебном заведении было бесплатным. Более того, большинство учащихся получало стипендию из средств государственного и местного бюджетов. В 1925/26 уч.г. в Свердловском русском педтехникуме из 186 учащихся 138 получали стипендии: 67 стипендий финансировались местным бюджетом по 10 руб. и 71 стипендия – госбюджетом по 8 руб. в месяц. Если учесть, что по сведениям профсоюза работников просвещения, в 1924 г. заработная плата школьных работников, находившихся на содержании окружных местных бюджетов, составляла в среднем 20 руб. 8 коп., в сельскохозяйственных округах Уральской области – 14-17 руб. (4. Л. 193, 214), то следует отметить, что стипендия была серьезным подспорьем для учившихся в педагогическом учебном заведении. В 1926/27 уч.г. в Свердловском русском педтехникуме из 215 учащихся стипендии получало 180 человек (6. Л. 52).

Учащиеся педтехникума могли бесплатно пользоваться библиотекой, общее количество книг в которой в 1925 г. составляло 11871 том, из них книг по педагогике 3060. Читальный зал в указанном году в среднем посещало 30 человек за день (3. Л. 22).

Из обучавшихся в 1925/26 уч.г. 100 человек проживало в общежитиях. Правда, материалы обследования техникума, проведенного в этот период, свидетельствуют о крайней неустроенности быта учащихся, проявлявшейся в переполненности комнат, отсутствии достаточного количества инвентаря, неудовлетворительном питании (3. Л.3). В ходатайстве руководства педтехникума в Наркомпрос РСФСР весной 1927 г. констатируется: «В настоящее время в общежитии ютятся 157 учащихся в крайней тесноте, спят на полу, в подвальных помещениях, на учащегося приходится не более 3-х кв.м.2 (6. Л.50).

Педагоги Свердловского педтехникума отличались высокой квалификацией. В 1925/26 уч.г. в Свердловском русском педтехникуме трудилось 28 преподавателей (они же преподавали на татаро-башкирском отделении). Из них высшее и незаконченное высшее образование было у 20 человек, среднее – у семи, домашнее – у одного (3. Л.2). Большинство имело дореволюционный стаж и получило образование в университетах страны. Преподаватель физики Л.А. Завьялов окончил Дерптский университет, преподаватель русского языка

ка и литературы Т.И. Козлова – Казанский университет, преподаватель истории А.А. Ладгин прошел обучение в Петербургском университете и т.д. (З. Л.26). Девятнадцать преподавателей работало в техникуме по совместительству, главным образом совмещая свою работу с преподаванием в Уральском политехническом институте (УПИ) [З. Л. 2]. При средней недельной нагрузке в 36 часов преподаватель в середине 1920-х гг. получал относительно прилично вознаграждение за свой труд - в среднем педагогам выплачивалось 50-60 руб. в месяц из госбюджета (З. Л.22). Это была значительная сумма по сравнению с зарплатой учителей общеобразовательных школ, сообщавшейся ранее. Оплата труда преподавателей техникума была выше, чем средняя номинальная зарплата промышленных рабочих Урала, составлявшая в 1927-28 хозяйственном году 51 руб. 53 коп. (9).

Возглавлял Свердловский педтехникум с момента его открытия вплоть до второй половины 1920-х гг. Дмитрий Алексеевич Киселев. Выпускник учительской семинарии Д.А. Киселев в 1922 г. имел уже двадцатипятилетний стаж преподавательской работы. С 1911 г. он работал преподавателем в Екатеринбургской торговой школе, активно занимался политической деятельностью: избирался гласным в Екатеринбургскую городскую думу от Российской социал-демократической рабочей партии. За активную революционную пропаганду среди учительства будущий директор педтехникума подвергался репрессиям со стороны царского правительства. В 1918 г. Д.А. Киселев занимал пост комиссара по народному просвещению в Екатеринбургском совете рабочих и солдатских депутатов.

Заведующим учебной частью Свердловского педтехникума в середине 1920-х гг. был выпускник учительского института, имевший двадцатилетний стаж школьной работы Дмитрий Васильевич Засухин (З. Л.26). Партийная ячейка Свердловского техникума в 1925/26 уч.г. состояла всего из трех преподавателей и трех учащихся (З. Л.2). Однако, мнение коммунистов было решающим при рассмотрении наиболее важных вопросов. Значительной была комсомольская прослойка, среди учащихся – в 1926/27 уч.г. она достигала в Свердловском педтехникуме 64% (6. Л.52). Это было больше, чем в это же время в среднем по всем 16 педтехникумам Уральской области - комсомольцами было 55% обучающихся в средних педагогических учебных заведениях региона (8. №2. С 108. Подсчитано авторами).

Большие изменения произошли в 1920-х гг. в работе учебных заведений, в том числе педагогических. Отказ от преподавания Закона

Божьего органы советской власти дополняли усилением политической направленности обучения. Особая роль в политическом воспитании обучавшихся в техникуме отводилась обществознанию. Образование призвано было сформировать у учащихся революционное мировоззрение и материалистическое понимание законов общественного развития. Переосмысление исторического прошлого осуществлялось с точки зрения классового подхода, на второй план отводились общечеловеческие ценности, делался упор на интернационализм и воинствующий атеизм; национальное самосознание и патриотизм рассматривались как атрибуты прошлого, не соответствующие революционной идеологии.

В первые годы существования Екатеринбургского педтехникума программы по обществознанию и общеобразовательным дисциплинам составлялись педагогическими коллективами данного учебного заведения применительно к программам второго концентрера общеобразовательных школ II ступени. Ситуация стала меняться в 1923 г., когда были опубликованы программы Государственного ученого совета (ГУСа). С одной стороны, в их основу был положен принцип связи школы с жизнью, требовавший ориентироваться на современность, уделять первостепенное внимание вопросам общественных отношений, с другой стороны, отрицался предметный принцип изложения учебного материала, заменявшийся комплексным (материал располагался по комплексным темам – «Природа», «Труд», «Общество»). Преподавание должно было строиться с отталкиванием не от формы, а от содержания: причем предметы подлежали частичному или полному упразднению.

Начиная с середины 1920-х гг. в Свердловском педтехникуме в основу учебных планов по главным дисциплинам был положен учебный план Государственного ученого совета (ГУСа). В 1925/26 уч.г. здесь из 254 годовых учебных часов 60 часов (23,6%) было выделено на предметный цикл по изучению общества, 80 (31,5%) – на цикл по изучению природы, 114 часов (44,9%) отводилось на изучение трудовой деятельности (З. Л. 20).

Цикл по изучению общества включал следующие дисциплины: обществоведение, политэкономия, история РКП(б), экономическая география Урала и СССР, родной язык и литературы, обследование района. Цикл наук по изучению природы состоял из таких дисциплин как, сельскохозяйственной естествознание, биология и теория эволюции, математика, рефлексология, химия в связи с минералогией, фи-

зика на индустриальном материале, педология. Цикл наук по изучению трудовой деятельности требовал освоения теории воспитания и обучения, методики работы в школах I ступени, в дошкольных учреждениях и учреждениях политпросвещения (в зависимости от отделения техникума); в рамках этого цикла преподавались пение, рисование, ручной труд, проводились занятия физкультурой. Кроме того, предусматривалось прохождение педагогической практики в школах, дошкольных учреждениях и учреждениях политпросвещения (3. Л.20). С 1925/26 уч.г. в Свердловском педтехникуме было введено факультативное изучение немецкого языка (3. Л.14).

В середине 1920-х гг. в техникуме в основу работы учащихся положили лабораторную систему, суть которой состояла в следующем: обучающиеся разбивались на звенья (примерно по 6 человек), которые по заданиям преподавателей самостоятельно изучали рекомендованную литературу. После этого под руководством педагогов проводились заключительные конференции, на которых подводились итоги, выставлялись отметки (3. Л.4).

В целях специализации подготовки учителей в середине 1920-х гг. педагогические учебные заведения были разделены на индустриально-педагогические и аграрно-педагогические. В Уральской области индустриальный уклон появился у Нижнетагильского, Пермского и Златоустовского техникумов, остальные, а также педагогический факультет Пермского университета, стали аграрными. Только Свердловский педтехникум готовил кадры по обоим направлениям. Опыт работы Свердловского педтехникума по данному уклону был представлен на II Уральской областной конференции по педагогическому образованию (1925 г.) как передовой (10. С.111). Подобная специализация педагогических техникумов оказалась неоправданной и в дальнейшем от нее пришлось отказаться (12. С.71).

В ноябре 1926 г. Свердловский педтехникум был разделен на два самостоятельно существующих учебных заведения: русский педтехникум и татаро-башкирский (6. Л.16). Однако, в 1926/27 уч.г. педагогические учебные заведения Свердловска еще сохраняли за собой общерегиональный характер. Из обучавшихся в этом году в Свердловском русском педтехникуме 215 учащихся 136 были из Свердловского округа, остальные в разном количестве до поступления в это учебное заведение проживали в большинстве других округов Уральской области. Например, в Нижнетагильском – 33 человека, в Шадринском – 14, Пермском – 5 и т.д. Не было учившихся в техникуме

лишь из Тюменского, Верхнее-Камского и Кунгурского округов (6. Л.55).

Главным источником финансирования продолжал оставаться централизованный госбюджет, роль которого даже значительно возросла. В 1926/27 уч.г. от Наркомпроса РСФСР поступило на содержание Свердловского русского педтехникума 47610 руб., а из средств местного бюджета 9987 руб. (6. Л. 97). Ситуация изменяется в 1927/28 уч.г., когда содержание всех средних педагогических учебных заведений страны было переведено с государственного на местное финансирование (8. №1. С. 57).

Во второй половине 1920-х гг. на страницах периодической печати, в выступлениях на педагогических совещаниях, в том числе в Свердловске, неоднократно раздавалась критика в адрес комплексного построения программ и бригадно-лабораторных методов обучения. Так, на II Уральском областном съезде по народному образованию в январе 1928 г. в выступлении учителей четко прослеживается общая позиция большинства: «... программа ГУСа вещь прекрасная, но абсолютно не вяжется с логикой учебных дисциплин» (7 С. 14). Характерно, что в начале 1927 г. Д.А. Киселев уходит с поста директора Свердловского педтехникума и на его место назначается И.Л. Лурье (6. Л.29). Кардинальное изменение способа финансирования средних профессиональных педагогических учебных заведений, отказ от комплексного подхода к методам обучения и бригадно-лабораторной системы преподавания, уход с поста директора большевика-педагога с дореволюционным стажем означало, что во второй половине 1920-х гг. начинается новый этап в истории Свердловского педагогического техникума.

Таким образом, в 1920-е гг. педагогический техникум был главным учреждением в системе педагогического образования в Свердловске. В середине 1920-х гг. с образованием Уральской области партийно-советское руководство сделало попытку превратить Свердловский педтехникум в региональный центр подготовки учительских кадров.

Хотя техникум и не стал таким центром, именно в середине 1920-х гг. он сложился как образовательное учреждение, в деятельности которого продолжали сохраняться дореволюционные традиции педагогического образования. Финансирование учебного заведения как из государственного, так и местного бюджетов, повышенные требования к уровню общеобразовательной подготовки поступающих с

обязательной сдачей вступительных экзаменов, наличие в учебных планах большого количества часов для предметов, знакомящих учащихся с проблемами педагогики и методики преподавания различных дисциплин, обязательное прохождение будущими учителями педагогической практики в общеобразовательных школах, материальная помощь со стороны государства и общественности учащимся из малообеспеченных слоев населения.

В то же время педтехникум отличали и черты, присущие советскому периоду: совместное обучение юношей и девушек, классовый подход к набору учащихся, построение учебных планов на основе программ Государственного ученого совета, «комплексный» принцип изложения учебного материала, отказ от такого направления в воспитательной работе как патриотическое воспитание.

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области (далее ГАС). Ф. – Р. 86. Оп. 1. Д. 29.
2. ГАСО. Ф. – Р. 86. Оп. 1. Д. 30.
3. ГАСО. Ф. – Р. 86. Оп. 1. Д. 31.
4. ГАСО. Ф. – Р. 233. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАСО. Ф. – Р. 233. Оп. 1. Д. 175.
6. ГАСО. Ф. – Р. 233. Оп. 1. Д. 637.
7. Материалы II Уральского областного съезда по народному образованию. Свердловск, 1928.
8. Просвещение на Урале. 1927.
9. Уральский рабочий. 1929. 27 марта.
10. Уральский учитель. 1925. №6.

Литература:

11. Игошев Б.М., Попов М.В., Елисафенко М.К., Суворов М.В. История развития педагогического образования в Екатеринбурге-Свердловске (1871 – 1930). Екатеринбург, 2013.
12. Чуфаров В.Т. деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920 – 1937 гг.). Свердловск, 1970.

С.В. Потрашков

Харьков, Украина

**УКРАИНИЗАЦИЯ 34 АРМЕЙСКОГО КОРПУСА В 1917 Г.:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ
И ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, русская армия, Февральская революция 1917 г., 34 армейский корпус, украинизация.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена украинизации 34 армейского корпуса русской армии в 1917 г. Опираясь на архивные документы и мемуары, автор доказывает что, вопреки утверждениям украинских историков, попытка украинизировать крупное войсковое соединение была изначально обречена на неудачу.

S. Potrashkov

Kharkov, Ukraine

**UKRAINIZATION OF 34 ARMY CORPS IN 1917:
HISTORIOGRAPHICAL MYTH AND HISTORICAL FACTS**

KEY WORDS: The First world war, the Russian army, the February 1917 Revolution, 34 Army Corps, ukrainization.

ABSTRACT. The article is devoted to the ukrainianization of 34 Army Corps of the Russian army in 1917. Relying upon archival documents and memoirs, the author proves that, contrary to Ukrainian historians, attempt to ukrainize a large army formation was originally doomed to failure from the beginning.

Февральская революция 1917 г. внесла в жизнь российской армии, впрочем как и всей страны, новшества, о которых прежде никто даже не задумывался. К их числу относятся массовое создание в некогда монолитной армии многочисленных национальных частей. В Российской императорской армии в разное время существовали национальные подразделения из сербов, греков, представителей кавказских народов, но все они носили иррегулярный характер и являлись временными. С началом мировой войны были сформированы Чешская дружина, Сербская дивизия, латышские и армянские батальоны.

Эти формирования носили добровольческий характер и не были многочисленными.

Ситуация изменилась после Февральской революции, когда в многонациональной России активизировались организации, ставившие целью создание воинских частей по этническому признаку, как будущей опоры в борьбе за суверенитет. Заигрывая с национальными силами, а также в условиях, когда революционная армия все больше теряла боеспособность, Временное правительство дало согласие на количественное и численное увеличение национальных частей. Так, чехословаки развернулись в корпус, латышские и армянские батальоны превратились в полки, бригады и дивизии. Началось формирование польских корпусов и т.д. По меткому замечанию российского историка О.Р. Айрапетова: «Фактически создание национальных частей было попыткой противопоставить национально и социально деструктивные силы друг другу» (1.С. 248).

Украинцы, большая часть которых проживала в Российской империи, а меньшая – в Австро-Венгрии, в годы первой мировой войны оказались друг против друга по обе стороны фронта. По данным канадского историка О. Субтельного в русской армии насчитывалось 3, 5 млн. солдат-украинцев, в австрийской их было 250 тыс. (2.С. 419). К концу войны императорско-королевская армия имела 24 пехотных полка с количеством украинцев от 17 до 79 %, 8 стрелковых – от 47 до 73 %, 2 гонведных – до 10 %, 5 полевых стрелковых батальонов – от 47 до 70 %, 15 штурмовых батальонов – 14 – 53 %, 9 кавалерийских полков – 26-80 %, 20 артиллерийских полков и дивизионов – 20-69 %, 5 саперных и обозных частей – 30 – 58 % (3.С. 14 – 16). Наибольшую известность получил легион Украинских Сичевых Стрельцов, созданный по инициативе «Головной Украинской рады» – объединения галицийских политических партий. Дав, из политических соображений, позволение на образование воинской части из украинских добровольцев, австрийские власти, тем не менее, всячески ограничивали масштабы этой инициативы и пресекали любые попытки подчеркнуть национальный характер легиона. Так, из 28 тыс. добровольцев, было отобрано всего 2500 чел., которые принесли присягу на верность Австрии и образовали Украинский легион (4.С. 36 – 37). Почти необученные, скверно обмундированные и вооруженные устаревшими однозарядными винтовками Верндля, украинские добровольцы уже в сентябре 1914 г. были брошены на фронт. До конца войны Сичевые Стрельцы прошли большой боевой путь ознамено-

ванный как победами, так и поражениями. Весной 1916 г. легион УСС был реформирован в полк двухбатальонного состава. Дважды – в сентябре 1916 г. и в июле 1917 – легион почти полностью уничтожался русскими войсками, но благодаря притоку пополнений возродился снова.

В русской армии отдельных украинских формирований не было. Их создание началось только после февральской революции. Национальное движение, охватившее Украину в 1917 г., отозвалось и в многочисленных солдатах-украинцах. Создавая собственные комитеты и клубы, устраивая митинги и манифестации, они требовали объединения в отдельные украинские части и возвращения в Украину. Так возникла идея «украинизации» отдельных частей и соединений русской армии. Она нашла поддержку в решениях трех Украинских военных съездов в мае-ноябре 1917 г. (1.С. 428).

Нельзя не согласиться с мнением А.И. Деникина, который писал: «Единственные мотивы национализации заключались тогда в стремлении политических верхов возникавших новообразований создать реальную опору для своих домогательств и чувство самосохранения, побуждавшее военный элемент искать в новых и длительных формированиях временного или постоянного освобождения от боевых операций» (5.С. 383).

Временное правительство и военное командование вначале отнеслись отрицательно к идее разделения армии по признакам национальности. Но со временем, под давлением «снизу», а также надеясь, что создаваемые национальные части выйдут из-под влияния советов и комитетов, избегут увлечений демократизации и станут здоровым ядром для укрепления фронта и армии, отдельные военачальники пошли на уступки. Первый украинский полк имени Б. Хмельницкого возник в мае 1917 г. в Киеве с согласия командующего Юго-Западным фронтом А.А. Брусилова. В июне новый командующий фронтом генерал А.Е. Гутор предложил П.П. Скоропадскому украинизировать его 34-й армейский корпус. Идею поддержал и сменивший Гутора Л.Г. Корнилов. Так возник I Украинский корпус (6. С.57 – 64).

Украинские историки рассматривают украинизацию частей и соединений русской армии, в том числе и 34 корпуса, как первый шаг на пути создания собственно украинских вооруженных сил и важный элемент утверждения государственности. Поэтому оценивают этот процесс излишне позитивно, как правило игнорируя весь комплекс

сопутствовавших ему явлений, что не дает объективной картины происходившего (7, 8, 9).

Вопреки утверждениям современных украинских историков, создание корпуса шло непросто. Число солдат-украинцев в дивизиях не превышало $\frac{1}{4}$ и для полной украинизации требовалась значительная перемена личного состава (10. Л. 21). Сам Скоропадский, давая согласие на руководство украинизацией корпуса, выражал опасение как бы ему не досталась в качестве пополнения «всякая шваль (дезертиры и т. п.), которые, прикрываясь всякими вывесками, думают лишь о том, как бы им не попасть под огонь противника – немца» (10.Л. 21). Его опасения во многом оправдались. «Во-первых, через некоторое время явились пополнения совершенно другого состава, все больше политиканы на социалистической подкладке. Затем недостаток украинских офицеров сразу дал себя почувствовать. Мне все присылали с пополнениями одних лишь прапорщиков, очень остро национально настроенных, но не имеющих никакого понятия о военных делах. В частях сразу же пошла рознь между новыми украинскими офицерами и старыми, главным образом, великорусским элементом» (6. С. 71).

Оценку своего командира подтверждает Василий Кочубей – старший адъютант штаба корпуса: «Многие очень дельные люди среди офицеров и старого кадрового состава, великороссы по происхождению, не захотели делаться «украинцами» и покинули нас. ... Из прибывающих на пополнение свободных должностей украинцев были, к сожалению, главным образом неудачники, и во всяком случае хороших офицеров, ... к нам не поступало. То же было и с нижними чинами. Русские выбывали массами, ссылаясь конечно на то, что они – не украинцы. Эти же последние поступали в корпус очень вяло, предпочитая под предлогом украинизации просто уехать домой. Таким образом корпус таял с недели на неделю» (11. С.6).

«Цель украинизации широкой солдатской массе была непонятна. – Констатировал уполномоченный армейского комитета при 34 корпусе. – Мне не известен ни один случай, когда бы кем-либо из украинцев выражалась радость или удовольствие по поводу назначенной украинизации их полков». Отмечая факты неповиновения и угроз со стороны солдат-украинцев в адрес русских офицеров, «узконационалистической агитации против всего великорусского... Временного правительства и демократических войсковых организаций», он предлагал в августе 1917 г. комитету «безотлагательно ходатайт-

воват о немедленном прекращении украинизации 34 а.к. могущей окончиться катастрофой» (10. Л.21 – 23).

К внутренним неурядицам прибавились проблемы со снабжением корпуса необходимым: «целые батальоны разгуливали в лохмотьях вместо штанов» (6. С.73). И противодействие со стороны Главнокомандующего Юго-Западным фронтом А.И. Деникина и его начальника штаба С.Л. Маркова – противников украинизации.

П. Скоропадский, признавая факты подрыва дисциплины и порядка в корпусе, тем не менее, выражал надежду, «что, если украинизация будет доведена до конца... то боеспособность 34 а.к. отнюдь не понизится, а наоборот получится вполне сплоченная дисциплинированная боевая единица» (10. Л. 46). Однако действительность опровергала оптимистичные прогнозы командира корпуса: сплоченной и дисциплинированной боевой части способной к решительным действиям из корпуса явно не получалось. «Главковерх приказал выяснить, почему подготовка корпуса может быть охарактеризована лишь как соответствующая к занятию корпусом окопов и почему четыре месяца стояния корпуса в резерве в районе учебного лагеря мирного времени не дали его комкору подготовить корпус более полно и прочно к боевой работе» – грозно вопрошал комкора штаб XI армии (10.Л. 99). Зато крайняя политизация корпуса была налицо. П. Скоропадский признавал, что «большинство офицеров и солдат всецело преданы Украинской Центральной Раде, а затем уже Временному правительству и Совету Рабочих и Солдатских Депутатов... Я не однократно получал ответы, что в случае столкновения между Советом Рабочих и Солдатских Депутатов и Центральной Радой, они всецело станут на сторону последней» (10.Л. 49).

После октября коего переворота и провозглашения III Универсала усилилось вмешательство в дела корпуса Центральной Рады и лично Секретаря по военным делам С. Петлюры. Рада рассматривала корпус как собственную военную силу и через своих эмиссаров убеждала солдат не идти на фронт, а двинуться на Киев. Дело доходило до того, что Петлюра через голову Скоропадского, отдавал приказы частям корпуса. Как вспоминал последний, «этот период командования корпусом был для меня сплошным кошмаром» (6. С. 89). Единственной боевой операцией корпуса в это время стало разоружение разложившихся частей II Гвардейского корпуса в окрестностях Киева. Конфликт Скоропадского с Петлюрой развивался, и он с конца ноября неоднократно ставил вопрос о своей отставке: «В виду целого ряда

мер предпринятых генеральным секретарем по военным делам, клонящихся к подорванию престижа высшего командования состава корпуса и приведших к распаду созданного I Украинского корпуса... Я решительно прошу освободить меня от командования корпусом» (10. Л. 136). Отставка последовала 29 декабря 1917 г. Корпус, превращенный Центральной Радой в полицейскую силу окончательно распался и в январе 1918 г. перестал существовать.

Корпус Скоропадского был не единственной украинизированной частью русской армии. С дозволения командования были украинизированы четыре корпуса – 48 полков с артиллерией и вспомогательными частями (8. С. 369).

Многие части украинизировались стихийно и самочинно, отделяясь от русских частей. Все эти части вскоре исчезли, разложившись, как и украинизированные корпуса и дивизии. «Все эти полки, – вспоминал украинский генерал В. Петров, – которые возникли революционно, а им нет ни имени, ни числа, были только случайным собранием людей которое разлагалось немедленно, коснувшись украинской территории их лозунгом было – «домой» (8. С.375). Краткую и бесславную историю украинских частей в русской армии можно подытожить словами А.И. Деникина: «Надежды оптимистов, с одной стороны, и страхи левых кругов, с другой, что национализация создаст прочные части (по терминологии слева –контрреволюционные) быстро рассеялась. Новые украинские войска носили в себе все те же элементы разложения, что и кадровые» (5. С. 386).

Литература:

1. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917): 1917 год. Распад. М. 2015.
2. Субтельний О. Історія України. Вид.3. Київ.1993.
3. Шаньковський Л. Де були українські полки австрійської армії при кінці світової війни // Літопис Червоної Калини. Ч. 6 – 7. 1939.
4. Монолатій І. Українські легіонери: формування та бойовий шлях Українських Січових Стрільців, 1914 – 1918 рр. Київ. 2008.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. Репр. изд. М. 1991.
6. Скоропадський Павло. Спогади. Кінець 1917 – грудень 1918 рр. Київ, Філадельфія. 1995.
7. Кравцевич В., Улянич В. Україна: військо 1914 – 1920 // Народна Армія. 15 червня 1992.

8. Крип'якевич І., Гнатевич Б., Стефанів З. та ін. Історія українського війська (від княжих часів до 20-х років ХХ ст.). 4-те вид. Львів. 1992.
9. Тинченко Я. Новітні Запорожці. Війська Центральної Ради, березень 1917 – квітень 1918. Київ. 2010.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2986.
11. Кочубей В. Генерал Павел Петрович Скоропадский. Из личных воспоминаний // Военная быль. Париж. 1969. № 96.

УДК 947

ББК 45121

ГСНТИ 94(47).084.9 Код ВАК 07.00.02

В.М. Пряхин

Екатеринбург

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ:
РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА ПО ПОВОДУ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мировая эволюция, историческая память, моделирование исторических процессов, исторический миф, политический миф
АННОТАЦИЯ. В статье речь идет о месте Великой Русской революции в образовательном процессе средней и высшей школы. Подчеркивается актуальность соответствующего содержания такого образования и необходимость системного подхода к изучению истории. Рассматриваются условия, исключающие мифологизацию исторических событий.

V.M. Pryakhin

Yekaterinburg

**GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN MODERN
EDUCATION: THOUGHTS OF THE HISTORIAN
IN CONNECTION WITH**

KEY WORDS: world evolution, historical memory, modeling of historical processes, historical myth, political myth.

ABSTRACT. The article examines a place of the Great Russian revolution in the educational process of secondary and higher school. The author emphasizes the relevance of the corresponding content of such education and the need for systematic approach to the study of history. The article considers the conditions that exclude the demythologization of historical events.

Нам были близки и привычны слова о том, что Великая Октябрьская социалистическая революция является главным событием XX века, коренным образом изменившим мир. Об этом событии написаны сотни книг, исследовано все, что хотя бы малейшим образом связано с революцией 1917 года в России, в разных странах на разных языках появились публикации на эту животрепещущую тему (6. С. 106-141). Великое множество публикаций и исследований посвящено педагогическим, дидактическим вопросам изучения Великой Октябрьской революции в средней и высшей школе как в России, так и за рубежом (5). Дидактика, как известно, отвечает на главные вопросы:

- 1) Какие существуют цели обучения?
- 2) Чему учить?
- 3) Как учить, то есть какие способы и приемы применять?

Очень важно здесь подчеркнуть содержание образования по теме «Октябрьская революция в России», и мы готовы к разговору о ней с представителями современного молодого поколения. Что касается содержания, мы допускаем разные интерпретации событий, кроме откровенных издевок и неуместной иронии. Приводим пример, на наш взгляд, достойного конспективного изложения биографических данных вождей революции по теории «трех вождей» в немецкоязычных исследованиях:

Владимир Ильич Ленин (В.И. Ульянов)

- 22.4.1870 в Симбирске (сегодня Ульяновск) – 21.1.1924

- из семьи инспектора (директора) народных училищ

- изучал право (в возрасте 21 года экзамен на звание адвоката)

- разработал теорию революции (ее мозг)

- руководил из Финляндии, позднее из нелегальной квартиры в Петрограде

Иосиф Виссарионович Сталин (И.В. Джугашвили)

- 21.12.1879 (под Тифлисом) – 5.3.1953

- из семьи бывшего крепостного сапожника

- с 1905 большевик

- организатор и стратег революции

- скрупулезный тактик

- входил в руководство

- отвечал за охрану Ленина

Лев Троцкий (Лев Давидович Бронштейн)

- 7.11.1879 (юг России) – 21.8.1940

- из семьи еврейского землевладельца
- с 1903 меньшевик / позднее большевик
- член Центрального комитета
- организатор Красной Армии
- личный враг Сталина
- руководитель троцкистского подполья (5).

Ничего «забавного» по мнению серьезных исследователей в истории революции не наблюдается, власть «товарища» Керенского несмотря на его «помощь» *Владимиру Ульянову, Лейбе Бронштейну и Якову Свердлову* закончилась бегством.

В связи с наступающим 100-летием российской революции публикации, посвященные этому событию, заполнили издания периодической печати, всемирные сети, серьезные теоретические издания. По глубине теоретического анализа и освещения, характеру обобщений, выводов и оценок, сделанных авторами публикаций, наиболее серьезного внимания заслуживают, по нашему искреннему убеждению, не современные публикации, а беседа доктора исторических наук, заведующего сектором Идеологического отдела ЦК КПСС В.Е. Мельниченко с академиком АН СССР П.В. Волобуевым и членом-корреспондентом АН СССР Ю.А. Поляковым, которая, как нам представляется, не потеряла своей актуальности. Участники беседы пришли к заключению, что «Октябрьская революция была исторической необходимостью, а не трагической случайностью, что выбор в пользу социализма был единственно возможным, верным для нашей страны» (3). Ю.А. Поляков даже предложил современную формулу революции: «... российский Октябрь не положил ... начало мировой революции, но он, как и французский 1789 год, в значительной степени способствовал мировой эволюции». П.В. Волобуев выделил главный итог революции. По его мнению, «народные массы пришли в движение во всем мире».

Вывод о том, что «без этой революции, без ее идеалов, без ее сражений, щедро оплаченных кровью защитников и врагов, мир был бы другим, ... менее человечным и социально перспективным», как нельзя лучше вписывается не только в канву бережно хранимой исторической памяти, но и отвечает конечным целям и задачам теории воспитания современной педагогики. «Подвиг, равно как революционный романтизм и страсть, фантазию и иллюзии, присущие поколению творцов революции, недопустимо предать забвению». Эти слова

должны отражать кредо нынешних воспитателей подрастающего поколения.

Диссонансом такому теоретическому в своей основе и научному по сути полилогу звучит, на наш взгляд, интервью, которое дал агентству Синьхуа Китайской Народной Республики Председатель ЦК КПРФ Г.А. Зюганов (2). Интервью озаглавлено интригующе: Великая Октябрьская социалистическая революция – поворотный пункт в развитии человечества. И далее – та же идеологическая трескотня, которой сыты по горло продолжающие жить в современной России советские люди. Избитые идеологические речевые штампы и клише, которыми изобилвала газета «Правда» в разные годы своего выхода в свет. Себя и своих однопартийцев Геннадий Андреевич без тени сомнения называет коммунистами, абстрактные «прогрессивные силы планеты», существующие, видимо, только в его воображении, Г.А. Зюганов видит среди тех, кто будет отмечать столетие революции. Абсолютно ничем не подкрепленные выводы, антиисторические оценки. Рамки данной работы не дают возможности подробно остановиться на всех высказываниях Г.А. Зюганова. Ясно одно: безапелляционные суждения на уровне «хозяина» области (советского 1-го секретаря обкома КПСС), непререкаемый тон говорят об отсутствии какой-либо положительной тенденции современного российского «коммунистического» движения.

В соответствии со всеми педагогическими, дидактическими (в том числе содержательными), теоретическими, историческими принципами образовательного процесса беседу с участием профессоров, докторов исторических наук мы позволим себе отнести к материалам, годным для изучения на занятиях по обществоведческим дисциплинам в школе и высшем учебном заведении. А интервью Г.А. Зюганова можем использовать с вашего позволения, дорогие коллеги, только как пример пропагандистского «шума из ничего». Системный подход к изучению исторических процессов и метод научного моделирования в исторических исследованиях позволяют историку не только отойти от сложившихся стереотипов изучения и описания истории (и революций тоже), но и использовать этот богатейший «банк данных» для формирования научных моделей развития общественных процессов независимо от произвола и желания отдельных политиков и власти в целом.

В связи с этим укажем еще на один аспект формирования официальной исторической точки зрения – она очень часто превращается в

миф. Подобное стараниями «записных» историков произошло с Октябрьской революцией. Миф о том, что Октябрьскую революцию 1917 года совершили большевики, стал, по существу, официальной исторической точкой зрения. Системный подход к изучению истории, метод научного моделирования исключают мифологизацию исторических событий.

Исследование и изучение исторических мифов превращается таким образом в важную дидактическую задачу: мифы служат обоснованием и осуществлением политических притязаний и целей (4). Само понятие мифа с течением времени значительно девальвировалось употребляется часто как антоним к слову «реальность». Для западной исследовательской традиции и историографии характерно многообразие методических подходов, объема и качества исторических исследований, посвященных отдельным политическим мифам. Такого серьезного и глубокого содержания исследования исторических мифов в отечественной историографии мы не можем отметить. В целом мы можем констатировать отсутствие глубокого, фундаментального научного анализа и теоретических обобщений в данном научном направлении. Однако с уверенностью можно сказать, что коллективная историческая память и само историческое событие являются необходимыми факторами для исторического исследования мифа, так как оно естественно выходит за рамки чисто содержательного описания мифа. Они не только задают импульс, но и формируют методическую основу, с помощью которой можно ответить на вопросы о выразительных средствах, формах предъявления и функциях политических мифов. Кроме того, исследование и изучение исторических мифов должно способствовать сравнению политических мифов и созданию теории, составной частью которой является необходимость интенсивного, сравнительного исторического диалога.

Мы понимаем политический миф как рассказ о событиях прошлого, который придает этим событиям особое значение для настоящего и таким образом поднимает авторитет власть имущих определенного сообщества. Таким образом, он представляет собой селективную и застывшую интерпретацию прошлого, передавая события прошлого не в соответствии с фактами, а создавая мифическое, то есть нереальное прочтение действительности: определенные исторические аспекты чересчур утрируются, другим напротив уделяется незначительное внимание. Таким образом, политический миф следует понимать как «галерею героев» и «выставку успехов» соответствующую

шего сообщества. Политические мифы как стереотипные, закрепившиеся в истории картины подчеркивают то в коллективной исторической памяти, что соответствующее общество или соответствующая культура считают необходимым для своего существования. Они в конечном итоге есть объяснение и толкование исторических событий и закрепление основных ценностей, идей и способов поведения отдельных групп людей. Наконец, политический миф базируется на искусственном, выдуманном воспоминании, так как слишком сильно идеализирует прошлое. И в угоду религиозному восприятию инсценирует вечную борьбу между добром и злом или основательное отличие порочного от непорочного, преступного от разрешенного законом и т.д. Миф в современном обществе всегда является формой действительности, выгодно представленной рационалистами, читайте заказчиками мифа.

С точки зрения семантической структуры миф выступает продвигаемым продуктом, поскольку он всегда позволяет наметить новые перспективы своего толкования. Это имеет особенное значение для изменившихся общественных отношений, в которых существенно меняется его функция. Политический миф отсюда – изменчивый продукт политических воззрений определенной исторической эпохи, рассматриваемый как идеологически выдержанный рассказ, способный правдиво оценить прошлое, настоящее или предсказать политические события, и признанный годным определенной социальной группой людей.

Поскольку миф расплетает сложные события и превращает их в череду обыкновенных происшествий, ему присуща благодаря его смыслообразующему повествованию функция социально-политической ориентации. Он отличается поэтому утрированным, вызывающим сочувствие изображением событий, которое демонстрирует как мгновенно воспринятое целое ценности, цели и желания социальной группы, и выплавляет из этого числа людей исторически действующие страты. Следовательно, политический миф – главное средство общения и мобилизации масс. Производная от этого символическая политика, которая положена в основу сюжета мифа политическими фигурами, является иже важной сферой действия, потому что способствует жизни и организации общества.

Великие мифы. Таковым, по мнению многих исследователей, предстает миф о Великой русской революции. Мы предоставляем читателю право по предложенному нами алгоритму рассмотреть этот

исторический миф, его выразительные средства, формы предъявления, основные функции, связь мифа о Великой русской революции с ее ритуалами и символами, также его связь с мифами о В.И. Ленине и И.В. Сталине. Исторический миф о Ленине складывался в конкретных, специфических и идеологических условиях, с последующими нюансами, обусловленными ходом истории. Вождь мирового пролетариата, гений Октября, учитель и вождь рабочего класса, поставивший себя всего без остатка на службу рабочего класса, пожертвовавший собой ради него. Ленин стал символом нового, коммунистического мира. После смерти Ленина в соответствии с риторикой культа вождя должны были продолжать жить частица Ленина, его дух и его имя, и воплощаться в единстве рабочих и крестьян.

Несколько слов нужно сказать о задачах исследования и изучения исторических мифов. Для того чтобы научить анализировать исторические мифы и уметь оценивать их как таковые, следует придать существенное значение вопросу их введения, который конечно же является труднейшим с точки зрения дидактики. До сих пор не выработан собственный методический инструментарий введения политических мифов так, чтобы можно было удостовериться в их воздействии. Двухуровневое введение может быть дидактически оправдано: 1. Поскольку мифы откладываются в культурной (исторической) памяти, целесообразно с помощью теоретических текстов подготовить сообщение о действенности мифов. Кроме того, в контексте освоения введения мифов рекомендуется привлечь для их предъявления фильмы, искусство плаката либо материалы учебников и учебных пособий.

2. Постоянное применение мифов составляет признак их воздействия. Следовательно, можно рассмотреть и историю мифа. Если они постоянно всплывают на историческом горизонте, изменяются в порядке «работы над мифом», чтобы быть понятными для современников, то это означает, что у своих покровителей они превращаются во внутреннее убеждение, а те, для кого они предназначены, как правило это народные массы, все еще к ним восприимчивы. «Живучесть» мифов является таким образом самым ярким доказательством их воздействия. Другим явлением, органически связанным с мифом, мы будем считать антимифы, то есть «очернение» событий, очень часто «очернение» известной личности. И это как раз доказательство того, что миф укореняется в обществе, а не вписывается в видение истории сочинителей антимифов.

Таким образом, основная задача исследования и изучения исторических мифов состоит в описании содержания отдельных мифов и истории их происхождения, а также в анализе их проявлений и функций. Сюда относится также исследование с вашего позволения, дорогие коллеги, «авторов» исторических мифов и их целей, для того чтобы выявить связанные с распространением политического мифа специфические намерения.

И поскольку политические мифы мы понимаем как «демонстрацию успехов» и как «мастерские рассказы», и поскольку они затрагивают традиции и отражают историческую последовательность, то изучение исторического мифа вносит важный вклад в исследование исторического сознания и идентичности, а также в овладение идеологией и политической культурой. В целом, задачи исследования и изучения исторических мифов заключаются в выяснении того, какую роль играют мифы в формировании людских сообществ соответственно таких общественных образований, какими являются нации, как они проявляют себя, пробиваются и утверждаются в политическом сообществе.

Можно привести сколько угодно примеров исторических мифов, как доморожденных, так и изобретенных за рубежом. Великой Октябрьской социалистической революции в этом отношении “повезло”. Революция принесла страдания разным социальным группам населения России. Многие не выжили в пучине революции. Насилие, убийства, расстрелы, совершенные пьяными большевиками – кровавый исход русского дворянства. Что происходило в 1917 году во имя коммунизма, потрясает и сегодня ... (8). Рождение мифа: это пьяное безумство вошло в историю как «Великая Октябрьская социалистическая революция». Приводятся слова советского писателя Максима Горького о том, что мы имеем дело не с революцией, а с погромом *жадности, ненависти и мести* (7). Следуют классические “нестыковки” мифа: представители аристократической российской элиты именуется большевиками «бывшие», «еще недобитые»; пьяное безумство большевиков стало причиной Гражданской войны в России, одного из величайших катаклизмов европейской истории.

Советские мифы, современные российские мифы, несть им числа...

Революцию уже почти сто лет люто ненавидят на Западе, потому что Октябрьская революция не позволила Западу истребить русский народ и Российскую державу. Не так давно рожденный миф,

вошел в число существующих стереотипных исторических мифов по поводу ... (1)

Авторский взгляд: дата эта требует своего осмысления. Подавляющее большинство историков, как это следует из изученных материалов, ратуют за современные подходы к исследованию явлений и событий. Всем нам предстоит изучать, анализировать, сопоставлять, взвешивать, исходя из принципа историзма. У нашего общества появилась уникальная возможность выработать единую общегражданскую позицию по основным этапам развития России, в том числе в понимании места и значения Великой Российской революции.

Литература:

1. Великая Октябрьская социалистическая революция — вчера, сегодня, завтра... URL: <http://ss69100.livejournal.com/3057350.html> (дата обращения 15.02.2017).
2. URL: <http://gazeta-pravda.ru/archive/issue/42-30393-21-aprelya-2016-goda/velikaya-oktyabrskaya-sotsialisticheskaya-revoljutsiya-povorotnyy-punkt-v-razvitii-chelovechestva/> (дата обращения 15.02.2017).
3. Павел Волобуев, Юрий Поляков. Октябрьская революция: главное событие XX века или трагическая ошибка? (Опубликовано в: Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? / Под ред. П.В. Волобуева. Москва: Политиздат, 1991. С. 65-85.) URL: <http://scepis.net/library/id1498.html> (дата обращения 15.02.2017).
4. URL: <https://epub.ub.uni-muenchen.de/639/1/hein-mythosforschung.pdf> (дата обращения 15.02.2017).
5. Liedke, Martin. Die Große Sozialistische Oktoberrevolution / Referat / Aufsatz / (Schule). – 11 S. URL: www.grin.com/de/e-book/104698/die-grosse-sozialistische-oktoberrevolution (дата обращения 15.02.2017).
6. Luxemburg, Rosa. Die russische Revolution / Politische Schriften. Band 3. - Europäische Verlagsanstalt: Frankfurt am Main, 1968. - Seite 106- 141.
7. www.zrd.spb.ru/smi/archive/2016/smi-01-2016.pdf (дата обращения 15.02.2017).
8. Stein, Hannes. OKTOBERREVOLUTION: Als die Bolschewisten wüeteten wie heute der IS / LITERARISCHE WELT URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article135924973/Als-die-Bolschewisten-wueteten-wie-heute-der-IS.html> (дата обращения 15.02.2017).

УДК 94(470)

ББК 751Д5564.4

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Е.Ю. Рукосуев, Г.Н. Шумкин

Екатеринбург

ВОССТАНИЕ КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ

В АЛАПАЕВСКОМ ГОРНОМ ОКРУГЕ В МАЕ 1916 Г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: горнозаводская промышленность, китайцы, Первая мировая война, конфликт, Урал.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена малоизвестному восстанию китайских рабочих на лесозаготовке в Алапаевском горном округе в мае 1916 г. Показано участие в этом конфликте полиции, рабочих и представителя подрядчика – Жен-Фу-Чена.

E. Rukosuev, G. Shumkin

Yekaterinburg

THE REVOLT OF CHINESE WORKERS

IN ALAPAYEVSK MOUNTAIN DISTRICT IN MAY 1916

KEY WORDS: mining industry, Chinese, world war I, the conflict, Ural.

ABSTRACT. The article is devoted to a little-known insurrection of Chinese workers on the forestry in Alapaevsk mountain district in may, 1916. Shows the involvement of the police, the workers and the representative of the contractor – Gen-Fu-Chen.

Первая мировая война вызвала значительные изменения в структуре населения Урала. В результате мобилизации возник дефицит рабочих рук: в деревне было мобилизовано более 40% мужчин, на горных заводах – более 20%. Особенно острой нехватка рабочих была на вспомогательных работах горнозаводской промышленности – на заготовке топлива и руды. В некоторых округах в результате мобилизации выбыло до 2/3 дроворубов и углежогов (7. С.97). Эта тяжелая физическая работа, оплачивавшаяся недостаточно хорошо, еще до войны испытывала нехватку рабочих рук. А во время войны ситуация с заготовкой древесного и каменного угля стала почти катастрофической. К 1916 г. из-за кризиса с поставками руды и топлива выплавка чугуна сократилась с 53 до 46 млн пуд., были остановлены 22 домны, 11 домен работали с неполной загрузкой (8).

Дефицит рабочих рук компенсировался мобилизацией крестьян для выполнения вспомогательных операций; привлечением к работам женщин, подростков, военнопленных и иностранцев. В некоторых горных округах доля военнопленных и иностранных рабочих превышала 40%. Появление большого числа людей из иной культурной среды нередко порождала конфликтные ситуации. Особенно частыми были конфликты, связанные с китайцами, занимавшими заметное место среди рабочих «вспомогательных операций» (каждый восьмой рабочий). Китайцы трудились в Кизеловском, Верх-Исетском, Кыштымском, Сергинско-Уфалейском, Шайтанском, Богословском, Алапаевском горных округах, округе Камского акционерного общества и на других предприятиях (6).

В основном конфликты происходили в самой среде китайцев – между массой рядовых рабочих с одной стороны и административным персоналом – старшинками, переводчиками, приказчиками, подрядчиками. Российские власти старались не принимать в них участия. Власть, как правило, вмешивалась только тогда, когда ситуация доходила до криминала (убийства, доведение до сумасшествия, массовые побег, массовые драки) или угрожала ритмичности работы предприятия.

В данном сообщении рассматривается последний крупный конфликт с участием китайских рабочих. Он произошел на лесозаготовках Алапаевского горного округа в мае 1916 г. Данная история интересна тем, что вносит некоторые коррективы в биографию героя Гражданской войны – Жен-Фу-Чена. На момент описываемых событий ему было 32 года. Согласно общепринятой историографической традиции, он был незаурядной личностью – полиглот (помимо китайского владел английским, японским, корейским и русским языками), бывший офицер китайской армии, участник революционного движения на северо-востоке Китая. В 1915 г. скрываясь от властей, он завербовался на работу в Россию на должность приказчика (12. С. 199). Однако, в описываемой истории он оказался «по другую сторону баррикад», на стороне «эксплуататоров»; более того, выступление китайских рабочих было направлено, прежде всего, против него.

Нельзя сказать, что в советское время история данного восстания была не известна. Она упоминается в воспоминаниях А. Селенгина, но подается без упоминания роли Жен-Фу-Чена. Виновниками конфликта назывались «стражники и подрядчики», которые «чувствовали себя маленькими царьками и, выжимая из рабочих последние со-

ки, зверски издевались над ними». Утверждается, что само восстание длилось три дня, в результате погибли один стражник и «десятки китайцев». «Около двухсот человек были арестованы и отправлены в Екатеринбург, в тюрьму» (5. С. 112). Обращение к источникам совершенно иную картину.

26 мая 1916 г. Алапаевском горном округе, на 45-й версте заводской железной дороги забастовали 400 китайцев-лесорубов. Причиной отказа выходить на работу послужило увольнение переводчика Ли-У-Аллина, которого Жен-Фу-Чен – доверенное лицо подрядчика Хого-Тюна, обвинил в мошенничестве и воровстве.

Получив в 2 часа дня известия о забастовке, пристав III стана Верхотурского уезда И.А. Буров в сопровождении Жен-Фу-Чена, шести стражников, вооруженных револьверами и палками, двух сторожей-китайцев и служащего завода И.Ф. Женина, которого он пригласил «поехать вместе с ним... как на пикник» (2. Л. 25), выехал на поезде к бастующим. В 8 часов вечера поезд прибыл на 45 версту, где его встретила толпа китайцев в 300-400 человек, вооруженных топорами и палками. И.А. Бурову удалось уговорить рабочих выйти на работу, пообещав во всем разобраться и вернуть им Ли-У-Аллина. «В толпе слышались возгласы: «шанго, шанго», то есть «хорошо, хорошо». Некоторые китайцы стали бросать палки и расходиться, у некоторых же Буров отобрал палки сам» (2. Л. 8).

Казалось бы, все, конфликт улажен. Но, как писал в своем рапорте прокурор Екатеринбургского окружного суда А.А. Гильков губернатору Пермской губернии М.А. Лозина-Лозинскому, «дальнейшая деятельность пристава Бунова по прекращению волнений среди китайцев представляется мало понятной с точки зрения целесообразности» (2. Л. 25). Когда Буров направился к поезду, ему показалось, что китайцы вновь начали волноваться. Жен-Фу-Чен, которой прятался от соотечественников в вагоне, расценил это волнение как намерение продолжить забастовку; он убедил Бунова в необходимости арестовать зачинщиков забастовки – пока те на свободе, китайцы на работу не выйдут. Усилив свой маленький отряд на станции Яковлевской урядником Карповым и двумя стражниками, Буров во втором часу ночи вернулся на 45 версту с потушенными огнями и без звуковых сигналов.

Стражникам под командой Карпова удалось, используя фактор внезапности, а также активно применяя нагайки, разоружить китай-

цев, мирно спавших на чердаке одной из казарм. На шум прибежали рабочие из других казарм, возмущенные тем, что власти, нарушили договоренность, достигнутую вечером. Толпа забросала железнодорожный путь шпалами и дровами. Карпов со стражниками направились к дороге, чтобы разобрать завал. Китаец Ту-Фан-Зун ударил Карпова по голове палкой, в ответ стражники начали стрелять из револьверов. Был убит рабочий Чжэнь-Чань-Сунь и ранены Ван-Вэн-Чжен, Чон-Ся-Гван, Чю-Сан-Лин и Ма-Се-Нан (первый из них в тот же день скончался). Стрельба вызвала в китайцах ярость. Охранники, быстро расстреляв свой боезапас, бросились бежать к поезду, однако скрыться от разъяренной толпы им не удалось. Карпов, стражники Кривошеин, Пятыгин, Фомин, Янко и Бровин были серьезно избиты китайцами, а стражник Ячменев тяжело ранен топором в голову (товарищи, сколько могли, сопровождали его, но обессилев он попросил оставить его в укромном месте; на следующий день его там не оказалось; труп Ячменева будет найден через две недели в 4 верстах от места происшествия). Карпов попытался отправить поезд задним ходом, но из-за завала вагоны сошли с рельс. Стражникам пришлось искать спасения в лесу, впрочем, китайцев они более не интересовали.

Толпа окружила поезд, в котором оставались машинисты, И.А. Буров и И.Ф. Женин, и потребовала выдать Жен-Фу-Чена (который, как только началось волнение, скрылся с места происшествия). Буров попытался усмирить толпу при помощи револьвера, но, быстро растрапив патроны, был сильно избит. Жизнь Бурову спас какой-то китаец-старик, который кричал избивавшим: «Не троньте капитана, если его убьете, то вас всех перестреляют» (3. Л. 109). Бурова, Женина и помощника смотрителя лесов Спасского китайцы ограбили и взяли в заложники (раненому Бурову они попытались оказать помощь, сделав, правда, только хуже – засыпали рану мукой), а затем принялись искать Жен-Фу-Чена, являвшегося виновником всего происшествия.

Такое странное решение Бурова – подавить бунт 400 человек силой семи человек, пускай даже вооруженных огнестрельным оружием, обусловлено было тем, что месяцем ранее уряднику Карпову удалось прекратить волнения китайцев на 12 версте от станции Мугай Алапаевской железной дороги тем же методом – ночью стражники оцепили барак китайцев, затем их разоружили и выпороли нагайками, после чего волнения прекратились. Как подчеркивал прокурор А.А. Гильков, «на необходимости применять к китайцам меры физическо-

го воздействия для прекращения их волнений и отказов от работы всегда настаивал доверенный подрядчика Хого-Тюна, от которого китайцы работали, бывший офицер китайской службы Жен-Фу-Чен» (2. Л. 26).

Следует отметить, что агрессия китайцев была направлена только на представителей власти. Машинистов поезда, рабочих из числа русских и военнопленных они не трогали. Более того, китаец Цин-Зи-Я прибежал с красным флагом на лесозаготовительный участок, расположенный по Гаевской каменной дороге, что-то кричал по-китайски, видимо, призывал присоединиться к восстанию, но русские рабочие его не поняли.

Утром на 45 версту прибыли околоточный надзиратель Иванов и 17 стражников, вооруженных винтовками. Этому отряду китайцы оказывать сопротивления уже не стали. Сразу сдались около сотни китайцев, еще полторы сотни потом отловили в лесу. Всего было задержано 239 человек. Обвинения выдвинуты против 36 человек, затем их число сократилось до 31. Но дело, фактически, разваливалось еще на стадии следствия. Во-первых, полиция, вместо того, чтобы тщательно фиксировать имена китайцев и обстоятельства, при которых они были задержаны, занялась их поркой. Во-вторых, обвиняемые китайцы были опознаны свидетелями лишь как лица, которых «видели в толпе производившей насилия и что они, вооруженные топорами и палками, били ими чинов полиции в общей свалке»; определить, кто конкретно наносил удары И.А. Бурову, уряднику Карпову, стражнику Ячменеву, «повлекшие смерть последнего, установить не оказалось возможным» (2. Л. 57–59 об.). В-третьих, имелась высокая вероятность того, что на суде свидетели откажутся от своих показаний, так как для них все китайцы были «на одно лицо» (2. Л. 25–26 об.).

Пермский губернатор М.А.Лозино-Лозинский настаивал на передаче это дело в военно-полевой суд, чтобы состоялось «быстрое и строгое возмездие за дерзкое сопротивление китайцев русской власти». Боевые офицеры «бестрепетно стали бы на ту точку зрения, что все участники толпы, оказывавшей сопротивление и наносившей удары чинам полиции, ответственны в равной мере за все, учиненные этою толпою, преступления, безразлично к степени участия каждого в отдельности, а потому и подлежат все наказанию» (2. Л. 58). Однако практика Казанского окружного военно-полевого суда говорила об обратном – военный суд имел «тенденцию учитывать неправильные

действия полиции как мотив для оправдания или, по крайней мере, возможного смягчения участи обвиняемых» (2. Л. 59). Поэтому дело было направлено в Казанскую судебную палату, судебные слушания начались в октябре 1916 г. (9. С. 84).

Из этого конфликта власти вынесли несколько уроков. Пермский губернатор издал циркуляр, в котором запретил чинам полиции не только применять физическую силу в отношении китайцев, но и вообще «не допускать никакого вмешательства чинов полицейской стражи во внутренние хозяйственные отношения между китайцами-рабочими и заводской администрацией или подрядчиками». Чтобы впредь избежать «печальные последствия, как для рабочих, так и для самих чинов полиции», чиновники должны своевременно принимать меры «к выяснению законности или незаконности требований, послуживших поводом к недоразумению, и решительные меры к удовлетворению законных требований той или другой стороны» (4. Л. 86).

Верхотурский уездный исправник Рупинский, наоборот, составил инструкцию, по которой полицейские чины во время конфликтов должны были действовать предельно жестко. Во-первых, «по получении сведений о всяком хотя бы незначительном брожении среди пленных, китайцев, корейцев и персов не смотреть на это слегка и не посылать на место работ для собрания сведений урядников или стражников, а НЕМЕДЛЕННО ТОТЧАС ЖЕ (так выделено в тексте) выезжать на место ЛИЧНО, собрав с собою как можно БОЛЬШИЙ ОТРЯД СТРАЖИ». Во-вторых, «стражники должны быть вооружены ОБЯЗАТЕЛЬНО ВИНТОВКАМИ и иметь не менее 30 БОЕВЫХ ПАТРОНОВ КАЖДЫЙ». В-третьих, «на месте стражники... должны быть ВСЕ ВМЕСТЕ», так как «для отражения нападения или подавления беспорядков действия стражников скопом в общей команде будут более рациональны» (4. Л. 87-87 об.). Уроки Алапаевска, по видимому, пошли властям на пользу. В январе 1917 г. выступление китайцев, работавших на лесозаготовках в даче Надеждинского завода, закончилось мирно, без кровопролития (1. Л. 50-51).

Через семь месяцев после описываемых событий произойдет февральская революция, а еще через восемь – октябрьская. В условиях гражданской войны Жен-Фу-Чен, «бывший уполномоченный по делам китайских рабочих в Пермской и Вятской губерниях», станет членом РКП(б). В июне 1918 г. Жен-Фу-Чен соберет из не сумевших уехать на родину китайцев роту в 250 человек, на базе которой летом будет развернут батальон. Осенью три батальона китайцев будут объ-

единены в 225 Китайский интернациональный полк (крупнейшее соединение китайских интернационалистов в годы Гражданской войны) в составе 29 стрелковой дивизии. Командиром полка станет Жен-Фу-Чен. Он погнет во время оборонительных боев у станции Выя. (10. С. 88-95; 11. С. 20-24; 13. С. 317).

Источники:

1. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 593.
2. ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 159.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 940.
4. ГАСО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 301.
5. Селенгин А. Дружба, скрепленная кровью // Урал. 1958. № 2. С. 111-114.

Литература:

6. Бушмаков А.В. Китайские и корейские рабочие в Пермской губернии в годы Первой мировой войны // Интернет-конференция «Федеральная миграционная служба и миграционные процессы в регионах России: история и современность». <http://www.oks-permfms.ru/files/download/Bushmakov.doc>.
7. Дмитриев А.В. Состав и положение лесных рабочих горнозаводского Урала в годы Первой мировой войны // Социально-экономическое и правовое положение рабочих Урала в период капитализма (1861-1917 гг.). Свердловск, 1990. С. 96-113.
8. История Урала в период капитализма. М., 1990.
9. Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI вв. СПб., 2011.
10. Лаппо Д. Станицы великой дружбы. Участие китайских добровольцев на фронтах гражданской войны в Советской России (1918–1922). М., 1959.
11. Попов Н.А. Китайские пролетарии в гражданской войне в России // Китайские добровольцы в боях за Советскую власть М., 1961. С. 5-38.
12. Плотников И.Ф., Хильченко М.П. Жен-Фу-Чен // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 199.
13. Щербаков Ю. Иностранцы интернационалисты на восточном фронте (1918 г.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1967. С. 297-336.

УДК Г 329
ББК 147Т41Ю1

ГСНТИ -03.23.55

Код ВАК 07.00.02

В.П. Сапон
Нижний Новгород

**СОРМОВСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ НА СТРАЖЕ
ИНТЕРЕСОВ ТРУДЯЩИХСЯ (1916– ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, Сормово, социалисты, легальная деятельность.

АННОТАЦИЯ. В статье показано, что в условиях Первой мировой войны популярными и по-своему эффективными защитниками интересов трудовых масс выступали те социалисты, которые вели кропотливую работу вразного типа легальных организациях. Далекая от политического радикализма, но полезная для «социальных низов» каждодневная легальная работа пролетарских активистов принесла им опыт общественной деятельности и довольно широкую известность, что и позволило левым войти в революционную элиту после Февраля 1917 года.

V.P. Sapon
Nizhny Novgorod

**SORMOVSKAYA SOCIALISTS PROTECT THE INTERESTS
WORKERS (1916- FEBRUARY, 1917.)**

KEY WORDS: The First World War, Sormovo, the Socialists, legal activity.

ABSTRACT. The article shows that in the conditions of the First World War and popular in their own effective defenders of the interests of the laboring masses were those socialists who fought hard work vraznogo type of legal organizations. Far from political radicalism, but useful for "the lower classes" everyday legal work proletarian activists brought their experience of public activity and is widely known as possible to the left to enter the revolutionary elite since February 1917.

Приоритетным сюжетом для историографии истории Сормова являлась конспиративная антиправительственная деятельность большевиков и, в меньшей степени, других левых политических сил (см.: 1, 8, 13, 14). Однако в реалиях Первой мировой войны намного более популярными и по-своему эффективными защитниками интересов трудовых масс выступали те социалисты (в том числе большевики),

которые вели кропотливую работу в разного типа легальных организациях.

Благоприятную возможность для приложения своих организаторских сил и даже демонстрации оппозиционного настроения активисты левых партий получили в Больничной кассе Сормовского завода, в которой к концу войны состояло более 20 тысяч рабочих (2. 3 мая 1916 г. С. 4). Эта касса обслуживала многочисленный рабочий коллектив крупнейшего предприятия губернии, а также служила «ядром» целого ряда других общественных организаций Сормова, поскольку некоторые члены правления кассы входили также в руководство местного отделения Общества распространения народного образования, Общества трезвости Сормовского района и т.д. Такой перспективный инструмент рабочей политики не могли оставить без внимания левопартийные активисты (12. С.31–42).

Согласно официальному рапорту в адрес нижегородского губернатора (апрель 1916 г.), «с самого начала учреждения Сормовской больничной кассы уполномоченными от рабочих всегда избирались лица с довольно ярким политическим прошлым, все они, тотчас же по учреждении больничной кассы, стали проводить политическую программу СДРП, правда, в первое время осторожно, за последнее же время очень энергично и уже не так осторожно» (5. Л. 56).

Рабочие активисты, заправлявшие делами самого крупного страхового общества рабочих Нижегородской губернии, могли себе позволить определенные «акции неповиновения» и в легальной сфере деятельности. Когда однажды по поручению уездного начальника полицейский пристав затребовал сведения об уполномоченных и служащих Больничной кассы, он получил отказ. Когда сам уездный начальник попытался получить указанный список, то «от ответов членов Правления веяло грубостью и озорством» (5. Л.56 об.). Руководители кассы, в свою очередь, направили жалобу на имя нижегородского губернатора и отстаивали свое право на относительный суверенитет (5. Л.54–55). Вице-губернатор, не скрывая досады, написал в адрес уездного начальника: «в интересах конспиративного наблюдения за деятельностью лиц, состоящих участниками Сормовской больничной кассы, Вам надлежало изыскать более соответствующий, чем Вами принят, способ для получения всех списков служащих в означенной кассе по вольному найму, членов Правления и уполномоченных» (5. Л.58–58 об.).

Иногда в напряженном взаимодействии между рабочей страховой организацией и полицией роль ответчика переходила к последней. Например, 13 ноября 1916 г. уполномоченные Больничной кассы (присутствовало 69 человек и представители заводоуправления) заслушали внеочередное заявление председателя общего собрания И.Е. Аппака о том, что сормовская полиция настаивает на снятии с обсуждения вопроса об учреждении на заводе института старост, «так как в круг компетенции Больничных Касс, по словам полиции, таковой вопрос не входит и уставом этой кассы не предусмотрен». По предложению М.Н. Тюрина, общее собрание уполномоченных постановило обжаловать действия полицейской власти в губернском по делам страхования рабочих присутствии (7. Л.309).

Надо отдать должное «легальным» социалистам – они умело пользовались всеми законными средствами, не пасуя даже перед властями губернского уровня, чтобы отстаивать интересы и авторитет рабочих организаций. Так, 23 августа 1916 г. не в меру бдительная сормовская полиция конфисковала тираж годового отчета Больничной кассы за предыдущий год общим количеством 3671 экземпляр. Правление кассы направило жалобы губернатору и прокурору губернского окружного суда, прося «либо предать выборную часть Правления суду за составление отчета, либо принять меры к возврату его» (7. Л.310). Информация об этом инциденте была направлена также в Рабочую группу Центрального военно-промышленного комитета. 14 октября 1916 г. скандальный вопрос рассмотрело Губернское страховое присутствие, которое не нашло нарушений закона и устава в составленном отчете. Итогом дела стал победный возврат тиража отчетного документа в Больничную кассу (7. Л.310).

Сормовские рабочие активисты поддерживали контакты с общественными организациями общероссийского масштаба: с ЦВПК, с Всероссийскими Земским и Городским союзами и т.п. В начале марта 1916 г. Земгор и Всероссийское бюро труда известили Сормовскую больничную кассу о том, что 17 марта в Москве намечается созыв Совещания деятелей бюро и бирж труда и предложили прислать на это мероприятие одного представителя от сормовских рабочих организаций (6. Л.7). 22 марта 1916 г. балахнинский исправник доносил губернатору, что «делегатом на совещание Московского бюро труда Сормовской больничной кассой избран рабочий чугунолитейного цеха Сормовских заводов Куприян Осипов Норкин, социал-демократ коллективист» (6. Л.6).

Осенью 1916 г. сормовские социал-демократы поддержали и другую инициативу, исходившую из «центра». 15 ноября 1916 г. Рабочая группа ЦВПК направила в правление Сормовской больничной кассы письмо, в котором сообщалось, что по инициативе Союза городов 5–7 ноября предполагается проведение съезда представителей общественных организаций «в целях организации общественных сил для борьбы с продовольственным кризисом» (б. Л.15). Министерство внутренних дел не разрешило провести это мероприятие, так как оно совпадало с открытием сессии Государственной думы (б. Л.15). Поскольку в Москву к 5 ноября все-таки съехалось до 70 делегатов из разных городов, состоялось «продовольственное совещание», постановившее созвать съезд не позднее 20 ноября 1916 г. (б. Л.15–15 об.). Предполагалось, что в программу работы съезда войдет целый ряд важных вопросов, в том числе «общая оценка экономического состояния страны, соотношение общественных сил и их роль в разрешении продовольственного кризиса, отношение к мероприятиям власти» (б. Л.15 об.).

Представители рабочих должны были принять участие в «продовольственном съезде» наряду с представителями влиятельных буржуазных организаций (рабочие просили обеспечить им 20 % делегатских мандатов, им предоставили 60 мест (б. Л.16 об.)), тем не менее, сормовские социал-демократы – меньшевики охотно откликнулись на инициативу ЦВПК. 22 ноября правление Сормовской больничной кассы составило ходатайство на имя нижегородского губернатора, испрашивая разрешение провести 27 ноября 1916 г. собрание нижегородских больничных касс и Нижегородского губернского присутствия по делам страхования рабочих для обсуждения повестки дня съезда и выбора делегата (б. Л.14). Ходатайство было отклонено (б. Л.19, 21–21 об.). Как сообщал губернатору нижегородский полицмейстер, «собрание представителей больничных касс г. Н.-Новгорода 27 Ноября [...] не состоялось, так как прибывавшие на собрание представители по требованию чинов полиции тотчас же уходили обратно и никаких инцидентов при этом не было» (б. Л.23). Впрочем, покладистость рабочих нижегородских предприятий на деле оказалась мнимой, поскольку в отличие от Москвы в Сормове что-то вроде «продовольственного съезда» состоялось.

27 октября 1916 г. правление больничной кассы обратилось к директору Сормовского завода с письмом, в котором справедливо указывалось, что «вопрос распределения продуктов может быть разре-

шён более или менее удовлетворительно лишь соединёнными усилиями самого населения в лице его организованных слоёв», и предлагалось создать продовольственную комиссию из представителей местных рабочих и общественных организаций (2. 29 октября 1916 г. С. 3).

Вопрос получил острую актуальность в связи с тем, что до начала ноября 1916 г. сормовские рабочие могли покупать в специальной лавке по именованным талонам продукты в более-менее достаточных объемах и по ценам ниже рыночных, однако заводоуправление было вынуждено значительно сократить установленную норму (2. 6 мая 1916 г. С. 3–4; 16 ноября 1916 г. С. 3). Таким образом, не какие-то *разрушительные замыслы*, а вполне реальные угрозы, вызванные сокращением продовольственных норм, направили рабочих и служащих, как тогда говорили, «на путь общественности».

В начале ноября 1916 г. рабочие добились разрешения директора Сормовского завода С.А. Хренникова через своих уполномоченных обсудить продовольственные проблемы. Собрание в составе 60 уполномоченных от цехов продолжалось два дня, 4 и 5 ноября, при этом председателем первоначально был избран «известный своими противоправительственными действиями» М.Н. Тюрин, а секретарем – «его пособник по революционной работе» И.Т. Мочалов (11. С. 284).

В первый день делегаты действительно рассматривали вопросы продовольственного обеспечения рабочих и их семей, однако на следующий день круг обсуждаемых вопросов расширился. Директор завода заявил, что он не имеет полномочий на увеличение рабочего пайка, тогда делегаты предложили увеличить рабочим зарплату. Меньшевик И.Е. Уповалов назвал конкретную цифру – 50 %, а его товарищ по фракции С.М. Чуфыркин, подчеркнул, что «означенное требование рабочими было предъявлено в июле месяце с.г., в то время, когда была трехдневная забастовка в заводе, и так как до сих пор оно не удовлетворено, то теперь следует *настойчиво и грубо* (курсив наш. – В.С.) предъявить заводоуправлению это требование» (11. С.285). Уповалова и Чуфыркина поддержали рабочие Я.В. Кузьмичев и В.Ф. Сапелкин, также члены меньшевистской фракции Сормовской организации РСДРП.

Под дружным давлением рабочих (вполне известных властям в качестве социал-демократов) С.А. Хренников согласился на прибавку жалованья *в некоторой форме*, чем сразу же воспользовались организаторы собрания: они предложили «избрать комиссию из рабочих,

которая и выработала бы сумму прибавки согласно заработанному рублю каждого рабочего» (11. С.285–286). Большинство членов указанной комиссии, избранных уполномоченными, составили опять же известные сормовские меньшевики: И.Т. Арсентьев, М.А. Бердышев, Д.И. Замараев, Я.В. Кузьмичев, В.Ф. Сапелкин, И.Е. Уповалов, С.М. Чуфыркин (7.С. 286). (Кроме них, в комиссию вошли С.М. Кузнецов, М.Н. Малиновский и П.К. Васильев). Все члены «комиссии по разработке заработной платы рабочим Сормовского завода» характеризовались балахнинским уездным исправником как *неблагонадежные* (4. Л.348 об.) Эти же лица вошли в избранную продовольственную комиссию. Особенно пикантным было то обстоятельство, что двое из наиболее активных ораторов на указанных мероприятиях, М.Н. Тюрин и С.М. Чуфыркин, еще в начале августа 1916 г. представлялись уездным исправником к административной высылке «за преступную деятельность по предыдущим делам» и в соответствии с предписанием губернатора находились под наблюдением полиции (11. С.286).

Решения продовольственного «съезда» в Сормове стали известны всей губернии. «Нижегородский листок» подчеркнул важность предложенной рабочими инициативы, в основе которой лежит «сознание необходимости организовать свой рабочий орган, на обязанность которого возложить заботу о добывании и распределении пищевых продуктов, недостаточность которых должна выявиться при потреблении новой нормы» (2. 16 ноября 1916 г. С. 3).

Не менее энергично левые активисты действовали в других общественных организациях. В частности, *Сормовское филиальное отделение Общества распространения народного образования в Нижегородской губернии* к 1916 г. насчитывало в своих рядах 3,5 тысячи членов. Согласно компетентному мнению местного «бдительного ока», эта общественно-просветительская организация с самого начала «приняла окраску левого направления, примыкающего к партии демократов (т.е. социал-демократов.– В.С.)» (3. С.152).

В предреволюционный год позиции левых активистов здесь еще больше укрепились. Так, в 1916 г. среди *сомнительных в политическом отношении* лиц, задававших тон Сормовскому филиалу Общества распространения народного образования, перечислялись как социал-демократы (И.А. Богданов, Н.И. Быховский, Д.И. Замараев, Я.В. Кузьмичев, П.Ф. Ляпин, С.А. Степанов, С.М. Чуфыркин, Г.И. Юрлови др.), так и социалисты-революционеры (Ф.В. Букамин, А.С. Сухонин (9. С.203–205).

Достоверный источник утверждает, что «неблагонадежный элемент» на практике умело сочетал легальные и нелегальные методы массовой работы: «О[бщест]вом народного образования в течение настоящей войны нередко устраивались и устраиваются спектакли, литературно-музыкально-вокальные вечера и семейные [мероприятия], малая часть сборов с которых уделялась на помощь больным и раненым воинам, а большая на нужды О-ва и создание фонда на постройку затеянного им Народного Дома в Сормове [...] Вообще это общество тайно, постепенно и неустанно пропагандирует среди населения Сормовской местности идею социализма и по пути к возмущению и недовольству существующими порядками вещей и режимом правительства, подготавливая народ теперь к восстанию после войны. Поставив задачей устройство Народного Дома, О-во имеет прямой целью теснее объединиться со всем населением и под этою маркою задавать тон противоправительственного характера» (3. С. 152). Автор обзора выражал тревогу даже по поводу того, что по инициативе Сормовского отделения Общества народного образования «устраиваются детские площадки и при наличии этого детям прививают свои противоправительственные идеи» (3. С.153)! Правда, подробности столь изощренной пропагандистской активности в цитируемом документе не приводятся.

Яркий пример легального подвижничества социалистов разных мастей – организация общественного мнения и практических усилий в пользу создания Народного дома в Сормове. Этот дом замыслили как своеобразное культурное учреждение, которому предполагалось «в интересах большинства сормовского рабочего населения параллельно с задачами собрания воедино просветительных учреждений, и другие задачи, как то мы видим на Западе, в частности в Англии, где движение к созданию Дворцов народа, Домов рабочих возникло уже давно» (2. 19 мая 1916 г. С. 3).

18 мая 1916 г. для обсуждения финансово-хозяйственных проблем предстоящего строительства «Дома рабочих» в Сормове собрались представители различных общественных организаций, однако фактически за вывеской благотворительного собрания состоялась неформальная демонстрация сил сормовских социалистов. Среди участников собрания мы встречаем фамилии известных рабочих активистов (меньшевиков и эсеров) Черкасова, Мешкова, Стрелецкого, Замараева, Чуфыркина, Сухонина и др.(2. 19 мая 1916 г. С. 3.) Картину дополняет тот факт, что председателем и секретарем собрания едино-

гласно избрали авторитетных социал-демократов: соответственно Быховского и Ляпина.

Вдохновляемое и руководимое социалистами организационное собрание прошло по-деловому: участники обязались «немедленно приступить к широкой популяризации идеи Народного дома среди сормовского населения», провести в делегировавших их организациях собрания по вопросу финансирования строительства дома, обратиться за материальной помощью к заводууправлению и непосредственно рабочим, организовать особое «общество Народного дома». В качестве организационного инструмента решили создать комиссию из представителей заинтересованных общественных организаций, из которой со временем выделится исполнительный комитет. Предварительную работу до создания упомянутой комиссии возложили на местное отделение Общества распространения народного образования, на его же счет должны были поступить деньги от единовременного сбора среди рабочих (2. 19 мая 1916 г. С. 3). Вся эта история заинтересованно и регулярно освещалась на страницах самой популярной нижегородской газеты, прибавляя немало политических очков легальным социалистам и примкнувшим к ним либералам.

Последняя в дореволюционный период инициатива по обсуждению резонансных аспектов «рабочего вопроса», исходила от фабричного инспектора Поволжского округа «левого кадета» А.А. Микулина. 1 января 1917 г. он созвал совещание, на котором с порицанием отозвался о стремлении выборных руководителей Сормовской больничной кассы обсуждать, по примеру своих петроградских коллег, вопросы, выходящие за рамки полномочий данной страховой организации. (В частности, речь шла о желании сормовичей ввести на своем предприятии институт заводских старост.) Напомнив уполномоченным, что их касса по закону должна заниматься лечением рабочих, окружной инспектор посоветовал им... приступить к юридическому учреждению профессионального союза рабочих по металлу (2. 8 января 1917 г. С. 3).

В ответном слове представители сормовского пролетариата по форме оправдывались, а по сути, публично – поскольку содержание их выступлений стало достоянием гласности – озвучили основные принципы своей общественно-политической позиции. «В настоящее время, – заявили они, – в рабочей среде ощущается огромная потребность в самодеятельности, каковая потребность находит себе единственный выход через больничную кассу. [...] Вообще же мы считаем,

что больничные кассы – законом установленные рабочие организации, – имеют полное право обсуждать все вопросы и высказывать свое мнение по всем вопросам, подлежащим ведению больничных касс *в широком смысле этого слова* и касающимся нужд участников кассы (курсив документа. – В.С.)» (2. 8 января 1917 г. С. 3). «Рабочий вопрос», *в широком смысле этого слова*, очень скоро разрешится совсем другими методами и в значительно более грандиозных масштабах, и, как оказалось, для этого в распоряжении рабочих уже имелись вполне действенные организационные инструменты.

В целом, именно благодаря рутинной, но весьма полезной для простых рабочих, крестьян и мещан деятельности, социалисты приобретали опыт общественной деятельности и довольно широкую известность, что и позволило им занять видные места в новой вертикали власти после Февральского революционного переворота.

Источники:

1. Илларионов В.Т. Исторические этюды. Революционная хроника сормовских рабочих // Материалы по истории революционного движения. Под ред. В.Т. Илларионова. Т. 1. – Н. Новгород, 1920. С. 5–86;
2. Нижегородский листок. 1916–1917.
3. Обзор общественно-политической жизни Сормовской местности за время войны // Материалы по истории революционного движения. Под ред. В.Т. Илларионова. Т. 2. – Н. Новгород, 1921. – С. 151–154;
4. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2284.
5. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 589.
6. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 604.
7. ЦАНО. Ф. 442. Оп. 325. Д. 4073.

Литература:

8. История Красного Сормова / Науч. ред. В.П. Фадеев. – М.: Мысль, 1969. – 495 с.;
9. Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны (дофевральский период): документы и материалы / Научный редактор и составитель В.П. Сапон. – Н. Новгород, 2014. – 407 с.;
10. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.;
11. Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии (1907 – февраль 1917 гг.) [Сборник документов] / Под ред. В.П. Фадеева. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1971. – 344 с.;

12. Сапон В.П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период): Монография. – Н. Новгород: НФ УРАО, 2014. – 136 с.;

13. Сапон В.П. Политическая деятельность социалистов в Сормовской больничной кассе в годы Первой мировой войны // Человек и общество в условиях войн и революций: сборник материалов Всероссийской научной конференции (11 декабря 2014 г., Самара, СамГТУ). Вып. 1 / Отв. Ред. Е.Ю. Семенова. – Самара, 2014. – С. 103–108;

14. Фадеев В. К истории Сормовской организации большевиков в период империалистической войны 1914–1917 гг. // Ученые записки Горьковского гос. ун-та. – Горький, 1950. Вып. XVIII. – С. 77–101;

УДК94(985).08416.7213(985)

ББК Д890(2694)+Т3(2)61-2

ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

Л.В. Семенов

Дмитров

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ МЕТОДАХ ПРОВЕДЕНИЯ
СОВЕТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аграрная политика, коммунистическая идея в земледелии, газовая экспедиция ОЗРА, удушливые газы (хлор), дезинформация населения, концессии

АННОТАЦИЯ. Придя к власти, большевики взяли курс на насаждение коммунистической идеи в земледелии, привлечению мигрантов для работы в них и сдаче земель в концессии. Сопротивление населения проводимой политике жестоко подавлялось, в т.ч. методом широкомасштабной газовой войны и дезинформация населения России.

L.V. Semenenko

Dmitrov

**ON SOME METHODS OF HOLDING THE SOVIET GO
VERNMENT LAND MANAGEMENT
POLICY IN THE FIRST OF SOVIET POWER**

KEY WORDS: agrarian policy, the Communist idea of farming and gas expedition OSRA, suffocating gases (chlorine), misinformation of the population, concessions.

ABSTRACT. After coming to power, the Bolsheviks took a course on the inculcation of Communist ideas in agriculture, the attraction of migrants to work, and taking the land in concession. The resistance of the population to the policy was brutally suppressed, including the method of large-scale gas war and the misinformation of the population of Russia.

Придя к власти, большевики начали реализацию своей аграрной программы на основе внедрения коммунистической идеи в земледелии, курс на насаждение которого был взят официально после выхода левых эсеров из состава СНК (2. Ф. 19. Оп. 1. Д.77). На основании Положения о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к коммунистическому земледелию от 14 февраля 1919г. (6) предпочтение отдавалось созданию крупных советских хозяйств и коммун, основной категорией рабочих в которых зачастую становилось прошлое население: красноармейцы и завербованные за рубежом лица коммунистических взглядов.

Советское правительство берет курс на колонизацию России для «распространения коммунистической культуры земледелия» лицами, разделяющими коммунистические идеи, создавая для этой цели колонизационный аппарат. Сначала группы переселенцев обслуживаются аппаратом Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж), затем в «целях уничтожения параллелизма и освобождения колонизационного аппарата от неприсущих ему функций» – аппаратом Комиссариата земледелия (1. Ф. Р- 3333. Оп. 2. Д. 143. Л. 110), в задачи Переселенческого управления которого входило, в т.ч. изыскание колонизационного фонда, заготовка переселенческих участков, водворение и устройство переселенцев (1. Ф. Р- 3333. Оп. 2. Д. 222. Л. 99 – 101). Земельные отделы даже называются колонизационными частями (1. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 106 Л. 84).

Особое предпочтение в конце 1920 - начале 1921г.г. отдавалось формированию красных германских частей, ядро которых составляли полки им. К.Либкнехта, К.Маркса, Р.Люксембург, которые прибывали в Россию под видом русских военнопленных, возвращавшихся на Родину (2. Ф. 17. Оп. 87. Д.331.Л. 2). Контингент красных германских частей в России к концу 1920 - началу 1921г., после обмена военнопленными с Германией, не превышал 8 тыс. чел., что было признано «совершенно недостаточным», планировалось довести его до 40 тыс. чел. (2. Ф. 17. Оп. 87. Д.331. Л. 3).

Рядом нормативно-правовых актов местное население отдельных областей России в период военного коммунизма, было поставлено в весьма невыгодные условия по сравнению с прибывавшими мигрантами (7, 8), которые получили возможность принудительного использования рабочих рук и инвентаря местного населения (Декрет об обязательном социальном страховании крестьян от 22 декабря 1917 г.).

На основании этого Декрета красноармейцы получали возможность принудительного использования инвентаря, рабочего скота и рабочей силы местного населения, а так же получения семенной ссуды, выдаваемой государством из изъятого у населения по продразверстке семенного материала (8). Кроме того, к «выполнению урочных работ в хозяйствах красноармейцев, нуждавшихся в материальной помощи», в частности, в Кубанской области, должны были приговариваться члены семей дезертиров, а их имущество подлежало конфискации. При отказе от общественных работ они подлежали расстрелу (3. Л. 136)¹.

При переходе к нэпу, по мере отъезда части «пришлого» населения на Родину, принимаются меры для сдачи «пустующих земель» в концессию. Так, на основании Директивы Ленина о концессиях от 12 ноября 1920 г. к УШ съезду Советов правительству ряда областей предлагалось «выяснить возможность предоставления концессий заграничным капиталистам на Юго-Востоке России, особенно сельскохозяйственных» для обработки пустующих земель в совхозах и «вообще целинных земель» (4. Ф. 3758. Оп. 1. Д.231.Л. 1). В 1923г. Комиссией СТО было признано, что Юго-Восток особенно благоприятен для организации крупных сельскохозяйственных концессий (4. Ф. Р - 1390. Оп. 11с. Д.3.Л. 6). Пустующие, за отъездом пришлого населения, земли частично раздаются местному населению, частично, обрабатываются силами Трудовых армий. В целом проводится политика по разорению колхозов для освобождения земли под концессию. На основании Декрета от 17 ноября 1921 г. коллективы в смысле выполнения государственных налогов были приравнены к единоличным хозяйствам и на них был распространен Декрет ВЦИК и СНК от 16 марта 1921г. о кооперации. Вышедшие из коллективов на основании

¹ Декретом от 14 мая 1921г. красноармейские хозяйства лишились принудительной "помощи" местного населения, она становилась добровольной, для её оказания образовывались комитеты общественной взаимопомощи - ККО-Вы

§ 27 Нормального устава не имели права на получение внесенного при вступлении в коллектив имущества (2. Ф. 17. Оп. 1. Д.907. Л. 15 об.].

В 1924г. на Юго-Востоке, Дальнем Востоке и в Сибири было учтено всего 31 883 297 дес. земли (9. С. 53)², с той лишь разницей, что земли Сибири предназначались для населения России, сгоняемого со своей земли, а Юго-Восток - для иностранных концессий, значительную долю среди которых должны были занимать германские.

В письме Ленина к Лежаве А.И., Богданову П.А. и Молотову В.М. для членов Политбюро ЦК РКП (б) от 23 января 1922 г. говорилось «против предрассудка, который имеется в верхах ВСНХ, против концессий и нефтяных, и земледельческих и других, надо повести борьбу самую беспощадную. Важно заключить ...несколько договоров на концессии именно с немецкими фирмами» (Крупп) (8).

Проблема необходимости освобождения земель, занятых местным населением, под концессии, привели к нажиму Центра на местные власти с целью немедленного выселения всех «бывших помещиков из их бывших экономий». Нарком земледелия Смирнов потребовал от уполномоченных исполнения Циркуляра НКЗ от 31 мая 1924г. за № 370/166, по которому предусматривалось выселение всех бывших помещиков и крупных землевладельцев, как оформивших, так и не оформивших свои права на землю, причем выселение не должно было вести к государственным расходам. Освобождавшиеся земли, жилые помещения и проч. должны были быть взяты на учет отделом Государственных земельных имуществ (далее ГЗИ) и «использованы соответственно с последними директивами НКЗ». На основании Циркуляра от 18 сентября 1924г. помимо земли должно было отбираться имущество, которое входило в состав хозяйства в качестве его принадлежности, и было приобретено в период нетрудового землепользования. Постройки и сооружения, признанные собственностью пользователя подлежали сносу за его счет. Предметы домашнего обихода и продукты питания отобранию не подлежали (4. Ф. Р - 1390. Оп. 11с. Д.26. Л. 1-2].

На основании "Закона о лишении прав на землепользование и проживание бывших помещиков на принадлежавших им до револю-

² Для сравнения: территория Кубанской области, накануне революции принадлежавшая Кубанскому казачьему войску составляла 6 799 841 дес., а земельный надел станичных обществ - 5 228 811 дес.

ции хозяйства", утвержденного 20 марта 1925г., для их проживания выделялся колонизационный фонд в Сибири и Тюменском округе. Всего на учет по Северо-Кавказскому краю было взято 594 таких семьи, в том числе 141- по Кубано-Черноморскому округу. Было постановлено выселить 22 из них, оставить - 119. Фактически было выселено 12 семей, что с точки зрения целей земельной политики было совершенно недостаточно (1. Ф. А - 310. Оп. 16. Д.108. Л. 10; Л. 22 - 23]..

В ходе реализации своей аграрной политики большевикам приходилось применять разные методы борьбы с сопротивлением населения, а так же проводилась кампания по дезинформации населения.

Так, налоги собирались с применением вооруженной силы. Только на Кубани в 1921г. из 398 тыс. хозяйств, которые должны были уплатить налог, меры воздействия были применены к 4737 налогоплательщикам, ревтрибунал - по отношению к 116 (5. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 33; Д. 190 а. Л. 22 об). Осенью 1921 г. чрезвычайной тройкой экспедиционного отряда КЧЧК в окрестностях Краснодара было расстреляно 13 контрреволюционеров (27 сентября), в ст. Пластуновской - 5 чел. за невыполнение продналога «после его выполнение пошло успешно, и за 26 сентября поступило более 100 тыс. пуд.» (2. Ф. 65. Оп. 1. Д. 52. Л. 111].

Для борьбы с местным населением применялись, не известные даже местным властям, партизанские отряды, которые «вели борьбу не по всему фронту, но в некоторых местах». Ядром их становились бывшие военнопленные мировой войны, объединенные в федерации иностранных групп, руководство которыми осуществляла Центральная федерация иностранных групп (2. Ф. 549. Оп.1.Д.19 Л. 1; Д.10. Л.16; и др.).

В ведении Наркомвоена создается так же специальное ведомство – Центропленбеж, на которое возлагается, наряду с другими функциями «ведение военнопленными гражданкой войны» (1. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 5.Л. 117).

Сопrotивляющееся проведению политики население помещается в особые концлагеря, созданные для пленных гражданкой войны в ведении местных военкоматов (1. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 13. Л. 130), а так же уничтожается.

Так, в 1921 – 1922 гг. на территории России (Кубань, Сибирь, Поволжье, Туркестан, Заволжский район, Оренбургский район, Киргизия и др.) работала научно-исследовательская экспедиция отдела

защиты растений НКЗ для борьбы с вредителями сельского хозяйства с помощью удушливых газов (Газовая экспедиция ОЗРА). Официально удушливые газы применялись для борьбы с сусликами и саранчой, но фактически, как можно предположить из отчета руководителя экспедиции проф. горного института П.Я. Сольдау, велась борьба со скрывающимся в плавнях, лесах и др. местным населением (1. Ф. А-310. Оп. 16. Д. 43). При этом «с самого начала в состав экспедиции не были приглашены в достаточном количестве ботаники и зоологи, могущие отчетливо изучить влияние удушливых газов (У.С.) на флору и фауну». Зато для попутного разрешения некоторых военно-технических вопросов, касающихся газовой обороны, в частности «изучение физиологического действия различных У.С. на организмы, в особенности на теплокровных животных», экспедиции был придан отдельный Арткомитет IХ-го отдела. Наблюдения за саранчой были «случайными и спорадическими», для опытов над ней была впервые использована газовая камера. При проведении опытов использовалась концентрация газа 2 - 3%, ни разу не создававшаяся в ходе первой мировой войны, при этом противогазы давали «проскок», что приводило к отравлению руководителей и членов экспедиции. Работа экспедиции требовала громадных затрат: первоначально заявленная цена на 1 пуд жидкого хлора - 5 золотых рублей увеличилась затем до 120 р. Для снабжения ОЗРА планировалось увеличить производство хлора до 50 тыс. пудов в год (1. Ф. А-310. Оп. 16. Д. 43. Лл. 287 -291). Кроме хлора использовались и другие газы. Работа такой экспедиции на Кубани вызвала «слухи о массовых отравлениях» людей, а в связи с этим и «бабий бунт» в ст. Варениковской». Однако, несмотря на громадные затраты и недовольство населения, работа была признана IХ-м съездом Советов и III-м съездом этимологов ударной, а сами экспедиции причислены к категории ударных. В Постановлении СНК от 5 июля 1922 г. говорилось, что «пятилетняя практика применения удушливых средств по уничтожению сусликов на только оправдала надежды на газовый метод борьбы, но и успела завоевать самое широкое доверие среди населения, ввиду чего НКЗ предполагает расширить масштабы применения У.С.» (1. Ф. А-310. Оп. 16. Д. 43. Л. 285).

В письме к Сокольникову от 11 ноября 1922 г. Ленин говорит, что «нэп требует новых способов, новой жестокости кар» (8. письмо № 261).

О дезинформации широкой общественности о подобных методах борьбы с населением («суслики» и «саранча»), можно судить так же по используемой терминологии в многочисленных приказах, отчетах и докладах. Так, в докладе Пантелеева о ходе работ с вредителями сельского хозяйства от 4 сентября 1922 г. наряду со сведениями о «зачищенной» от сусликов и саранчи площади (1 800 000 десятин пашни) отмечалось: «чтобы вести истребительные работы, нужно точно знать место нахождения врага и его силу...» и далее «на местах, зараженных саранчой районам работают теперь 50 инструкторов-разведчиков, по 5 выборных в каждом селении и все сельсоветы». В Крыму для борьбы с саранчой предлагалось предпринять такие меры, как награждение премиями «за каждое найденное гнездо», в Средней Азии для борьбы с сусликами предлагалось произвести газопуск «в каждую норку суслика».

О масштабах применения методов газовой борьбы можно так же судить из данных, приводимых в докладах и отчетах. Отмечалось, например, что в 1922 г. «саранча» заняла почти всю Татарскую республику четыре уезда Саратовской и более половины Оренбургской губерний, поразив более 100 тыс. верст. Отмечено так же появление «огромной массы азиатской саранчи в Заволжье». (1. Ф. Р-1318. Оп. 13. Д. 12. Л.78-79; Д. 36. Л. 256; и др.).

Хотелось бы так же отметить, что подобная дезинформация и ложь были присущи вообще всей политике большевиков, и, в частности, так же попытках скрыть убийство семьи последнего Российского императора.

Таким образом, захватив власть, большевики взяли курс на колонизацию России для «распространения коммунистической культуры земледелия», создавая для этой цели колонизационный аппарат. Сопrotивление населения проводимой политике жестоко подавлялось, в том числе методом ширококомасштабной газовой войны и дезинформация населения России.

Источники:

1. ГАРФ.
2. РГАСПИ.
3. Государственный архив Краснодарского края. ГАКК.
4. Государственный архив Ростовской области ГАРО. Центр документации новейшей истории Краснодарского края ЦДНИКК

5. Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к коммунистическому земледелию от 14 февраля 1919г. (принято ВЦИК).

6. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917 - 1954. М., 1954.

7. Сб. материалов по вопросу о казаче -крестьянской взаимопомощи. Краснодар, 1921

8. Ленин В.И. ПСС. Т. 54. Письма № 225, 261

9. Отчет НКЗ XI -му съезду Советов за 1923 год. М., 1924. 92с.

УДК 37.013 (47) ‘17’’

ББК4403(2)5-4

ГСНТИ 03.21.31

Код ВАК 12.00.01

Е.С. Соколова

Екатеринбург

**О РОЛИ НАДКЛАССОВОЙ ТЕОРИИ Л. ШТЕЙНА
В СТАНОВЛЕНИИ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТОВ
СОВЕТСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: надклассовое государство, политический режим, Веймарская республика, государственное единство, кросс-культурное взаимодействие, советский конституционализм

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется проблема воздействия теоретико-юридической конструкции надклассового государства на советское конституционное строительство. Выявлены концептуальные особенности политико-правовых взглядов Л. фон Штейна на роль государства в организации общественного устройства, прослеживается уровень их трансформации в Веймарской конституции 1919 г. и последующая переработка в советском конституционном праве.

E.S. Sokolova

Yekaterinburg

**ON THE ROLE OF THE SUPRA-CLASSES THEORY
OF L.VON STEIN IN THE FORMATION
OF CROSS-CULTURAL ASPECTS OF SOVIET
CONSTITUTIONALISM**

KEY WORDS: supra-class state, political regime, the Weimar Republic, the state unity, cross-cultural interaction, the Soviet constitutionalism.

ABSTRACT. The article examines the impact of theoretical and legal structure of the state above classes on Soviet constitutional construction. The identified conceptual features of political and legal views of L. von Stein, the role of the state in the organization of social order, there is a level of transformation in the Weimar Constitution of 1919 and the subsequent processing in the Soviet constitutional law.

Революционный излом начала XX в. представляет собой глобальное политико-правовое и социокультурное явление, цивилизационные последствия которого, в силу их многомерности, еще не до конца изучены. В обширной историографии Великой Российской революции приоритетное значение закреплено за социально-политической проблематикой, государствоведческими исследованиями и международно-правовыми аспектами, к числу которых относятся, в частности, вопрос об экспорте революционной идеологии за пределы новой Советской России.

С теоретико-юридической точки зрения прямое или косвенное обеспечение идеологического сопровождения государственной политики есть один из основополагающих элементов механизма реализации верховной власти. Как правило, если государство обладает внешним суверенитетом и активно утверждает себя на международной арене, то его идеологическая надстройка конструируется под воздействием кросс-культурных коммуникаций и во многом определяется политической конъюнктурой, социальной динамикой исторического момента, особенностями политической системы, моделью общественного устройства, типологией стратификационных процессов и иными основополагающими факторами государственно-правового развития. В этом отношении не стала исключением и молодая республика Советов, политическая модель которой, основанная

на диктатуре пролетариата, лишь в перспективе была нацелена на построение бесклассового общества. Практика советского конституционализма, напротив, испытала институциональное воздействие германского либерализма Нового времени, развивавшегося на рубеже XIX –XX вв. под влиянием государственно-правовых взглядов Л. фон Штейна, искавшего путь к примирению социальных противоречий в усилении воздействия государства на общество.

Роль штейнианства в моделировании авторитарных политических режимов мало привлекает внимание исследователей, в фокусе внимания которых традиционно находится возможные модификации «социального государства», истоки которого принято искать в предложенной Штейном конструкции надклассовой по своей социально-политической природе организации верховной государственной власти (1. С.75 – 79). Между тем, его теоретико-юридическое наследие отличается высокой степенью «открытости» государствоведческого дискурса для взаимоисключающих государственно-правовых систем и нормотворческих практик.

В новейшей литературе, посвященной выявлению теоретических истоков современной трактовки социального государства, государствоведческие взгляды Штейна обычно рассматриваются в контексте более поздней государственно-правовой модели «всеобщего благоденствия» с ее централизованной системой регулирования экономики и дифференцированной налоговой политикой. К теории надклассового государства восходит, по мнению ряда авторов, и целеполагающая функция обеспечения каждому гражданину социальных гарантий в форме равных стартовых условий для самореализации индивида. С историко-правовой точки зрения уровень верификации этих выводов представляется бесспорным лишь отчасти в силу наличия серьезных анахронизмов. Прежде всего, теория Штейна создавалась в расчете на иную стратификацию европейского общества второй половины XIX в., что предопределило наличие в его взглядах ряда исторически обусловленных правовых нюансов.

В частности, определяющим фактором складывания социальной структуры указанного времени стало развитие промышленного капитала и формирование антагонистических (в марксистской терминологии) общественных классов, противоположность между которыми Штейн предлагал снять за счет отказа от всех правовых ограничений для низших слоев общества. Что же касается обеспечения достойных условий бытия для каждого гражданина, при помощи различных со-

циально-экономических способов, включая социально справедливое перераспределение доходов и финансирование социальных программ, то эти вопросы оказались вне поля зрения Штейна. Его исследовательский интерес находился в плоскости выявления социальных противоречий, возникших в ходе перерождения сословной структуры феодального общества в более мобильные промышленные классы. Основа их экономического развития вне сферы законодательного регулирования заключалась, по словам Штейна в «неравенстве» при распределении благ. При этом он справедливо отмечал наличие возможности для каждого лица посредством труда улучшать свое состояние и переходить из низшего класса в высший». В то же время Штейн подчеркивал ее нежизнеспособность на фоне деформации нравственного сознания в условиях господства отношений собственности и наличия неурегулированных межклассовых противоречий (5. С. 356 – 444 и далее).

Таким образом, процесс самоопределения личности, о котором в перспективе действительно ставится вопрос в теории Штейна, был поставлен в зависимость от формы организации власти в надклассовом государстве и общего направления его правовой политики. Предложенные им «рецепты» были рассчитаны на государственно-юридические реалии германского мира второй половины XIX в., подготовленные развитием традиции «просвещенного абсолютизма» немецкими просветителями предшествующего периода. В целом, рекомендации Штейна соответствовали учению Гегеля о конституционной монархии, где личная воля князя является основным гарантом публичного значения всех актов законотворчества и правительственной деятельности независимо от наличия или отсутствия народного представительства. Предложенная им трактовка политико-правового потенциала монархической власти ориентирована на объединяющее начало монархии, при помощи которого в европейской истории была преодолена социальная рознь между феодальными сословиями путем общего их подчинения государству. Преимущество монархии, позволяющее добиться ее социализации в политико-юридическом смысле, Штейн видел в независимости единоличной верховной власти от классов и других общественных сил, способных блокировать реализацию общесоциальных интересов во имя достижения социальной гармонии. По той же причине он не доверял парламентской форме правления, считая ее орудием господства высших классов, получающих легальные рычаги давления на монарха.

Возможность преодоления господства узкоклассовых и частных мотиваций на государственном уровне Штейн ставил в зависимость от состояния законности и способности верховной власти выступить в качестве ее гаранта, санкционируя при этом законы, обеспечивающие каждому субъекту свободу самореализации в рамках существующей социальной структуры и «промышленного порядка». Охранительное начало республиканского государства, основанного на народном суверенитете, Штейн изначально ставил под сомнение, подчеркивая зависимость любой республики от тех или иных слоев общества, что, в конечном итоге, влечет за собой усиление межклассовых противоречий. Таким образом, с исторической точки зрения за государствоведческой теорией Штейна, безусловно, следует сохранить приоритет в разработке этимологии понятия «социальное государство», но современный вариант его содержательной трактовки применительно к конституционным режимам Новейшего времени далек от своего первоисточника.

Штейн был далек от постулирования нормативно-правового закрепления социальных обязательств верховной власти «в виде системы прав человека и гражданина». Его модель надклассового государства в значительной степени базируется на идеале патернализма, который прочно вошел в германскую правовую культуру XIX в. под воздействием просветительской модели *Polizeistaat*. Не соответствует исторической основе штейнианства и современная исследовательская тенденция трактовки надклассового (социального) государства в качестве альтернативы правовому идеалу государственной организации. По мнению ряда авторов, правовое государство в его классической, либеральной трактовке начинало утрачивать свою популярность под натиском социалистических учений, требовавших не только радикального устранения накопившихся в гражданском обществе социально-экономических противоречий, но и устранения существовавшей в то время формы буржуазной государственности. Следует отметить, что отстаивая право и обязанность государства корректировать распределение общественных благ между гражданами неодинакового социального статуса, Штейн не противопоставлял надклассовое государство государству правовому. Из прагматических соображений, он, скорее, допускал смешение данных понятий ради установления юридического баланса между противоположными интересами высших и низших классов. Решающая роль в его государствоведческой теории отведена разумной правовой политике, способст-

вующей самоопределению всех социальных категорий граждан, от экономического и нравственного состояния которых зависит и уровень развития самого государства. Признавая, в целом, отдельно взятую саморазвивающуюся личность в качестве основы любого типа общества, Штейн все же не рассматривал ее изолированно от социума, когда речь шла о государственном правопорядке, придавая первостепенное значение принципам социальной стратификации в определении приоритетных направлений нормотворчества.

Вопрос об исторической уязвимости надклассовой теории уже поднимался в научном государствоведении. Еще Б. Н. Чичерин отмечал, что учение Штейна об обществе представляет собой «чисто логическое построение», а введенный в него эмпирический материал носит «частный» и «отрывочный» характер. Не существует в теории Штейна и убедительных критериев разграничения общества и государства, вероятно, потому, что на практике он предполагал не просто их взаимную интеграцию, а создание правовых условий для доминирования верховной государственной власти. Все это не позволяет поставить Штейна в один ряд с теми европейскими предшественниками современной теории социального государства, которые рассматривали отношения между индивидом и верховной властью через призму естественного права, предлагая его в качестве основы юридической политики. Представляется, однако, что именно это обстоятельство способствовало возникновению пристального историко-юридического интереса к надклассовой теории государства в досоветской России, где существовала мощная традиция политического патернализма при весьма скептическом отношении правительственно-юридической элиты к естественно-правовому идеалу, а с первой четверти XVIII в. началась последовательная апробация прусской модели «полицейского государства».

Влияние теории Штейна на поиск оптимальной меры воздействия государства на общество с целью обеспечения должного уровня политической стабильности в условиях частичной нивелировки классовых различий имело место и в германском конституционализме начала XX столетия. В этом отношении весьма показательны отдельные положения Веймарской конституции 1919 г. о правах и свободах личности, реализация которых предполагалась в условиях функционирования сильной президентской власти и высокого уровня патернализма в духовной сфере, системе образования и воспитания германских граждан. Основной стержень политико-правовой модели

взаимодействия государства и общества заключался здесь в нивелировке личности по национальному признаку, юридическая сущность которого заключалась в синонимичности понятий «гражданин» и «немец». Подобная трактовка гражданства была органичной для Германии начала XX в., где сохранялась политико-правовая традиция объединения национальной идеи с идеологией государственного единства, образцом которого служило федеративное устройство Священной Римской империи, но при жестком доминировании центральной власти в соответствии с конституционным образцом общегерманской монархии 1871 г. (З. Ч.2. От. I - II. Ст. 109 – 134, от. IV. Ст. 144 – 149. С. 214 – 217).

Аналогичная модель государственного патернализма, сконструированная на основе насильственной стратификации общества «сверху» присутствует и в первой советской конституции 1918 г. с ее ярко выраженными правовыми приоритетами для «трудящихся» слоев населения без гендерных различий. Тот же контент является основополагающим и для конституционного устройства СССР 1936 г., где, однако, берется в расчет многонациональный состав федеративного Советского государства. Запрет любых проявлений национальной и расовой дискриминации закрепляется здесь в качестве основного инструмента обеспечения государственного единства и одновременно становится общим идеологическим постулатом интернациональной политики СССР (2. Разд. II. Гл. V. Ст. 13 – 23; 4. Гл. X. Ст. 118 - 133).

Подводя итоги представленного сюжета, следует отметить, что последовательное внедрение в массовое правосознание идеи о решающей роли государства в достижении народного благосостояния путем консолидации общества по классовому признаку происходило на протяжении всего советского периода. Основные направления политики государственного патернализма находили последовательное отражение в руководящих партийных документах, конституционной практике, публицистике, книгоиздательстве и иных средствах массовых коммуникаций. Вопреки общепринятому мнению о «почвенном» характере советской идеологии, опосредованной спецификой социальной структуры, экономики, правосознания и международной обстановки, некоторые ее положения все же носят кросс-культурный характер, а практиковавшиеся советской политической элитой способы рецепции западных политико-правовых моделей могут стать темой специального историко-юридического исследования.

Литература:

1. Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // *Философия и общество*. Выпуск № 3(51), 2008. С. 69 – 79.
2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> дата обращения 13.02.2017.
3. Конституция Германской империи 11 августа 1919 г. // *История государства и права зарубежных стран : Сборник документов и задач / отв. ред. И. П. Никитина*. Екатеринбург: Изд. дом УрГЮА, 2007. Т. 2. С. 204 – 219.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ дата обращения 14.02.2017.
5. Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874. 578 с.

УДК94(985).08416.7213(985)

ББК Д890(2694)+ТЗ(2)61-2

ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

П.А. Сперанский

Екатеринбург

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, эволюция, модернизация, культура, атеизм, образование, наука, искусство, идеология.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется процесс культурных преобразований, осуществленных в России после революции 1917 года. Доказывается, что культурная революция была важнейшей составляющей модернизационного процесса на основе которого был осуществлен переход от аграрного общества к индустриальному. Делается вывод, что несмотря на определенные издержки, связанные с реализацией сталинской модели модернизации, были достигнуты выдающиеся успехи в области образования, науки, литературы и искусства.

P.A. Speranskiy

Yekaterinburg

**REVOLUTION AND CULTURAL MODERNIZATION
IN RUSSIA: PROBLEMS OF COOPERATION**

KEY WORDS: revolution, evolution, modernization, culture, atheism, education, science, art, ideology.

ABSTRACT. The paper analyzes process of cultural changes, which took place in Russia after revolution of 1917. The paper also proves that Cultural Revolution was the most important component of modernization process. This process became basis for transition from agrarian society to industrial society. The paper concludes that despite certain costs, associated with implementation of Stalin's model of modernization, the Soviet Union had achieved outstanding success in the field of education, science, literature and art.

Модернизационная парадигма осмысления исторического процесса, основы которой были сформированы в поле западной методологии истории в 1950 – 1960-х гг. на основе эволюционизма и структурного функционализма, представляет собой одно из наиболее точных и научно-обоснованных объяснений тех сложных политических, экономических и социокультурных трансформаций, которые пережил российский социум на разных этапах своей истории (5. С. 58, 59). Так, согласно основным положениям теории модернизации, Россия окончательно осуществила модернизационный переход от аграрного (традиционного) к индустриальному (современному) обществу к середине XX века, пройдя определенные этапы эволюционной модернизации в имперский период, и достигла своего апогея в постреволюционное время (3. С. 8; 4).

Модернизация, как правило, осуществляется двумя основными путями: эволюционным и революционным. Эволюция чаще всего генерирует реформы, которые представляют собой «направленное, радикальное, фронтальное, всеохватывающее переустройство, предполагающее изменение порядка функционирования социальных институтов, переход их в принципиально иные фазовые состояния (2. С. 222). Революция же представляет собой «... коренной, фронтальный тип трансформации, предполагающий смену форм социальности в результате кризиса» (2. С. 223).

В России в 1917 году элита традиционного общества не выдержав напора революции, вместе с рухнувшим самодержавием, уступи-

ла свое место большевистскому режиму (6. С. 30). События революции 1917 года стали важнейшим катализатором русской модернизации, поэтому очень важно проследить противоречивое взаимодействие этих процессов в самых разнообразных сферах жизнедеятельности России.

Рассматривая феномен революции 1917 г. и те последствия, которые она за собой принесла, с позиций модернизационной парадигмы, мы можем отчетливо увидеть тот факт, что перед новым руководством молодого советского государства встал весьма сложный вопрос: как осуществить быстрый революционный переход от традиционного аграрного общества к индустриальному, преодолев медленную эволюционную стадию, заложенную еще в имперский период реформами Петра I, Александра II и П.А. Столыпина?

Первые шаги советского государства были направлены на создание базы для модернизационных преобразований, которые должны были осуществляться под политическим лозунгом «построения социализма» (7. С. 219). В конце 1920-х гг., закрепившись у власти, большевики перешли к полномасштабной модернизации страны, объявив «великий перелом» в социалистическом строительстве.

Осуществляя модернизацию под лозунгом реализации социалистической перспективы, большевики сумели поставить страну на индустриальные рельсы и направить ее на путь перехода от аграрного к индустриальному обществу. Несомненно, сталинская модель модернизации, реализовавшаяся насильственными методами, стала еще одним испытанием для страдающей после невзгод революции и гражданской войны страны. Однако быстро преодолеть отсталость от основных конкурентов из капиталистического лагеря, давно вступивших в эпоху модерна, без революционной ломки институциональных устоев и менталитета традиционного общества было абсолютно невозможно.

Наряду с модернизацией в области экономики, призванной придать ускорение процессам трансформации страны из аграрной в индустриальную и обеспечить ее независимость в технологическом отношении от иностранных государств, важнейшим аспектом советских преобразований стала модернизация в области духовной сферы. В этом процессе, получившем название «культурная революция»³, ус-

³Термин «культурная революция» был введен в оборот В.И. Лениным в 1923 г. в работе «О кооперации» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369 – 377).

пешно реализовывались государственные программы по ликвидации безграмотности и подготовке индустриальных кадров. Была организована обширная сеть учебных заведений высшего и среднего специального образования, а также научно-исследовательских институтов. Молодое советское государство вступило в эпоху урбанизации, роста трудовой и политической активности населения, повышения его благосостояния. Это был принципиально иной, революционный характер модернизации по сравнению с имперским эволюционным этапом.

Однако сталинская модернизация, отметившаяся глубинными социокультурными преобразованиями, сопровождалась процессами самоизоляции от европейских ценностей и носила излишне ангажированный и идеологизированный характер. Формируя «новый тип культуры», большевистское государство стремилось увеличить долю выходцев из пролетарских слоев в социальном составе интеллигенции, стремилось взрастить человека новой общественно-экономической формации, нацеленного только на достижения благ для советского общества и государства.

Следуя мнению сложившемуся в современной историографии отметим, что хронологически культурная модернизация была реализована за годы первых пятилеток (8). Изменение общественного мировоззрения была начата сразу же вскоре после октябрьских событий 1917 года. 23 января 1918 года был выпущен декрет об отделении церкви от государства. Образование в стране обрело светский характер, запрещалось преподавание богословия, древнегреческого языка и других предметов, так или иначе связанных с религией. Была развёрнута атеистическая пропаганда, началась череда гонений на служителей церкви, а в религиозно-культурных сооружениях устраивались клубы, склады, производства. Параллельно с этим начался процесс формирования новой системы воззрений у советских граждан на принципах марксистско-ленинской идеологии. Для реализации новой культурной программы создается сеть органов партийно-государственного управления культурной жизнью общества.

Важнейшим направлением культурной революции стала борьба с безграмотностью, так как подавляющая часть населения страны (около 60 %) была лишена возможности читать и писать. По призыву Коммунистической партии, сотни тысяч людей включились в развер-

нутое по всей стране массовое движение «Грамотный, обучи неграмотного!». С 1930/31 учебного года, согласно решениям партии, стало осуществляться всеобщее бесплатное обучение в объеме 4-летней начальной школы. В промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках вводилось обязательное 7-летнее обучение для детей, имеющих начальное образование.

Во время культурной модернизации были созданы национальные алфавиты для народностей Крайнего Севера, Дагестана, киргизов, башкир, бурят и т.д. Была создана система рабочих факультетов для подготовки трудящейся молодёжи к поступлению в ВУЗы, куда поступали представители молодёжи пролетарского происхождения независимо от наличия начального образования.

Самым трудным было первое десятилетие «великого перелома», которое было связано с началом форсированной индустриализации. Миллионы неграмотных крестьян переехали из деревни в город и очень плохо адаптировались к особому ритму жизни в нем. Однако уже последующие поколения вчерашних крестьян, пришедших в годы первых пятилеток на заводы, стали высококлассными специалистами, создавшими в предвоенные годы мощнейший ВПК. Они значительно укрепили его в годы самой Великой Отечественной войны, а затем всемерно способствовали развитию научно-технического прогресса в послевоенные годы. Помогали покорять космос, осваивать бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока.

Одним из самых спорных вопросов советской культурной революции является судьба интеллигенции. «Советская «культурная революция», – по утверждению А.Г. Вишневского, – сопровождалась антиинтеллигентским террором, массовым физическим истреблением носителей европеизированной русской культуры, интеллектуальной и художественной элиты, просто широко образованных людей, подавлением свободы индивидуального научного и художественного творчества, нарастанием мертвящего консервативного догматизма» (1). Принимались репрессивные меры по устранению интеллектуальных политических противников и проводилось целенаправленное «вытеснение» буржуазных специалистов из научной сферы. А с 1929 года начали свою деятельность так называемые «шарашки» – организованные органами внутренних дел особые технические бюро из заключённых для проведения важных научно-исследовательских и конструкторских работ. Все это было, но нельзя не замечать и другое – огромные усилия советского государства по созданию новой совет-

ской интеллигенции, сформированной из представителей рабочего класса и крестьянства, внесшей выдающийся вклад в развитие модернизации, в победу над «коричневой чумой», в гонку вооружений во времена «холодной войны», в освоение космоса, в художественную культуру XX в.

Перед любой культурной революцией преобразующегося общества стоят труднейшие задачи трансформации человека традиционного крестьянского общества в творца общества индустриального, требующего наличия развитых интеллектуальных способностей, повышенной грамотности, хорошей квалификации, высокой социальной мобильности, нового мировосприятия, отношения к труду, собственности, культурным запросам. В Западной Европе эти процессы, начавшиеся на заре Нового времени, протекали несколько столетий. Россия вступила в эпоху индустриально-культурного модерна за несколько десятилетий, добившись колоссальных успехов абсолютно во всех сферах жизнедеятельности общества. Одной из важнейших основ достигнутого успеха была модернизация в социокультурной сфере, приведшая к созданию нового типа официальной государственной культуры, основанной на марксистско-ленинской идеологии, «коммунистическом воспитании».

Сегодня сколько угодно можно спорить о том насколько идеологическая зашоренность, свойственная советской культуре, сдерживала какие-то демократические тенденции. Однако при этом непреложным фактом останется то, что проведенная в советский период истории России культурная модернизация общества всемерно способствовала полной ликвидации неграмотности, созданию эффективной системы начального, среднего и высшего образования, развитию науки и искусства.

Литература:

1. Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А.Г. Вишневский. М.: ОГИ, 1998. 432 с.
2. Ильин В.В. Философия. Т. 2. Социальная философия. Философская антропология. Философия истории/ В.В. Ильин. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 784 с.
3. Опыт российских модернизаций XVIII – XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М.: Наука, 2000. 246 с.
4. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.

5. Сперанский А.В. Россия и модернизация: историософский аспект проблемы/ А.В. Сперанский // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2011. С. 58-70.

6. Сперанский А.В. Модернизация в России: перекресток мнений / А.В. Сперанский // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2012. С. 27 – 39.

7. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII – XX века: пространственно-временной аспект / Под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 384 с.

8. Sheila Fitzpatrick. Cultural revolution in Russia, 1928-1931. USA: Indiana University Press, 1984. 309 p.

УДК94(985)154.14985)

ББК Д890(265152)61-2 ГСНТИ 0012

Код ВАК64.17

Н.В. Тихомиров

Москва

**ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 ГОДА В СВЕТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революция, капитализм, империализм, кризис, глобальные тенденция, мировая система

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена рассмотрению октябрьской социалистической революции 1917 года как события, структурно и логически вписанного в систему международных отношений первой четверти XX века. Автором отстаивается тезис о том, что события в России стали отражением общемировых тенденций в означенный период.

N.V. Tikhomirov

Moscow

**OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION OF 1917
IN RELATION OF THE GLOBAL
INTERNATIONAL CONFLICTS**

KEY WORDS: revolution, capitalism, imperialism, the crisis, the global trend, the world system

ABSTRACT. This article is devoted to the 1917 October Socialist Revolution as an event, structurally and logically inscribed in a system of international

relations of the first quarter of the twentieth century. The author defends the thesis that the events in Russia have become a reflection of global trends in the given period.

Революционные события октября 1917 года в России не только стали следствием развития объективных закономерностей в мире, но и сами сделали фактором, существенно повлиявшим на дальнейший ход исторического процесса на евразийском континенте и в мире в целом. В настоящее время, в год столетнего юбилея социалистической революции в нашей стране, мы имеем достойный повод очередной раз обратиться к данному явлению, сохраняющему высокую актуальность и содержащему глубокую научную проблематику.

Исследование октябрьской социалистической революции может осуществляться в различных ракурсах: сравнительно-историческом, структурном, культурологическом и других. Нам же хотелось бы заострить внимание на широком международном контексте, в который оказались вписаны отечественные события 1917 года. Такой формат рассмотрения, как мы полагаем, позволяет лучше понять фундаментальные предпосылки и действие движущих механизмов социального протеста, вылившихся в трансформации февраля-октября 1917 года.

Общественно-политический кризис в России, разрешившийся революцией и переросший в гражданскую войну, может рассматриваться как концентрированное проявление глобальных тенденций, охвативших западный мир к началу XX столетия. К этому моменту уверенный рост капиталистических отношений в экономиках мировых держав закономерно претворился в свою империалистическую фазу. Анализ и оценки состояния мировой капиталистической системы нашли отражение во множестве научных и публицистических работ первых десятилетий XX века. В частности В.И. Ленин в 1916 году говорил об империализме как о «переходном или, вернее, умирающем капитализме» (4. С.115).

Предшественник учения Ленина и автор самого понятия «империализм» Д. Гобсон указывал в одноимённом сочинении о неизбежности структурного кризиса экономик, основанных на крупном монополистическом капитале, и вырождении политики мировых империй в социальную деспотию и агрессивный милитаризм. Он отмечал, что «агрессивный империализм не только преграждает путь к интернационализму, сея вражду среди соперничающих государств, - его посягательства на свободу и самое существование более слабых или

низших рас доводят последние до соответствующих эксцессов национального сознания» (3. С. 24-25).

Английский учёный отнюдь не придерживался революционных убеждений, выступая сторонником буржуазно-реформистских идей. Однако принципиальное значение имеет та ясность и степень аналитического погружения, которые позволили уже на заре нового столетия диагностировать фундаментальные деструктивные тенденции в системе мирового капиталистического хозяйства. Гобсон указывал: «особенность современного империализма, рассматриваемого с политической точки зрения, заключается, главным образом, в том, что его одновременно осуществляют несколько народов» (3. С.22).

Своё яркое выражение хищнические устремления империализма нашли в хрестоматийном высказывании С. Родса. Глава британской Капской колонии заявлял: «моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединённого Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка» (4. С. 72).

Общая направленность в развитии великих мировых держав уже в начале XX века была подвергнута основательной научной рефлексии, на основе которой выстраивались прогнозы дальнейшего обострения глобальных противоречий и столкновения интересов крупных капиталистических игроков. Это делалось тем более очевидным, чем менее сохранялось ресурсов империалистического роста. Его логическим пределом стал окончательно состоявшийся раздел мира, «после чего глобальное межимпериалистическое столкновение стало вопросом времени» (5. С.559). Вместе с тем всё более реалистичным становилось возможное столкновение классов внутри самих империй. О его неизбежности утверждали теоретики социалисты уже в последней четверти XIX столетия. Так, М.А. Бакунин писал: «Война не на жизнь, а на смерть! И не в одной только Франции, а в целой Европе, и война эта может кончиться только решительной победой одной из сторон, решительным низложением другой. Или буржуазно-образованный мир должен укротить и поработить бунтующую народную стихию»; «или же рабочие массы сбросят с себя окончательно ненавистное многовековое иго» (1. С.355).

Социально-экономическая динамика в странах-лидерах капиталистического мира к началу борьбы за глобальный передел сфер влияния отчётливо обнаружила своё диалектическое противоречие. Данное обстоятельство как имеющее фундаментальное значение должно непременно учитываться в рамках исследования, касающегося вопроса о соотносённости русской социалистической революции с общемировыми тенденциями первой четверти XX столетия. В целом, глобальная система империализма в рассматриваемый период имманентно содержала в себе конфликтные начала, которые развивались в конфигурации, основанной на противостоянии капитализма и социализма, или, иначе – агрессивного национализма и революционного интернационализма.

Таким образом, октябрьские события в Петрограде 1917 года и запущенные ими процессы стали отражением структурных противоречий мир-системы начала прошлого века. И. Валлерстайн, описывая развитие системы исторического капитализма, подчёркивал циклический характер этого процесса, выражением которого служило чередование фаз роста и стагнации в системе в целом (2. С.91) агнации. По наблюдению исследователя, регулярные кризисы, постигающие «мир-экономику» и трактуемые защитниками неравного экономического обмена в русле логики спроса и предложения, в действительности имеют выраженную политическую подоплёку. При этом сохранение системы в её сложившемся виде поддерживается отнюдь не рыночными закономерностями, но государственными силовыми структурами (2. С.90). В то же время становление и функционирование глобального капитализма вело к возникновению специфических проблем глубинного системного свойства. Исследователь отмечает, что «бесконечное накопление капитала постоянно требовало реструктуризацию организации (и местонахождения) рабочей силы, увеличения объёма абсолютной рабочей силы и осуществления психосоциальной перестройки рабочей силы» (2. С.113). Однако подобные сдвиги не могли повлиять на сущностные основания капиталистической эксплуатации, в связи с чем усиливался социальный раскол, который «подрывал умиротворяющие методы социализации. Поэтому в итоге мотивации к бунту усиливались» (2. С.113).

Изложенные общетеоретические соображения подводят нас к выводу о том, что status quo мирового капитализма в изводе первых десятилетий XX века покоился на динамичном балансе экономической рациональности и политического принуждения. Из сказанного

выше также следует, что система в целом вплотную приблизилась к моменту экзистенциального выбора, которым должна была быть определена дальнейшая траектория развития глобальных экономических, а равно социально-политических отношений. В свете сказанного революционные сдвиги в России следует рассматривать как прохождение конкретной частью мировой системы области бифуркации в процессе выбора последующего пути развития. Подобные процессы синхронно происходили также и в других великих державах, однако преимущественно в форме буржуазной модернизации.

Подчеркнём, что к началу XX века структурные изменения стали неизбежны во всей системе мирового капитализма. Выбор пути таких изменений (эволюционный либо революционный) был обусловлен сложной совокупностью внутренних и внешних факторов для каждой державы как сегмента этой системы. При этом революционные механизмы сработали по историческим меркам синхронно в различных частях мира. Как отмечал по этому поводу Э. Хобсбаум, «к 1918 г. революция стряхнула с глобуса все древние империи от границ Германии до Китайских морей» (б. С.433). Влияние этих событий в совокупности на конфигурацию всех империалистических отношений было, безусловно, определяющим. Отдельно исследователь отмечает место и значение российской революции, которая «явилась величайшим международным событием, ибо даже незавершённая и промежуточная схватка 1905-1906 годов имела роковые последствия» (б. С.434).

Подводя итог, следует отметить, что, безусловно, объективное рассмотрение предпосылок, характера и значения событий октябрьской социалистической революции в России с необходимостью должно учитывать широкий международный контекст первой четверти XX столетия. Социально-политические процессы в России структурно и логически были вписаны в процессы глобального масштаба и отразили закономерные тенденции в равной мере затронувшие все страны капиталистического мира.

Литература:

1. Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. 574 с.
2. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. 176 с.

3. Гобсон Д. империализм. Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1927. 287 с.
4. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. М.: ЛКИ, 2013. 120 с.
5. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.
6. Хобсбаум Э. Век империи. 1875-1914. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 512 с.

УДК 947(47)+281

ББК 145.1551

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

О.П. Цысь, В.В. Борисова

Нижевартовск

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ НИЖНЕВАРТОВСКОГО
КРАЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1920– 1930-е гг.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская православная церковь, Нижневартровский район, приходская община, закрытие храмов, духовенство.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается историю православных церквей на территории Нижневартовского района в 1920-е – 1930-е гг. Авторы раскрывают особенности функционирования приходских общин, исследуют практику подачи ходатайств и жалоб верующих на действия властей, характеризуют формы и методы закрытия храмов.

O.P. Tsys', V.V. Borisova

Nizhnevartovsk

**ORTHODOX PARISH NIZHNEVARTOVSK REGION IN THE
SOVIET PERIOD (1920 - 1930)**

KEY WORDS: Russian Orthodox Church, Nizhnevartovsk district, parish community, the closing of churches, clergy.

ABSTRACT. The article discusses the history of the Orthodox churches in the Nizhnevartovsk region in 1920 - 1930. The authors reveal the peculiarities of parish communities, exploring the practice of filing petitions and complaints from the faithful to the authorities characterize the forms and methods of closing churches.

В последнее время особое внимание стало уделяться вопросам положения Русской православной церкви в условиях советской политиче-

ской системы на территории различных епархий. Обращение исследователей к региональному материалу, обусловлено необходимостью восстановить объективную картину взаимоотношений светской и церковной власти, учитывая специфику тех или иных территорий, обусловленную как характером их предшествующего исторического развития, так и множеством других обстоятельств. Особенно это касается старейшей в Сибири Тобольской епархии, в состав которой входили и Нижневартовские приходы.

Сразу несколько исследователей обратились к теме существования РПЦ в условиях постреволюционных изменений на территории Тобольской епархии. В своих научных публикациях А.В. Чернышов, А.А. Кононенко, Н.С. Половинкин, В.Я. Темплинг, В.В. Дронова, Т.Н. Коголь (7, 10, 11, 14, 17) и другие авторы рассматривали кампании по изъятию церковных ценностей, вскрытию мощей православных святых, затрагивали проблемы и особенности атеистического воспитания, пытались выяснить роль органов ВЧК–ОГПУ в выстраивании отношений с церковью и т.д. Однако ими анализировались в основном процессы, протекавшие в Тобольске, Тюмени и Кургане, в меньшей степени затронуты северные окраины епархии. Отдельные факты истории Нижневартовских приходов нашли отражение в публикациях историков и краеведов. Так, М.К. Анисимковой и А.С. Кузьминой (5) собраны материалы об изъятии колоколов в 1936 году. В работах Я.Г. Солодкина представлены данные об изъятии церковных ценностей в 1922 г. из Нижневартовской, Покурской, Ваховской и Ларьякской церквей (9), затронуты сюжеты, связанные с судьбой церкви Знамения Пресвятой Богородицы в с. Ларьяке в советское время (15).

В.В. Цысь придерживается мнения, что церковь на севере Западной Сибири в годы НЭПа сохранила прочные позиции. Он приводит данные, согласно которым здесь продолжали действовать практически все приходы, существовавшие до 1917 г. Причину этого В.В. Цысь склонен видеть в том, что церковь не воспринималась жителями края как пережиток прошлого, орудие угнетения, закабаления, так, как это описывала большевистская пропаганда. Верующие взяли на себя большую часть забот о материальном содержании клира и обустройстве храмового хозяйства (18).

Преподавателями кафедры истории России Нижневартовского государственного университета был написан обобщающий труд по истории Нижневартовского района, где приводятся данные о реорганизации приходов в 1923-1925 гг. в соответствии с советским законодательством. Делается вывод о довольно прочных корнях, которое пустило православие в крае (8. С.65).

К началу 1920-х гг. в Нижневартовском крае действовало три прихода: Ларьякский (организован в начале XVIII в., храм возводился в 1772 г., 1834 г.), Нижне-Вартовский (1909 г. и 1917 г. соответственно), Покурский (завершение постройки храма и организация прихода относятся к 1913 г.). Кроме того, в Ларьякском приходе имелась Охтеурская (1902 г.), а в Покурском – Ватинская часовни (1910 г.). Таким образом, наиболее активное храмовое строительство на территории Нижневартовского края велось в начале XX века, что следует связать с интенсификацией миграционных процессов, укреплением позиций православия в среде коренного населения.

Церкви были деревянные в одной связи с такой же колокольной, крытые железом и окрашенные масляной краской. На колокольне находилось от 1 (Покур, Нижне-Вартовское) до 5 (Ларьяк) колоколов. Самый большой ларьякский колокол весил 11 пудов 34 фунта. Добровольные пожертвования прихожан, отчисления от казны обеспечивали необходимое благоустройство культовых зданий. Даже недавно построенные храмы имели достаточное количество церковной утвари, богослужебных книг и икон, о чем свидетельствуют отчеты сургутских благочинных, приходских священников, составленные в советский период описи имущества (4. С.272; 5. Л.20-21). В самом молодом Покурском храме на 1923 г. числилось 44 иконы, 48 наименований книг духовной литературы (3. Л.20 об). В старейшей Ларьякской церкви за полтора века сформировалась неплохая библиотека, в состав которой входили «Евангелие», трехтомная «История Русской церкви» епископа Тамбовского Макария (Булакова), работа Н.А. Абрамова «Филофей Лещинский, митрополит Тобольский и Сибирский», «Тобольский епархиальный адрес-календарь» и др. Помимо этого в Ларьякской церкви имелось 66 икон, 7 деревянных аналоев (15. С.23,31). Для поездок по инородческим селениям ларьякский причт был обеспечен переносным престолом в во имя Праведного Симеона Верхотурского, специальной крытой лодкой (каюком).

Однако в результате событий революции и Гражданской войны положение православия на территории края резко изменилось. Антирелигиозная политика советского государства поставила РПЦ в крайне тяжелые условия. Первые шаги новой власти носили организационный характер и были направлены на лишение ее функций, непосредственно не связанных с отправлением религиозных обрядов. В 1920 г. регистрация браков, учет населения передаются в ведение ЗАГСов. В январе 1921 г. в Ларьяке создается комиссия по отделению

церкви от государства и школы от церкви. Согласно «разъяснению» Тобольского военно-революционного комитета от 18 мая 1921 г. все документы, выдаваемые служителями культа считались документами частного характера, не имеющими законной силы, взимание каких-либо принудительных сборов категорически запрещается (З. Л.2).

В 1922 г. большевики развернули кампанию по изъятию церковных ценностей, в которую оказались, вовлечены и приходы Нижневартовского края. Из Покурской церкви были конфискованы серебряные позолоченные звезда, портир, дискос, лжицы, две тарелочки общим весом 2 фунта 13 золотников. 17 июня 1922 г. производится изъятие ценностей в Ларьякской Знаменской церкви. За время своего существования храм сумел накопить немало богослужебных предметов из драгоценных металлов и поэтому считался наиболее состоятельным. Всего из него вывезли 20 вещей общим весом 33 фунта 36 золотников. Еще шесть серебряных предметов конфисковали 1 августа того же года. В Нижне-Вартовской церкви был изъят серебряный крест весом 1 фунт 0,5 золотников (9. С.180,181,184). Со стороны общин недовольства не высказывалось. Собрания прихожан «шли навстречу советскому правительству», оставляя при храмах только необходимое для совершения богослужений. Конфискованные вещи поступали в Сургут в кассу Наркомата финансов, их след теряется. В соответствии с советским законодательством храмы со всем, что в них находилось, передавались мирянам, которые имели право за свой счет нанять причт, собирать средства на удовлетворение различных религиозных потребностей. Вопросы, связанные с жизнью приходской общины обсуждались и решались на собраниях, проводившихся с разрешения исполкома местного совета (З. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10).

Предварительно требовалось составить список членов религиозного общества (в ней должно было быть не менее 20 членов), в котором помимо фамилии, имени и отчества указывались возраст, социальное положение, род занятий, место жительства человека. Далее выбирался руководящий орган общины – церковный приходской совет. Перерегистрация церковного имущества «как народного достояния», заключение с общинами типовых договоров на пользование церковью происходили в течение 1923 года. Первые договоры между верующими и советами датированы мартом 1923 года, с которого, по всей вероятности, в Сургутском районе и начинаются основные изменения в положении приходов.

На территории Нижневартовского края православные религиозные общины действовали в Ларьяке и Покуре. В них входили, как правило, жители села и нескольких близлежащих деревень, юрт. Так, к Покурской общине были приписаны жители с. Покур (63 чел.), выселок Пасол (8 чел.), д. Вата (8 чел.), Комаровых юрт (5 чел.) (1. Ф. 434. Оп. 1. Д. 229. Л. 24.).

Необходимо отметить, что общая численность населения Покура по данным переписи 1926 г. составляла 213 чел., Ваты – 91 чел., Пасола – 49 чел., Комаровых юрт – 25 чел. (16. С.134-136). Если принять во внимание, что в рассматриваемый период доля населения старше 18 лет составляла около 60 % от общей численности, соответственно в состав общины входило приблизительно 37 % жителей, что в целом соответствует аналогичным показателям по другим приходам Севера Западной Сибири. Численность членов общины Ларьякской Знаменской церкви была подвержена сильным колебаниям. Так, в 1923 г. она насчитывала около 800 человек, в 1924 г – 380 чел., а в 1928 г. уже 1935 чел. (12, 13). В последнем случае, вероятно, в состав общины включено едва ли не все население бассейна р. Вах. Сильные колебания в численности членов общины, скорее всего, обусловлены неодинаковыми возможностями составления ее списков в различное время года в связи с полукочевым образом жизни хантов.

По социальному составу среди прихожан абсолютное большинство составляли середняки и бедняки – простые рыбаки, охотники, оленеводы, «пашенные крестьяне». Среди 84 членов Покурской общины 54 относились к середнякам и 30 к беднякам. Значительная часть прихожан принадлежала к коренному населению. Возраст прихожан колебался от 18 до 70 и более лет (3. Ф. 105. Оп. 1. Д. 13. Л. 11–12 об.). Причем сопоставление списков общины, собранных в различные годы, показывает, что «старения» ее состава не наблюдалось. Процент молодежи и людей старшего поколения был примерно одинаков. Для существенных сдвигов в данном отношении прошло еще недостаточно времени.

Таким образом, в приходских общинах края были представлены самые различные национальные, социальные, половозрастные группы населения. Примечательно, что в ряде общин Сургутского уезда (даже в церковные советы) входили члены и кандидаты в члены сельских советов (Александровская, Покурская и др.). Церковь не воспринималась местными жителями как пережиток прошлого, орудие угнетения, закабаления, как это описывала пропаганда. Множество

мирян, в том числе и малоимущих, решительно выступили за сохранение действующих православных храмов. Примечательно, что при сопоставлении списков Покурской религиозной общины выясняется, что число ее членов в течении 1920-х гг. не только не сокращалось, но даже увеличивалось (З. Ф. 105. Оп. 1. Д. 13. Л. 11–11об, 34–34об; Ф. 97. Оп. 1. Д. 8. Л. 50–53.). Все это свидетельствует о довольно прочных корнях, которые пустило православие в крае за предшествующие столетия.

20 декабря 1923 г. Локосовским волисполкомом передана для нужд общества верующих Ватинская часовня «в бесплатное пользование». Со стороны религиозной общины договор подписали представители рода Липецких (Лепецких) – Николай, Иван, Анна, Александра, Евдокия, Мария, Пелагия, а также Кошкаровы – Сергей, Алексей, Ольга; Позеваловы, Быковы и др. В распоряжении православных перешло небогатое имущество часовни: шкаф для книг, стол, 2 подсвечника, 13 икон, лампадка, колокол. Но уже 2 июля 1925 г. начальник милиции Локосовского сельского совета Куприн сообщает о получении заявления об отказе содержания часовни жителями д. Вата (З. Ф. 97. Оп. 1. Д. 27. Л. 24). Постановлением Президиума Сургутского райисполкома от 23 декабря 1925 г. часовня передается под школу (2. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 51. Л. 44об.), несмотря на то, что Локосовский сельский совет отмечал совершенную непригодность здания для обучения детей: сруб холодный, нет печи, площадь помещения маленькая (З. Ф. 105. Оп. 1. Д. 27. Л. 23–23об.).

В Нижне-Вартовском приходе верующие отказались от содержания храма. Здесь церковное недвижимое имущество – два одноэтажных здания под тесовой крышей – заняли сельсовет и «кооперация по договору» (1. Ф. 434. Оп. 1. Д. 188. Л. 64об.). Последняя опись имущества была составлена 21 марта 1923 года. Необходимо отметить, что для обеспечения контроля за деятельностью общин, сохранностью церковного имущества, являвшегося теперь «общенародным достоянием», сельскими и районными властями регулярно проводились обследования зданий храмов, составлялись дважды в год описи, списки членов общин, состава церковных советов (З. Ф. 105. Оп. 1. Д. 13. Л. 50–51об.).

8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», ужесточившее требования, предъявляемые к православным общинам. Активизируется антирелигиозная пропаганда. Прежде всего, берется курс на вовлечение в борьбу с

церковью молодежи. Предписывается в учебных заведениях организовывать «уголки юных безбожников», которые нужно пополнять рисунками, плакатами, диаграммами на темы: «Кабала церквей», «Религиозный дурман в семье», «Борьба пионеров и школьников с религией и старым бытом». Рекомендуется выпуск стенгазет, проведение собраний на темы: «Классовая сущность религиозных праздников», «Кому нужен праздник» и т. п. Так, в Покурской школе при изучении темы «Охрана здоровья» рассказывалось о том, что поцелуй икон, крестов являются причиной заразных заболеваний (1. Ф. 676. Оп. 1. Д. 248. Л. 22). Руководство органов народного образования внимательно следило за тем, чтобы в дни религиозных праздников был высок процент посещаемости учебных занятий. В Покуре была организована ячейка Союза воинствующих безбожников численностью 11 человек. Усиление гонений на православие поставило под угрозу возможность дальнейшего сохранения религиозных общин.

Жители Покура держались за свою церковь, как могли. Тогда власти пообещали открыть фельдшерский пункт. Этот вопрос обсуждался на общем собрании граждан села 24 ноября 1929 года. Товарищ Ведерников выступил с докладом, в котором просил сельсовет возбудить ходатайство перед райисполкомом о переводе фельдшерского пункта в село Покур как центра сельского совета для чего нужно выделить здание церкви. За данное решение проголосовало 12 чел., против 11 чел. и 23 чел. воздержалось. 18 декабря 1929 г. на очередном общем собрании 15 жителей села постановили «Покурскую церковь закрыть, помещение использовать под фельдшерский пункт» (3. Ф. 106. Оп. 1. Д. 10. Л. 10, 8 об.). Подобные собрания проходили и в других населенных пунктах, в том числе д. Пасол, юртах Комаровских. Для соблюдения приличий вывешивается объявление: «...Настоящим ставятся все верующие в известность, что со дня извещения верующих о взятии религиозного здания в селе Покур прошло две недели. Желаящих взять не оказалось». В результате постановлением Сургутского РИКа церковь была закрыта. 29 апреля 1930 г. ее имущество было принято по описи уполномоченным Сургутского госторга. Фельдшерский же пункт оказался не более чем уловкой властей. Заместитель председателя Сургутского райисполкома Худяков, отчитываясь о деятельности районного исполнительного комитета перед жителями села Покур, сообщил, что для его организации нет никакой возможности. В итоге жители вынуждены были ограничиться просьбой «своевременно забросить всхожие семена, открыть на лето дет-

ские ясли, ... командировать ветеринарного фельдшера по одному или два раза в год, один раз в месяц организовать поездки медфельдшера» (6. С.3).

Ликвидация православной общины в Ларьякском районе произошла несколько позднее, что, вероятно, связано с отдаленностью края от административных центров, небольшой численностью политически активного русскоязычного населения. Опять же преобладали методы агитации и пропаганды, административное и политическое давление. В 1931 г. община лишилась крытой лодки. Отказался от священного сана, служивший в Ларьяке еще с 1916 г. священник А.Г. Вергунов (18 августа 1937 г. проживавший в то время в с. Криволуцком Александровского района и занимавшийся сапожным ремеслом 74-летний бывший священник Арсентий Гордеевич Вергунов был арестован органами НКВД и спустя полтора месяца расстрелян). Весной 1932 г. создается оргтрояка, целью которой являлось «организовать штаб для развертывания антирелигиозной работы с пропагандой вопроса о передаче здания церкви под дом для культурного обслуживания туземного населения... организовать группу безбожников, через которую вести постоянную культурно-массовую антирелигиозную работу в районе». 19 мая собрание женщин села постановило «Использовать помещение церкви для детской площадки и ясель...» (12). В это же время жители Охтеурских юрт также решили передать часовню для нужд советской власти.

«Актив» общины пытался противостоять давлению. Было решено пригласить священника из с. Криволуцкого и произвести ремонт. Хотя намерение не удалось реализовать, община смогла просуществовать еще несколько лет. В мае 1936 г. с храма были сняты колокола, а месяц спустя вновь ставится вопрос о передаче здания церкви «под культурные нужды». Было собрано 430 подписей местного населения, что дало основание передать Ларьякскую церковь под клуб.

Таким образом, всего за полтора десятилетия институты РПЦ на территории Нижневартковского края были ликвидированы. Однако это не значит, что местное население в одночасье стало приверженцем государственного атеизма. Религиозная вера ушла в семью, осталась в виде личных убеждений, которые не принято было демонстрировать публично.

Источники:

1. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГУТО ГА в г. Тобольске).
2. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 51. Л. 44об.
3. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее – ГАХМАО).
4. Тобольские епархиальные ведомости. 1914. № 16. Отдел неофиц. С. 272.

Литература:

5. Анисимкова М.К., Кузьмина А.С. «На священных берегах Ваха» (историко-этнографический трактат). Нижневартовск, 1999.
6. Гареева Н. Затмение // Сургутская трибуна. 1990. № 222. С. 3.
7. Дронова В.В. Тобольский Союз Воинствующих безбожников в 1925–1941 гг. // Диалог культур и цивилизаций: Мат-лы IX Всерос. науч. конф. молодых историков. Тобольск, 2008. С. 22–28.
8. История Нижневартовского района. Под общей редакцией Л.В. Алексеевой. Екатеринбург, 2013.
9. К истории изъятия ценностей в Сургутском уезде в начале 1920-х годов / Подготовил Я.Г. Солодкин // Из истории и культуры Западной Сибири: Краеведческие записки. Вып. 1. Нижневартовск, 1998. С. 180.
10. Коголь Т.Н. Взаимоотношения Русской православной церкви и государства в первое десятилетие Советской власти (исторический анализ на материалах Западной Сибири). Томск, 2005.
11. Кононенко А.А. Церковь Тобольской (Тюменской) губернии в первые годы советской власти: некоторые аспекты истории. (1921–1923 гг.) // Религия и церковь в Сибири Сб. науч. ст. и док. мат-лов. Тюмень, 1992. Вып. 4.
12. Набокова Л. Закрытие Ларьякской церкви // Новости Югры. 1998. 23 мая.
13. Набокова Л. С переносным престолом – в юрты аборигенов // Новости Югры. 2012. 4 окт.
14. Половинкин Н.С., Чернышов А.В. Тобольск Православный и анти-христов: год 1922-й // Религия и церковь в Сибири. Сб. науч. ст. и док. мат-лов. Тюмень, 1999. Вып. 12.
15. Солодкин Я.Г. Из истории церкви Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьякском (Ларьяке) // От Ваха до Агана: Эколого-краеведческий альманах. Тюмень, 2002. С. 14–32.
16. Списки населенных пунктов Уральской области. Т. XII: Тобольский округ. Свердловск, 1928. С. 134–136.

17. Темплинг В.Я. Православная церковь в Тюменской губернии в первые годы строительства советской власти (1921–1923) // Религия и церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и док. мат-лов. Тюмень, 1994. Вып. 7.

18. Цысь В.В. Русская православная церковь на Севере Западной Сибири в годы НЭПа // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2006. Вып. 8.

УДК 94(47)

ББК 175В14.56

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Т.Г. Шумкина

Екатеринбург

**НАУЧНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА УРАЛА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, Урал, научно-краеведческие общества, общественная инициатива, общественные организации, социальные настроения.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется деятельность научно-краеведческих обществ Урала в годы Первой мировой войны. Выявляется роль местных научных обществ в решении возникших в связи с войной проблем. Подчеркивается значение деятельности уральской интеллигенции в решении экономических вопросов и организации помощи армии и населению.

T.G. Shumkina

Yekaterinburg

**THE SCIENTIFIC-LOCAL HISTORY SOCIETIES
IN THE URALS DURING THE FIRST WORLD WAR**

KEY WORDS: First World War, Ural, scientific-local history societies, public initiative, public organizations, social mood.

ABSTRACT. The article analyzes the activities of scientific-local history societies in the Urals during the First World War. The role of local scientific societies in solving problems arising in connection with the war. Emphasizes the importance of the activities of the Ural intelligentsia in solving economic issues and organising support for the army and the population.

Вопросы войны и мира, революций и реформ на современном этапе развития общества вызывают повышенный интерес. Сложная

общественно-политическая ситуация в стране и мире, связанная с ростом терроризма, локальными военными конфликтами, обострением территориальных, национальных, конфессиональных противоречий, делает необходимым обращение к историческому опыту. Это особенно актуально в связи с переосмыслением ключевых событий российской и мировой истории начала XX в.

Война, как и революция, затрагивает все сферы жизнедеятельности общества, судьбы многих людей, никого не оставляя безучастным. Поэтому не случайно, что отношение общественности к войне и революции, деятельность политических, военно-экономических, общественных организаций в условиях войны и революции всегда привлекали внимание исследователей. В историографии отмечается, что в условиях войны, а впоследствии и революции, власть подчинилась необходимости и предоставила разрешение ряда вопросов экспертной деятельности общественных и научных организаций. Это был уникальный шанс расширения общественной инициативы и усиления влияния общественности на политику государства (18, 19).

В данной статье анализируется деятельность научно-краеведческих обществ (НКО) Урала в годы Первой мировой войны на примере Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), Уральского медицинского общества (УМО), Общества уральских горных техников, Пермского отделения Императорского Русского технического общества (ИРТО).

К началу Первой мировой войны УОЛЕ являлось одним из крупнейших на Урале научно-краеведческим обществом (в 1914 г. в личном составе общества числилось 543 члена) (12). УОЛЕ было также и одним из старейших в крае, так как учреждено было еще в 1870 г., а к 1914 г. уже развернуло широкую научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность; было достаточно хорошо известно как в России, так и за рубежом (17). Однако начавшаяся война внесла свои коррективы: по распоряжению правительства из состава УОЛЕ были исключены подданные воевавших с Россией государств (Германии, Австрии), что привело к некоторому сужению практики международного научного сотрудничества (3).

Уральское медицинское общество было открыто в г. Екатеринбург в начале 1890 г. Оно было призвано «объединить врачебные силы Урала» и направить в нужное русло медицинскую научную деятельность в крае (9. С. III). В 1913 г. Общество насчитывало в своих рядах 50 членов, имело собственную библиотеку (11), проводило ак-

тивную научно-исследовательскую работу, результаты которой публиковались в издаваемых Обществом «Записках» (первый выпуск вышел в свет в 1891 г.).

Общество уральских горных техников в г. Екатеринбурге и Пермское отделение ИРТО, в сравнении с УОЛЕ, были достаточно «молодыми» обществами в крае (первое возникло в 1904 г., а второе вновь возобновило свою деятельность после длительного перерыва в 1905 г.). Эти общества объединяли в своих рядах многочисленных горных инженеров, технологов, техников обширного Уральского края. Деятельность этих обществ, направленная на решение стоявших перед ними научных и просветительских задач, способствовала сплочению местной технической интеллигенции. Содействовало этому и учреждение собственных печатных органов – журнала «Уральский техник» и «Записок Пермского отделения ИРТО», в которых публиковались научные труды членов обществ.

На страницах этих журналов в годы Первой мировой войны одной из центральных тем была проблема мобилизации экономических, научных и технических сил страны в целом и Урала, в частности, в связи с потребностями военного времени. По мнению горного техника В.П. Яркова, Россия должна была вести «промышленную войну» с Германией, так как причины мировой войны он связывал с ростом германской промышленности, что, в свою очередь, обусловило потребности в приобретении новых территорий и новых рынков сбыта. Среди первоочередных задач экономической политики России Ярков выделил следующие: а) вытеснение германских товаров с русского рынка; б) установление предела притоку германского капитала в страну; в) вытеснение из отечественной экономики немецких предпринимателей и торговцев. Исходя из этого, автор делал вывод о том, что все усилия русского общества должны были быть направлены на подъем отечественной промышленности как основы экономической мощи страны (15).

Проблемы развития отечественной промышленности стали также предметом доклада президента ИРТО В.И. Ковалевского, прочитанного им на одном из совещаний Общества. На основе этого доклада Совет ИРТО составил докладную записку председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, министру торговли и промышленности В.Н. Шаховскому и министру путей сообщения С.В. Рухлову. Одновременно эта записка была разослана председателям и членам Государственного совета и Государственной думы, а также представите-

лям торгово-промышленных организаций. В ней говорилось об основных нуждах отечественной промышленности, для успешного развития которой, по мнению авторов записки, необходимыми условиями были поднятие уровня народного благосостояния, развитие просвещения, улучшение сельскохозяйственной промышленности, правильная постановка финансового хозяйства страны. В записке также были сформулированы следующие пожелания: а) постройка железнодорожных линий и грунтовых дорог по определенному плану; б) разрешительная система акционерных обществ и других товариществ должна быть отменена, так как закон об учреждении и деятельности акционерных обществ устарел, и поэтому не применим к современным условиям; в) необходимо развивать меры по охране труда (государственное страхование рабочих, устройство биржи труда, пересмотр закона о продолжительности рабочего времени, объединение рабочих для удовлетворения их профессиональных нужд и т.д.) (8).

Война потребовала напряжения всех сил отечественной промышленности, в связи с чем возникла необходимость поиска и разработки новых месторождений различных полезных ископаемых. Этому вопросу был посвящен ряд статей, опубликованных на страницах «Уральского техника» и «Записок Пермского отделения ИРТО» (2).

Война вскрыла печальное состояние отечественной химической, электротехнической, фармацевтической промышленности и зависимость России в этих областях от Германии, что, в свою очередь, определило задачу содействия развитию данных производств. НКО Урала уделяли этому большое внимание и достаточно регулярно помещали на страницах своих изданий информацию о выпуске химической продукции, фармацевтических препаратов, электрических ламп отечественного производства и т.п. Здесь же были помещены обзоры состояния железоделательной, каменноугольной, гранительной промышленности России в условиях военного времени. В связи с войной также увеличились потребности в йоде, который до этого в основном ввозился из-за границы, поэтому возникла необходимость в поисках сырья и налаживании производства йода в России. Эта проблема также нашла свое место на страницах изданий местных научных обществ. Таким образом, проблема мобилизации и развития отечественной промышленности для военных целей получила достаточно широкое освещение не только в центральной, но и местной печати, в частности в изданиях научно-краеведческих обществ Урала.

Другой важной темой стала проблема взаимоотношений России со странами-противниками и союзниками по Первой мировой войне, прежде всего, в сфере экономики. В «Записках» Пермского отделения ИРТО в 1915 г. (вып. 1) были опубликованы сведения о торговом обороте России за последние пять лет с Германией и Австрией, с одной стороны, и Великобританией и Францией, с другой стороны, которые показывали, что общий оборот российской торговли со странами-противниками почти в 2 раза превышал торговый оборот с союзниками. С началом войны, когда товарообмен с Германией стал невозможен, Россия вынуждена была развивать экономические, в том числе торговые, отношения со странами-союзниками. Понимали это и на местах. Так, инженер А.Е. Ширяев, редактор «Записок» Пермского отделения ИРТО, отмечал необходимость «войти в более тесные экономические отношения с Англией, Швецией, Бельгией, Францией и Швейцарией» для того, чтобы по возможности не только политически, но и экономически изолировать Германию (7. С. 4).

В 1914-1915 гг. «Записки» Пермского отделения ИРТО и «Уральский техник» сообщали, что в русле этой экономической политики в Петрограде была образована русско-французская торговая палата, которая должна была «связать крепкими узами Россию и Францию в торговом и экономическом отношении» и избавить их от германского и австрийского посредничества в экономической сфере. Отмечалось также, что на призыв русско-французской торговой палаты уже откликнулось более 500 промышленников, торговцев и других деятелей, как русских, так и французских.

В обсуждении проблем торгово-промышленной политики России в отношении Германии непосредственное участие приняло ИРТО. Примером может служить собрание Московского отделения, резолюция которого была опубликована в «Записках» Пермского отделения (1915. Вып. 1). Анализ содержания этой резолюции свидетельствует о том, что ее разработчики видели задачи России не столько в бойкотировании германских товаров, сколько в развитии отечественной экономики, успехи которой могли бы стать залогом победы России в борьбе с Германией. В резолюции отмечалась необходимость обеспечения правового порядка в стране, ограничения правительственной опеки по отношению к промышленности, разумной таможенной политики, свободы личной и общественной инициативы, введения рабочего законодательства, реформы общего и технического образования. Данный пример свидетельствует о том, что общественность Рос-

сии достаточно глубоко понимала основные нужды отечественной экономики и осознавала необходимость дальнейшей модернизации страны.

Журналы НКО также информировали своих читателей о состоянии и развитии иностранной промышленности в условиях войны. Делались обзоры иностранных рынков кокса и железа, рассматривались проблемы и успехи в развитии металлургической, химической и других отраслей промышленности Великобритании, США, Норвегии.

На страницах местных изданий рассматривался и региональный аспект проблемы мобилизации экономических, научных и технических сил. Так, в 1914 г. в «Записках» Пермского отделения ИРТО был опубликован очерк о горнозаводской промышленности Урала в 1913 г., который давал картину состояния и производительности уральской промышленности в целом и ее отдельных отраслей накануне войны. Общество уральских горных техников также информировало читателей о динамике развития уральской горнозаводской промышленности, помещая на страницах своего журнала статистические сведения о выплавке чугуна и меди, выделке железа и стали, добыче каменного угля и соли, и в целом о производительности Уральских горных заводов. Кроме того, в конце 1914 г. при Пермском отделении была образована комиссия для изучения вопроса о положении местной промышленности в связи с войной. В состав этой комиссии вошли горные инженеры И.П. Бобрик, А.В. Вологдин, А.М. Маслов.

Осознание необходимости более энергично развивать отечественную промышленность стало еще одним стимулом для активного изучения природных богатств Уральского края и организации новых производств. В 1915 г. В.П. Ярковым была опубликована статья «Какое участие может принять Урал в развитии производительных сил государства», в которой автор указывал на то, какие полезные ископаемые Урал может дать государству взамен привозимых до сих пор из заграницы (14). Так, на Урале в годы войны получила новый импульс добыча таких минералов, как графит и тальк. К примеру, в Екатеринбурге было образовано товарищество «Русский графит», которое разрабатывало Фадинское месторождение графита (16), а в развитие тальковой промышленности на Урале большой вклад внесли Верх-Исетские заводы (6).

Под лозунгом «Всё для войны» работала и кустарная промышленность Урала. Изделия уральских кустарей – кожа для обуви, валенки, сапоги, ручные гранаты, шанцевые инструменты и др. – также

стали частью вклада Урала в общегосударственное дело по обеспечению русской армии обмундированием и снаряжением. Эта деятельность также не осталась за строкой изданий местных научных обществ, так как информация о подобных начинаниях способствовала подъему патриотических чувств и настроений.

Ярким примером роста общественного самосознания в годы войны является возникновение и деятельность научных, технических, военно-экономических и общественных организаций, принимавших участие в той или иной мере в усилении обороноспособности страны и боеспособности русской армии. Среди научных обществ следует отметить Русское металлургическое, Русское химическое, Русское техническое общества, вклад которых состоял, прежде всего, в оказании научной помощи при разработке технических вопросов. Русское техническое общество образовало еще и специальную Комиссию по промышленности, к деятельности которой привлекались и региональные отделения. Комиссия организовала Справочное бюро по промышленности, которое на все возникавшие технические вопросы немедленно должно было давать ответы и разъяснения. Главным образом, бюро обслуживало потребности мелкой кустарной промышленности России.

В годы войны российская общественность проявила небывалую активность и способность к самоорганизации. Примером этого могут служить военно-промышленные комитеты (ВПК), которые существовали и на Урале. В работе Пермского ВПК приняли участие и некоторые члены местного отделения ИРТО. 9 июля 1915 г. состоялось общее собрание членов Отделения, которое постановило: а) принять участие в организации Пермского военно-промышленного комитета и своим представителем в комитет назначить инженера-строителя А.Е. Ширяева; б) назначить представителем в особую комиссию по снаряжению армии, образованную при Пермском губернском отделе Всероссийского земского союза, инженера-технолога И.И. Барановского; в) избрать постоянную комиссию при Отделении ИРТО для постоянных занятий в связи с мобилизацией промышленности. В состав этой Комиссии были избраны следующие лица: И.И. Барановский, А.В. Вологдин, Н.А. Губин, А.И. Калита, Н.Н. Маргаритов, А.Е. Ширяев (13).

Примечательно, что А.Е. Ширяев, редактор «Записок» Пермского отделения ИРТО (1913-1916), в 1915-1917 гг. возглавлял Пермский областной ВПК (20), а члены Общества уральских горных техников, в

разное время являвшиеся редакторами его журнала, Н.И. Башков и В.М. Быков входили в состав Уральского областного ВПК (1). Таким образом, члены НКО не только обсуждали различные проблемы, связанные с войной, но и принимали непосредственное участие в работе местных военно-промышленных организаций.

Кроме того, через свои издания НКО информировали общественность о деятельности ВПК и других организаций, принимавших участие в решении вопросов снабжения армии. Например, Общество уральских горных техников на страницах своего журнала освещало деятельность Екатеринбургского комитета военно-технической помощи. В его работе принимал активное участие и сам редактор журнала В.М. Быков.

В годы войны в изданиях местных обществ регулярно в разделе «Объявления» помещались обращения и воззвания различных организаций, деятельность которых была направлена на оказание помощи в том или ином виде армии, раненым воинам, семьям призванных в действующую армию или погибших на войне, детям-сиротам.

Не остались в стороне от общего дела и члены УМО. 27 августа 1914 г. собрание Общества постановило: а) организовать бесплатную врачебную амбулаторную помощь в юго-восточной части города при условии, что городские власти и земство окажут содействие, приняв на свой счет бесплатную выдачу лекарств; б) возложить на врачей-членов Общества заведывание организованными в городе детскими приютами и яслями; в) опросить живущих в городе врачей-членов Общества о возможности участия их в организации новых курсов для сестер милосердия; г) обратиться к населению города с предложением являться на вокзал для переноски раненых в лазареты (4).

Предложение УМО об открытии бесплатной амбулатории было одобрено городской администрацией, которая взяла на себя расходы по содержанию помещения амбулатории и по выдаче лекарств. Из городского бюджета предполагалось ассигновать 600 руб. В свою очередь, врачи-члены УМО соглашались на установление в амбулатории бесплатных дежурств (5).

Таким образом, события военного времени являлись ведущим фактором, определившим основные направления деятельности научно-краеведческих обществ Урала в годы Первой мировой войны. Военная тематика занимала одно из первых мест в общей массе публикаций в изданиях этих обществ в годы войны. Некоторые члены местных научных обществ стали активными деятелями военно-

экономических и общественных организаций, которые вносили существенный вклад в снабжение армии и организацию помощи населению в условиях военного времени. Деятельность этих организаций является ярким примером оживления личной и общественной инициативы в годы войны, когда осознание причастности каждой отдельной личности к судьбе России в целом стало основой сплочения всех сил для решения общих задач.

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 105. Л. 19-20.
2. Вернадский В.И. Неиспользованные силы земных недр в России // Уральский техник. Екатеринбург, 1915. № 3-4. С. 64-71.
3. Журнал заседания Комитета УОЛЕ 7 декабря 1914 г. // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1914. Т. 34. Вып. 9-10. С. 127.
4. Зауральский край. 1914. 29 августа. № 193. С. 3.
5. Зауральский край. 1914. 30 сентября. № 218. С. 3.
6. К возникновению тальковой промышленности на Урале // Уральский техник. Екатеринбург, 1915. № 5. С. 43.
7. К войне России с Германией // Записки Пермского отделения ИРТО. Пермь, 1914. Вып. 4. С. 4.
8. Основные нужды русской промышленности (о докладе В.И. Ковалевского) // Записки Пермского отделения ИРТО. Пермь, 1915. Вып. 3-4. С. 48-49.
9. От редакции // Записки УМО в г. Екатеринбурге. Пермь, 1891. Год изд. 1-й. С. III.
10. Отчет о деятельности Пермского отделения ИРТО за 1913 г. // Записки Пермского отделения ИРТО. Пермь, 1914. Вып. 2. С. 20.
11. Отчет о деятельности УМО за 1912-1913 гг. // Записки УМО. Екатеринбург, 1915. Год изд. 23-й. С. 69.
12. Отчет о деятельности УОЛЕ в 1914 г. // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1915. Т. 35. Вып. 4-5. С. 9.
13. Протокол общего собрания членов Пермского отделения ИРТО 9 июля 1915 г. // Записки Пермского отделения ИРТО. Пермь, 1915. Вып. 3-4. С. 6.
14. Ярков В.П. Какое участие может принять Урал в развитии производительных сил государства // Уральский техник. Екатеринбург, 1915. № 2. С. 1-6; № 3-4. С. 28-34.
15. Ярков В.П. Наши задачи // Уральский техник. Екатеринбург, 1916. № 1-2. С. 1-7.
16. Ярков В.П. Что мы успели сделать в борьбе с немецкой промышленностью // Уральский техник. Екатеринбург, 1914. № 11-12. С. 51-52.

Литература:

17. Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870-1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996.
18. Кузнецова О.Н. Общественные инициативы в условиях Первой мировой войны и дороговизны // Первая мировая война и проблемы российского общества: материалы международной научной конференции 20-21 ноября 2014 г. СПб., 2014 С. 74-78.
19. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014.
20. Ширяев Александр Евстафьевич // Краеведы и краеведческие организации Перми: Биобиблиографический справочник / Сост. Т.И. Быстрых, А.В. Шилов. Пермь, 2000. С. 297.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНАНД Викрам	университет по имени Джавахарлал Неру (Дели, Индия), факультет Русского языка e-mail: vikramanand99@yahoo.com
БАХТИНА Ирина Леонидовна	кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26 e-mail: bahtina11@rambler.ru
БОРИСОВА Вера Викторовна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета адрес: 628606, Нижневартковская обл., ХМАО, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56 e-mail: tsysv@rambler.tu
ВОСТРИКОВ Сергей Васильевич	доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет e-mail: k.kourova@yandex.ru
ГАДЖИЕВА Гулишат Шарабудиновна	учитель истории и обществознания, Муниципальное автономное образовательное учреждение лицей № 180 г. Екатеринбурга адрес: 620073 Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Крестинского 43 e-mail: sch180@mail.ru
ГАРИФУЛЛИНА Наталья Львовна	преподаватель истории, высшая квалификационная категория, ГБПОУ «Златоустовский индустриальный колледж им. П.П.Аносова» адрес: 456227. Челябинская область, г. Златоуст, ул. Олимпийская, д. 9, кв. 16 e-mail: jun.zlat@yandex.ru
ЕЛИСАФЕНКО Марина Константиновна	кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 452 e-mail: elisafenko@bk.ru

ЗАМОЩАНСКАЯ Нина Владимировна	воспитатель первой квалификационной категории МАДОУ ЦРР детский сад №103 «Родники» адрес: 620072 г. Екатеринбург, ул. Новгородцевой, 3а e-mail: nina.z83@mail.ru
КАЛЬСИНА Алла Алексеевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры теории практики управления, Пермский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ адрес: 614990 г. Пермь, ул. Бульвар Гагарина 10 e-mail: kalsina.alla@mail.ru
КЛИНОВА Марина Александровна	кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и экономической истории, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Россия. Екатеринбург адрес: 620144, Екатеринбург, ул. 8-е Марта/Народной воли, 62/45, г., ауд 107 e-mail: klinowa.m@yandex.ru
КОНСТАНТИНОВ Сергей Иванович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета адрес: 620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21 e-mail: konstantinov2904@mail.ru
КОСЫХ Елена Семеновна	кандидат исторических наук, доцент кафедра теории и истории государства и права, Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке адрес: 453103, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49 e-mail: kossES@yandex.ru
КОУРОВА Ксения Игоревна	магистрант исторического факультета Уральского государственного педагогического университета адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26 e-mail: k.kourova@yandex.ru

КОХАНОВСКИЙ Александр Артурович	магистрант департамента «Исторический факультет» Уральского Федерального университета, Россия, Екатеринбург адрес: 620017 г. Екатеринбург пр. Ленина 51 e-mail: kokhanovski.alexander@yandex.ru
КОЧКИНА Анастасия Александровна	студентка 4 курса Социально-гуманитарного факультета Нижнетагильского государственного социально-педагогического института филиала Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Нижний Тагил адрес: 622034, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57 e-mail: nastasya.kochkina@mail.ru
КРУГЛИКОВА Галина Александровна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет, исторический факультет, Россия, Екатеринбург адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26 e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru
КРУЧЕНИН Александр Михайлович	Екатеринбургский военно-исторический клуб «Горный щит» e-mail: evik2@mail.ru
КУЗЬМИН Вадим Александрович	доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета адрес: Екатеринбург, пр. Ленина, 51 e-mail: k.kourova@yandex.ru
Липовцева Ирина Александровна	студентка 4 курса исторического факультета Уральского государственного педагогического университета адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26 e-mail: k.kourova@yandex.ru
ЛЮХУДЗАЕВ Марат Иркинович	кандидат исторических наук, научный сотрудник МБУК «Музейный ресурсный центр», Ноябрьск адрес: 629805, Россия, г. Ноябрьск, ул. Советская, 82 e-mail: guingm2004@list.ru

МАРТЮШОВ Лев Николаевич	доктор исторических наук, профессор, кафедра технологии и экономики, ФГОБУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург адрес: 620131, г. Екатеринбург, ул. Metallургов, д.40, кор.1, кв.62 e-mail: lmartushov@yandex.ru
МЕЛЬНИКОВ Никита Николаевич	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории, Институт истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail: kaf-istros@uspu.ru
МИКИТЮК Владимир Петрович	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора экономической истории. ФАНО ФГБН Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail: kaf-istros@uspu.ru
МИРСАИТОВА Яна Владимировна	аспирантка ИИиА УрО РАН, учитель истории и обществознания МАОУ гимназии № 40 г. Екатеринбурга адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail: tushkanelli@mail.ru
НИКУЛИН Даниил Олегович	магистр истории, стажёр-исследователь, Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук, сектор истории второй половины XVI – начала XX в. адрес: 630090, г. Новосибирск, Николаева ул., 8, e-mail: nikdanya@mail.ru

ОГОНОВСКАЯ Изабелла Станиславовна	советник министра образования Свердловской области, председатель Ассоциации преподавателей права Свердловской области, доцент СУНЦ УрФУ, кандидат исторических наук e-mail: izabella-irro@mail.ru
ОСТАНИНА Наталья Валерьевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории и документоведения ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет», г.Курган e-mail: ostanina_nv@mail.ru
ОСТРОВКИН Денис Леонидович	аспирант III года обучения, исторического факультета УрГПУ адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26 e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru
ПОПОВ Михаил Валерьевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26 e-mail: k.kourova@yandex.ru
ПОТРАШКОВ Сергей Васильевич	доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Украины и всемирной истории Харьковской государственной академии культуры адрес: Украина, 61057, Харьков, Бурсацкий спуск, 4 e-mail: Potrashkoff2012@yandex.ua
ПРЯХИН Валентин Михайлович	кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного юридического университета адрес: 620137 г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21 e-mail: inyaz@usla.ru
РУКОСУЕВ Евгений Юрьевич	Институт истории и археологии УрО РАН, ведущий научный сотрудник сектора экономической истории, доктор исторических наук, доцент адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16 e-mail: rukosuev@mail.ru

САПОН Владимир Петрович	доктор исторических наук, доцент, профессор, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина, кафедра исто- рии России и вспомогательных исторических дисциплин e-mail: vladimail2008@mail.ru
САРАПУЛОВА Анастасия Викторовна	Студентка 4 курса исторического факультета Уральского государственного педагогического университета адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26 e-mail: k.kourova@yandex.ru
СЕМЕНЕНКО Любовь Владиславовна	кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественных наук филиала ДИНО Университета «Дубна» адрес: 141801, Московская область, г. Дмитров, мкрн. ДЗФС, д. 23 e-mail: semenenkoljubov@mail.ru
СОКОЛОВА Елена Станиславовна	кандидат юридических наук, доцент кафедры исто- рии государства и права Уральского государст- венного юридического университета, доцент адрес: 620034, г.Екатеринбург, ул.Колмогорова, 54 e-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru
СПЕРАНСКИЙ Петр Андреевич	студент 2 курса Департамента «Исторический факультет» Уральского федерального универси- тета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина адрес: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19 e-mail: pasperanskiy@mail.ru
ТИХОМИРОВ Никита Вадимович	старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО МГАВМиБ – МВА им. К.И.Скрябина адрес: 109472, г. Москва, ул. Академика Скряби- на, д. 23 e-mail: tihomirov_n@rambler.ru
ЦЫСЬ Ольга Петровна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государст- венного гуманитарного университета адрес: 628606, Нижневартовская обл., ХМАО, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56 e-mail: tsysv@rambler.ru

<p>ШУМКИН Георгий Николаевич</p>	<p>Институт истории и археологии УрО РАН, старший научный сотрудник сектора историографии и методологии истории, кандидат исторических наук адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16 e-mail: shumk@mail.ru</p>
<p>ШУМКИНА Татьяна Геннадьевна</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Уральский государственный педагогический университет, исторический факультет, Россия, г. Екатеринбург адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26 e-mail: shumkina.77@mail.ru</p>

ABOUT THE AUTHORS

ANAND Vikram	University Jawaharlal Nehru (Delhi, India), Department of Russian Language e-mail: vikramanand99@yahoo.com
BAHTINA Irina Leonidovna	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Dean of the History Faculty of the Ural State Pedagogical University address: 620017, Yekaterinburg, pr. Kosmonavtov, d. 26 e-mail: bahtina11@rambler.ru
BORISOVA Vera Viktorovna	candidate of historical Sciences, associate Professor of the history of Russia, Nizhnevartovsk state humanitarian University address: 628606, Nizhnevartovsk region, KHMAO, Nizhnevartovsk, Lenin St., 56 e-mail: tsysv@rambler.ru
VOSTRIKOV Sergei Vasilevich	doctor of History science, professor Department of State and legal disciplines, Smolensk State University e-mail: k.kourova@yandex.ru
GADZHIEVA Gulishat Sharabudinovna	teacher of history, Municipal Autonomous educational institution Lyceum№180, Yekaterinburg address: 620073 Sverdlovsk region, Yekaterinburg Krestinskogostreet, 43 e-mail: sch180@mail.ru
GARIFULLINA Natalia L'vovna	history teacher, the highest qualification category, GBPOU "Zlatoust Industrial College. P.P.Anosova " address: 456227, Chelyabinskaya region, Chrysosotom, st. Olympic, d. 9, kv.16 e-mail: jun.zlat@yandex.ru
ELISAFENKO Marina Konstantinovna	candidate of Historical Sciences, Head of the department history of Russia, Ural State Pedagogical University address: 620017, Yekaterinburg, pr. Kosmonavtov, d. 26 e-mail: elisafenko@bk.ru
ZAMOSCHANSKAYA Nina Vladimirovna	the first qualifying category educator Mado CRR kindergarten №103 «Springs» address: 620072, Yekaterinburg, ul. Novgorodtsev 3a e-mail: nina.z83@mail.ru

KALSINA Alla Aleksievna	associate Professor, Ph.D., assistant professor of management theory and practice Perm Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation address: 614990 Perm, ul. 10 Gagarin Boulevard e-mail: kalsina.alla@mail.ru
KLINOVA Marina Alexandrovna	Candidate of Science (History), Docent of the Department of General and Economic History Ural State University of Economics (USUE), Yekaterinburg city, Russia address: 620144, Yekaterinburg, ul. March 8 / People's Will, 62/45, city, room 107 e-mail: klinowa.m@yandex.ru
KONSTANTINOV Sergei Ivanovic	doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of State and Law Ural State Law University address: 620066, Yekaterinburg, Russia, st. Komsomolskaya, 21 e-mail: konstantinov2904@mail.ru
KOSYH Elena Semenovna	candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of Theory and History of State and Law, Bashkir State University (branch) in Sterlitamak address: 453103, Sterlitamak, Lenina ave., 49 e-mail: kossES@yandex.ru
KOKHANOVSKI Alexander Arturovich	MA, History Department of Ural Federal University, Yekaterinburg e-mail: kokhanovski.alexander@yandex.ru
KOCHKINA Anastasia Alexandrovna	4th year student, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute, a branch of the Russian State Professional and Pedagogical University address: 622034, Sverdlovsk region., Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya str., 57 e-mail: nastasya.kochkina@mail.ru
KRUGLIKOVA Galina Alexandrovna	Associate Professor of Russian History, Ph.D., associate professor, Ural State Pedagogical University, Department of History, Yekaterinburg address: 620017, Yekaterinburg, Pr. Kosmonavtov, 26 e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru

KRUCHININ Alexander Mikhailovich	Yekaterinburg Military-Historical Society “Gorny Shchit” address: e-mail: evik2@mail.ru
KUZMIN Vadim Aleksandrovic	doctor of historical Sciences, Professor of Ural Federal University address: Ekaterinburg, Lenin Ave., 51 e-mail: k.kourova@yandex.ru
LYUKHUDZAEV Marat Irkinovich	candidate of historical Sciences, researcher MBUK «Museum resource centre», Noyabrsk address: 629805, Russia, Noyabrsk, street Soviet, 82 e-mail: guingm2004@list.ru
MARTUSHOV Lev Nikolaevich	Doctor of historical Sciences, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia address: 620017, Yekaterinburg, Pr. Kosmonavtov, 26 e-mail: k.kourova@yandex.ru
MELNIKOV Nikita Nikolaevich	Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of political and socio-cultural history of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences address: 620990, Yekaterinburg, st. Sofia Kovalevskaya Str. 16 e-mail: kaf-istros@uspu.ru
MYKYTYUK Vladimir Petrovich	candidate of historical Sciences, senior researcher of the economic history of FANO DIRECTOR of the Institute of history and archaeology, Ural branch of RAS. address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kovalevskoy, building No. 16, room 1114. e-mail: vmikitjuk@mail.ru
MIRSAITOVA Yana Vladimirovna	Graduate student of IIIA OURO RAHN, teacher of history and social science MAOU of a gymnasium No. 40 of Yekaterinburg address: 620990, Yekaterinburg, ul. sofyi Kovalevskoy, building No. 16, room 1114. e-mail: tushkanelli@mail.ru
NIKULIN Daniil Olegovich	Master of History, Probationary Researcher The Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IH SB RAS)

	<p>The Branch of the history of the second half of XVI - the beginning of XX century address: 630090, Russia, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8, e-mail: nikdanya@mail.ru</p>
OGONOVSKAYA Izabella Stanislavovna	<p>Adviser to the Minister of Education of the Sverdlovsk region, the chairman of the Association of lecturers-lei right Sverdlovsk region, Ural Federal SESC Associate Professor, Ph.D. address: e-mail: izabella-irro@mail.ru</p>
OSTANINA Natalia Valerievna	<p>the candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Department of Russian history and records management of FGBOU VPO " Kurgan state University", city of Kurgan e-mail: ostanina_nv@mail.ru</p>
POPOV Michael Valer'evich	<p>doctor of historical sciences, professor of the history of Russia, Ural State of Pedagogical University, Yekaterinburg address: 620017, Yekaterinburg, Pr. Kosmonavtov, 26 e-mail: k.kourova@yandex.ru</p>
POTRASHKOV Sergey Vasilievich	<p>Doctor of historical sciences, Professor, Head of the Department of history of Ukraine and world history of Kharkov State Academy of culture. address: Ukraine, 61057, Kharkov, Bursatskyspusk, 4 e-mail: Potrashkoff2012@yandex.ua</p>
PRYAKHIN Valentin Mikhailovich	<p>Candidate of Historical Sciences, docent, Assistant Professor of the Ural State Law University address: 620137 Yekaterinburg, 21, Komsomolskaya street e-mail: inyaz@usla.ru</p>
RUKOSUEV Evgeny Yurievich	<p>Institute of history and archeology UB RAS senior researcher, sector of economic history, doctor of historical Sciences, assistant professor address: 620990, Yekaterinburg, ul. Kovalevskaya, 16 e-mail: rukosuev@mail.ru</p>
SAPON Vladimir Petrovich	<p>doctor of historical Sciences, associate Professor, Professor, Nizhny Novgorod state pedagogical University. Kozma Minin, Department of Russian history</p>

	and auxiliary historical disciplines e-mail: vladimail2008@mail.ru
SEMENENKO Lyubov Vladislavovna	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences branch DINO «Dubna» University address: 141801, Moscow region, Dmitrov, md. DZFS, d. 23 e-mail: semenenkoljubov@mail.ru
SOKOLOVA Elena Stanislavovna	candidate of legal Sciences, docent of Department of history of state and law of Ural state juridical University, associate Professor address: 620034, Yekaterinburg, Kolmogorova str., 54 e-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru
SPERANSKIY Petr Andreevich	2nd year student, Historical Department of the Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin address: 620002, Yekaterinburg, st. Mira, 19 e-mail: pasperanskiy@mail.ru
TIKHOMIROV Nikita Vadimovich	senior teacher of the department of philosophy and social-humanitarian sciences FSBEI of Heigh Education MSAVMB – MVA n.a. K.I.Skryabin address: 109472, Moscow, Academician Skryabin st. 23 e-mail: tihomirov_n@rambler.ru
SHUMKIN George Nikolaevich	Institute of history and archeology UB RAS senior researcher, sector of methodology and historiography Ph.D. address: 620990, Yekaterinburg, ul. Kovalevskaya, 16 e-mail: shumk@mail.ru
SHUMKINA Tatiana Gennadievna	Urals state pedagogical University, Historical Department, Russia, Ekaterinburg; associate professor of the Department of General history, candidate of historical Sciences, assistant professor address: 620017, Russia, Yekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26 e-mail: shumkina.77@mail.ru

Научное издание

**Великая Российская революция:
достижения и проблемы
научного познания и преподавания**

Ежегодник. XXI всероссийские историко-педагогические чтения
Часть II

Рекомендовано к изданию Ученым советом
исторического факультета УрГПУ
(протокол № 7 от 07.03. 2017 г.)

Компьютерная верстка – К.И. Коурова

Подписано в печать Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Усл.-печ. л.
Уч.-изд. л. 18.13. Тираж 100 экз. Заказ _____.
Уральский государственный педагогический университет
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
Тел. (343) 235-76-30. Факс (343) 336-12-42

ISBN 978-5-7186-0652-2